

С. Г. Дмитренко

**Морские тайны
древних славян**

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2003

ББК 63.3 (2)
Д53

Дмитренко С. Г.

Д53 Морские тайны древних славян — СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. — 413, [3] с.: ил.
ISBN 5-89173-251-3

Несмотря на то что история России и Европы нам кажется очень хорошо изученной, все-таки в ней остаются «белые пятна» и возникают вопросы, на которые до сих пор нет однозначных ответов. Рассмотрение истории морских культур народов Северной и Восточной Европы, а также народов Востока могло бы помочь найти ответы на некоторые из них. Автор выдвинул ряд предположений, которые позволяют разрешить одну очень важную проблему — происхождение славян.

ББК 63.3 (2)

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-89173-251-3

© Дмитренко С. Г., 2003
© ООО «Издательство «Полигон», 2003

ОТ АВТОРА

Удивительно, но мы, русские, очень хорошо зная историю древних цивилизаций Египта, Греции, Рима, Месопотамии и т. д., что можем сказать о собственной древней истории? Что мы знаем о своей истории до образования древней Киевской Руси? Что мы можем сказать о древних славянах и булгарах, чья культура и лежит в основе нашей современной культуры?

Кто мы: «незаконные дети» Западной, римской цивилизации, или нечто самостоятельное и самобытное? Неужели можно поверить в то, что сотня варягов смогла из диких, примитивных и первобытных племен Восточной Европы мгновенно (по историческим меркам) создать самое крупное в Европе государство? Самое устойчивое государство, которое могло просуществовать более тысячи лет, несмотря на множество лишений и бед? Неужели такое возможно? И не противоречит ли это историческим законам? Или, может, народы, создавшие это государство, уже перед этим были развиты в социальном, общественно-политическом и экономическом плане настолько, что хватило только маленького толчка, чтобы оно возникло? Как ответить на эти вопросы? И при помощи каких «исторических инструментов» можно это сделать?

Такие «инструменты» на самом деле есть. Это и археологические раскопки, и работа с летописями и другими историческими документами, и анализ устного народного творчества.

Однако есть еще один «инструмент», который очень мало используется историками, но который может рассказать очень и очень много о нашей предыстории. Это анализ конструкций судов, найденных при археологических раскопках, анализ особенностей традиционных судов, которые еще недавно ходили по рекам и морям нашей Родины, а также традиционных судов, изготавливаемых отечественными современными лодочными мастерами, в сравнении с судами других народов.

Древние русские суда, суда славян, балтов и суда других народов рассказывают нам о тех временах, когда еще не было Древней Руси, и говорят о той цивилизации, которая предшествовала ей. О той древней культуре, из которой сформировались культуры и славян, и балтов, и древних болгар.

Результат исследования этих судов приводит нас к парадоксальному выводу о том, что эта прапрацивилизация — цивилизация венедов — возникла и сформировалась на территории Ирана и являлась частью этой цивилизации. Именно этим и можно объяснить многие неясные и непонятные моменты в нашей древнейшей истории и наши отличия от других, в том числе и западноевропейских, народов.

Развитие многих цивилизаций связано с морями. Например, эволюция Карфагена и Древнего Рима зависела от состояния коммуникаций на Средиземном море, история Древней Греции неотделима от истории судоходства и торговли на Средиземном и Черном морях, а история Арабского халифата — это история торговли и мореплавания на всех южных — от Южно-Китайского моря до Атлантики.

Можно ли достаточно хорошо понять историю таких морских держав, как Великобритания, Нидерланды или Португалия, не изучив мореходные культуры народов, населявших эти страны? Можно ли разобраться в причинах взлета и падения таких торговых империй, как Ганза, Арабский халифат или Финикия, не зная условий, в которых проходила их морская торговля?

Традиционное судостроение (то, которое существует в маленьких домашних мастерских и приемы которого передаются из поколения в поколение) сохраняет в неизменном виде технологические приемы и способы постройки судов на протяжении многих столетий, а иногда и тысячелетий. При взгляде на фотоснимки современных африканских, арабских, норвежских и русских судов становится ясно, из какой глубокой древности они пришли в наше время.

По этой причине традиционное судостроение и суда (и те, которые строятся, и те, которые еще видели мы сами или наши отцы, и те, которые находят археологи) могут сказать очень многое не только о морской культуре, но и о торговле, торговых и культурных контактах и влияниях, а зачастую и о самой истории народов.

Тезис о том, что Россия — великая морская держава, вызывает у некоторых людей ироническую улыбку. Взгляните, мол, на географическую карту и вы поймете, что Россия — это великое сухопутное государство.

Понять эту иронию можно, но нельзя с ней согласиться. Хотя Россия и имеет очень неудобные морские границы (тупиковые углы

некоторых морей), однако она пронизана таким количеством удобных судоходных рек, что самим географическим положением поставлена быть в центре международной торговли. И те суда, которые мы часто видим у набережных в Санкт-Петербурге, возможно, вчера еще стояли у причалов Антверпена или Амстердама, а завтра будут загружаться в Нижнем Новгороде или Казани товарами для Касабланки или Туниса. И только на юге небольшая (по российским меркам) полоса гор отделяет наши моря и реки от Персидского залива и, следовательно, от арабских стран, Индии и Китая.

Этими же путями ходили в древности ганзейские и венецианские синдбады-мореходы, а также наши предки — новгородские и казанские купцы, для которых даже иранские горы не являлись препятствием. Ибо история русской международной торговли восходит корнями в такую седую древность, о какой мы пока можем только догадываться. По этим путям с незапамятных времен непрерывным потоком шли древние суда с товарами из самых удаленных уголков Европы и Азии. О древних судах и древних водных путях и рассказывается в этой книге.

Несмотря на то что история России и Европы нам кажется очень хорошо изученной, все-таки остаются исторические моменты, которые до сих пор однозначно не объяснены. Автор полагает, что рассмотрение истории морских культур народов Северной и Восточной Европы, а также народов Востока могло бы помочь найти ответы на некоторые вопросы. В результате изысканий автор выдвинул ряд предположений, которые, по его мнению, позволяют разрешить одну очень важную проблему — происхождение славян.

Данная проблема требует громадного объема знаний из разных отраслей науки: исторических, лингвистических, географических, политико-экономических и т. д. Поэтому те выводы, которые автор делает в этой книге, могут рассматриваться только как гипотеза в первом приближении, требующая тщательной научной проработки, дополнений и уточнений, а также самой суровой, но конструктивной критики со стороны специалистов.

Глава I

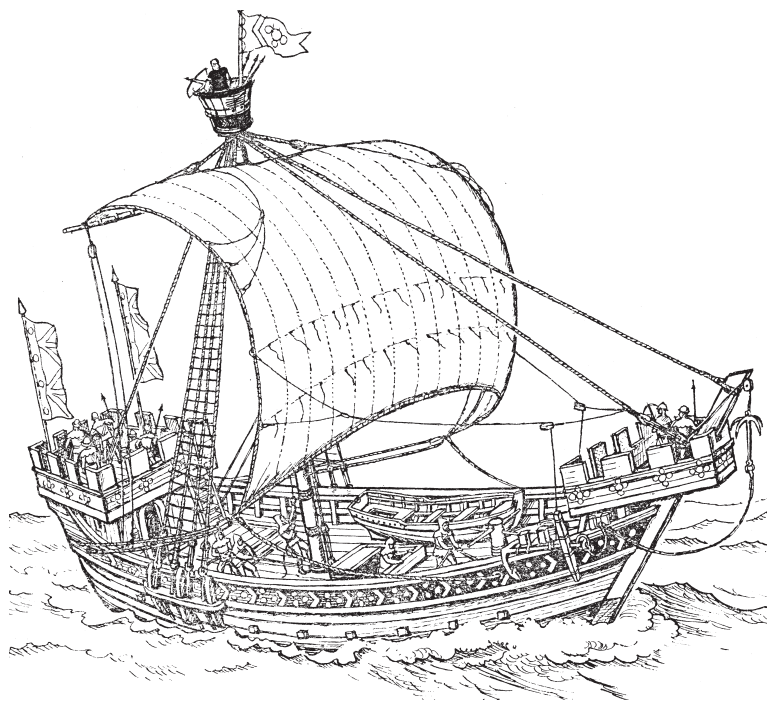
Ганза, коги, Горган

*Был он поистине прекрасный малый
и грузов ценных захватил немало.
...Уже весной покрыт загаром.
Он брался торговать любым товаром
И, в ремесле своем большой мастак,
Знал все течения, любой маяк.
Мог отличить и отмель, и утес.
Еще ни разу с курса не отнес
Отлив его; он твердо в гавань правил
И лоцию сам для себя составил.
Корабль он вел без карт и без
Промера.*

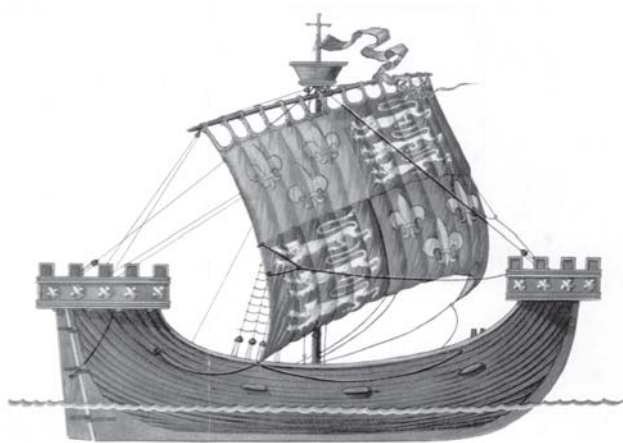
Дж. Чостер.
Кентерберийские рассказы

Союз городов Европы — Ганза — был исключительным явлением средневековой Европы. Уникальность Ганзы заключалась не только в том, что в пору наивысшего расцвета она контролировала три четверти всей европейской торговли и распространяла свое влияние от Гибралтара до Персидского залива (через Новгород и Казань), но и в том, что в мрачное Средневековье, в царствование закона силы, она успешно боролась за силу закона. В этом деле Ганза опиралась на свою громадную экономическую мощь, на искусство собственных капитанов и на изумительные мореходные и скоростные качества своих судов.

Суда, на которых плавали ганзейцы — нефы и коги, известны по средневековым рисункам, археологическим

Ганзейский ког

Корабль Ричарда III (XV в.)

Печати городов Ганзы с изображением когов:
а — судно на печати города Данцига (1400 г.);
б — норманнское судно на печати ганзейского города Бергена,
(1276 г.); в — Киля (1365 г.); г — Штральзунда (1329 г.); д — Висма-
ра (1256 г.); е — неф на печати города Данвича, 1199 г.

2

d

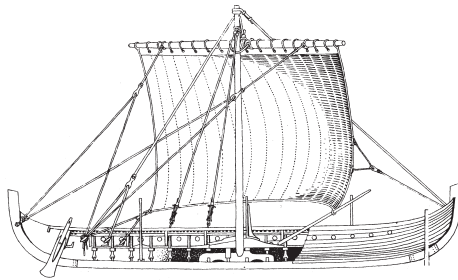

e

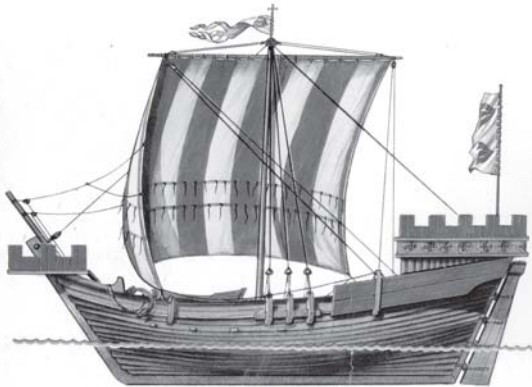

находкам и, наконец, по изумительным печатям торговых городов. На печатях городов Берген и Уинчелси изображены нефы. В различных местах Европы эти суда назывались по-разному — нави, шнекеры, снелки, кнорре и прочее, но в исторической литературе утвердилось название «неф». Неф — это типичное европейское судно Средневековья. Существующие сведения позволяют проследить все этапы развития таких судов — от простейшей долбленки до окончательно сформировавшегося типа. Для нефа можно составить «генеалогическое древо», например, как это сделано на рисунках на с. 12, 13, так как для всех судов данного типа и их предшественников характерны следующие особенности: изогнутая линия штевней; симметричные, загнутые вверх оконечности с прямой в середине судна и резко задранной в носу и корме линией борта; малая осадка и низкий надводный борт, приспособленный для размещения весел; относительно малая площадь парусного вооружения; бортовой руль, внешне похожий на весло, но таковым не являвшийся. Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что нефы зародились и развились в Северной Европе.

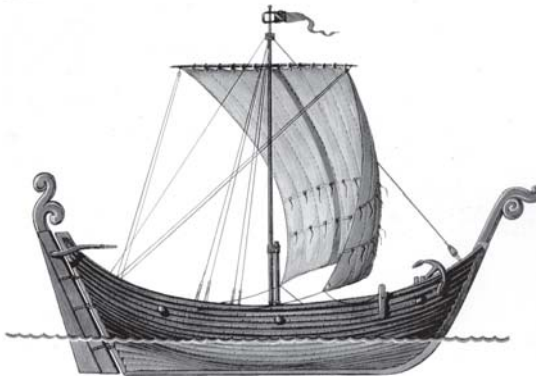
Другим, и основным, типом судов, на которых ходили германские купцы Балтийского побережья, а также голландцы, был ког. Это судно имело и другие названия, например, «когг», «коккер», «хольк», «хульк». Коги по своим архитектурным и технологическим признакам резко отличались от всех других судов Европы, в том числе и от нефов. Это бросалось в глаза уже в древности, о чем существуют письменные свидетельства: «Ширококорпусные и высокобортные, круглоносые и глубоко сидящие одномачтовые коккеры были рождены во Фрисландии, их упоминает в одном из своих анналов английский король Альфред Великий, сообщая попутно, что эти фризские ладьи отличаются своей конструкцией и от пришедших вместе с ними норманнских кораблей, и от противостоящих им английских, близких снелкьям. Но слово «ког», по-видимому, тогда еще не было в ходу, оно появилось впервые только столетия спустя, в 948 году — в списке кораблей города Мейден, что возле Амстердама...

Кнорре из Скуллелева (950—1050 гг.)

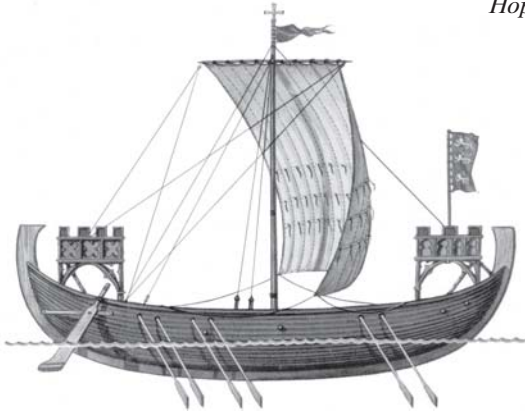
Ганзейский ког (кугг, хульк, хольк; XII—XV вв.)

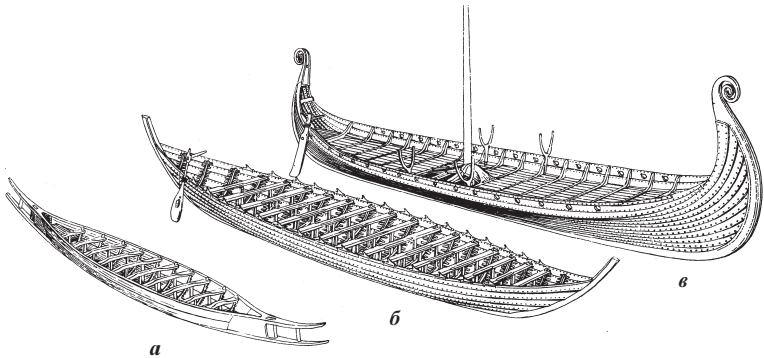
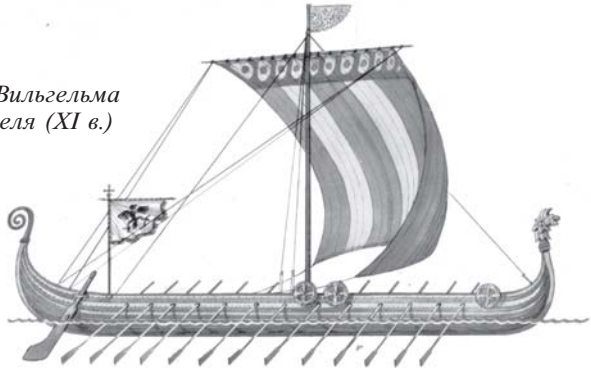
Норманнский кнорр (ок. XIII в.)

Существуют стойкие представления о том, что ког произошел от норманнских судов. Однако, даже беглый взгляд позволяет заключить, что они относятся к двум совершенно разным типам

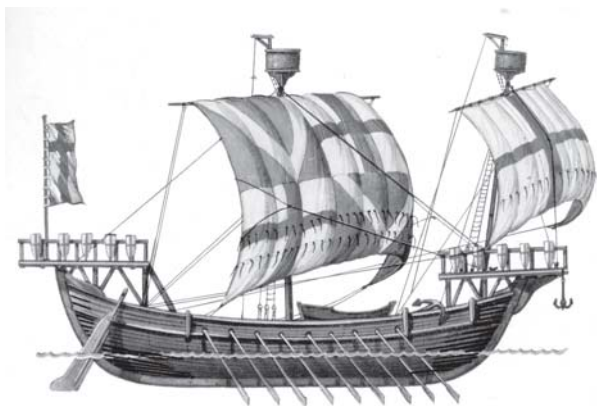
*Норманнский шнеккер
(XII—XIII вв.)*

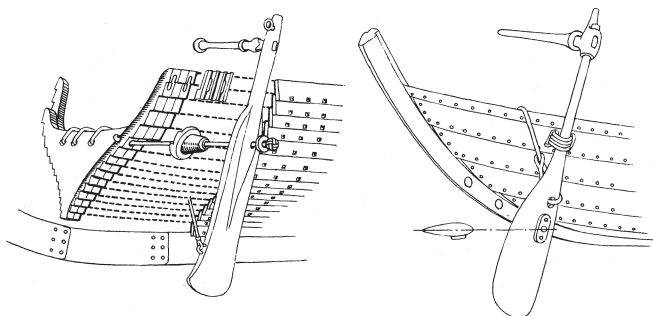
*Корабль Вильгельма
Завоевателя (XI в.)*

*Суда:
а — из Хьертшпринга (IV—III вв. до н. э.); б — из Нидама
(2-я половина IV в.); в — (дракар) из Усеберга (примерно 850 г.)*

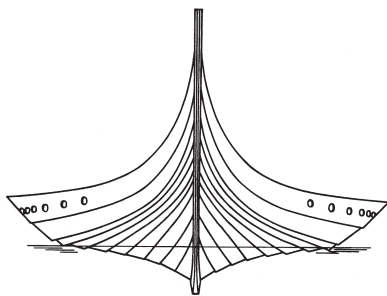
Североевропейский дромон (нейв, неф, буза, килс; VI—XIII вв.)

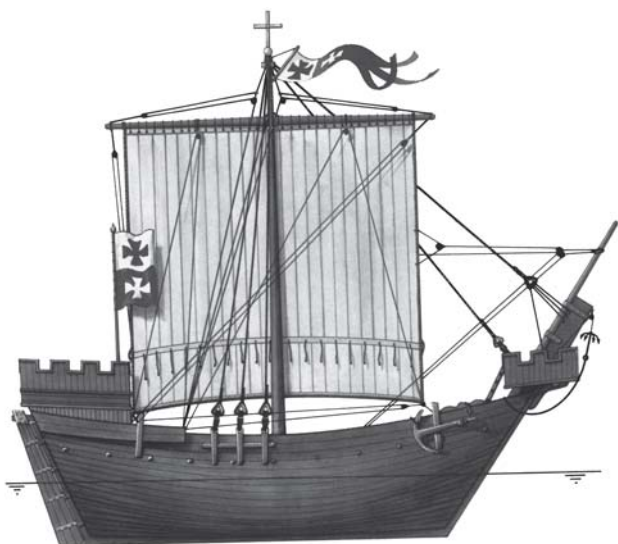
Крепление бортовых рулей, характерных для судов типа неф: слева — судна из Гокстада, справа — судна из Нидама

Печать города Уинчелси с изображением нефа (XIII в.)

Характерный развал бортов для судов типа неф

«Бременский ког» (XIII в.)

Первые коги были беспалубными, груз защищался от непогоды наброшенными на него дублеными шкурами. Их прямой внутренний киль, выполненный из одного дерева и круто переходящий в прямые штевни, соотносился с шириной всего судна в пропорции 3:1. Днище было плоским, что делало ког удобным и для грузовых операций и для нападений с моря: он подходил к берегу и при отливе плотно садился на ровное дно, а прилив позволял ему продолжить путь. Поэтому ког был идеально приспособлен в первую очередь для перевозок «живых грузов» [58].

От других типов судов ког отличали такие признаки, как: прямые, скошенные к линии киля, штевни; высокие борта; большая осадка; широкий корпус; плавная, почти прямая, линия верхней кромки борта от носа до кормы; часто плоское — килевое, а иногда бескилевое — днище; руль или наклонное рулевое весло — потесь (или правило), обязательно расположенное в диаметральной плоскости.

Проследить все этапы развития кога, начиная от самых примитивных, и составить «генеалогическое древо» не представляется возможным из-за отсутствия данных. Это

примерно такой же случай, какой мы имеем со словом «корабль». Хотя это слово, по мнению многих авторов, и происходит от славяно-балтского корня кора- и производных от него — «короб» и «шкура» — но ни у славянских народов, ни у балтов — древних пруссов, латышей и литовцев — не обнаружено никаких следов использования судов из шкур животных или древесной коры.

Хотя некоторые исследователи выводят родословную когов от древних норманнских судов — грузовых кнорре, однако даже беглое сравнение судов между собой говорит, что это совершенно различные типы, которые не могут иметь общих предков. Больше того, античные авторы, например Цезарь, сообщали о существовании у племен побережья Северного моря судов, которые похожи по описанию на фризские коги. Цезарь упоминал, что это были чисто парусные суда. Но появление паруса у норманнов исследователи относят к VI—VIII вв., что на шесть веков позднее времени сообщения Цезаря. Сле-

Нурих (махайла) — индийский дау (XIII в.)

довательно, ранние коги, или хольки, существовали раньше кнорре.

Самое удивительное заключается в том, что у арабов «не было военных кораблей, и даже составители Корана пользовались всеобъемлющим словом “фульк,,», обозначающим судно вообще. В дальнейшем это название перешло на купеческие суда Европы — хольки, или хульки» [58]. И в самом деле коги-хольки удивительно похожи на восточные суда: суда Персидского залива и Индийского океана — дау.

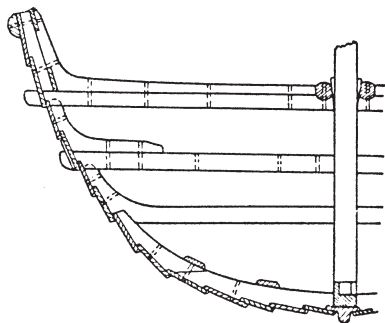
Сходство «Бременского кога» и арабского нуриха (он же индийская махайла) изумляет — похожи все элементы конструкции корпуса. Однако существуют отличия, которые как бы говорят о том, что сходства между этими типами судов случайны. Во-первых, это способ крепления

Индийское судно с прямыми парусами.

Возможно, это изображение знаменитого коландия, известного нам по описаниям античных авторов

обшивки; во-вторых, — парусное вооружение. И действительно, если у всех восточных судов обшивка крепилась вгладь, то у всех балтийских она была сделана кромка на кромку. Однако при раскопках в Бремене было обнаружено, что у найденного судна (получившего в дальнейшем название «Бременский ког») «...дубовая обшивка была выполнена двумя способами: по бортам — внакрой, по днищу,

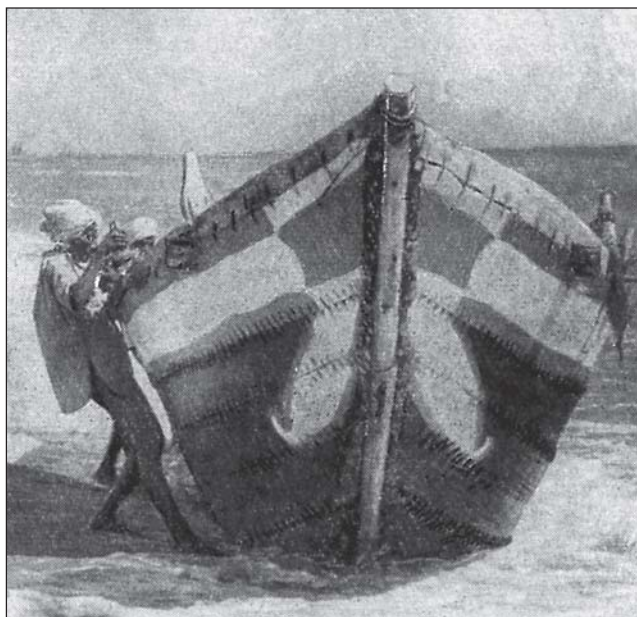

Мидель-шпангоут калмарской лодки (XIII в.).

На судне из Калмара бимсы проходят через борт так, как нам известно по многим изображениям судов XII—XIV вв.

почти плоскому, — вгладь» [58]. То есть с большой долей уверенности можно предположить, что некоторые древние коги тоже имели гладкую обшивку. Или, по крайней мере, что этот способ крепления обшивки всегда был известен. В точности такая же картина наблюдается и с парусным вооружением. У всех восточных судов до XIII в. парусное вооружение было прямое. Отсюда следует, что различия, на которые ссылаются исследователи, появились относительно поздно, где-то в X—XI вв.

А вот сходства имеются даже в деталях. Например, у когов есть одна особенность, которая приводит в недоумение исследователей: «На судне из Калмара бимсы проходят через борт так, как нам известно по многим изображениям судов того времени: из Данвича — 1200 г.; Данцига — 1300 г.; Хайта — XIII в.; Рейя — 1400 г.; Саутгемптона — 1400 г.» [91]. Аналогичная особенность была и у «тони (дони), родившихся в Индии, но моментально воспринятых арабами» [58]. У них, так же как у когов, имелись «пронизывающие насквозь бортовую обшивку брусья бимсов, явно введенные только для прочности судового набора, ибо сплошная палуба появилась на тони значительно позднее» [58]. Именно в Индии существуют до настоящего времени архаичные суда, обшитые шкурами животных. Данные суда с пропорциями дау и

В Индии и в наши дни используют лодки, обтянутые шкурами. В русских летописях наряду с другими судами часто упоминаются корабли. По мнению И. А. Шубина [75], это слово относится к славяно-балтийскому корню кора- и производному от него слову «шкура». Однако нет никаких достоверных сведений о том, чтобы славяне или балты изготовляли суда из шкур животных или древесной коры. Такого рода суда строились в древности в Ирландии, широко использовались в Месопотамии и в Иране и строятся до настоящего времени в Индии. Одно из таких судов приводит в своей работе Г. Нойкирхен [45].

Обращает на себя внимание то, что представленное судно имеет характерные черты, присущие дау и когам: прямые скошенные штевни, плоское днище, прямые борта. Кроме того, бимсы, как у когов, пересекают обшивку борта

когов и также с прямыми скошенными к киллю штевнями и плоскими днищами имеют бимсы, пересекающие обшивку борта. Эту особенность подметил Адам Олеарий и у персидских судов при посещении Ирана: «Их персидские суда устроены, как наши небольшие баржи; по форме своей они похожи на наши купальные ванны; они стоят очень высоко над водой, скрепляются снизу доверху многими балками и поперечными брусьями, выходящими по обе

стороны наружу и укрепленными с помощью клиньев. Посредине они совершенно открыты, не имеют помпы, так что воду приходилось вычерпывать; у них только один большой парус, как у русских, они не умеют лавировать. Поэтому, когда поднимается буря, они или с величайшей опасностью идут с ветром, или же вынуждены бывают бросить якорь. Редко какое-либо из них решается выйти в море более чем на глубину в 10 сажен» [46].

Создается впечатление, что суда Ганзы и суда Востока связывает какое-то родство.

«Восточные корни» просматриваются и в названиях некоторых ганзейских городов, например Гамбурга и Ганновера, где имеется корень ган-, а «ган» — слово санскритское. Об этом рассказал Тур Хейердал, описывая Мальдивские острова:

«Оставив позади узкий пролив, мы плыли по озаренной утренним солнцем мирной лагуне вдоль песчаного берега длинного низкого острова, густо поросшего тропическими деревьями. Только лес и ни одного дома. Почему-то этот плодородный остров был необитаем. Назывался он Ган, как и остров с аэропортом по ту сторону экваториального прохода... В Мальдивском архипелаге есть еще один крупный остров Ган — в атолле Ламу, к северу от прохода Полуторного градуса... Жители соседнего острова называли его Гаму хавитха (холм Гаму), высота его достигает почти двадцать метров.

В Мале я спрашивал Манику (министра информации Мальдивов), почему три крупных острова в архипелаге называются одинаково и что означает слово „Ган“? Он ответил, что „ган“ и „гаму“ — всего лишь две разные грамматические формы одного и того же слова, по-настоящему все три острова должны называться „гаму“, причем „гаму“ — древнее санскритское слово, означающее селение или деревню» [71].

Слова с корнем гам- имеются и в русском языке, например, слово «гам» (в смысле шум, который бывает на ярмарках, базарах и рынках). Отсюда можно предположить, что города, в названиях которых присутствует этот корень, были когда-то не просто селения, а селения-торжища. Этот корень присутствует и в названии самой Ган-

зы, что в переводе с готского значит — толпа, скопище, союз, то есть союз гамов — союз торговых городов. (Кстати, этот корень есть и в имени принца Датского — Гамлет.)

Этот же корень имеется и в названии иранского города Горган, расположенного на южном берегу Каспия. При этом сходство между балтийскими Ганами и их каспийским тезкой не ограничивается близостью названий. Горган так же, как его балтийские братья, был в древности крупным торговым центром персидской провинции Гиркании. Крупным и влиятельным настолько, что само Каспийское море в античности называлось морем Гирканским, а его купцы и мореходы еще в древности ходили в дальние страны, полностью освоив Каспий. Следовательно, и Ганзу, и Горган объединяло одно общее явление, которое по-немецки обозначается словом «Handel» (здесь тоже корень гам-) и означает торговлю.

Естественно, возникают вопросы — откуда и почему взялись все эти совпадения? (Если, конечно, это не случайность.) Возможно, мы получим ответ по мере приобретения новых исторических сведений. Однако небольшую подсказку мы имеем уже сейчас: практически все славянские, балтские, русские и, в особенности волжские, суда, а также суда Каспия являются типичнейшими когами.

Нефы и коги

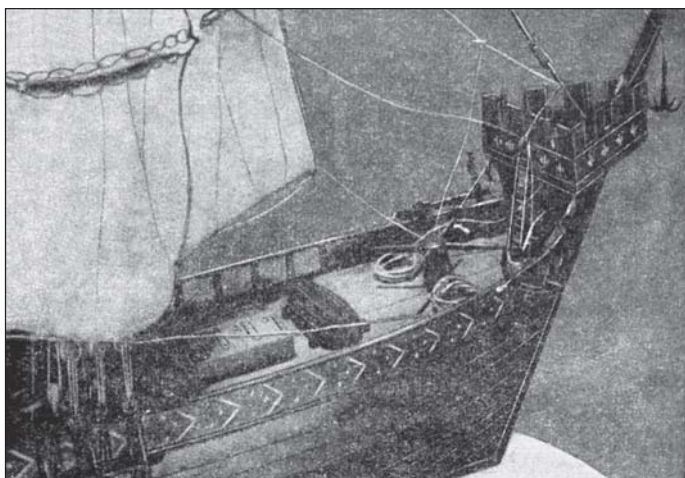
«Нет никакого сомнения, что для одного и того же типа судна в разных местах и в разное время использовались порой совсем различные названия. Случалось даже так, что судно, именуемое в документальных записях нефом, в то же самое время и в той же гавани известно было под названием „ког“.

Основными типами судов XII—XIV вв., согласно документальным записям, таможенным спискам и т. д., были, очевидно, одномачтовые парусные суда неф и ког (или, как их еще называли, кога, кого, кохен, кокен и т. д.). Они служили моделями для гравировки на печатях приморских городов и были символами власти и могущества.

На одной из печатей такого рода — печати из Данвича (Англия) — показан бортовой руль. Здесь можно различить

*Подлинный отпечаток штральзундской
«Коговой печати» (1329 г.)*

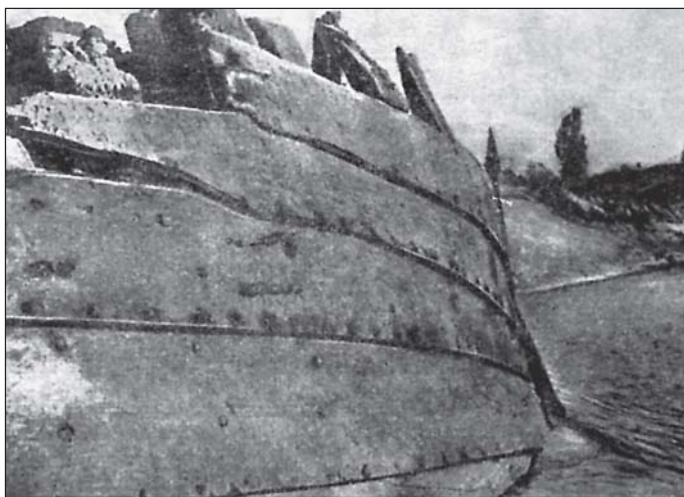
*Реконструкция кога по Эльбингской печати (1350 г.).
Маклин (1965 г.)*

также давно известные сквозные трюмные, а может быть, даже и палубные бимсы.

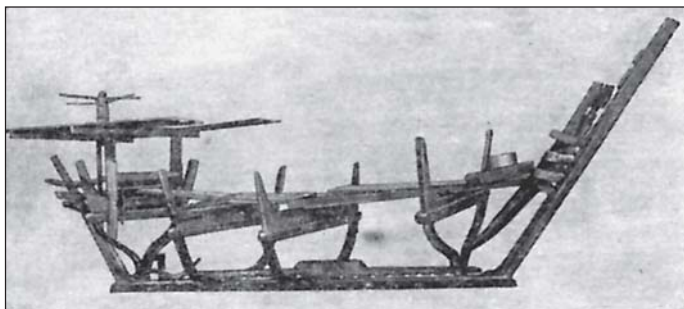
О внутренней конструкции тогдашних судов позволяют судить находки близ Галтабека (XII—XIII вв.) или близ Кальмара (XIII в.). Упомянутые уже бимсы вместе с крепящимися по сторонам к внешней обшивке деревянными кницями предназначались для обеспечения поперечной жесткости корпуса судна. Палубы и полупалубы, как, например, на кальмарском судне, получили в течение XII в. широкое распространение во всей Северной Европе» [16].

«Бременский ког»

«О когах мы теперь можем судить не при помощи воображения, а непосредственно: в первой половине 1960-х гг. были найдены остатки кога на дне реки Везер близ Бремена. Это прославленный бремеркогге, хорошо уже известный по многочисленным изображениям на печатях. Археологи датировали его 1380 г. Обмеры подтвердили первоначальные предположения: длина кога оказалась 23,4 м (при длине кия 15,6), ширина — от 6,2 до 7 м, высота борта — 3,5 м. Его прямой ахтерштевень достигал 5 м в длину, а форштевень — 8,4 м. Это судно грузоподъемностью до 60 ластов

Остатки «Бременского кога» (1380 г.)

Модель набора «Бременского кога»

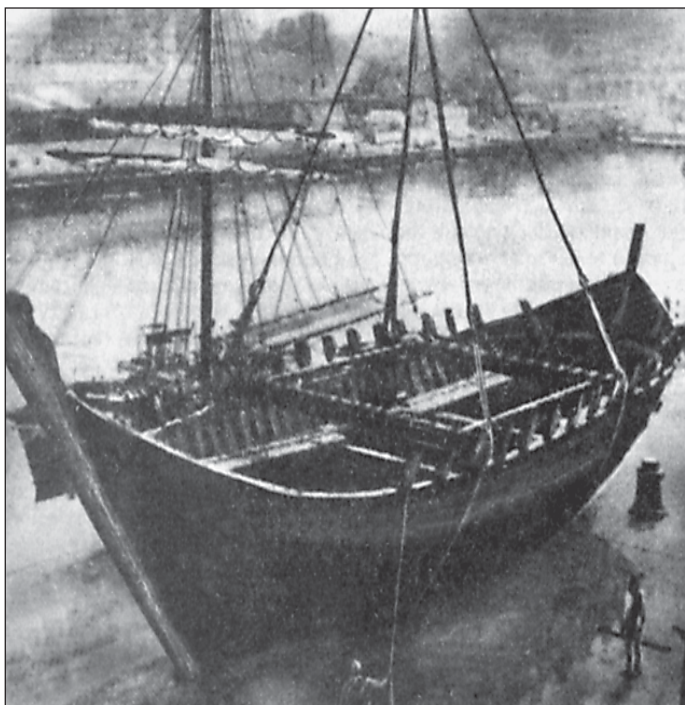
(120 т) имело 40 шпангоутов, а его дубовая обшивка была выполнена двумя способами: по бортам — внакрой, по днищу почти плоскому — вгладь. Толщина ее составляла 5 см, все доски были примерно одинаковы: 8 м (длина) на полметра (ширина). В носовой части были укреплены балки битенгов, в кормовой имелся брашпиль, установленный на палубе. Экипаж «Бременского кога» насчитывал до двух десятков человек. Мачта этого кога имела длину до 30 м, почти равняясь длине киля.

Совершая обычные торговые рейсы, капитан этого торгового судна не упускал случая попутно умножить свои прибыли: в корме имелось устройство для выброса и выборки рыболовной сети. И это тоже подтверждают документы: коги, подобно многим другим типам, первоначально были рыболовными судами. Не случайно видно судовая шлюпка на коге получила в ганзейские времена имя кимбы — рыболовной лодки античных времен, тогда как гребные лодки ганзейского времени (это явствует из английских документов 1403 г.) носили имена барджеа, барджиса, — явно пришедшие из Италии (бардже), а начиная с XV в. так обозначались корабельные шлюпки.

Найденный ког был одним из последних судов этого класса: через пятнадцать—двадцать лет их грузовместимость резко возросла. Изменились их конструкция и силуэт» [58].

Судно, которому пятьсот лет

«На верфи Бремена завершается реконструкция парусника XIV века — ганзейского кога, найденного на дне реки Везер, которая протекает через этот город. Почти два года

Судно, которому 500 лет

(650 дней) продолжались работы. Пришлось подобрать и обработать 80 мощных дубовых брусьев и досок, отковать вручную 8000 гвоздей. Теперь парусник — по сути новое судно — может совершать дальние плавания.

Ему дано название „Убена Бремена“ — по названию живописного местечка в Танзании. Такое название имело судно постройки 1920-х годов, которое некогда перевозило около 2 млн беженцев из Восточной Пруссии на новые места.

Новая „Убена Бремена“ имеет грузоподъемность 100 т и площадь парусов 150—200 кв. м. На ней, в отличие от судов XIV в, установлен 375-сильный двигатель. Длина судна — более 23 м, ширина — 7,62 м» [86].

Глава II

Загадки поморских судов

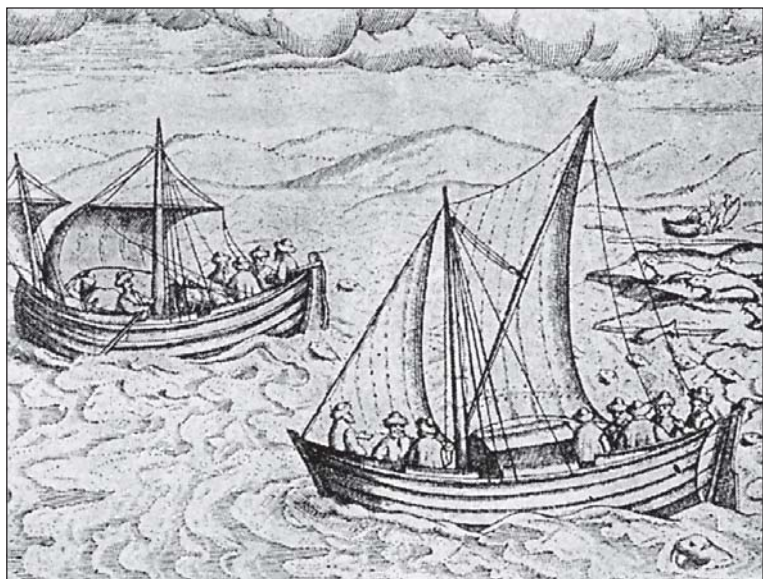
Проследите терминологию морских и судовых слов, употребляемых нашими плавателями, вслушайтесь в этот язык, и вы найдете еще уцелевшие, свежие остатки старины. После этого можно быть убежденным, что наше судостроение и судоходство древни, как сама Россия, что искусства эти не заимствованы от других, чуждых нам народов, но возникли сами собой из элементов нашей народной жизни.

П. Богославский.

О купеческом судостроении,
речном и прибрежном

Многие суда России — поморские, волжские и каспийские — очень похожи на балтийские коги. Взять, к примеру, хотя бы поморский коч. Он не только названием, но и своим внешним видом (архитектурой) настолько похож на «Бременский ког», что закрадывается подозрение: а не скопировали ли его русские корабельщики с ганзейских судов, приходивших в Новгород Великий?

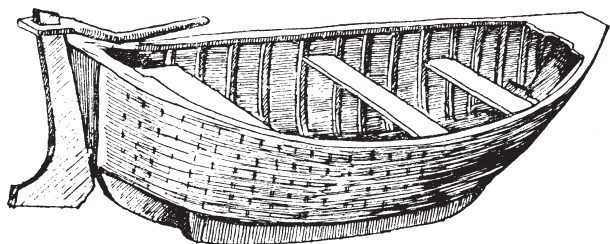
Однако при всем сходстве есть и существенные различия, которые не позволяют утвердительно ответить на данный вопрос. Дело в том, что изготовлялись они по совершенно разным технологиям. Так, если коги XIII в. склочивались металлическими гвоздями и заклепками, то в основе традиционного русского судостроения лежит технология соединения (сшивания) деталей корпуса гибкой

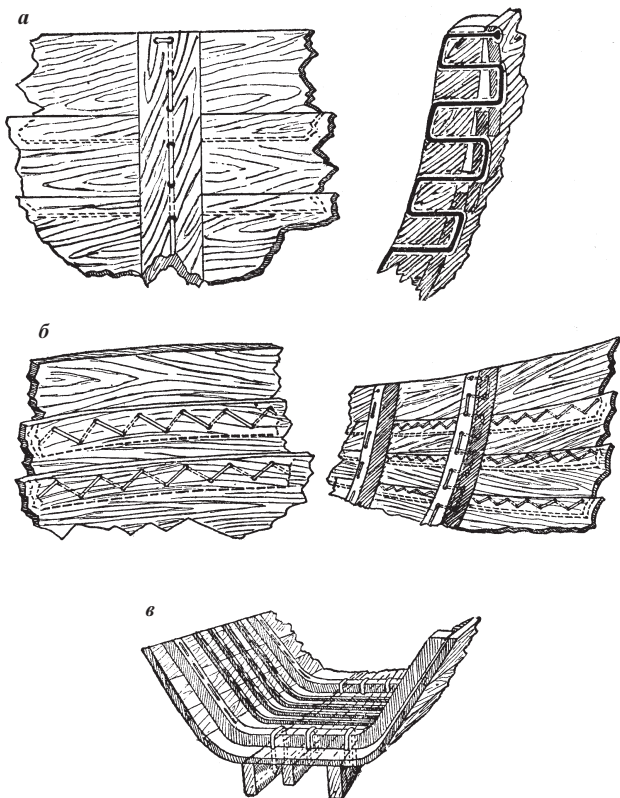
Суда русских поморов

вязью. От слова «шить» происходят названия таких судов, как шитик или расшива. Еще Константин Багрянородный (X в.) сообщал об изготовлении у древних русов обшитых досками «набойных лодий». При этом русы крепили доски обшивки к набору и между собой не только деревянными гвоздями (нагелями), но также гибкой вязью, изготовленной из ивовых прутьев, корней можжевельника (вицы), стволов и корней молодых, маломерных елочек и связок лыка. Технология сшивания судов настолько сильно была укоренена в русском судостроении и была так хорошо отработана, что, несмотря на суровые приказы Петра I перенимать европейские «новоманерные» способы постройки судов, она сохранилась у русских поморов практически до наших дней.

Поморские суда изготавливали следующим образом: «Доски обшивки идут внакрой. Их пришивают к шпангоутам толстой еловой ниткой пятисантиметровым швом. В длину доски сшиваются между собой вересковой ниткой диаметром 7—8 мм. Шов при этом — 2,5 см... Перед

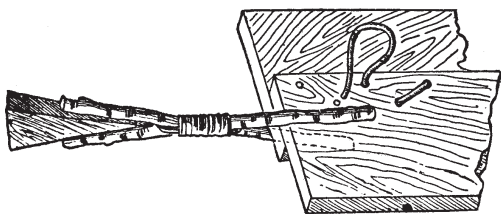

Поморская торосная зверобойная лодка

Шитье карбаса:

а — доски обшивки пришиваются к шпангоутам еловой «ниткой» (шов 5 см); б — доски обшивки сшиваются между собой вересковой «ниткой» диаметром 7—8 мм; в — вид борта шитого судна русских поморов

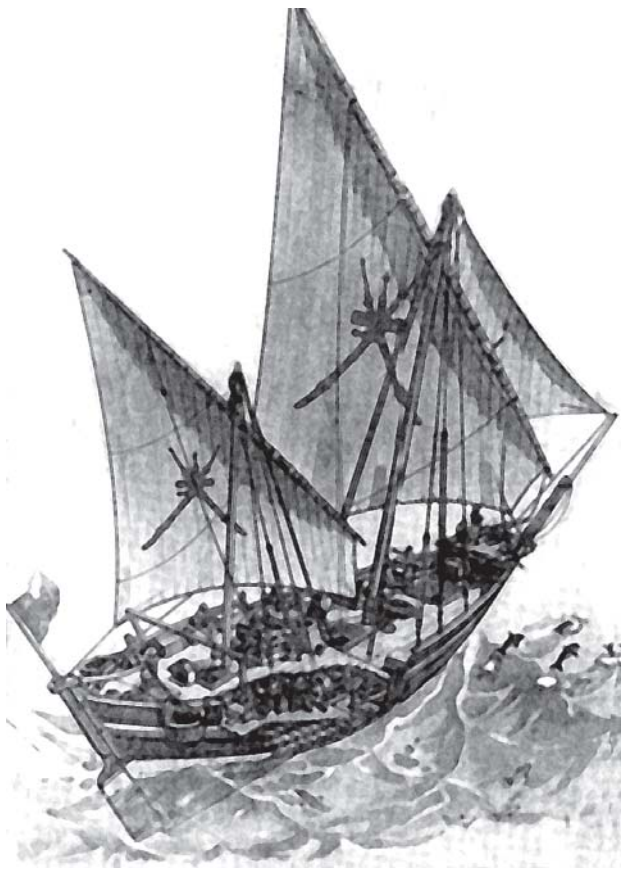
Использование клещей при шитье судов

шивкой доски плотно прижимают друг к другу специальным инструментом — клещами. Отверстия для шитья быстро просверливаются специальным сверлом — дрелью, устроенной в виде лука. После продергивания деревянной ниткой сквозь отверстия, последние забиваются клиньями, с наружной стороны борта сосновыми, а с внутренней — из мягкой ели» [5].

Поразительно, но схожая технология имела место на другом конце света: на берегах Персидского залива: «Многие средневековые путешественники, включая Марко Поло, подчеркивали, что арабы при постройке своих судов скрепляли детали корпуса не металлическими гвоздями, а тросом, сделанным из волокна кокосового ореха. Они свято верили: на дне океана находится огромный магнит, который „вытягивает“ все железо из проходящих судов» [53].

В 1983 г. известный английский исследователь Тим Северин организовал экспедицию на старинном арабском судне типа дау по пути Синдбада Морехода. Судно, названное «Сохар», строилось по старинной технологии: «Привычного жесткого силового каркаса — набора, обтягиваемого обшивкой, оно не имело. Так, шпангоутных рамок не было вовсе. В плоскости каждого основного шпангоута в корпусе стояли три совершенно не связанные одна с другой части. Между этими частями в разрыве ставился промежуточный — скуловой шпангоут: такого же мощного сечения, такая же цельная деталь, не соединенная ни с килем, ни с бимсами палубы. Благодаря этому отпала надобность в жестком соединении частей набора друг с другом — в узлы. Строилось судно тоже

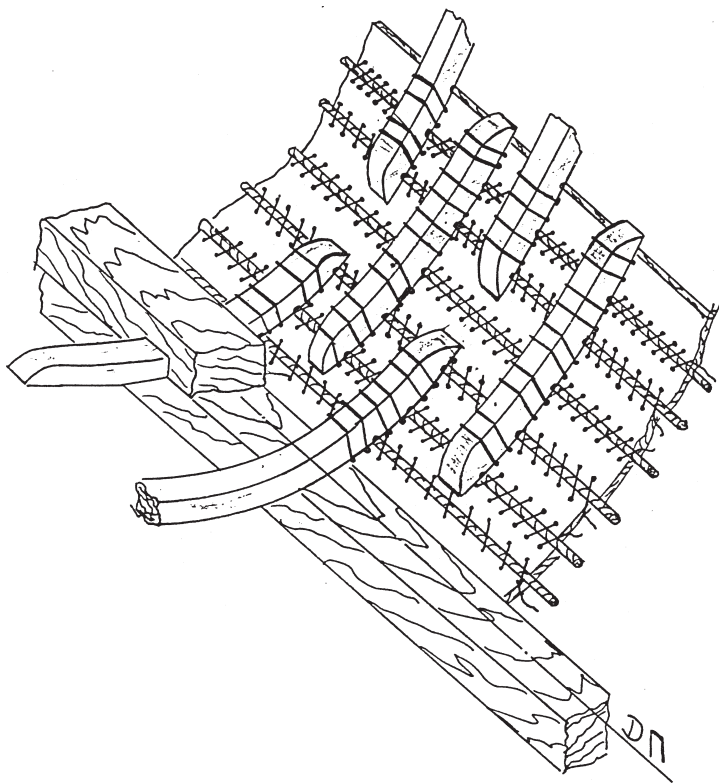
как-то странно — мастера подгоняли и ставили одновременно и части шпангоутов и доски обшивки. По пазам между досками изнутри корпуса укладывался довольно толстый уплотняющий трос, после чего доски стягивались часто поставленными связками из тонкого кокосового троса. Сразу же после этого очередная доска крепилась ко всем шпангоутам — двумя связками к каждому... К июлю оставалось сделать последнее усилие перед спуском — герметизировать 20 тыс. просверленных (разумеется, вручную) отверстий, через которые проходили тросы креплений.

Судно «Сохар» Тима Северина

Изнутри эти отверстия, как и различные стыки, законопачивались кокосовым волокном, а снаружи заделывались особой смесью извести и древесной смолы. Наконец корпус промазывали изнутри противогнильным составом, в качестве которого было взято растительное масло, специальным образом подготовленное. Оманцы утверждали, что при регулярном „промасливании“ корпус может прослужить до ста лет» [53].

Сравнительный анализ обеих технологий — поморской и арабской показывает их поразительное сходство даже в деталях. Так, например, поморы, как и арабы, при просмолке швов применяли известь: «Лайно — спай или

«Шитье» арабского судна «Сохар», изготовленного по старинной технологии

стык досок в обшивке с наружной стороны борта промыслового судна, залитый из смеси смолы и песка при помощи раскаленного железного болта. Предварительно спай борта посыпают тонким слоем извести или мела» [5].

Конечно, существуют и различия, которые легко можно объяснить конкретными местными условиями. Например, отсутствием собственного леса для изготовления цельного шпангоута или кокосового

троса для стягивающего каната. Кроме того, различие в типах парусного вооружения, которое мы наблюдаем у поморских и арабских судов (прямое у поморов и косое у арабов), появилось сравнительно поздно, после XI в. До этого времени подавляющее большинство арабских судов несло прямое парусное вооружение.

Возникает предположение (по крайней мере у автора) о том, что они каким-то странным образом связаны между собой, и создается впечатление о их родственности, то есть технологии эти, зародившись в одном месте, были разнесены в разные концы света. И если бы сравнивались технологии двух родственных народов, например поляков и болгар, то ни у кого не было бы никакого сомнения, что это именно так. Однако в данном случае, имея дело с культурами «чуждых» народов, нам кажется, что этого не может быть, потому что не может быть никогда. При этом упускается из виду, что название «арабский тип судна» чисто условное, поскольку аналогичные суда изготавливались и на Лаккадивских островах, где они строятся и поныне, и в Индии, а также на иранском берегу Персидского залива. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что на одном из таких судов в 1460 г. «...пошел оттуда (из иранского города Ормуза) за Индийское море в таве с ко-

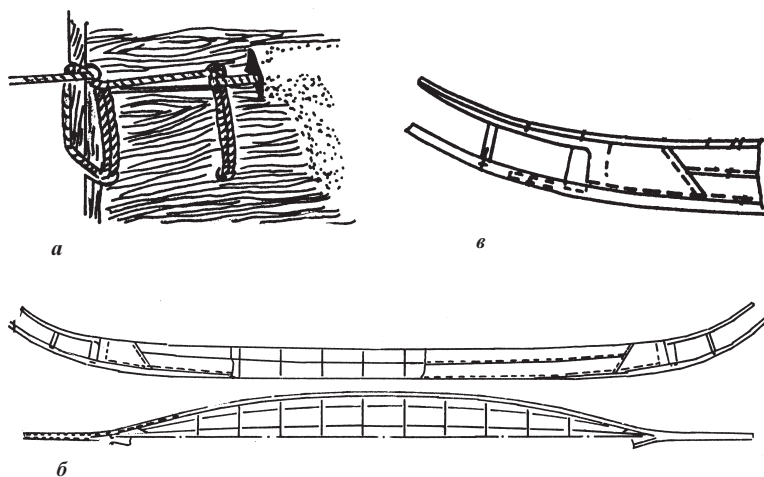

Промазывание днища противогнилостным составом — растительным маслом. Хорошо видна необычная конструкция судна

нями Афанасий Никитин». С большой долей вероятности можно утверждать, что тава (дава) — это и есть так называемая арабская дау. А это уже в корне меняет дело, поскольку санскрит (язык индоиранцев) и славянские языки являются родственными.

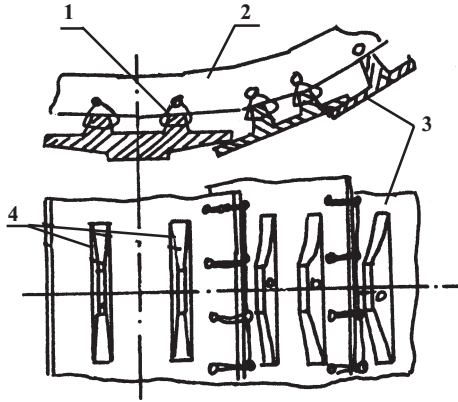
При этом, конечно же, необходимо учитывать и прибалтийско-финскую составляющую русской культуры, носителями которой были предки карел, жившие в Новгороде Великом. Карелы (меря) тоже могли быть родоначальниками «поморской технологии» постройки судов, шитых вицей, так как есть данные о том, что в древности на Балтийском побережье похожая технология существовала, например в Скандинавии.

Например, фон Фиркс описал судно из Хьертшпринга, время постройки которого относят к IV—III вв. до н. э. Из приведенных рисунков видно, что к днищевой доске, практически представляющей собой лодку-долбенку, че-

Ладья из Хьертшпринга

а — шов, связывающий доски ладьи (вид изнутри) и покрытый внутри и снаружи варом; б — чертеж ладьи; в — конструкция штевня: удлиненный планирь; 2 — штевневая доска; 3 — штевневый брус; 4 — планирь; 5 — верхняя доска обшивки; 6 — шов; 7 — нижняя доска обшивки; 8 — днищевая доска; 9 — накладка; 10 — внешняя штевневая доска; 11 — защитный штевень

Ладья из Хьертшпринга.

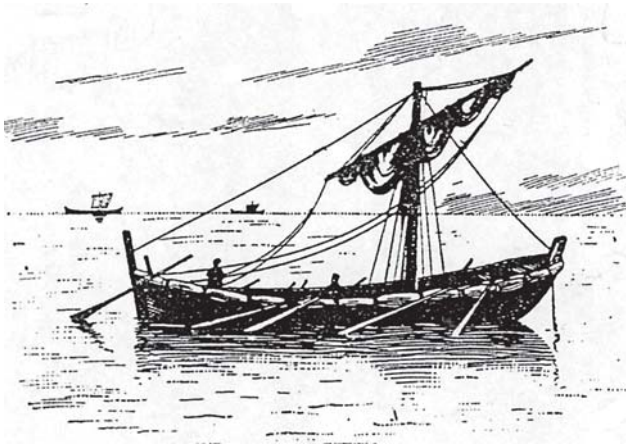
Крепление досок обшивки к шпангоутам при помощи клампов (специальных выступов на доске): 1 — связка шпангоута с клампом; 2 — шпангоут; 3 — доски обшивки; 4 — клампы

рез специальные выступы (клямпы) привязаны шпангоуты и бортовые доски.

Из всех типов поморских судов ближе всего к данному виду относятся набойные лодки (осинка, осиновка, набойна) и другие, у которых к долбленому из бревна днищу (трубе) нашивалось от двух до трех рядов досок, образывавших борта судна. Таким образом, русское поморское судостроение своими корнями может уходить как в славянскую технологию, так и в балтийско-карельскую. Возможно, имел место и симбиоз технологических приемов, например, набойные лодки делались по балтийско-карельской технологии, а килевые лоды барочного типа — по славянской.

Однако использование долбленого ствола в качестве днища-киля наблюдалось не только на русском Севере и на Волге (там, где славяне находились в тесном и постоянном контакте с угро-финнами), но и на Днепре, где этих контактов или не было вообще, или они были минимальны.

По аналогичной технологии, например, строились днепровские чайки — суда запорожских казаков. Этот способ постройки уходит корнями в седую древность, так как упоминается в летописях времен Олега и Игоря. Точно так же строились и некоторые древние индийские суда:

Запорожский челн чайка.

Чайки запорожских казаков строились точно так же, как и большинство русских судов, и так же как персидские киржимы и древние индийские коландии. У всех у них к долбленной колоде («лодье») «пришивались» доски обшивки, шпангоуты и штевни.

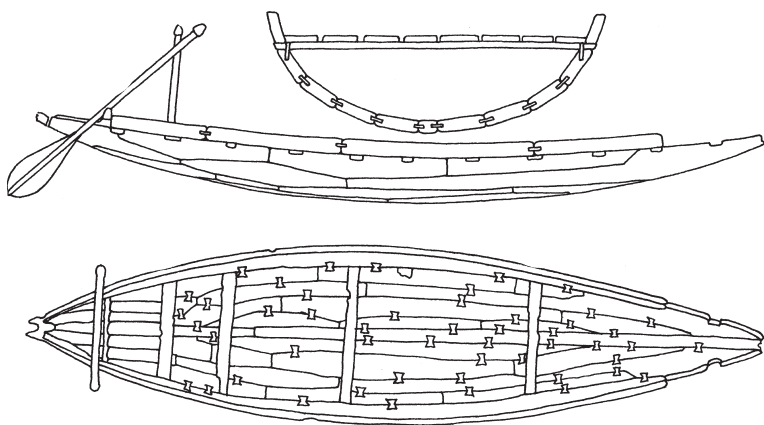
Кроме этого, отличительной особенностью всех этих судов был руль — «потесь», представлявший собой обычное весло, расположенное в корме в диаметральной плоскости судна. Однако чайки имели дополнительный руль в носу. Вероятно, это было необходимо для того, чтобы проходить бурные пороги на Днепре

«У индийцев есть каботажные суда; те же, которые ходят в Хрису Золотую (Маллаку) и Ганг, очень велики и называются коландиями».

Из обмолвок других авторов, например Марко Поло, можно набросать их примерный портрет. Это широкие грузовые суда грузоподъемностью до тысячи (?) тонн, вмещавшие до 150 человек. Киль коландия был выдолблен из одного ствола, на него наращивали доски обшивки» [58]. Именно такого типа суда описаны ниже. «На Волгу заходили нередко с Каспия персидские маломерные киржимы — небольшие суда прибрежного плавания, размерами от 15 до 28 фут. в длину, 2 ½ — 4 ½ фут. в ширину и 1 ½ — 2 фут. в глубину, грузоподъемностью от нескольких десятков до 700 пудов, на осадке — от 1 до 3 фут. Киржимы плоскодонны, но с подбором подворотов, а малые — даже с выдолбленной из цельного древесного

ствола „трубой“. У более крупных судов кромки досок днища сшиваются корнями кизилия и смазываются густой нефтью (кыром). Строятся киржимы в Баку, Ленкорани, Астрабадском заливе и в кочевьях туркмен — на южном и отчасти западном берегу Каспийского моря. Постройка производится из липового леса и отчасти персидского дуба и ореха. Ходят суда на веслах и под парусами» [75].

Кроме технологии «шитья» древнерусскими корабелями применялась еще и другая технология, тоже имевшая восточные корни: «Обращаясь к вопросу о происхождении названия „насад“ и относясь отрицательно ко всем другим высказываемым до сих пор предположениям, мы считаем более вероятным одно из следующих объяснений этого термина: на реке Аму-Дарье до последнего времени сохранился способ постройки грузовых судов — каюков, напоминающий седые времена египетского судостроения и, очевидно, заимствованный отсюда; особого устройства топором, насаженным на длинную рукоять, но не вдоль, как топор, а поперек, подобно нашей мотыге, вытесываются толстые брусья доски, которые для вы-

Древнее египетское судно.

Доски обшивки соединялись между собой («насаживались») при помощи шипов. Возможно, похожим способом строились русские насады и каюки

делки судна наколачиваются („насаживаются“) одна на другую деревянными гвоздями, с соответственным притесыванием в закруглениях кормы и носа судна, — таким образом сшивается весь остов судна, пробиваемый затем в пазах мхом. Вполне возможно, что точно таким образом первоначально строились и наши „насады“ — кстати сказать — и появившиеся уже с продвижением Руси на восток и завязавшимися регулярными сношениями с ним» [75].

Но точно такая технология применялась при постройке некоторых ранних судов Индийского океана и, по-видимому, Персидского залива. Например, «наиболее ранний дау — беспалубная остроконечная мтепе, чья... обшивка подбиралась по древнеегипетскому способу, без шпангоутов. Лишь в более поздние времена (а мтепе и сегодня можно изредка встретить у восточного побережья Африки) доски обшивки стали скреплять не только между собой, но и привязывать к шпангоутам. Эти мтепе имели длину до двадцати метров и грузоподъемность до тридцати тонн, а экипаж их насчитывал до двух десятков человек. На всем протяжении их истории мтепе можно было узнать издалека и с первого же взгляда благодаря одной детали: это как раз тот единственный тип судна, чья единственная прямая мачта несла на своем единственном рее парус в форме вертикально вытянутого прямоугольника» [58].

Таким образом, мы имеем ряд совпадений как в технологических приемах, так и в конструктивных особенностях между поморскими судами и судами Востока. Естественно, возникает вопрос — чем это вызвано?

По этому поводу можно выдвинуть несколько версий. Одна из них заключается в том, что эти сходства появились в результате заимствования. Например, у иранских купцов во время торговых операций или у соседних народов. Так, указанные особенности русских судов могли появиться в результате контактов с казанскими купцами — основными торговыми посредниками между Северной Русью и Востоком.

В пользу этого предположения говорит тот факт, что в русских летописях суда татарских купцов называются так же, как и русские — кербаты, лодьи, учаны, пабусы и т. д.

Однако и некоторые русские суда имеют явно тюркские названия (например, каюк).

Но может быть выдвинута другая версия, которая расходитя с существующими представлениями исторической науки. Она основывается на том, что племена, являвшиеся предками славян, проживая первоначально где-то на Востоке и имея развитое судостроение и мореходство, в силу обстоятельств переселились по Днепру и Волге в Восточную Европу, принеся с собой «восточные» навыки постройки судов. Эта версия, несмотря на свою «антинаучность», может быть подкреплена некоторыми особенностями славян: «Ряд определенных соображений говорит об особой привязанности славян к воде и чрезвычайном умении пользоваться ею в своих интересах. Сюда относятся: а) первоначальное расселение славян исключительно по рекам и вообще водным путям сообщения; б) постройка славянами древних городов у воды, с открытыми подходами со стороны рек, озер и морей, — очевидно, для постоянного пользования водными путями и в особенности на случай отступления по ним от врагов, о чем свидетельствуют многочисленные „городища“ на всей огромной территории расселения славянских племен и, в частности, в Волжском бассейне, особенно на крайнем востоке — по Каме и Вятке, в центре инородческого окружения славян; в) производство славянами обширной торговли, нередко с очень отдаленными странами, связанными с территорией славянской оседлости исключительно теми же водными сообщениями; г) славяно-русские названия некоторых, отдаленных от первоначальных пунктов поселения славян, восточных и тем более северных рек, как, например, Двины, Печоры, Оби и др., что возможно только при широком развитии славяно-русского судоходства.

Наконец, об этом развитии судоходного дела у славян имеются и прямые свидетельства, начиная с писателей греко-римского мира и кончая арабами и персами» [75].

Для того чтобы разобраться в этой проблеме, необходимо провести сравнительный анализ русско-волжских и поморских названий, относящихся к судостроению и деталям судов с аналогичными словами карельского языка,

языков народов Волги (в том числе и с тюрскими) и, наконец, со словами, употребляющимися у народов, которые населяют берега Каспия, — туркмен, азербайджанцев и иранцев. В рассмотрении этого вопроса могли бы объединиться специалисты по языкознанию и судостроению. И здесь, как нам думается, могут появиться интересные неожиданности. Например, странным, на наш взгляд, может показаться такое совпадение: как известно, из Персии, из Ормуза, Афанасий Никитин шел на таве, а у русских поморов существовала команда «тавань» («табань»). Не правда ли, одно перекликается с другим?

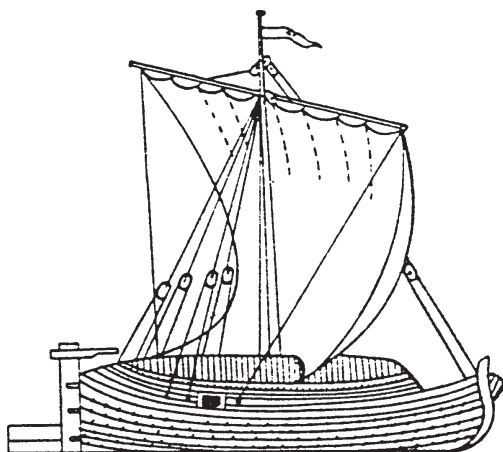
Так, может быть, действительно русское судостроение гораздо древнее, чем предполагалось до сих пор?

«Шитые» суда

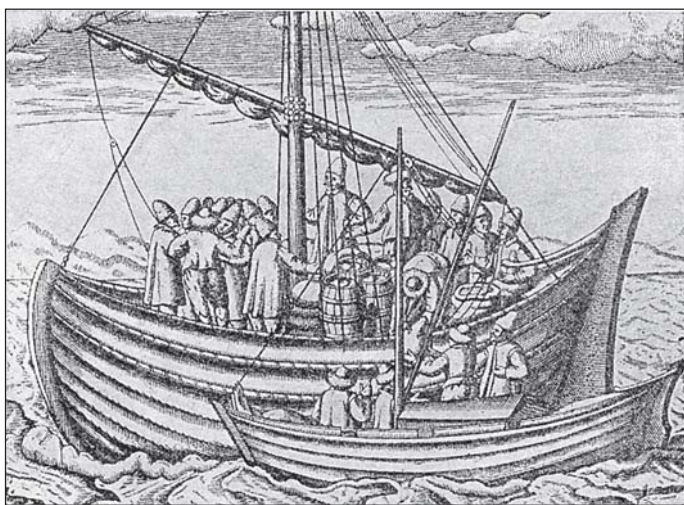
«Письменные источники именуют древние русские суда кораблями, лодьями, причем эти названия употреблялись летописцами как нарицательные и для обозначения всякого судна вообще. Слово „корабль“ имеет чисто славянское происхождение. Во всех славянских языках (русском, болгарском, чешском, польском, сербском) можно встретить слово „корабль“, «кораб» в значении судна. В слове «корабль» нетруд-

Постройка судна (крепление бортов)

Парусное судно типа шитик

Русское шитое судно (XV в.)

но выделить корень кор-, который заметим, лежит и в основе таких слов, как „короб“, „корзина“, и обозначает определенное сооружение из коры. Если теперь вспомнить, что древние суда делались из прутьев и обшивались корой, то становится понятным и возникновение названия этих судов.

Показательным примером в этом отношении является то обстоятельство, что в чешском языке до настоящего времени слово «*kořab*» означает и древесную кору, и большую лодку. Некоторые авторы считали, что слово „корабль“ пришло в славянские языки из Греции, где судостроение зародилось в очень давние времена. Но это не так: исследования советских источников опровергают такое предположение. Античная Греция не знала слова „карабос“ в обозначении судна: в те времена это слово употреблялось в значении древесного жука или определенного вида морского краба. И только в конце VI или начале VII в., когда Византия уже хорошо знала славян, слово „карабос“ начинает появляться в греческих письменных источниках в значении лодки, ботика, то есть судна» [18].

Интересно отметить, что нет никаких достоверных данных о том, что кто-либо из славян строил суда из шкур животных или из древесной коры. Это противоречие невозможно разрешить, если исходить из предположения о европейских корнях развития славянского судостроения.*

«Слово „лодья“ (олядь, лодь, ладья, ладия) также является очень древним термином и, как указывалось выше, наряду со словом „корабль“ служило для обозначения судна вообще. Как в свое время термин „корабль“ вошел в греческий язык, так и русский термин „лодья“ распространился в дальнейшем у северных соседей Руси — финнов и шведов.

В отличие от «корабля» непрочного, малоостойчивого, маловместительного, лодья-однодеревка представляла собой выдолбленный (или выжженный) внутри и обтесанный снаружи древесный ствол. Лодья имела три мачты, на каждой из которых был один парус. Команда — 5—8 человек. Миниатюрным подобием лодьи-однодеревки является употребляемый иногда рыбаками и в наши дни долбленный челнок.

Дальнейшим развитием лодьи-однодеревки явились «набойные лодьи». Основу набойной лодьи составляла колода-однодеревка. С целью увеличения вместимости и улучшения мореходности надводный борт этих судов был увеличен путем установки нескольких поясов досок, соединявшихся по пазам край на край. Набойные лодьи имели длину около 20 м и вмещали до 50—60 человек. Ограничением дальнейше-

* Здесь и далее закурсивленный текст в «Информация к размышлению» принадлежит С. Г. Дмитренко. — *Прим. ред.*

Русская ладья на Балтийском море

му увеличению грузоподъемности являлась колода-однодеревка, лежащая в основании набойной лодьи. Это обстоятельство привело с течением времени к появлению дощатой лодьи, то есть сделанной целиком из досок. Основу этих лодий, каркас их, к которому крепилась деревянная обшивка, составляли скрепы — ребра или, как мы теперь называем, — шпангоуты. Эти лодьи-дощаники, способные ходить за море, иногда в исторических летописях именуются лодьями морскими, или лодьями заморскими. Как лодьи набойные, так и лодьи-дощаники имели мачту с реем, паруса, весла, уключины и якорь. Их размеры были относительно невелики; лодьи были легки и подвижны, имели небольшую осадку и плоское днище. Последние из указанных особенностей русских судов обуславливались трудностями плавания по рекам Русской равнины и, в первую очередь, по Великому водному пути из Балтийского в Черное море (пороги, волоки). В исторических документах, таких как „Повесть временных лет“, новгородские летописи, Русская Правда и т. д., можно встретить, правда изредка, и другие названия русских судов.

Источники XI—XII вв. упоминают кроме лодий также насады, струги, челны, учаны. Встречаются такие названия, как скедия (в греческом языке означает судно, построенное на скорую руку), кубара (греч.), галей (галера), встречаются упоминания о шнеках (сканд.), а с начала XIV в. — о лойвах,

ушкуях (финно-угорского происхождения), наконец, есть упоминания о триреях (триеры) и дромонах (по-гречески „продолговатая лодья“)» [18].

«Постройка набойных лодей была значительно сложнее, чем изготовление обычной лодьи-однодеревки. Обработанное дерево с выдолбленной выемкой — заготовку, называемую колодой, или трубой, погружали в воду (или, наоборот, наполняли водой) и в течение недели вымачивали древесину. После этого разводили костер и дрежали колоду над огнем; намокшее дерево не горело, а распаривалось.

Распаренные борта колоды посредством распорок и клингов разводили и расширяли до нужных и допустимых размеров. Потом лодью сушили и наращивали борта. Внутри лодьи устанавливали и крепили несколько основных и облегченных опруг (шпангоутов), концы которых возвышались над бортами выдолбленной части судна. Опруги крепились к днищу и к бортам деревянными колышками или пришивались вицей (особо обработанными еловыми корнями).

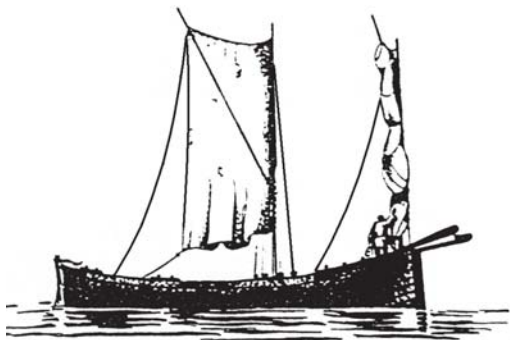
Лодьи с увеличенными бортами стали называть набойными. Процесс постройки этих примитивных судов непрерывно совершенствовался. Нарращиваемые доски наружной обшивки крепились к опругам внакрой, а между собой также вицей; применялось и металлическое крепление в виде кованых гвоздей и скоб» [76].

Карбас

«Широкое применение получило на русском Севере промысловое судно типа карбас, длиной до 10 м, шириной 2—3 м и грузоподъемностью до 4 т. Эти суда приводились в движение веслами (до шести пар) и имели две мачты с парусами. Корпус был приспособлен к плаванию в ледовых условиях: к днищу по обе стороны киля иногда крепились два деревянных полоза, с помощью которых судно можно было вытаскивать из воды и передвигать по льду. Карбасы являлись первыми ледовыми судами, они обладали необходимыми мореходными качествами и были распространены по всему Поморью» [76].

Раньшина

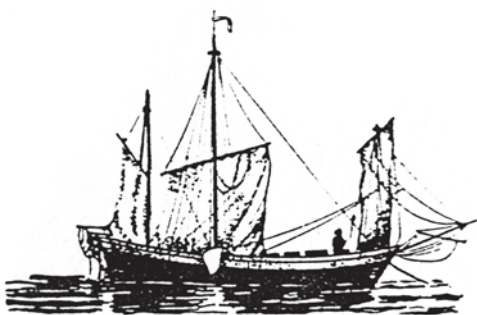
«Своеобразный тип поморских судов — раньшина, специально приспособленная для ранних весенних выходов на промыслы рыбы и морского зверя. Раньшина (рончина, рон-

a

Промысловые суда северных морей (XIX в.)

a — весновальный карбас; *b* — раньшина

b

шина) — парусно-гребное двух- или трехмачтовое промысловое судно северных славян XI—XIX вв. Яйцевидная форма подводной части корпуса способствовала выдавливанию раньшины на поверхность при сжатии льдов. Прямой наклонный форштень помогал вытаскивать судно на лед. Грузоподъемность раньшины колебалась от 25 до 70 т. Для сообщения с берегом при раньшине имелись осиновки».

Осиновка

«Это небольшой челн поморов, выдолбленный из ствола осины с набойнами по бортам. Для постройки этого судна ствол осины 3—5 лет распирали на корню клиньями, затем срубали и полученную выемку расширяли — выдалбливали или выжигали. После этого заготовку вымачивали, распари-

Осиновка с ледовым полозом

вали и распирали с помощью клиньев и распорок. Внутри вставляли 4—6 шпангоутов. Борта наращивали досками, корпус изнутри и снаружи смолили. Осиновки имели от 2 до 4 пар гребных весел и одно рулевое. Иногда оснащались шпринтовым или рейковым парусом. Осиновку с тремя парами весел называли тройником. Судно имело низкую остойчивость (длина — 5—7 м, высота борта — 0,5—0,8 м, осадка — 0,3 м, грузоподъемность — около 350 кг) [76].

Поморская лодья

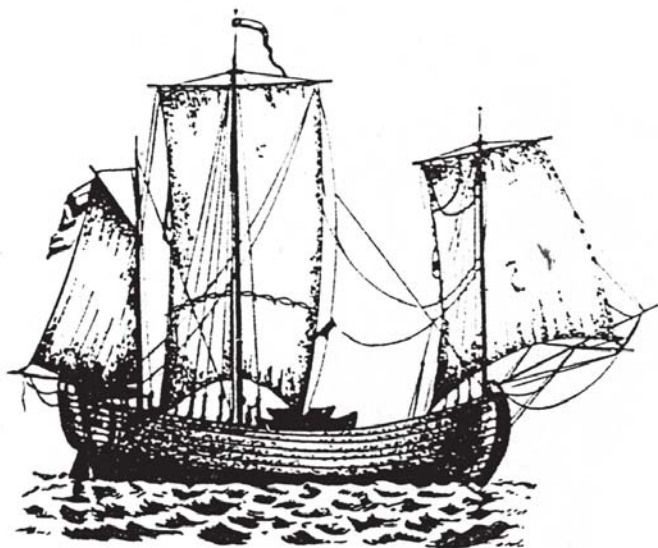
«Интересные изменения претерпела в поморском крае старинная русская лодья, превращенная в чисто морское грузовое судно. Большие лодьи строились длиной до 25 м, шириной до 8 м, грузоподъемностью от 200 т и более. Поморская лодья была палубным судном, разделенным двумя поперечными переборками на три отделения, каждое из которых имело свой входной люк. В носовом помещении устанавливали кирпичную печь; здесь готовили пищу и размещали команду. В кормовой части устанавливали жилье (каюту) для кормщика (капитана). Тут же хранились и мореходные инструменты. В средней части судна находился грузовой трюм глубиной до 4 м. Рангоут судна состоял из трех мачт с прямыми парусами. Общая площадь парусов достигала 460 м. При попутных ветрах лодья делала переходы до 300 км в сутки. На больших лодьях было по два якоря весом до полутонны каждый и, кроме того, один запасной якорь. Якорные канаты длиной по 140 м изготавливали из кожи, позднее из пеньки. Якоря выбирали из воды с помощью ворота.

В начале XV в. русская лодья вполне соответствовала требованиям, предъявляемым к морскому парусному судну. На таких судах новгородские мореходы отправлялись на промысел от устья Северной Двины до острова Грумант (Шпицберген) на расстояние 2000 км и успешно совершали дальние плавания вокруг Скандинавского полуострова до устья Невы и далее, до древнего города Ладоги.

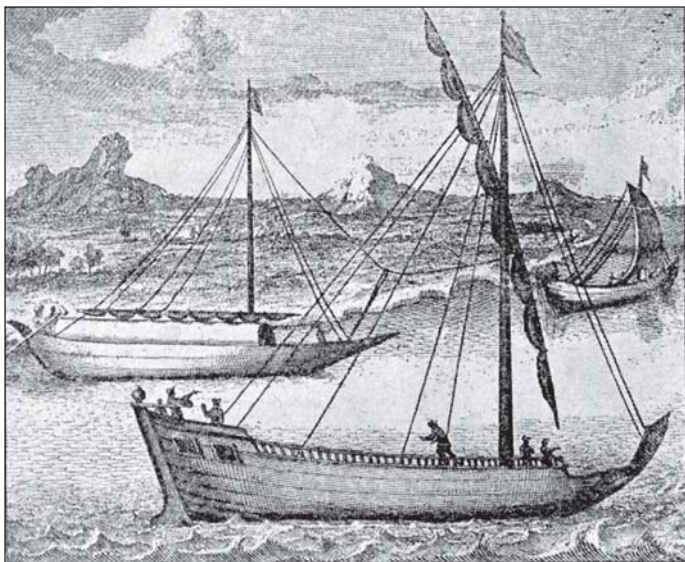
Процесс создания судна и в этот период был несложным. Мастер намечал длину и ширину судна, а возможно, и вычерчивал чертеж. При этом он чаще всего ориентировался на судно-прототип, улучшая его в меру сил и познаний.

В соответствии с установленными размерами заготавливали материалы, а затем приступали к постройке. Вначале изготавливали киль в виде прочного бруса; к его концам приделывали под соответствующим углом штевни. На киль укладывали и к нему крепили шпангоуты, собранные из отдельных частей.

В то время чаще всего применяли кокорные шпангоуты. Заготовка их была довольно сложной. В лесу оголяли корни елового дерева, выбирали лучший из них и обрубали остальные; затем дерево валили, оберегая облюбленный корень. Из сваленного дерева вырезали кряж, который соответственно обрабатывали. Например, кокора, найденная в Старой

Лодья

Русские сибирские суда (XVII и XVIII вв.)

Ладоге, представляет собой ствол елового дерева вместе с массивным корнем. Таких деталей требовалось для постройки судна несколько десятков.

Стволы деревьев укладывали поперек судна, и к ним с наружной стороны крепили доски днища. Корни возвышались над днищем и служили боковыми концами шпангоутов; к ним с наружной стороны крепили доски бортовой обшивки. Шпангоуты связывались попарно поперечной балкой — бимсом — и крепились между собой продольным балками — карленгсами и стрингерами. Таким образом создавался прочный остов судна.

С течением времени русские мастера стали применять дубовые нагели и металлические (железные) крепления в виде гвоздей, болтов, скоб, в особенности при постройке больших морских судов. При раскопках в курганах в районе Ладожского озера и в Смоленске находили железные скобы и гвозди, которыми древние мастера прикрепляли обшивку к шпангоутам или штевням и скрепляли доски.

В XV—XVI вв. вища была уже повсеместно вытеснена и лишь изредка применялась в мелком судостроении. Металлические крепления были собственного производства или приво-

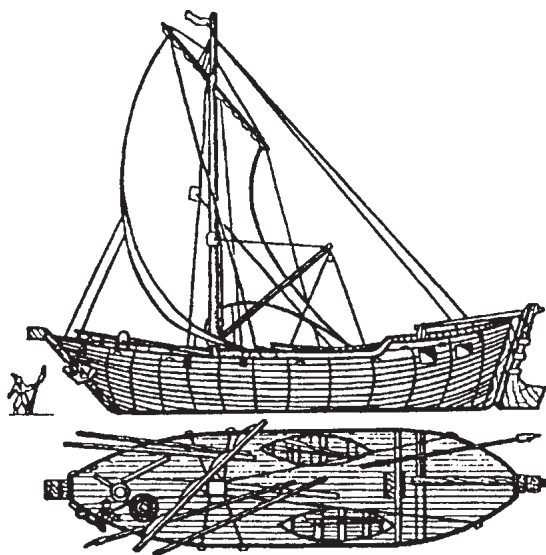
зились из Риги, а также из ганзейских городов. Таким образом, новгородские судостроители не испытывали недостатка не только в лесоматериалах, парусине, снастях, пакле, смоле, но и в металлических судовых деталях. Имея запас хорошо просушенного материала, мастера успевали построить судно грузоподъемностью 200 т в течение одного лета, т. е. за 4—5 месяцев, что говорит о высоком уровне организации работы.

Новгородское государство, где строительство судов было одной из основных отраслей ремесленного производства, стало исторически второй, после Киева, базой русского судостроения, обеспечившей его дальнейшее развитие. Карл Маркс писал о деятельности его Великого Новгорода: „...его корабли ходили в Любек, его жители сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь; неизмеримые пространства между Ладожским озером, Белым морем, Новой Землей и Онегой были ими несколько цивилизованы“» [76].

Коч

«Коч — старинное поморское парусно-гребное судно XI—XIX вв. Он имел характерные обводы для ледового плавания, был оснащен мачтой, навесным рулем и веслами. В начале кочи строили без применения металла: к скрепленному деревянными нагелями набору корпуса пришивали ремнями доски обшивки. Длина такого судна была 10—15 м, ширина — 3—4 м, осадка — 1—1,5 м. При попутном ветре ставили прямой парус, иногда выделанный из шкур, позволявший развивать скорость 6—7 узлов. В XVI—XVII вв. этот тип судна распространился на Урал, в Сибирь, претерпев крупные изменения. Длина коча возросла до 20—25 м, ширина — до 5—8 м, осадка — до 2 м. Судно вмещало 10—15 человек команды и до 30 промысловиков.

Кочи для «морского хода» строили очень прочно. Набор крепили железными гвоздями, болтами и скобами. Пазы и стыки обшивки конопатили просмоленной паклей, заливали варом и закрывали рейками на скобах. Чтобы полностью „ускорить“ коч, требовалось более 3 тысяч специальных скоб. Канатов различных нужно было около 1000 м. Парус высотой 14 м шили из отдельных полотнищ общей площадью свыше 230 м². В конце XVI—XVII в. начали строить наборные палубные большие трехмачтовые кочи. На этих судах для управления рулем применялся штурвал. В корме устраивали „казенку“ — небольшую каюту для кормщика

Один из типов морского коча (реставрация)

Мангазeya

(капитана) и приказчика. Команда и камбуз размещались в трюме. Для подъема якоря из воды на баке имелся ворот (ручной шпиль). При попутных ветрах судно проходило под парусом до 250 км в сутки» [28].

Характер, конструктивные особенности и грузоподъемность морских судов XVI—XVII вв.

«Единственным типом судов*, плававших по Мангазейскому морскому ходу, были кочи, появившиеся на Руси, на побережье Белого и Баренцева морей, в XVI в. Как удалось установить, название этого судна происходит от понятия „коца“, которое закрепилось в Новгородской земле за любой ледовой защитой, в том числе саней, лыж и судов (*Александров В. А.* Русское население Сибири XVI—XVII вв. М.: Наука, 1964, с. 27). Коца на судах новгородско-поморского происхождения — это «шуба лдяная», как назвал ее холмогорский промышленник Пантелей Орлов в челобитной по случаю разрушения „коцы — шубы лдяной“ его судна, прибывшего на Новую Землю (Архангельский областной архив, ф. 1025, свиток, л. 43). Без «шубы лдяной» Пантелей Орлов не представлял себе, как будет возвращаться в Холмогоры.

Следовательно, название поморского корабля — коча — генетически связано с его важнейшим конструктивным приспособлением — „шубой лдяной“, т. е. второй ледовой обшивкой, расположенной в районе ватерлинии. Это важнейшая особенность судна. Второй его особенностью был корпус яйцеобразной формы, наиболее удобной для выжимания на поверхность при ледовом сжатии. За эту особенность голландский географ и этнограф XVII в. Николай Витсен назвал мангазейские кочи „круглыми судами“ (*Witsen N. Noorden en Oost Tartrien...*, p. 272—273).

Реконструкция бортового набора, произведенная на основании материалов раскопок Мангазейского городища, вполне согласуется именно с таким характером обводов судна. Корпус коча резко отличался от лодьи, каюка, дощаника и коломенки, ходивших по р. Оби. У этих судов борта были прямые.

Свойство кочей выжиматься на поверхность льда отмечалось самими создателями корабля — поморами. В первой

* Главы из книги М. И. Белова, О. В. Овсянникова и В. Ф. Старикова [7].

половине XVIII в., уже после того как по приказу Петра I все старые суда, русские народные, были уничтожены, на Архангельской верфи деревянного судостроения для отряда Великой Северной экспедиции было построено два коча. Строителями их являлись поморы, заявившие, что кочи по обводам корпуса значительно приспособленнее для плавания во льдах, чем боты и дубель-шлюпки западноевропейского типа (*Белов М. И. Арктическое мореплавание...*, с. 272—273).

Кочевое дело поморов продолжали те, кто перешел через Урал в Сибирь. В конце XVI в. одной из крупных верфей речного и морского судостроения было Верхотурье. Только для казенных нужд там заготавливалось ежегодно от 7 до 10 мангазейских кочей (с. 176—178). Уже в начале следующего столетия Верхотурский острог производил от 10 до 15 морских судов, причем в это число входили суда частных владельцев — торговых и промышленных людей. Верхотурские суда поднимали до 20 тыс. пудов хлеба (32 т).

На каждом судне в качестве пассажиров и команды шло от 35 до 42 человек. Например, на каждом из 11 кочей, прибывших в сентябре 1636 г. в Мангазею, находилось по 38—42 человека (ЦГАДА, ф. 214, кн. 84, л. 3, об.-10). Эти цифры подтверждаются подсчетами тобольского воеводы Андрея Хованского и таможенной ведомостью о прибытии кочей в Мангазею в 1633 г. в караване Леонтия Толстоухова (л. 201—218 и л. 45—50). В первом случае речь шла о перевозке из Тобольска в Мангазею тысяч четвертей ржаной муки, круп и толокна. Андрей Хованский считал, что для этого понадобится 10 „самых больших кочей“ грузоподъемностью по 2 тысячи пудов каждый (32 т.). Стоимость постройки и оснащения судов выразилась бы в 1405 руб. На каждый коч приходилось по несколько тысяч железных скоб, один парус, 600 аршин холста, 2 якоря — каждый по 4,5 пуда, 845 сажень веревок и 2 павозки.

Отличались ли мангазейские кочи от других сибирских морских судов? На этот вопрос сейчас можно ответить отрицательно. В Русском Поморье, где впервые, если не считать строительства древнеславянских кораблей, зародилось морское судостроение, перекочевавшее в Сибирь, создавались те же самые кочи и лодьи, что и на Европейском Севере. Строителями их были поморы. Возможно, разнообразие в производстве морских судов существовало, потому что в письменных источниках, а они до недавнего времени являлись главными, коч представлялся собирательным типом

судна. И все же его отличали от „лодья онежского дела“, «корелянки» и морского судна „холмогорской выделки“. Это были суда большой грузоподъемности и дальнего плавания.

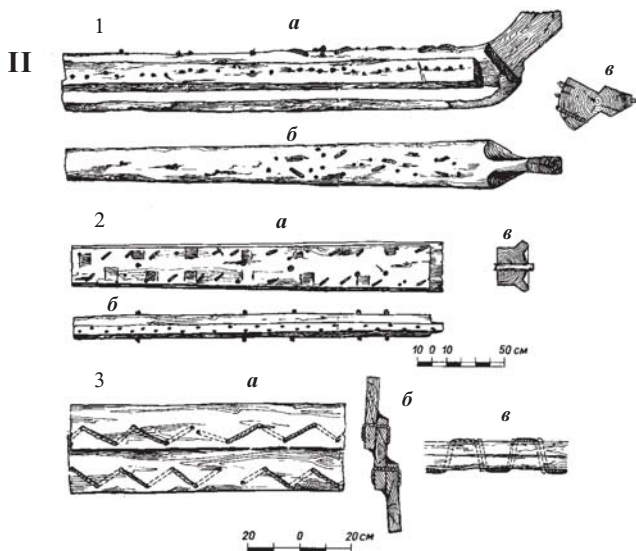
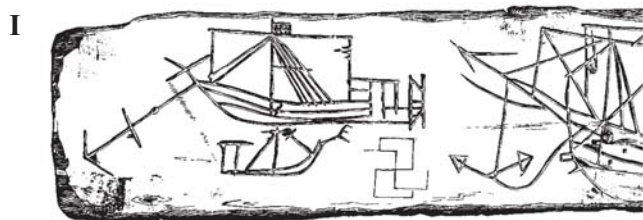
Но строились и „малые кочи“, выходявшие в море. Они использовались в тех околобереговых плаваниях, когда приходилось преодолевать волоки. Их грузоподъемность не превышала 7—8 т. Они имели три киля, два из них по нижней части днища, что сообщало им остойчивость, особенно ценную при прохождении волоков по Канину полуострову и Ямальскому волоку. Именно о „малых кочах“ речь шла в рассказе Леонтия Плехана.

Отмечается и прямая преемственная связь поморских судостроителей с сибирскими. Пример этому — поиск людей для плотбища Верхотурья „в уставшики“, которые бы были „плотниками добрыми — морские (кочи) делать умели“. Один такой человек в 1610 г. объявился на Усть-Пинеге, откуда был препровожден в Сибирь.

Обнаруженные автором в делах Якутской приказной избы документы — обмеры ленских кочей — показывают, что полученный поморами опыт строительства кочей был перенесен на далекий северо-восток. По Лене и между устьями восточносибирских рек ходили суда мангазейско-поморского типа. Они поднимали до 2 тыс. пудов грузов, направлявшихся, как сказано об этом в товарной описи, на реки Яну и Индигирку. Один из них — коч Алексей Норицына — поднял 1600 пудов муки (25,6 т), другой — Прокопия Минеева — 1090 пудов муки (17,5 т), кроме этого, на кочах были и другие товары.

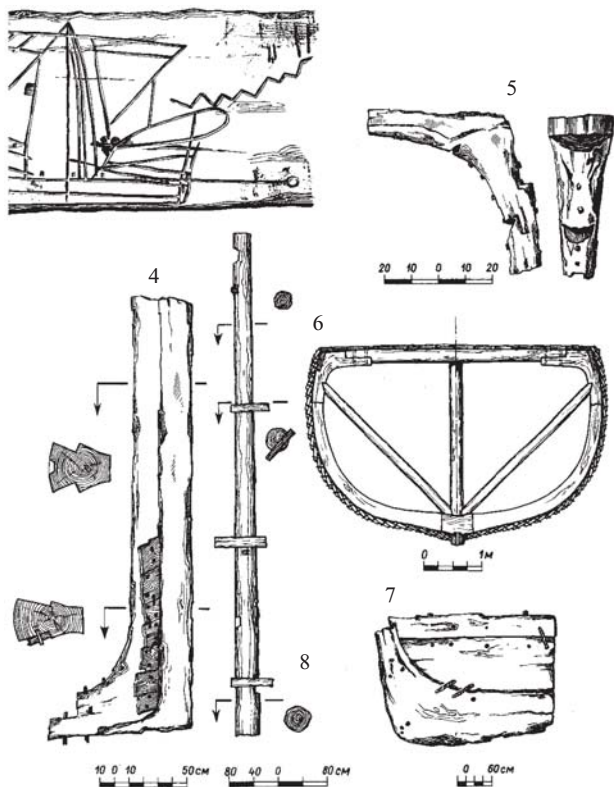
Не отличались ленские кочи от мангазейских и количеством перевозимых людей. В 1653 г. на коче Булгакова, совершившего плавание с Лены на Колыму, поместилось 50 человек.

Однотипность морских судов Сибири, их одинаковые параметры позволяют считать мангазейские кочи типичными для всех северорусских кораблей, ходивших в XVI—XVII вв. в водах арктических и субарктических районов Евразии. А следовательно, изучение найденных на городище Мангазеи кочей — это первый опыт исследования по археологическим остаткам продукции северного судостроения, т. е. судов морского класса, появившихся еще до Петра I, т. е. до того, как со стапелей Холмогор и Архангельска сошли первые „новоманерные“ корабли регулярного русского флота.

Детали и рисунки

- I. Доска (сосна) с изображением мангазейских судов и справа — изображение двухмачтового судна: корпус с транцевой кормой, управление парусами, а также наружные поручни слева — изображение морского судна с одним парусом и вымпелом, типа карбаса, между двух- и одномачтовых
- II. Фрагменты деталей коча, найденные на
- 1 — Форштевень (а, б, в); 2 — киль (а, б, в); 3 — бортовая обшивка присоединенной к корпусу скобами; 4 — ахтерштевень с элементами
- Показано сечение форштевня с вырубками для крепления обшивки корпуса; подкосов; б — схема сечения конструкции корпуса;
- III. Непрочтенная надпись на оборотной

поморских судов.

фрагментов деталей коча, обнаруженного на городище: стоячий и бегучий такелаж — ноги (ванты) и дроги (фалы), (привальные бруссы) и плавучий якорь за кормой (не показан); адмиралтейским якорем, транцевой кормой, каютой, а также малое судно судов показана система рулевого управления.

городище и использованные для реконструкции коча:

(а, б, в); доски, вязанные вицей, пазы просмолены и забиты рейкой, бортовой обшивки. Видны деревянные нагели для соединения с килем.

5 — кокра шпангоута (вид сбоку и сзади); видны вырубki для заделки

7 — фрагмент пера руля; 8 — мачта с сечениями.

стороне кочевой (сосновой) доски

По подсчетам, опубликованным в 1956 г., в Северном бассейне ежегодно выходило в плавание до 65 морских судов, в том числе 20 казенных и 45 торговых. К этому числу следует прибавить 250 лодей, кочей и морских карбасов в Беломорье, не считая судов, плававших в устье Печоры и Мезени, отправлявшихся на Новую Землю и в Карское море. Сибирские кочи обеспечивали перевозку 130 тыс. пудов (20 800 т). Тоннаж речного флота Сибири в середине XVII в. превышал морской в 8—10 раз. Только из Верхотурья в Тобольск перевозилось в год до 200 тыс. пудов хлеба и соли. Из Верхоленска в Якутск в 23 зимовья и острожков отправлялось до 60 тыс. пудов хлеба и соли. Таким образом, в Северном бассейне плавали целые флотилии морских судов. Создание их потребовало организации не только верфей, но и кадров судостроителей. На севере были построены более совершенные верфи и создан совершенный русский флот XVIII в.»

Графические изображения мангазейских судов

«Своеобразным путеводителем по коллекции мангазейских судовых частей являются их графические изображения. В коллекции представлено шесть графических рисунков, выполненных режущим инструментом на девяти корабельных досках. На трех досках показано пять различных типов судов, пришедших в Мангазею, на трех — их фрагменты. Наиболее интересным является изображение на большой корабельной доске, которая сама представляет собой фрагмент кочевой обшивки. На ней показана флотилия, состоящая из трех судов. На оборотной стороне обнаружена надпись, выполненная режущим инструментом, содержание которой из-за плохой сохранности разгадать трудно.

На лицевой стороне доски вырезано три судна. На одном из них — коче — довольно четко видны две мачты (грот и фок), два паруса, а также двухлапчатый якорь, опущенный на канате и закрепленный на бушприте в верхней половине носовой части. Паруса изображены в двух планах: на заднем прослеживается большой прямоугольный парус, на переднем — малый. Форштевень овальной формы, а корма с большим рулем, явно трансовая. Со стороны кормы и носа к мачтам протянуты крепящие их канаты или веревки, которые по древнерусской терминологии назывались возжами (шкота-

ми), дрогами (фалами) и ногами (вантами). Для удержания судна в определенном положении на период стоянки позади судна на большом канате устанавливалось толстое бревно — плавучий якорь. Борт судна невысокий.

Вероятнее всего, автор рисунка ставил перед собой цель показать суда, их устройство и такелаж в различных положениях. На рисунке двухмачтового судна он изобразил рангоут, который доказал, что картина оснащения древнерусского морского корабля была совсем иной, чем представлялось раньше.

По письменным источникам, коч считался одномачтовым судном, а те, кто плавал на нем, людьми, лишенными самых элементарных навыков управления парусами. Вообще, как выразился Н. П. Загоскин, коч — это корабль, для создания которого требовалось немного — „тып да ляп — и вышел кораб“ [30]. Теперь давать такую характеристику невозможно. Во всяком случае на мангазейских кочах имелось две мачты — грот и фок, — была разработана система управления парусами с помощью ног (вантов) и возжей (шкотов).

В 1671 г. мангазейский воевода Даниил Наумов о парусах писал: „И в Мангазее по всякие годы (хранятся) кочевые запасы — парусы и варовые веревки — по парусу и по два, а в парусе по 600 аршин холсту“ (ЦГАДА, ф. 214, стлб. 635, л. 113). В других документах Сибирского приказа также есть упоминание о двух парусах, точнее, по номенклатуре описаний они скрываются под термином „полпаруса“.

На другом рисунке коча главное внимание уделено изображению трансовой кормы, сложного рулевого устройства, главного паруса и грот-мачты, на оконечности которой показан широкий флаг-вымпел.

Обращает на себя внимание громоздкое рулевое управление. Мастер-художник уделил этому много места, так как для мелкосидящего судна, каким был коч (осадка 2—1,5 м); успешное проведение морских операций могло гарантировать только мощное рулевое управление. Размещение руля на трансовой корме требовало серьезных креплений. Расположение рулевого управления было различным: на первом рисунке оно размещалось на верху кормы, на втором — вынесено за пределы трансовой кормы. Сам руль располагался на раме, вмонтированной в судно. Вообще рулевое устройство коча — главное в строительстве. Оно изображено в центре графической схемы (показана схема управления рулем).

Громоздкий руль (найден громоздкий фрагмент руля), который в те времена носил название сопца, был найден в городище в конструкциях жилой постройки. Он был так велик, что требовалась мускульная сила пяти мужчин, чтобы с трудом перенести его на 50 м по городищу.

Завершает изображение флотилии мангазейских судов рисунок судна относительно малых размеров. Оно играло вспомогательную роль, было одномачтовым с еще более низкими бортами, высокой мачтой и простым парусом. В нем нетрудно признать палубное судно.

Для плавания в морских условиях кочу придавались два карбаса или струга. Это было правило, действовавшее повсеместно в Сибири, в частности на верхотурских и ленских плотищах. Вспомогательные мелкие суда использовались на участках плавания, невозможных для прохода коча, например на волоках.

На других досках кочи представлены в иных планах: на днищах бочек вырезаны контуры одиночных судов или суда изображены попарно. На длинной корабельной доске толщиной до 5 см видны два коча: один из них — с внутренними помещениями. К сожалению, доска раскололась пополам, причем вторая половина не найдена и обо всем рисунке судить трудно. На сохранившемся фрагменте изображены килевое устройство, наклоненный вперед форштевень и руль особой конструкции, который вынесен далеко за пределы кормы. Румпель показан внутри судна, т. е. им пользовались в закрытом помещении и рулевой мог смотреть лишь через отверстие, проделанное в корме. Не вполне понятно преимущество такого устройства перед тем, когда румпель размещается прямо на палубе, как это показано на рисунке других кочей. На втором рисунке коча изображены бортовой набор и обшивка.

В целом графические изображения судов из раскопок Мангазеи — это не столько рисунки, сколько своеобразные строительные чертежи того времени. Думается, что, пользуясь ими, опытный плотник мог определить нужные ему пропорции главных частей судна, получить сведения о бортовом наборе, расположить мачты, укрепить такелаж, разобраться в тонкостях рулевого устройства. Нам же эти чертежи-рисунки помогли в анализе вещевого материала.

Кроме рисунков-чертежей на раскопках найдена доска небольшого размера с графическим рисунком одиночного

коча. На лицевой стороне показано все судно, а на оборотной — его отдельные части: бортовой набор и овальная линия обвода. На лицевой стороне выделены руль и такелаж. Нельзя не обратить внимания на манеру изображения русского морского судна, она напоминает западноевропейскую. Подобные рисунки можно найти в красочных книгах голландских и английских путешественников, посетивших в XVI в. Россию. Например, в роскошно изданной книге Геритса де Фера, участника экспедиции Баренца. В ней есть несколько рисунков северных русских судов, встреченных им в районе Новой Земли и у берегов Печоры. По манере изображения рисунки русских судов де Фера ничем не отличаются от рисунка русского корабля, который мангазейский мастер вырезал на кочевой доске, хотя, кажется, заимствование исключено».

Детали мангазейских судов

«На Мангазейском городище найдено несколько сот судовых частей различного назначения. Они обнаружены в конструкциях общественных и жилых зданий, в уличных вымостках, эти детали встречались во всех раскопах. Сначала судовые доски узнавали с трудом, потому что ранее никто из членов экспедиции никогда не видел их. Не встречались они и на старинных гравюрах. А вместе с тем уже в слоях верхних горизонтов встречались сосновые доски хорошей сохранности, отличительной особенностью которых были уложенные в ряд пазы и просверленные отверстия, через которые пропускались крученые ивовые и лозовые прутья. Предполагалось, что это упавшие потолочные доски двойного ряда. И только тогда, когда на раскопе воеводского двора встретили первый фрагмент бортового набора, все стало ясно.

Многочисленные доски интерьеров и уличных вымосток — это доски судовых бортовых наборов и палубных конструкций. С тех пор кочевые доски фиксировались и наносились на план. Наиболее интересные экземпляры зарисовывались в масштабе. В результате четырехлетних раскопок скопилось до 300 кочевых досок, доставка которых на Большую Землю была невозможна. Поэтому было принято решение — доски засыпать землей, а для более крупных судовых частей в северо-восточной части раскопа 21 устроено кладбище. Самые интересные экземпляры доставлены в Музей

Арктики и Антарктики, часть была в 1976—1977 гг. показана на выставке коллекций Мангазейской экспедиции ААНИИ.

Что касается досок обшивки и палубы, то, пущенные в дело, они не сохраняли подлинных размеров, а были подогнаны к размерам строительных конструкций. Чаще всего их средняя длина не превышала 5—6 м при средней ширине 20—30 см и толщине 75 мм.

При тщательном изучении системы крепления досок бортовой обшивки оказалось, что с помощью особых крепежных опытный мастер мог придать корпусу коча желательную форму. Чаще всего это был овал, поскольку это позволяло судну с помощью небольших рычагов в случае ледовых сжатий выбираться на поверхность льда...

Лучшим способом расположения досок для придания корпусу заданной овальной формы был набор внахлест. Это давало возможность образования пазов и швов, которые затем прокладывались просмоленным пеньковым жгутом. Поверх жгута крепились тонкая рейка, которая прошивалась железными судовыми скобами. Как видно из перечневых росписей, на каждый коч уходило до 10 тысяч скоб. Они встречались и в районе пляжа и непосредственно на досках.

Значительно сложнее оказалось понять крепление набора к кокорам, килевой балке, ахтерштевням, палубной конструкции. Оказалось, что и в этом случае в дело пускались деревянные крепления в виде шпунтов и нагелей. Такая система хорошо представлена на шпангоуте, обнаруженном в гостином дворе и на кокоре из раскопа 22. Для крепления поперечной доски, на которую накладывался палубный настил, использовались обнаруженные на городище железные гвозди полуаршинной и четверть-аршинной длины. Экспертиза показала, что они были выполнены из кричного железа.

Весьма оригинальную форму имели килевые балки, фор- и ахтерштевни.

Обнаружено несколько килей, изучение которых показывает, что они, во-первых, имели для вставления концов кокор специальные выемки, которые располагались в два продольных ряда; во-вторых, в местах стыковок шпангоута с килем существовала система закрепления их в нижней части шпангоута.

Еще более сложным являлось крепление бортового набора к форштевню. Длина форштевня, найденного на городище, составляла 5,5 м. Это довольно мощный ствол сосно-

вого дерева (сохранился фрагментарно), на конце которого, т. е. в верхней части, был выгесан ростр для укрепления носового оперения. В верхней части находилась приставная деталь. В случае протирания ее легко можно было убрать, заменив новой. Она играла значительную роль, располагаясь впереди судна. При движении корабля принимала на себя удар льдов или воды. Поэтому деталь делалась сменной. На ее поверхности обнаружены следы потертости и ударов о камни и коряги.

Доски носовой обшивки располагались на форштевне по двум расходящимся под углом 40° плоскостям, чем создавалась острая форма носа, удобная для продвижения судна в разреженных льдах.

Что касается ахтерштевня, то он единственный в коллекции. Это громоздкое деревянное сооружение, оказавшееся под окладным бревном северо-восточной постройки на раскопе 21. Размеры его: длина — 3 м, ширина — 40 см, высота — 1 м (обмер фрагмента). В разрезе ахтерштевень имеет форму конуса, в центре вырублен продольный паз для установки досок обшивки. Паз развернут под углом 60° . Сравнение размеров носовой и кормовой частей свидетельствует о том, что корма шире носовой части судна (40°). В пазах сохранились доски обшивки, прибитые к корпусу деревянными нагелями. В верхней части форштевень стыковался со своим продолжением. От стыковки сохранилось 10 нагелей и уступчатая форма.

В корпусе ахтерштевня в 2 м от края сделаны квадратные углубления для установки вертикальных бревен. Вероятно, ими были столбы поддержки палубного сооружения, а может быть, каюты. Следует отметить, что при осмотре ахтерштевня не обнаружено следов рулевого крепления, которые на графических изображениях трансовой кормы показаны отделенными от нее, т. е. вынесены за пределы корпуса на специальной раме.

Рядом с ахтерштевнем лежали мачта (длина — 10,55 м, ширина — 105 мм) и рей. Конец мачты обрублен на 2—3 м. В средней ее части сохранились фрагменты двух рей. Они были перерублены перед положением на бровку уличной вымостки. Здесь же оказалась третья рея, сохранившаяся почти целиком, — ее длина 6 м, сечение — 78 мм.

Среди найденных деталей коча интерес представляют многочисленные кокоры (шпангоуты). Обращает на себя внимание система крепления шпангоутов к обшивке и к ки-

левой балке — колоде. Упоминавшееся выше перо руля состояло из трех частей, скрепленных деревянными нагелями и скобами. В руле заметны сверленные дыры (19 шт.). Через отверстия пропускались ивовые крученые прутья для свивания пера с корпусом руля.

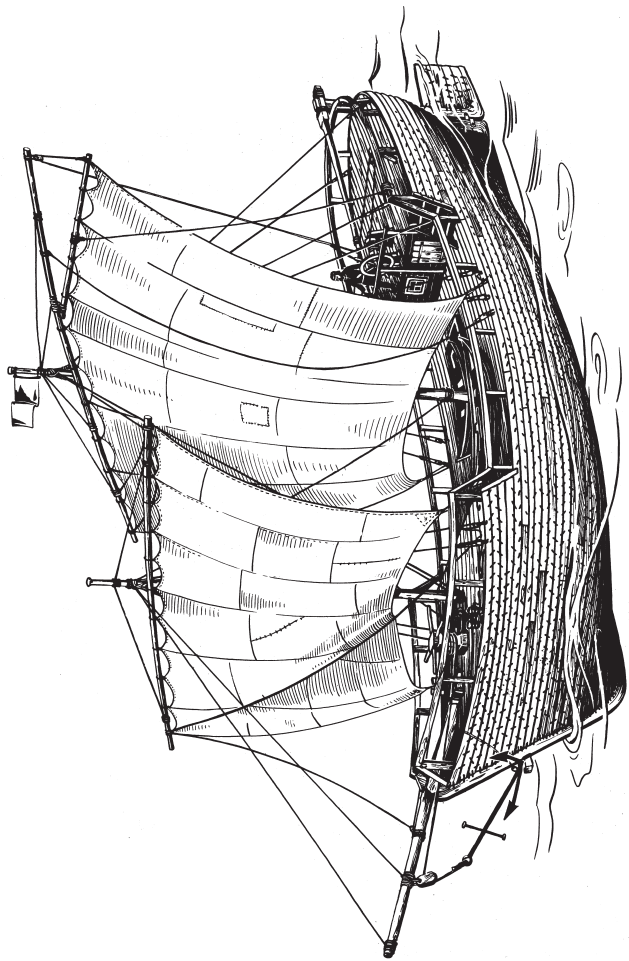
Итак, нами обнаружены все основные части коча и есть возможность вычислить их параметры. Это бортовые крепления, судовой набор, ахтер- и форштевни, кили, мачта, реи, перо руля, якоря, а также рисунки-чертежи. На основании изучения письменных источников устанавливается длина и ширина коча.

Но раньше, чем приступить к конструкции древнего русского морского корабля, в которой принял участие кандидат технических наук, инженер-кораблестроитель И. И. Поздняк, следует привести выдержку из акта приемки нового коча поморской постройки, составленного в Холмогорах в 1685 г. Коч строился для поездки на Новую Землю крестьянами Волокопинежского села Тимофеем и Игнатием Федоровыми.

Вот что читаем в этом акте: „В нынешнем в 204 (1695) году ноября 27 числа по указу преосвященного архиепископа Волокопинежского Николаевского приходу крестьяне Тимошка да Игнашка Федоровы дети Кулаковы по подряду своему сделали в дом его архиерейской новоземельский промысловый коч из своего сухого соснового лесу по угожеству и припроводили в дом его архиерейской на Холмогоры. А мерою тот коч в длину по колоде 10 сажени, а в вышину от колоды до 30 набоев на сторону матерых. А в том кочи кладено упругов в 13 местах, да два коряника в носу, да копыти в коргу, да десятеры курицы. Да он же, Тимошка з братом, добыли к тому кочу две десницы на перешвы, да собцовый корень, да бревно на дерево. А конопать и смола и скобы и на кровлю скалы и рогожи к тому кочу — все кладено домовое“ (ЛЮИИ, ф. Рукописи Археологической комиссии, кн. 108, л. 108 об.).

Приведенную цитату следует дешифровать. Пинежский коч по килю имел длину 21,6 м, ширину — 6,4 м, его борта возвышались из расчета 30 досок обшивки, он имел 13 шпангоутов. Такое измерение дает основание вычислить высоту носовой и кормовой частей коча. Она не превышала 5,5 м. Именно такой длины форштевень был обнаружен в раскопе комплекса А.

Мангазейские рисунки-чертежи показывают, что нос коча несколько поднимался над высокой кормой, а следовательно,

Реконструкция коча по деталям судов, найденных в Мангазее

высота кормы была в пределах 5 м. Борт был значительно ниже носа и кормы. Его высоту также можно вычислить. На раскопках средняя ширина досок обшивки составляла 25 см. В пинежский коч было положено 30 набоев. Следовательно, высота борта не превышала 3,5 м. Вычислить можно и осадку коча. Установлено, что при полной нагрузке 40 т коч погружался на глубину 1,5—1,75 м. На поверхности оставалась лишь незначительная его часть. Он выглядел низкосидящим судном, с несколько задранным овальной формы носом, высокой трансовой кормой, с палубными надстройками из теса, которые по терминологии того времени носили название кровель. В центральной части в разрезе и сверху коч имел выпуклые формы, сужающиеся к носу.

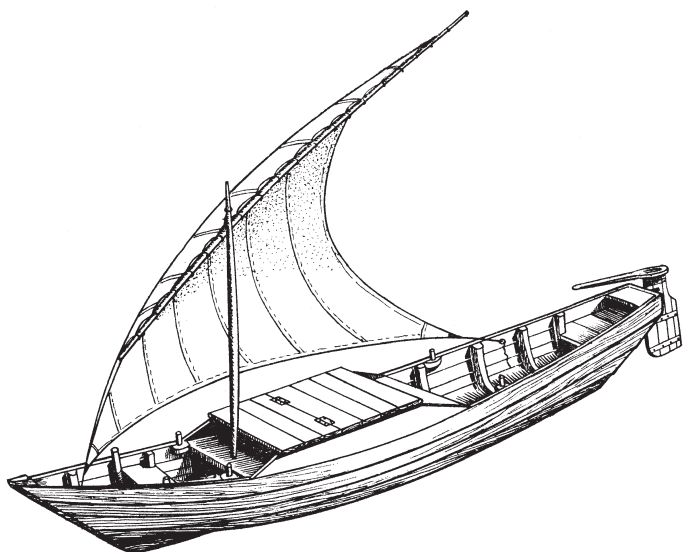
Поморско-верхотурский тип коча был эталоном для всех морских судов Сибири XVI—XVII вв. Реконструкция его подтвердила высказанное еще в 1951 и 1956 г. мнение о характере и особенностях такого типа судов.

Несколько слов о создании модели коча. В 1951 г. для сборника „Исторический памятник русского полярного мореплавания XVII в.“ при участии и консультации М. И. Белова сотрудник Музея Арктики Н. Д. Травин воспроизвел графическую модель коча. Модель имела, как потом выяснилось, ряд недостатков, но превосходила известную в то время музейную модель. Графическая модель Травина с некоторыми дополнениями и изменениями в 1967 г. была воплощена в музейную модель коча, выполненную С. А. Леонтьевым под руководством Белова. Ныне она выставлена в историческом разделе Музея Арктики и Антарктики.

Окончание работы над моделью почти совпало с началом раскопок городища Мангазеи, давших новый и обильный материал для реконструкции коча. К сожалению, он не был учтен. Следовательно, в ближайшее время стоит задача создания третьей и более совершенной модели коча — знаменитого полярного корабля, в течение многих столетий успешно бороздившего арктические воды» [7].

Астраханская бударка. Рыбница, реюшка, завонья

«Рыбаки Северного Каспия и Нижней Волги издавна применяют для связи с берегом, разездов и рыбной ловли на мелководье своеобразные, очень легкие на ходу, вместительные и удобные лодки — бударки. Как и другие лодки

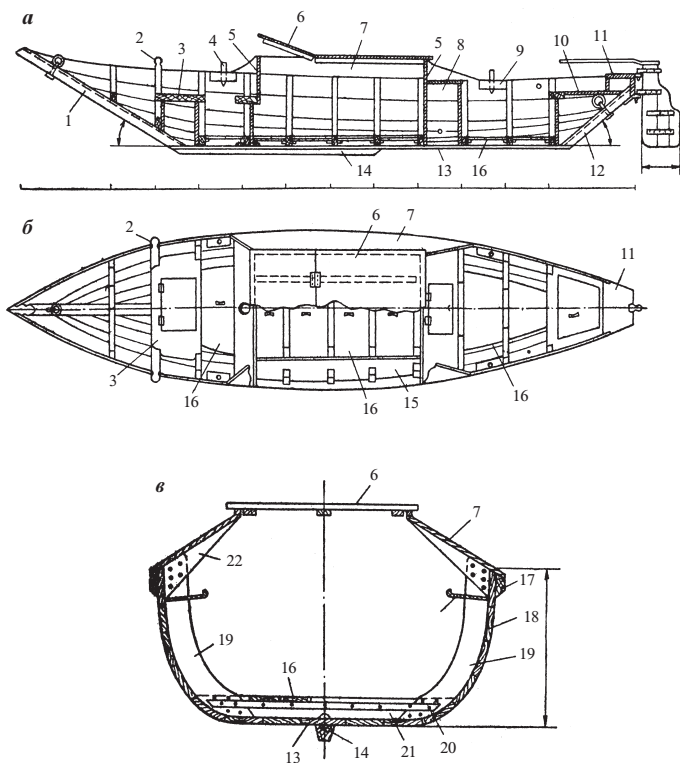
Астраханская бударка

местных типов, например рыбница или реюшка, бударка хорошо приспособлена для эксплуатации в суровых условиях Каспия. Ее обводы отточены опытом многих поколений рыбаков-мореходов. Конструкция корпуса также вырабатывалась и проверялась на протяжении многих веков.

Мне хочется рассказать о бударке, известной отличными мореходными качествами, в ее первоначальном виде, без изменений, внесенных за последние годы любителями бензинового запаха и шума моторов.

Строятся бударки самых различных размеров — от 3 до 10—12 м длиной и соответственно от 1 до 2,5 м шириной. Правда, бударки самых крупных размеров называются уже иначе — завознями. Средняя бударка, о которой мы будем говорить, имеет наибольшую длину 7 м при гораздо меньшей длине по килю — 4,5 м. Ширина такой лодки около 1,5 м, высота на миделе — 0,75 м.

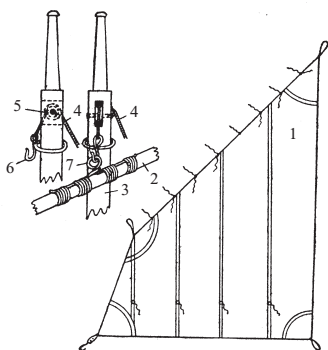
Материалом служат сосновые или еловые доски и брусья. Корпус собирают и на киле, т. е. килем вниз, и на шпангоутах, днищем вверх; во втором случае бортовые ветви шпангоутов делают длиннее, чтобы они опирались на землю.

Конструкция бударки:

а — продольный разрез; б — вид сверху; в — поперечное сечение

1 — форштевень, сосна (2200δ100δ120); 2 — пал-битенг (затесан конец усиленного 70δ70 топтимберса); 3 — носовая банка (крышка рундука); 4 — уключина; 5 — стенка закроя (переборка); 6 — крышка закроя; 7 — наклонный фальшборт; 8 — пузырь; 9 — подушка уключины; 10 — крышка кормового ящика; 11 — кормовой брейтук; 12 — ахтерштевень (1200δ150δ200); 13 — киль (5000δ25δ200); 14 — фальшкиль высотой 50 мм; 15 — полка в закрое; 16 — слань, сколоченная из досок; 17 — буртик (40δ25); 18 — доски наружной обшивки (25δ200), 13 шт.; 19 — топтимберс (50δ70); 20 — подсланевый брусок (20δ20); 21 — флортимберс (50δ70); 22 — кница полубимс из доски

Схематический чертеж паруса и узла его подъема на толе мачты:
 1 — парус площадью около 12 м²; 2 — реек; 3 — мачта; 4 — фал; 5 — шкив; 6 — ракс-бугель с крюком; 7 — кованная петля — коромысло для подвески рейка

Предварительно на плазу собирают шпангоуты, каждый из трех выгесанных деталей — флортимберса и топтимберсов, — соединяемых в лапу (вполдерева) на гвоздях. Шпангоуты 1, 2 и 11 собирают из двух частей со стыком в ДП. С обеих сторон каждого флортимберса крепят рейки для опоры сланей (рыбин).

У киля во флортимберсах делают водотоки. На шп. 8 и 9 ставят водонепроницаемые переборки из досок, соединенных в шпунт на смоляной шпаклевке.

Шпангоуты выставляют по разметке и крепят к килю, набор выравнивают и раскрепляют временными распорками и откосами.

Обшивку набирают вгладь из строганых сосновых досок толщиной 20—25 мм. Начинают от киля, причерчивают доски по месту и одновременно малкуя шпангоуты. Тщательно пригнанные доски крепят к каждому шпангоуту двумя коваными гвоздями (шпигорьями) средним диаметром 10 мм.

Доски верхнего пояса в корме скрепляют массивной горизонтальной кницей (из доски толщиной 40 мм), врезаемой заподлицо с кромками бортов. Снаружи по бортам прививают буртик из рейки.

Верхние концы топтимберсов шп. 2 отесывают, придавая им форму швартовых палов, а на шп. 4—8 срезают с наклоном к бортам для установки наклонных досок — фальшбортов. На шп. 5, 6 и 7 под эти доски ставят висячие кницы — полубимсы. Наклонные фальшборты образуют продольные стенки небольшой темной рубки, поместному — закроя.

На шп. 4 ставят банку с отверстием для прохода мачты, а с кормовой стороны набирают из досок еще одну глухую

переборку, которая служит передней стенкой закроя (кормовой стенкой служит переборка на шп. 8). Образованный этими переборками и наклонными фальшбортами отсек закрывают сверху свободно вставляемой крышкой из досок толщиной 25—20 мм, скрепляемых снизу тремя продольными рейками.

Между шп. 2 и 3 устраивают банку в виде ящика — рундука с откидной крышкой. Изолированный отсек между шп. 8 и 9 нужен для хранения живой рыбы и по-местному называется пузырем.

К обоим штевням закрепляют рымы. Обычно на бударях применяют деревянные уключины, прикрепленные на бобышках к бортам. На веслах делают путцы — мягкую петлю (из брезентового шланга), которой весло и надевается сверху на уключину. Положение уключин определяется по месту, чтобы удобно было грести первой парой весел, сидя на передней банке, и второй парой — сидя на крышке пузыря.

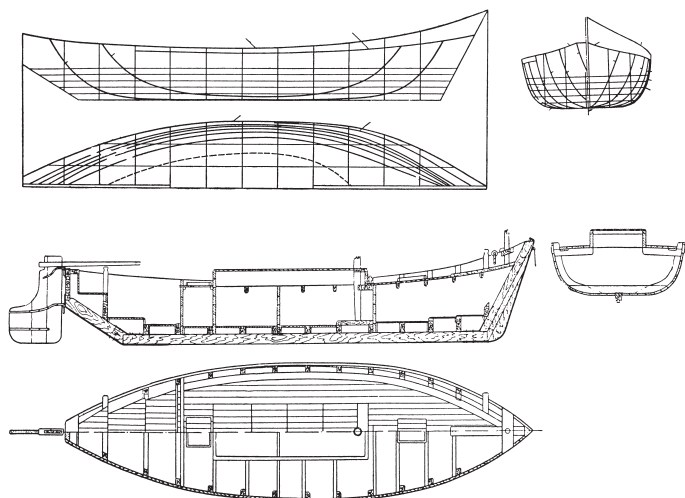
Корпус покрывают горячей олифой изнутри — весь, кроме живорыбного отсека, а снаружи — только фальшборт и буртик. Затем лодку переворачивают вверх килем, и пока олифа просыхает, к килю от форштевня до шп. 7 пришивают фальшкиль. Стыки и пазы обшивки тщательно конопатят снаружи пеньковой паклей, а затем пропитывают горячей олифой со смолой.

Полностью высохший корпус покрывают снаружи густой горячей смолой. Внутреннюю сторону обшивки и остальные детали корпуса (кроме пузыря изнутри) дважды прокрашивают масляной краской.

Навесной руль сколачивают из досок. В кузнице заказывают съемный румпель (румпальник) из железного квадратного прута 15б15, крючья и петли руля. Весла вытесывают из еловых брусков 100б100б3000. Мачта также изготовлена из ели; диаметр ее у кобля — 80 мм, в верхней части — 50—60 мм.

На мачте чуть выше закройной доски крепится деревянная утка для крепления фала. Поднимающийся по мачте ракс-бугель и коромысло с вертлюжным кольцом для подвески рейка — кованые. Чаще всего бударки вооружались косым рейковым парусом. Кромки шкаторин подрубают и обвивают ликросом, закладывая его на углах петлями. В нижнем галсовом углу в петлю заделывается коуш с гаком из 6-миллиметрового прутка. В петлю шкотового угла вязывается шкот.

Под верхний ликрос вшивают несколько отрезков линия по 40 см для крепления паруса к рейку. Параллельно ниж-

Парусная реюшка.

Теоретический чертеж; разрезы и план палубы

ней шкаторине на расстоянии 600 мм от нее в полотнище делают 4—5 отверстий (люверсы диаметром 5 мм), в которые пропускают рифштерты; при особо сильном ветре для уменьшения площади паруса нижнюю шкаторину подбирают и подвязывают.

Подвязанный к рейку парус поднимают, предварительно закрепив галсовый угол за одну из трех веревочных петель, прикрепленных в носовой части бударки (две по бортам у шп. I, а одна — на форштевне у рыма). Шкот продевают в специально просверленное отверстие в борту, под буртиком, около шп. II, называемое шпигатом.

Бударки с успехом используют не только рыбаки, но и многие туристы. Лодка имеет четыре крытых помещения. Под парусом бударка показывает отличные качества. Достаточной длины фальшкиль (иногда его увеличивают до 100 мм) и узкие обводы кормы хорошо противостоят дрейфу. Благодаря наклонным фальшбортам бударка не черпает воду даже при большом крене, когда подветренный фальшборт находится наполовину в воде.

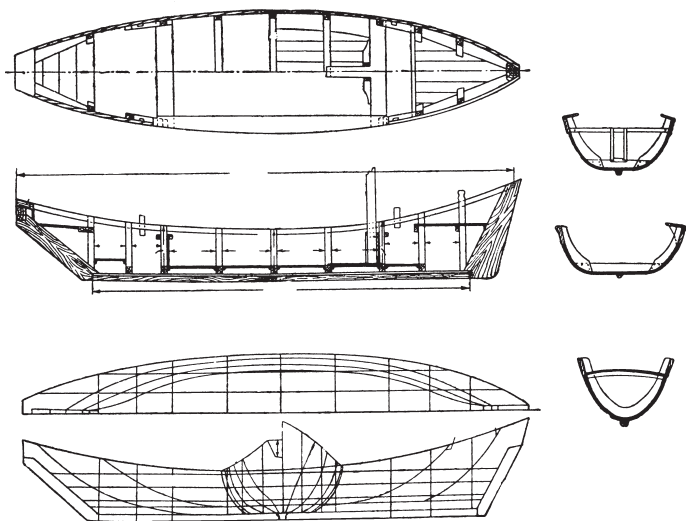
Должен заметить, что благодаря небольшой высоте мачты ванты обычно не ставят» [73].

Реюшка

«Парусное рыбацкое судно, предназначенное для самостоятельного поискового (фырочного) лова рыбы. Имела полубу и две мачты с косыми парусами: фок-мачту в носу и грот-мачту, иногда съемную, близко к миделю. Площадь парусов — 16—35 м². В носовой части располагался кубрик, в средней хранили снасти, в корме был открытый отсек. Способ лова требовал быстрых переходов с места на место, и реюшки хорошо лавировали (реяли) на ветру. Улов обычно сдавали на рыбницу. Реюшки были распространены на Каспийском море (длина — 8—11 м, ширина — около 3 м, осадка — около 0,7 м, грузоподъемность — 5—6 т, экипаж — 3—4 человека)» [84].

Подчалок

«Лодка, которая при совместной работе с большим судном, стоящим на якоре, удерживается от сноса ветром и течением на бакштове — конце растительного троса, спущенного для этого с кормы судна, — называется подчалком.

Кормовой подчалок. План, продольный и поперечный разрезы и теоретический чертеж

Главные размерения и элементы местных типов рыбопромысловых судов Северного Каспия

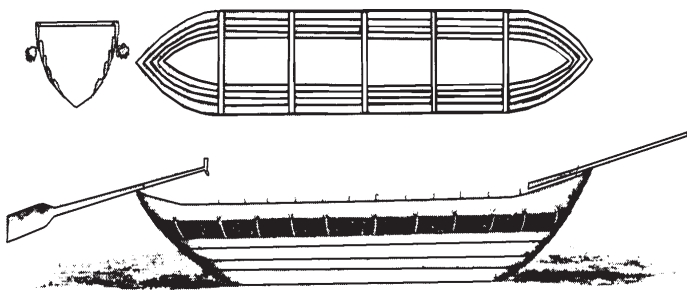
Наименование размерений и элементов	Типы судов					
	Столечная рыбацка	Приемная рыбацка для мелководья	Рыбацка-кухня	Распорный неводник	Парусная реюшка	Кормовой подчалок
Длина наибольшая, L , м	16,8	17,7	13,9	11,6	10,6	6,2
Длина по килю, L_k , м	13,0	14,0	11,0	8,7	8,2	4,2
Ширма без обшивки B , м	5,2	5,84	4,49	2,85	2,94	1,6
Высота борта H , м	1,63	1,10	1,20	1,05	1,05	0,84
Осадка средняя грузовая, м	1,20	0,80	0,98	—	0,72	—
Водоизмещение в грузу, т	55	49	33	—	10,4	—
Грузоподъемность, т	28	25	18	—	5,8	—
Отношение $L_k : B$	2,5	2,4	2,45	3,07	2,80	2,65
Отношение $H : B$	0,31	0,19	0,27	0,37	0,36	0,53
Коэффициент полноты водоизмещения	0,56	0,63	0,58	—	0,54	—
Вес корпуса с вооружением на LBH , кг/м ³	0,19	0,21	0,20	—	0,14	—
Площадь парусов, м ²	35—74	39—80	22—48	35	16—35	18

Это парусно-гребная одномачтовая рыбацкая лодка. Предназначалась для лова рыбы сетями или крючковой снастью. Подчалки вели лов самостоятельно или базировались на рыбацких. Были распространены на Каспийском море (длина — 6—7,5 м, ширина — 1,6—1,8 м, высота борта — 0,7—0,9 м, осадка — около 0,4 м, площадь люгерного паруса — около 18 м²)» [84].

Казацкая чайка

«Для морских походов запорожские казаки строили плоскодонные чайки—суда смешанной конструкции. Основой судна была выдолбленная из дерева колода длиной до 15 м, к концам которой крепили с уклоном наружу концевые опруги (фор- и ахтерштевни). Внутри устанавливали опруги высотой до 4 м, а уже к ним крепили доски бортовой обшивки. Доски старались тесать длиной до 4 м и шириной до 30 см, добиваясь тем самым уменьшения числа пазов и стыков. Пазы и стыки плотно конопатили и заливали варом. Внутри судна настилали второе дно, или слань, из тонких досок; набор и обшивку судна обильно смолили. Вдоль борта привязывали толстый канат из пучков сухого камыша. Камыш служил поплавком: благодаря ему чайка могла держаться в море при любой погоде.

Постройку новых судов и всю подготовку к походу проводили спешно, в строжайшей тайне. Артель из 15—20 опытных мастеров и такого же количества подсобных рабочих могла построить чайку за две-три недели. Суда приводили в движение с помощью весел (до 15 пар) и ветром, для чего на мачте устанавливали прямой парус. Численность экипажа

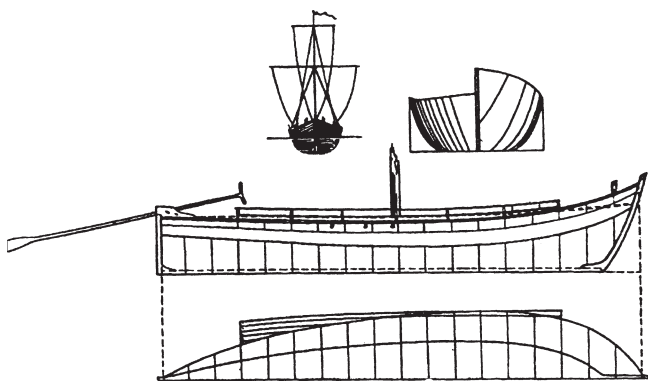

Казацкий челн

достигала 70 человек; кроме личного оружия воинов на судне имелось до шести небольших пушек с боеприпасами. В походе запорожцев участвовало обычно до 100 судов» [76].

«Поражали в особенности те ничтожные средства, с какими казаки вступали в борьбу с могущественным турецким флотом. Вот что рассказывает Боплан о морской технике казаков: «Прежде всего высылают они на Запорожье всякие принадлежности, необходимые для похода и постройки лодок, затем отправляются сами на Запорожье и занимаются постройкой лодок. За одну лодку принимаются человек шестьдесят и изготавливают одну в две недели — так как они мастера на все руки. Основой служит ивовый или липовый челн, длиной в 45 футов; на него набивают из досок борты так, что получается лодка в 60 футов длины, 10—12 футов ширины и такой же глубины. Кругом челн окружается валиком из плотно и крепко привязанных пучков камыша. Затем устанавливают два руля — правила, сзади и спереди, ставят мачту для паруса и с каждой стороны по 10—12 весел. Палубы в лодке нет, и при волнении она вся заполняется водой, но упомянутый камышовый валик не дает ей тонуть. Таких лодок в течение двух-трех недель 5—6 тыс. казаков могут изготовить от 80 до 100. В каждую лодку садится 50—70 человек. В бочках — провиант: сухари, пшено, мука. Снарядившись таким образом, плывут по Днепру: впереди атаман с флагом на мачте.

От чаек запорожцев суда донских казаков отличались лишь своими размерами; они имели до 21,5—24,5 м в длину и до 5,5—6,5 м в ширину» [18].

Чертеж шитика

Путесь (правъло)

Одним из главных отличий русских и вообще славянских судов от судов других народов, например от скандинавских, было применение потеси вместо бортового весла (бортового руля).

«Потесь — это правъльное весло, вытесанное из бревна длиной 21—25 м, навешиваемое на стальных штырях с кормы и с носа барок и других речных судов барочного типа. Им правили, загребая в поперечном относительно курса судна направлении. Иногда сбоку имелась третья потесь, называемая заносной. К середине XIX в. потеси были повсеместно вытеснены навесными рулями. В настоящее время сохранились лишь на плотках при сплаве леса по мелким и бурным рекам, где невозможна буксировка» [84].

Глава III

Великий трансконтинентальный Волжский путь

Согласно принятому в истории взгляду, государство (Русь) возникло в районе, где население разбросано изолированными группами, живущими натуральным хозяйством, основу которого составляли примитивное земледелие с бортничеством на юге, охота и рыболовство с подсечным земледелием на севере. Какие могут быть предпосылки всемирно-исторического характера при таком исходном убожище?

Однако возникает ряд вопросов. Неужели многочисленные клады арабского серебра конца VIII — начала IX в. — это результат деятельности всего лишь немногочисленных ватаг купцов-норманнов, которые на свой страх и риск время от времени пробирались этими местами? Откуда и куда?

В. И. Паранин.

Историческая география летописной Руси

Водные пути являлись, если так можно выразиться, костяком экономики средневековой Руси и России. А их становым хребтом были Днепровский и Волжский пути. В образовании и становлении того государства, в котором мы живем, не последнюю роль сыграла Волга-

матушка, Волга-кормилица: она кормила всю Европейскую Россию и не только ее. Именно в Нижнем Новгороде определялись мировые цены на хлеб и другие продукты. Недаром Нижний называли карманом и кошельком России.

«На территории Восточной Европы можно выделить несколько крупных водных магистралей, но самой важной несомненно являлась Волга. Вместе с реками бассейна Онежского и Ладожского озер Волга составляла знаменитый Восточный трансконтинентальный путь, соединяющий Балтику с Каспием, а через них Западную и Северную Европу со Средней Азией и Кавказом, из которых шли пути на Индию и Китай.

Восточный путь во все времена играл огромную роль в жизни обширнейшего региона... Первоначально это был путь, по которому происходило заселение освободившихся от ледника областей Европейского Севера и осуществлялись связи вновь освоенных территорий с прародиной. В последующем эта водная магистраль послужила стержнем формирования обширного массива родственных финских народов... Согласно лингвистическим, археологическим и антропологическим данным финно-угорская общность народов Поволжья, Озерного края и Прибалтики существовала уже в конце неолита (III—II тыс. до н. э.). Именно в это время прослеживается экспорт кремня с Валдая в Финляндию. В дальнейшем значение Волжского пути, видимо, сохранялось, вместе с тем расширилась география торговли, которую обслуживала магистраль.

Й. Херман со ссылкой на ряд источников отмечает наличие в эпоху бронзы обмена между областью озера Меларен в Скандинавии и Средним Поволжьем (*Херман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона//Славяне и скандинавы, с. 40*). Отныне вся жизнь населения Верхней Волги, Озерного края и Карелии в большей степени становится ориентированной на Балтику. Очевидно, уже в это время по Волжскому пути поступали на Балтику восточные экспорты, а в район Каспия — западные.

Как бы то ни было, во второй половине прошлого тысячелетия в обширном афро-еврозиатском регионе созда-

лась ситуация, коренным образом изменившая как географию международной торговли, так и значение, а возможно, и характер Восточного пути, который в результате получил полное право именоваться Великим. Толчком к этому послужило возникновение в Аравии в VII в. новой религии под названием ислам и последовавшая за этим арабская экспансия...

Таким образом, война, бушевавшая от берегов Атлантики на западе до Памира на востоке, прервала торговые коммуникации, связывавшие Европу с Ближним, Средним и Дальним Востоком и проходившие традиционно через Средиземноморье... Что касается Франкской империи, то здесь в результате войны центр тяжести экономики сместился из южных районов на побережье Северного моря. Особый подъем испытывает Фрисландия, где в низовьях Рейна—Мааса—Шельды получают развитие центры ремесла и торговли... Торговые города меньших размеров выросли в устьях Эмса и Везера, крупным торгово-ремесленным центром являлся Гамбург. Ни война, ни идеологические разногласия между Западом и Востоком не отменили объективной необходимости традиционных экономических связей между враждующими сторонами. Более того, она даже возросла. С VIII в. франко-фризские города начинают чеканку собственной монеты, испытывая при этом острую нужду в металле, что было связано с общим упадком горного дела в эпоху Великого переселения народов и после нее. В начале VIII в. нехватка драгоценных металлов усугубилась в результате захвата арабами Пиренейского полуострова, откуда, начиная примерно с конца IV тыс. до н. э., поставлялось золото и серебро сначала в Египет, а затем в Европу...

Если Европа нуждалась в металле для чеканки монеты, то Восток был заинтересован прежде всего в получении железа и мехов, которыми были богаты Северная и Северо-Восточная Европа.

Таковы вкратце основные объективные предпосылки возникновения крупномасштабной транзитной торговли, осуществлявшейся через Восточную Европу, в обход охваченного войной Средиземноморья. Уже для начала VIII в. необходимо считаться с активным движением серебра по

Карта Дженкинсона (1562 г.)

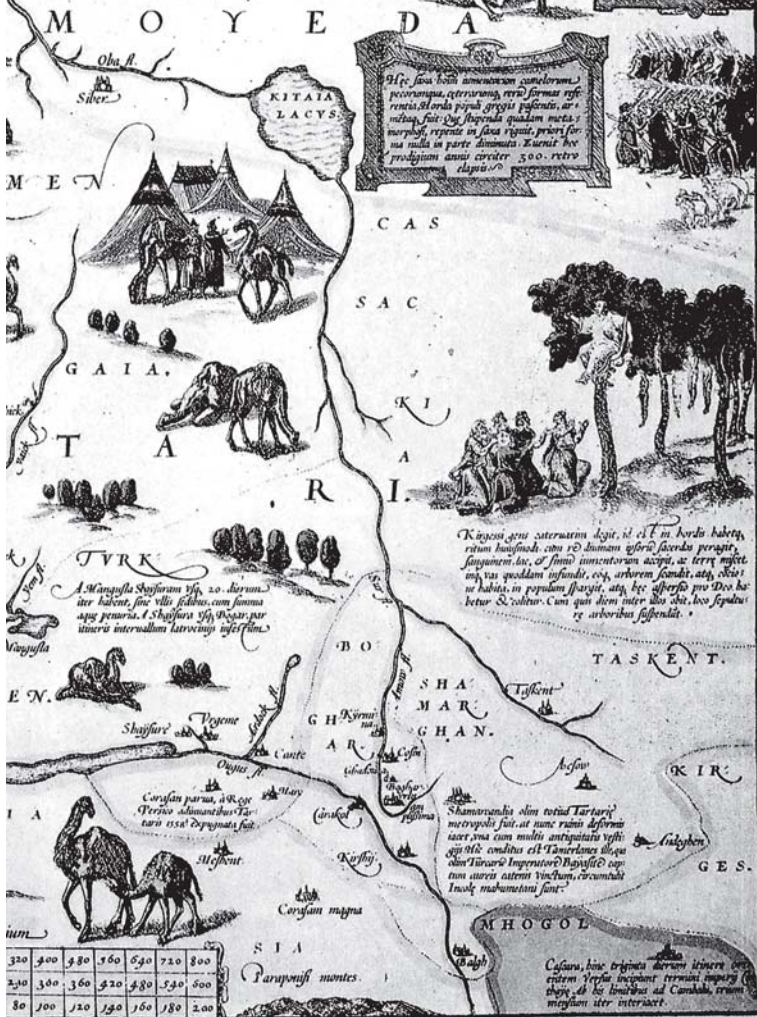
V:
IO:
RIA:

*Qua habet est arena
vires ab obliquo, et hoc
gorani religio: obvia de
hinc hoc sacra vobis.
quod ipse facit: nonne si
signandum, signum, (hinc
morum) certis consuetudi-
dat respice, arripit e:
morum consuetudo.*

MOL:
GOM:
ZAIA.

BAIDA.

*Horum regionum incolae
Solem, vel rubram pan-
nam pericla suspensionem
adornant. In caeteris vi-
tem dantur: ac pedit are-
militum, serpentes, veru-
g, cum videntur: ac pro-
prio libonate videntur.*

*Hic, sua loci amonitione caeterorum,
pocorantia, ceterorum, raris formas re-
rentis. Et ordo pupuli gregis pascunt, ac
vicia, fuit. De, hinc quidem raris,
morsus, repente in sua vixit, priori for-
ma nulla in parte dimissa. Eunt hoc
prodigium anni crederet 500. retro
elapsis.*

*Kayosi, seu caeterorum legit, si et in hodi-
viam huiusmodi, cum et humani ipse, sacra prope,
finguntur hoc, et fundi videntur accipi, ac terra pascit,
in, vas quoddam infundit, eoque arborum fons, atq. dicitur
ut habitus, in populis huius, atq. hoc aspersio pro Deo ha-
betur et, cultus. Cum qui diem inter alio dicit, hoc sepul-
crum arboribus suspendit.*

*Shamovandis olim totius Tartariae
metropoli fuit, at nunc raris deformi
sua cum multis antiquitatis vestigi-
is hinc condita est. Tamerlanus ille qui
olim Tarsus Imperator? Bagasid? cap-
tum auro attoni vinctum, circumdabit
Inoch mahometani fuit.*

*Casari, hinc triginta dierum itinere det-
eritum versus incipit terram imperii
et, hinc de hoc hinc ad Cambala, raris
meyam iter interiacet.*

320	300	280	260	240	220	200
230	300	360	420	480	540	600
80	100	120	140	160	180	200

восточноевропейским континентальным путям между Средней Азией, Передним Востоком и Балтикой. Точно так же могли поступать попадающиеся изредка изделия китайского, индийского или иранского производства.

Основным фактором, обеспечивавшим энергию встречных потоков товаров, проходивших по Восточной Европе, являлось географическое разделение труда между отдельными районами Европы и Арабского Востока. Различия в специализации участвовавших в торговле областей приводили зачастую к огромному перепаду цен на отдельные товары на рынках этих регионов. Как в физике разность потенциалов приводит к возникновению в цепи электрического тока, так и в экономике разница в ценах зарождает и поддерживает товарный обмен между районами. При этом торговля бывает весьма выгодным занятием. Так, меха, являвшиеся одним из самых массовых товаров, обмениваемых на арабское серебро, приносили прибыль в 1000 % и более. Очень велики были расхождения в ценах на продовольственные товары, в частности на зерно, которое в Ираке стоило в 12 раз дороже, чем в Праге, а в период засухи — во все 200 раз.

К концу VIII в. в Восточной Европе оформилась система трансконтинентальных коммуникаций с торговыми центрами и промежуточными пунктами. По ним в Европу поступали крупные партии серебра, которые требовалось оплачивать большими количествами встречных товаров. Причем размеры торговли с обеих сторон со временем возрастали. Именно это время стало началом движения викингов на западе Балтики» [48].

Таким образом, задолго до Васко да Гамы, задолго до его открытия океанского пути в Индию товары Востока широким потоком текли в Европу, а европейские направлялись на Восток. Ибо путь в Индию, который так долго и упорно искали европейские купцы, с незапамятных времен был хорошо известен татарским и российским купцам. При этом татарские купцы проявляли такую торговую активность на Востоке, что один из крупнейших базаров Востока в иранском Тебризе назывался Казанским. А когда в 1557 г. английский негодник и капитан Дженкинсон, обуреваемый блажной, сумасбродной идеей отыс-

кать северный путь в Индию, пришел в Архангельск (который назывался в те времена портом Новые Холмогоры*) и стал расспрашивать о нем у местных жителей и купцов, то тамошние бывалые люди рассказали, что это дело не такое сложное. По их словам, для этого надо было Северной Двиной выйти на Волгу, пройти Хвалынское море, Персию и выйти к Персидскому заливу, а там налево, наискосок уже рукой подать.

Этот путь пределал в 1448 г. Афанасий Никитин. В данном факте вызывают интерес два вопроса. Во-первых, как ему удавалось понимать местных жителей во время путешествия, и во-вторых, почему его дневники не стали широко известны для современников. Можно предположить, что он или освоил два языка — персидский и турецкий, или до своего путешествия уже знал татарский, что позволило ему изъясняться на всем пространстве от Турции до Индии. А записки его не произвели сенсации в стране потому, что те сведения, которые он доставил, являлись только уточнением и дополнением тех, которые были общеизвестны в стране в устной форме. В этом видится отличие от того, как были восприняты сведения о Востоке, доставленные Марко Поло, которые явились откровением для итальянцев и для всей Западной Европы. В Индию Никитин шел по Волге, а обратно возвращался уже по Днепру, как бы отмаркировав для потомков трансконтинентальные торговые маршруты, по которым купцы везли в Европу китайские шелка, индийские сатины, персидскую парчу и бархат, а также слоновую кость, жемчуг, кольчуги, мечи, сабли, чай, сахар, сухофрукты, специи и изделия из серебра.

А в другую сторону шел поток товаров из янтаря, стали, меда, воска, льна, кож, дерева, а также зерно и рабы. Возможно, перебои с поставками индийского жемчуга и слоновой кости побудили новгородских бояр-банкиров

* «В 1584 г. был построен первый русский торговый порт Новые Холмогоры, переименованный в дальнейшем в город Архангельск. Многие годы дальше Архангельска иностранцев не пускали; все товары сибирских рек подвозились в Архангельск на многочисленных русских судах каботажного плавания» [18].

и купцов начать интенсивное освоение Севера, где они организовали добычу речного жемчуга и моржовой кости. А перебои с поставками афганского и иранского серебра подтолкнули их начать освоение Западной Сибири, Закамья.

В этом районе по каким-то непонятным причинам у местных жителей — хантов и манси — скопилось такое количество восточного серебра, что это приводит в недоумение историков. Причем большинство серебряных изделий — кувшинов, ваз, блюд — относится к VI в. и имеет иранское, сасанидское, происхождение. Такого количества серебряных изделий того периода не обнаружено больше нигде, даже в самом Иране. Правда, подобное серебро было найдено еще в Поднепровье, но его количество не идет ни в какое сравнение с Закамским. При этом необходимо учитывать, что большая часть серебра из Закамья пошла в переплавку для торговых надобностей. Очень многие из оставшихся серебряных изделий сейчас хранятся в Эрмитаже. Кроме серебряных изделий там же, в Закамье, были найдены и вовсе поразительные вещи, например древнеегипетский скарабей и монета с изображением древнегреческого бога — Гелиоса (см. А. А. Формозов [66]).

Конечно, торговля по Волжскому пути осуществлялась не только россиянами. Во всех торговых городах Волжского пути имелись кварталы, населенные персидскими, армянскими, арабскими и даже индийскими купцами.

Таким образом, Волга соединяла средневековые торговые империи — Арабский халифат и Ганзу — в единое экономическое пространство. О размерах этих отношений можно судить по тому факту, что Ганза в пору своего расцвета (XIII в.) контролировала три четверти всей европейской торговли, оставляя всей остальной Европе, включая знаменитые Геную и Венецию, только одну четверть. И именно восточная торговля составляла основную часть доходов ганзейцев. Средневековая волжская торговля была явлением мирового порядка, превосходя по своим масштабам и значению Великий шелковый путь. Этим можно объяснить стремительное развитие средневековых североευропейских городов и удивительную активность викингов, которые в X в. были торговыми парт-

нерами ганзейских и новгородских купцов и одновременно грабителями и сбытчиками награбленного. И по-видимому, алчность, а не малоземелье заставляла их совершать свои легендарные походы.

Экономические связи севера Европы и Востока были настолько тесными, выгодными и жизненно важными, что любой разрыв товарных отношений грозил катастрофическими последствиями для всего экономического пространства, что и произошло в конце XV в.

В 1492 г. Христофор Колумб открыл Америку. И сразу же в Европу хлынуло бурным потоком американское серебро и золото. Караваны испанских галеонов везли серебряные монеты в Европу. Сотни пиратских предводителей в одночасье становились лордами и баронами, а короли и королевы — пиратами. Началась «пляска» алчности вокруг золотого тельца. Бывшие провинциальные страны Европы вышли в мировые лидеры, а для большинства стран Европы все это обернулось разорением и хаосом. Обесценилось серебро и золото. Резко подскочили цены на товары, в том числе и на товары первой необходимости. Нарушился сложившийся баланс цен на мировом рынке. От этого международная торговля практически парализовалась. Началось обнищание всех слоев населения — от богатых купцов до сельских батраков. По Европе прокатились эпидемии, неурожай, войны. Испания и Англия начали драку из-за американской добычи. Восстали Нидерланды. В Германии вспыхнула затяжная крестьянская война. Появилось протестантство, и началась его борьба с Папой Римским. Воевали все против всех: «В Европе бушевала Тридцатилетняя война между протестантами и католиками, начавшись в 1618 году. Англия, конечно, принимала в ней участие на стороне протестантов. Но в Англии, кроме того, произошла революция, которую произвел король против парламента. Восстание было подавлено в 1648 году, а в 1649 году король был казнен, и к власти пришел лорд-протектор Оливер Кромвель. Недолго думая Кромвель разогнал парламент и взял власть в свои руки» [23].

Не миновала чаша сия и Россию. В ней, как и в других странах, резко сократилась торговля, и особенно внешняя. Начались финансовый и экономический кризисы, стреми-

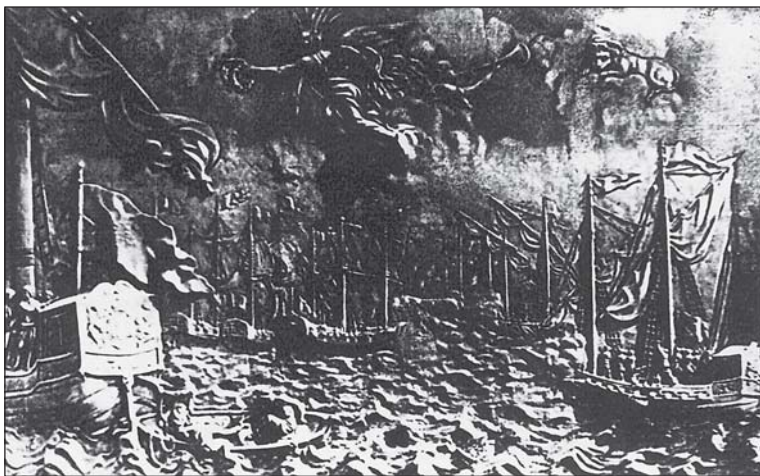
тельное падение всех экономических показателей. Произошло обнищание широких слоев населения и, как следствие этого, рост сепаратистских устремлений в стране.

Непонимание сути происходивших событий привело к появлению мифов. Одним из таких стал миф о происках внешних и внутренних супостатов. Миф о международном заговоре против России нашел широкий отклик в кругах близких к российскому царю и глубоко внедрил в сознание самого Ивана Васильевича Грозного. Началась казанская эпопея, приведшая к разорению татарского купечества, затем ливонская, разорившая ливонских (ганзейских) торговцев, а закончилось все взятием Новгорода и физическим уничтожением новгородских купцов. Жестокость при этом была такова, что в Казани и Новгороде долгое время эпидемии от массовых захоронений не позволяли заселить опустевшие города. Затем поиски виноватых и внутренних врагов перекинулись на бояр и даже на ближайших соратников царя — опричников.

Однако экономическая ситуация продолжала неуклонно ухудшаться. Предпринимались отчаянные и лихорадочные меры по спасению ситуации. С целью увеличения доходов государства начался захват и освоение Сибирского ханства. Предпринимались поиски новых иностранных торговых партнеров взамен утерянных, выразившиеся, например, в нелепых попытках сватовства к английской королеве... Ситуация ухудшилась настолько, что армия Грозного оказалась на какое-то время без боеприпасов.

Все последующее время Россия тяжело и долго болела. Кризис болезни пришелся на период Смутного времени. И только после того, как униженное и разоренное купечество берет всю тяжесть моральной и экономической ответственности за судьбу страны на себя, начинается перелом. Как это происходило, широко известно. Нижегородский купец Кузьма Минин организовал сбор средств для создания армии, победоносные действия которой положили конец Смутному времени. После чего началось долгое и трудное выздоровление страны.

К середине XVII в. Россия поправляется настолько, что готова снова стать мировым торговым центром. Для осуществления этого был нужен энергичный лидер. Им

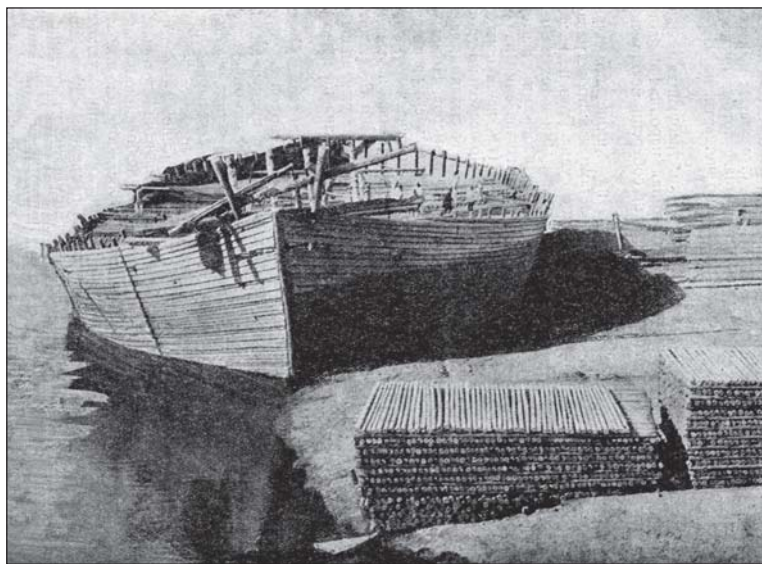
*Бой при Гангуте. Бронзовый барельеф с постамента
памятника Петру I у Инженерного замка.
Скульптор В. И. Демут-Малиновский*

становится юный царь Петр I. Для решения этой стратегической задачи необходимо было восстановить северное плечо Великого Волжского торгового пути, парализованное шведской оккупацией, и укрепить южное. О ходе Северной войны (1700—1721 гг.) известно столько, что нет нужды останавливаться на этом. Хочется отметить несколько деталей, выявившихся в ходе этой войны. Первое — боевые действия русской армии не только не вызвали яростного сопротивления, как это было во времена Ивана Грозного, но даже находили открытую поддержку со стороны жителей Ливонии и Ингерманландии. Второе — сама Швеция в результате войны, в экономическом плане, оказалась в более выгодном положении, чем до боевых действий. Особенно в выигрышном положении оказалось шведское дворянство, которое проживало на территориях, отошедших к России, так как им были предоставлены торговые привилегии, а доступ к восточным рынкам сделал торговлю исключительно выгодной. Все это говорит в пользу выдвинутой версии. А в подтверждение того, что Северная война своей целью преследовала именно восстановление транзитной торговли между Во-

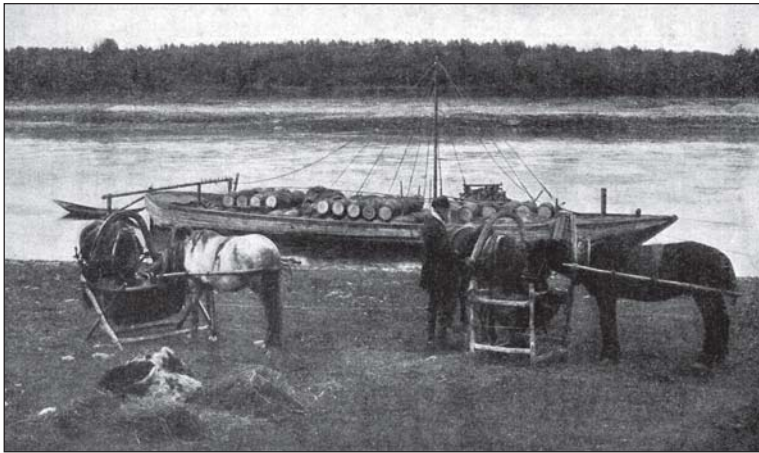
стоком и Западом, свидетельствует тот факт, что в 1723 г. при угрозе захвата Турцией Прикаспия по договору с персидским правительством Россия вводит свою армию в Иран и оккупирует все побережье Каспия. После расторжения договора Россия выводит войска, обсудив с Персией вопрос безопасности своей каспийской торговли. После этого стратегические цели Северной войны были выполнены полностью: Россия снова стала в центре международной торговли. И это сразу повлияло на экономическое положение страны. Начинается экономический подъем России.

При Екатерине II задача восстановления древних торговых путей была решена окончательно. Россия получила второй стратегический торговый путь — Днепровско-Черноморский, что позволило ей проводить независимую от своих южных торговых партнеров политику: если ухудшались отношения с Персией, Россия начинала интенсивнее использовать черноморские торговые пути, и наоборот.

Конечно, значение волжской торговли от века в век изменялось. На это повлияло и открытие океанского пути

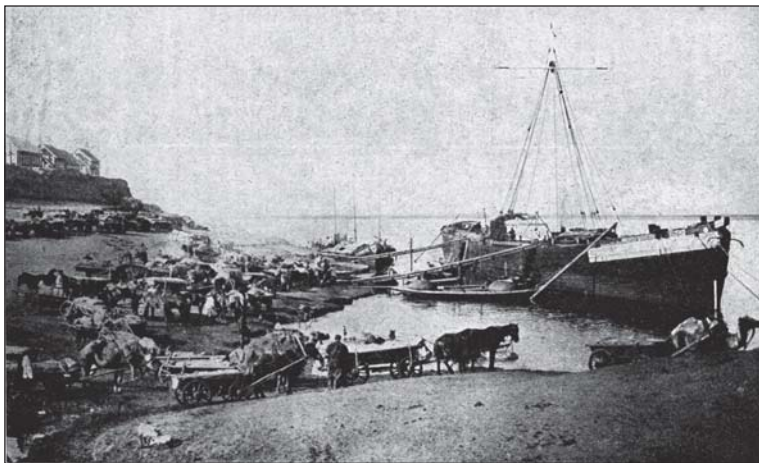
Разгрузка беляны

Привал коноводов

в Индию, и прорытие Суэцкого канала, и освоение Сибири и Северной Америки. Однако значение Волги как мирового торгового пути всегда оставалось прочным вплоть до 1917 г., когда Россия замкнулась в своих границах.

Однако и до сего времени Волжский и Днепровский торговые пути имеют колоссальное значение для нашей Роди-

Волжская хлебная баржа

ны. Географическое положение Волги, как и в прошлые времена, способствует тому, чтобы Россия вновь стала в центре международной торговли между Востоком и Западом, так как водный транспорт и ныне является наиболее дешевым. Восстановление интенсивной волжской торговли может дать новый импульс не только развитию нашей страны, но и с экономикой многих северных европейских стран — Финляндии, Швеции, Германии, Польши, а возможно, и Дании, и Голландии, а также странам, расположенным около Персидского залива.

О денежной системе Древней Руси (VII—IX вв.)

Одним из показателей тесных экономических связей Руси с арабским Востоком является устройство древней российской денежно-финансовой системы.

«Поскольку в „Правде Росьской“ мы встречаемся с денежно-весовой и денежно-счетной единицей Древней Руси гривной, расскажем о ней и денежной системе того времени подробнее. Название „гривна“ происходит от золотого или серебряного украшения — обруча, который носили на шее (на зашивке). Потом это слово приобрело значение стоимостной меры, т. е. стало означать определенное количество серебра по весу. Оно слагалось из веса соответствующего числа серебряных монет. Тогда возник и счет монет на штуки. Гривна, состоящая из определенного количества монет, стала называться гривной кун. Гривна серебра (весовая) и гривна кун (счетная) стали на Руси платежно-денежными понятиями. Сначала их вес был одинаковым. Но потом из-за неодинакового веса монет из разных стран гривна серебра стала равняться нескольким гривнам кун. Так, в XII в. гривна серебра (ок. 204 г.) по ценности равнялась 4 гривнам кун (каждая ок. 51 г.). Гривна кун соответствовала определенному количеству серебряных монет. В XII в. гривна кун равнялась 20 ногатам, или 25 кунам, или 50 резанам, или 100—150 веверицам (векшам).

Ногатами назывались полноценные отборные серебряные монеты весом около 2,5 г, чаще всего это были арабские дирхемы, чеканка которых началась в Арабском халифате в 695 г. Встречались и обрезки дирхем для более мелких платежей.

Кунами назывались остальные серебряные монеты — дирхемы и западно-европейские динарии весом около 2 г. Назва-

ние происходит от шкурки куницы, которая прежде заменяла деньги у восточных славян в их торговле с Арабским Востоком.

Резана — еще более мелкая серебряная монета, весом около 1 г. Когда название „куна“ перешло на дирхем, который был эквивалентом шкурки куницы, то эквивалентом обрезка шкурки стал обрезок дирхема. Отсюда пошло название „резана“. Она равнялась 2—3 веверицам — так назывались на Руси самые мелкие монеты или их обрезки, получившие свое название от меновой стоимости за шкурку белки, которая тогда называлась веверицей.

Тогда же (в конце X — начале XI в.) появились в обращении киевские серебряные гривны шестиугольной формы весом около 140—160 г. Большое значение в денежном обращении на Руси имели новгородские гривны. Впоследствии наряду с названием „гривна“ для новгородских слитков серебра и их кусков стало употребляться название „рубль“. С тех пор оно и закрепилось как денежно-счетная единица. Сейчас первые русские монеты представляют собой своеобразный памятник культуры Древней Руси» [3].

О географических масштабах новгородской торговли

«Артемий Иванович Арциховский (археолог) показывает мне деревянную клепку от бочки и рассказывает ее историю. Так как экспедиция подвергает все находки, помимо прочего, и техническому исследованию, то вместе с остальными деревянными предметами, извлеченными из земли, клепку направили знатоку древесины профессору Вихрову. И вот он присылает лабораторный анализ: „Клепка — из тиса“. А деревянные гребни, украшенные типично новгородским орнаментом, свидетельствовавшим, таким образом, о месте их изготовления, оказались самшитовыми. Но, как известно, ни тис, ни самшит в Новгороде не растут. Клепка попала в Новгород вместе с бочкой, привезенной из Западной Европы. Гребни же, несомненно, были сделаны в Новгороде, куда для этого привозили тис и самшит. Перечень видов ценного сырья, из которого в Новгороде выделяли готовую продукцию, конечно, не исчерпывается тисом и самшитом. Выяснилось: ряд вещей был изготовлен в Новгороде из уральской пихты, из сибирского кедра, из балтийского янтаря... Стало очевидно, что новгородским мастерам везли сырье откуда угодно, включая, между прочим, и Западную Европу, и что, значит, Новгород был не только торговым горо-

дом, но и крупнейшим промышленным центром своего времени, отражающим тем самым общее высокое развитие культуры Руси» (*Бершадский Р. Ю.* Две повести о тайнах истории. М.: Советский писатель, 1960, с. 167).

Об активности викингов в VIII—XI вв.

«В истории развития оружейного дела Европы нет ни одного периода, который бы имел большее значение, чем период X и XI столетий. Причина и повод к этому был дан северным народом, который уже в VIII столетии наводил ужас на всю древнюю Европу своими отважными набегами. Это были норманны. Утвердившись на севере Франкского государства (912), они принимают деятельное участие в развитии рыцарства; благодаря своим способностям, деятельности они вскоре сделались первыми людьми в военном деле, в них повсюду видели пример и образец всего того, что касается войны, ее средств и способа ведения...

Они сделали значительные преобразования, которые стали основным положением для всех Средних веков и которые своей организацией с наступательной тактикой способствовали феодальному строю; элементы для этих преобразований они большей частью заимствовали у восточных народов...

В вооружении конного воина и пехотинца нет еще большой разницы, только длинный щит конного воина заостряется снизу. Копье употребляется еще незащищенной рукой, и меч, по обычаю восточных народов, вынимается только тогда, когда прорвана неприятельская линия и каждый ищет себе противника, чтобы побороться один на один.

Могущественное влияние Востока на норманнское вооружение станет совершенно понятным, если вспомним, между прочим, что Гарольд III провел целых десять лет при византийском дворе в числе телохранителей в период непрерывных войн с сарацинами...

Кольчуга, несомненно восточного происхождения, появляется в употреблении лишь после Первого крестового похода...

Уже с VI столетия появляются щиты, украшенные золотом и драгоценными камнями. Обычай этот мало-помалу уступает место раскрашиванию щита и помещению на нем странных и грозных фигур, несомненно, восточного происхождения. Появившись с XI столетия, со времен Гарольда III Норвежского, щиты эти входят в употребление, которое с XIII столетия ста-

новится всеобщим. Образцом таких щитов могут служить норманнские щиты...»

Чтобы понять, что это за грозные фигуры и откуда они взялись, прочитаем следующее.

«Арабское производство развилось под влиянием персов.

Индийцы, персы и арабы занимались преимущественно резьбой и работали в тауширной технике и технике ниело.

Стиль их не развивался; этому препятствовали, как вообще на Востоке, религиозные верования; закон Магомета запрещал изображать на предметах человека и зверей. До Магомета, вероятно, на арабских мечах и встречались эти изображения, но работы этого древнего времени до нас не дошли. Вот почему жители Востока украшали свои произведения изображениями из растительного царства. От арабов этот древний стиль перешел на Север Европы, в славянские земли. Шрифт в декоративном деле стали арабы употреблять в 1000 г. после Р. Х.; их примеру последовали персы, которым, как шиитам, не воспрещаются и человеческие фигуры. Поэтому если в орнаментах находятся звери, то они персидского происхождения, хотя по своей форме похожи на арабские... Необыкновенную ловкость выказывают все восточные народы в отношении цветных орнаментов, что от них заимствовали византийцы. В VII в. арабское и византийское оружие украшалось драгоценными камнями в слишком большом количестве, что указывает на упадок декоративного искусства. Преимущественно употребляли бирюзу, которую получали с Синая и из Персии» [11].

Следовательно, норманнское вооружение и те фигуры, которыми оно украшалось, являлись иранскими по происхождению или их копиями. Но не означает ли это, что оно попадало к норманнам через Новгород?

О татарской торговле с Ираном в Средневековье

«Всякому историку мусульманства известно, что Тебриз играл важную роль в распространении ислама внутрь Азиатского материка и по водным путям Месопотамии до Бахрейна в Персидском заливе и дальше. И хотя путешественник Ибн Баттута был родом из Танжера, лежащего на дальней окраине страны Бербер, он тоже пересек реку Тигр, чтобы посетить Тебриз, который произвел на него сильное

впечатление. Он восхищался огромным базаром, именуемым Казанским, это один из самых замечательных базаров, какие мне доводилось видеть в мире.

Переводчик его записок объясняет в примечании: „Это было время высшего процветания Тебриза как транзитного центра между Европой и Монгольской империей“ (Battuta, 1354, vol. II, p. 344)» [70].

Из приведенной цитаты следует:

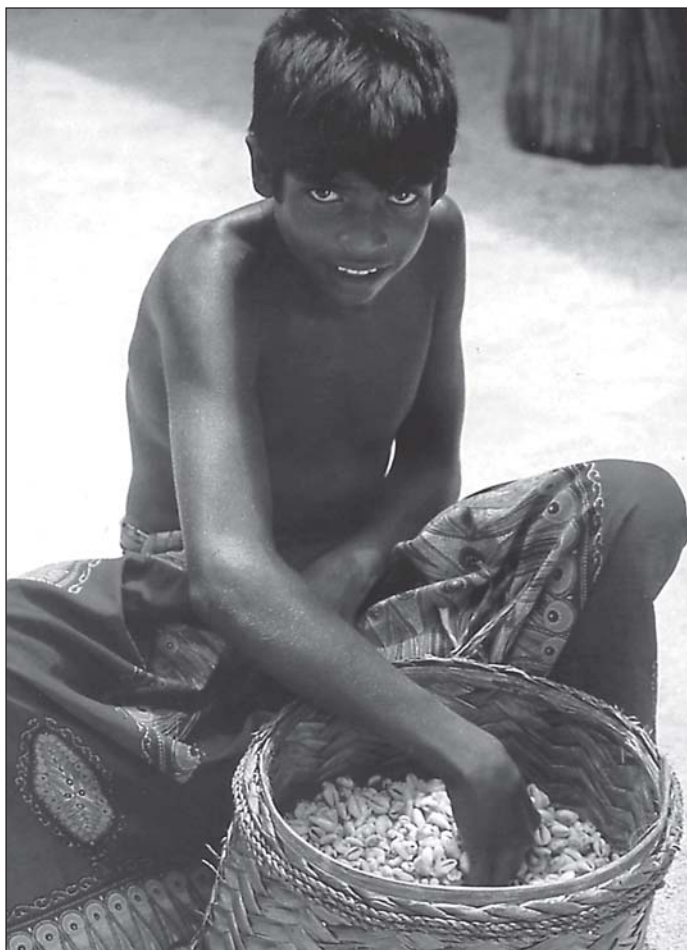
во-первых, волжско-татарские купцы (гости на Руси и слова в Иране) играли исключительно важную роль в трансконтинентальной торговле между Ганзой и Востоком и, следовательно, были главным стратегическими партнерами вначале Новгорода Великого (булгары), а впоследствии — Московии (волжские татары). Потеря волжских партнеров и, следовательно, Волжского пути, например во времена захвата Волжской Булгарии и Руси Батыем, могла бы иметь катастрофические последствия для всех субъектов трансконтинентальной волжской торговли. Однако этого не произошло благодаря исключительно дальновидной политике князя Александра Невского, причисленного к лику святых, и волжских булгар;

во-вторых, становится понятно, почему мощь Ганзы была столь велика в Средневековье. Ибо Ганза, являясь основным поставщиком восточных товаров в Западной Европе, сама покупала их у новгородских и казанских купцов. А размеры Казанского базара в Тебризе и само название говорят о громадных масштабах татарской торговли в Иране и, значит, о громадных масштабах волжско-ганзейской торговли;

в-третьих, проясняется, почему археологи находят громадное количество кладов с арабскими дирхемами и ракушками каури (являвшимися разменной монетой на Востоке) на всем протяжении Волги и побережья Балтики и Скандинавии вплоть до Заполярья.

О географических масштабах трансконтинентальных путей

О протяженности торговых путей можно судить по информации, которую дал Тур Хейердал. На одном из островов Мальдивского архипелага (что недалеко

Мальчик с ракушками каури

от Цейлона) «нас познакомили со старой женщиной, вдовой островитянина, который был на Фуа-Мулаку вождем, когда из хавитты (древнего погребального холма) достали золото. По словам Кадии (так звали ее), это сделал некий начальник из Мале (столицы государства). Он показал ей две миски, полные мелких золотых изделий и янтаря».

Янтарь Балтики обнаружен на экваторе на островах Мальдивского архипелага!

«Один мальчуган показал нам корзину, полную белых раковин каури размером с птичье яйцо. Так мы в первый раз увидели то, что некогда составляло важнейший предмет мальдивской торговли.

Корзина с мальдивскими монетами! С древнейших времен и вплоть до нашего столетия этот вид раковин играл роль денег в Африке и Азии. Специально выращиваемые в архипелаге раковины расходились по торговым путям во все концы света.

Вскоре после того, как мои друзья были проинформированы о раковинах, я получил письмо от одной женщины, которая видела в Хельсинкском Национальном музее каури, обнаруженные в древних могилах Финляндии. Она сообщила мне, что археологи постоянно находят раковины каури по всему финно-угорскому региону! Живущие в Верхнем Поволжье марийцы называли их змеиными головками...

Эстонский историк Л. Мери пишет: «Мода на раковины каури охватила все финно-угорские народы, которые не имели понятия о том, что поставщик змеиных головок — Мальдивы в далеком Индийском океане».

Мы можем добавить, что норвежские археологи находили каури на Атлантическом побережье к северу от Полярного круга. Двенадцать раковин обнаружены в Ледингене, в захоронении, которое датируется VI в. н. э.» [70].

Экваториальные раковины находят по всему водному пути до Заполярья!

О закамском серебре

«Проблема жертвенных мест неотделима от другой загадки уральской археологии: здесь, в тайге, вдали от шумных городов Юга, в редком изобилии встречаются изделия, вышедшие из византийских и восточных художественных мастерских. В житии одного святого упомянуто о привезенном язычниками на Мулянку золоте и серебре. В русских документах XIV в. не раз повторяется термин „серебро закамское“, обозначающий один из видов дани, получаемой с Урала. С XVIII в. в музеи стали поступать образцы этого таинственного серебра — чаши, блюда, кувшины с орнаментом и изображениями. Часть из них была бесспорно византийской работы VI в., другие предметы сперва считали сасанидскими, иранскими. Теперь ученые думают, что помимо собственно иранских в коллекциях много изделий иных ху-

дожественных центров, в том числе расположенных в пределах бывшей советской Средней Азии. Древнейшие сосуды датируются III в., большинство же моложе: V — VII вв. Аналогичные произведения восточных ремесленников обнаружены у нас кое-где еще — скажем, в Перещепине на Украине, но подавляющая масса их происходит именно с Урала, конкретнее — из Прикамья. Несколько превосходных изделий такого рода выкопано там и в самые последние годы при разных случайных земляных работах. Напротив, на юге, ни в Малой Азии, ни в Иране, подобных находок почти нет. Золотая и серебряная утварь была переплавлена уже в древности.

Какова же причина обилия восточного серебра на Урале? Чем привлекали охотников хантов и манси блюда с изображениями стреляющих во львов коронованных всадников или музыкантов в странных одеждах, оседлавших крылатого дракона? Ответить на эти вопросы удалось тем ученым, которые свободно ориентируются в истории культуры как Византии и Востока, так и уральских народов. После утверждения ислама в качестве господствующей религии вещи с изображениями, запрещенными мусульманством, оказались на Востоке не в ходу, и их старались куда-то сбывать. С другой стороны, купцы, путешествовавшие на Север за мехами, вероятно, слышали, что у хантов и манси не разрешается есть жертвенное мясо на деревянной посуде, из-за чего они очень дорожат металлической. Этнографы выяснили также, что золотые и серебряные блюда рассматривались на Урале иногда вовсе не как тарелки, украшенные занятыми сценами. Их приколачивали к деревьям или нашивали на мешки, набитые мехом, и воспринимали как личины идолов... Долгий путь до берегов Камы прошла бляшка с головой греческого бога солнца Гелиоса или статуэтка египетского божества Амона» [66].

О русском серебре

«На территории средневековой Руси не было разработок серебра. Источником пополнения запасов металлов для изготовления монеты и предметов роскоши служило привозное серебро. Существуют две гипотезы, объясняющие возможность чеканки монеты, как и длительной уплаты „ордынского выхода“ (до 10 тыс. рублей в год). Согласно одной, серебро вывозилось из стран Европы, согласно другой, за-

пасы серебра были уже накоплены на Руси благодаря торговле с Востоком в течение нескольких столетий и лишь пополнялись на западной границе. Однако именно с конца XIV до конца XV в. возникают препятствия для широкого ввоза серебра с Запада. Падает его добыча, а Ганзейский союз начинает издавать запреты на ввоз серебра в русские земли с 1373 г.

...Рост товарно-денежных отношений на Руси XV в. при сокращении монетного металла с Запада и продолжавшейся до 1470-х годов выплаты дани в Орду свидетельствует о расширении русской внешней торговли со странами Востока.

В самом деле, если одна изложенная выше гипотеза признает активный баланс с Западом, то вторая исходит из той же предпосылки, ибо ограничивает интенсивную торговлю с Востоком предшествующим периодом. Между тем восточная торговля Руси XV в. вовсе не носила менового характера. Деньги в торговых операциях с Русью также хорошо известны в Крыму и в Поволжье, как и русские слитки серебра в Азове и Сарая. Рассказ Сигизмунда Герберштейна, относящийся к самому началу XVI в., дает отчетливую картину поступления на Русь в качестве средства платежа монеты с Востока. „Пограничные татары, — пишет он, — выручив сколько-нибудь денег от продажи своих произведений, покупают на них в Московии одежды и другие жизненные потребности“... Торговля эта велась на ярмарках: около Казани, на „острове кушцов“, и около Углича, в Холопьем городке. Едут с деньгами в Москву купцы из Астрахани и Крыма.

Развитие связей Руси по Волжско-Каспийскому пути привело к тому, что вес ордынской деньги был приравнен к весу деньги московской, и во второй половине XV в. русская монета заняла господствующее положение на рынках Поволжья. Именно этим, как подчеркивает советский исследователь И. Г. Спасский, а не данническими отношениями объясняется хождение двуязычных монет Москвы и некоторых русских княжеств» (*Семенов Л. С. Путешествие Афанасия Никитина. М., Наука, 1980, с. 20—21*).

Об американском серебре

О причинах финансового кризиса и его масштабах можно судить по данным, которые приводит Б. И. Казаков: «Большие изменения на азиатских и европейских рынках произошли после открытия и завоеваний Америки. Ис-

панские конкистадоры разрушали древние цивилизации и отправляли в Испанию накопленные веками богатства. Драгоценные изделия из золота и серебра, с необычным искусством изготовленные ацтекскими и инкскими мастерами, переплавлялись в слитки и грузились на галионы. Прежде всего, конечно, отправлялось золото. Огромный наплыв его вызвал в Европе так называемую революцию цен: товары вздорожали, стоимость золота понизилась, а серебро стало цениться дороже, чем прежде.

Взяв все, что можно было добыть мечом, испанцы обратились к кирке и лопате. Горные богатства Южной и Средней Америки были велики и доступны. С помощью порабощенных ими индейцев испанцы быстро нашли богатейшие месторождения серебра. Когда был развернут организованный грабеж готовой продукции ацтеков и инков, то доля серебра в отправляемой за океан драгоценной добыче была сравнительно невелика: с 1521 по 1530 г. испанцы ежегодно вывозили золота около 5 т, а серебра — 148 кг. Но уже в следующее десятилетие это соотношение резко изменилось в пользу серебра — около 15 т золота и 86 т серебра. Первая горная лихорадка была не золотой, а серебряной. Ее дата — 1545 г.

Просто сказочными оказались богатства горы Потоси (нынешняя Боливия).

На высоте 4150 м среди горных пустынь необузданно рос город, населенный невежественными миллионерами, банкирами, ремесленниками, скульпторами, художниками и поэтами, игроками... Но это был настоящий ад. Тысячами гибли индейцы, добывавшие сокровища из сказочной горы: попавшие на разработки потосийского серебра были обречены.

За вторую половину XVI в. только из Потоси в Испанию было перевезено более 7000 т серебра. Почти 300 лет выдавала серебро Потоси, и лишь к началу XIX в. добыча там драгоценного металла почти прекратилась.

Продвижение испанцев в глубь новых земель сопровождалось открытием все новых и новых серебряных месторождений» [32].

Эпоха американского серебра (по страницам учебников истории)

1492 г. — открытие Колумбом Америки. Американское серебро и золото широким потоком потекло в европейские страны. «Революция» цен.

1498 г. — открытие Васко да Гамой морского пути вокруг Африки из Западной Европы в Индию.

Завоеватели за бесценок скупают пряности.

Торговля Индии с Передней Азией прерывается.

Торговля итальянских городов со странами Востока приходит в упадок.

Западная Европа: Ганза приходит в упадок.

1517 г. — начало Реформации в Германии.

1524 г. — начало Крестьянской войны в Германии.

1566 г. — восстание в Нидерландах.

1572 г. — Варфоломеевская ночь во Франции. Восстание гугенотов.

1588 г. — восстание буржуазии в Париже и свержение Генриха III.

1591 г. — восстание крестьян во Франции против «грызунов» — дворян, чиновников, сборщиков налогов.

Россия: возрастает эксплуатация и закрепощение крестьян: увеличиваются плата за «пожилое» и за «повоз», а также барщина и оброк.

Ухудшение положения крестьян и городских низов приводит к уничтожению дворянских имений и феодальных вотчин. Возрастает бегство крестьян.

Эпоха Ивана Грозного и Смутное время

«Своеобразный западник Иван Грозный, одно время даже собравший бежать в Англию, еще в середине XVI века милостиво принял английского моряка Ричарда Ченслера, открывшего путь по Белому морю до Архангельска. Позднее Грозный предоставил чрезвычайно выгодные концессии на вывоз в Западную Европу пеньки для канатов, леса, мехов, семги и других товаров. Фактически английские концессии осуществлялись с ущербом для государства. Русские купцы были недовольны ужасно, но, разумеется, возможности спорить с решением Ивана Грозного не было никакой. Кроме того, в опричнину Грозный набирал большое количество «иностранных специалистов» — немцев, шведов, ливонцев, которые стремились получить место, естественно для того, чтобы вернуться домой, заработать деньги. Следовательно, и оплата концессий, и оплата «специалистов» происходили за счет ресурсов страны, а расход вообще не контролировался.

...Меньше других пострадала от Смуты северо-восточная окраина Руси, тяготевавшая к Нижнему Новгороду. Оттуда и

пришли спасители России: князь Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин. Кузьма Минин, по прозвищу Сухорук, был обыкновенным купцом. Князь Дмитрий Пожарский служил всю свою жизнь как профессиональный военный и участвовал во всех войнах Смутного времени... Минин и Пожарский были горячими сторонниками национального восстания против поляков и шведов. Собравшийся земский собор принял решение, предложенное Мининым и Пожарским; никто, ни один человек не был против того, что Отчизну надо спасать. Для спасения требовались всего две вещи: люди — в войско и деньги — на организацию похода. Людей было достаточно, и деньги у жителей богатого Нижнего Новгорода водились.

... Когда нижегородцам было предложено сделать раскладку средств по населению, население сказало: «А у нас денег нет»... Мининым и выборными людьми были взяты силой и выставлены на продажу в холопы жены и дети всех состоятельных граждан города. Главам семей ничего не оставалось делать, как идти на огороды, выкапывать кубышки и выкупать собственные семьи. Так была спасена мать-Россия...

Смутное время завершилось; итоги его были для России неутешительны. По Деулинскому перемирию 1618 года поляки отступили, но оставили за собой русские города Смоленск и Чернигов. Осталось за Польшей и Запорожье, причем запорожские казаки сражались в польском войске. Шведы очистили Новгород, но сохранили устье Невы и все побережье вдоль Финского залива, надежно закрыв России доступ к Балтийскому морю.

Таким образом, европейская территория России по окончании смуты заметно сократилась...

Когда же спад пассионарности сменился подъемом, русский этнос продемонстрировал совершенно иное отношение к природе родной страны. В отличие от Ивана Грозного и соратников самозванцев, правительство Михаила Романовича ввело для иностранцев-купцов строгие ограничения, наложило на них довольно большие налоги и перезаключило все прежние кабальные договоры.

В развитии внешней торговли Русское государство безоговорочно начало ориентироваться на интересы своих, русских купцов. И когда иностранцы выразили желание ездить через всю Россию в Персию, дабы конкурировать с русскими, торгующими с Ближним Востоком, правительством такие поездки были строжайше запрещены. Отметим, что эта

традиция удерживалась в России весь период очередного подъема пассионарности в акматической фазе — вплоть до начала царствования Алексея Михайловича.

В 1650 году, после революции Кромвеля, кончился торговый договор между Англией и Россией — один из немногих, заключенных еще во времена Ивана Грозного. Когда английские послы явились в Москву и обратились в правительство Алексея Михайловича с просьбой возобновить договор на очередной срок, то от имени царя им было отвечено: „Поелику оные аглицкие немцы свою короля Каролука до смерти убили, то Великий государь Московский и Всея Руси повелел — оных аглицьких немцев на Русскую землю не пушать“. Договор на жестких условиях заключили с голландцами.

Таким образом, в период подъема пассионарности в акматической фазе вывоз русских ресурсов за границу строго ограничивался, а тем самым регулировалось и давление на ландшафты своей страны» [23].

Оправдание Иоанна Грозного

«Много говорилось писалось о „дикости“, „невежестве“, „диктате“, „разнузданности“ государя всея Руси. Даже историки-монархисты непременно окрашивали эпоху Иоанна IV в черные тона. О каких только преступлениях московского царя не писали! И непременно — об убийстве собственного сына.

Однажды в кремлевских палатах сын стал горячо убеждать отца послать его освободить Псков от неприятельской осады. Иоанн был подозрителен. И тогда, подумав о дурном, вспылил и гневно закричал:

— Мятеежник! Ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола!

И нанес сыну несколько ран острым жезлом. Предание говорит, что „обогранный кровью собственного сына Иоанн просидел в оцепенении возле трупа несколько дней без пищи и сна“. Старший сын был любимым чадом самодержца.

Иногда упоминают другую причину ссоры: сын был убит в драке с отцом после того, как Грозный избил беременную жену Ивана.

Любопытно, что историки приписывают сыноубийство Иоанну Грозному „с легкой руки“ иностранца, некоего Антония Посевина. Этот монах-иезуит приехал в Москву в 1581 году, чтобы быть посредником между русским ца-

рем и польским королем Стефаном Баторием, который вторгся в пределы Руси, захватил Полоцк, Великие Луки и осадил Псков. Посевин в своей дипломатической деятельности никаких успехов не добился, поскольку основной его задачей было не примирение враждующих, а подчинение Русской церкви Папе Римскому. Здесь у него, конечно, тоже ничего не вышло. Он-то, Антоний Посевин, и стал автором рассказа о сыноубийстве. Сначала иезуит выдвинул версию столкновения отца с сыном из-за невестки, а затем, чтобы „усугубить“ ситуацию, приписал царевичу главенство в политической оппозиции Ивану Грозному. Однако главное заключается в другом: Посевин пишет об убийстве чуть ли не как свидетель, а на самом деле он прибыл в Москву через несколько месяцев после смерти Ивана.

Недавно умерший митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн, который, ко всему прочему, был вдумчивым историком, считал, что самое правдоподобное — это естественная смерть царевича. Родился он болезненным, недуг с годами развивался; царского престола он страшился и вообще собирался уйти в монастырь. Также митрополит Иоанн обращает внимание на такой факт: «Косвенно свидетельствует о смерти Ивана от болезни и то, что в «доработанной» версии о сыноубийстве смерть его последовала не мгновенно после „рокового удара“, а через четыре дня в Александровской слободе. Эти четыре дня — скорее всего, время предсмертной болезни царевича».

Но в принципе материалы по данному вопросу очень противоречивы, и, кроме того, их очень мало.

„Материалы для истории Грозного далеко не полны, — писал академик Сергей Федорович Платонов (1869—1933). — В биографии Грозного есть годы и даже целые ряды лет без малейших сведений о его личной жизни и делах“.

Изучая эту эпоху, историки пользуются в основном двумя источниками. Первый — летописи, к которым надо относиться очень и очень осторожно. К примеру, основываясь на данных летописи, Карамзин в „Истории Государства Российского“ пишет, что во время пожара Москвы, устроенного войсками крымского хана Девлет-Гирея во время набега 1571 года, людей погибло 800 000, да еще более 100 000 пленников хан увел с собой. Митрополит Иоанн резонно возражает: „Эти утверждения не выдерживают никакой критики — во всей Москве не нашлось бы и половины „сгоревших“, а число

пленных Девлет-Гирея вызывает ассоциации со Сталинградской операцией“. Такие „казусы“ в древних манускриптах не единичны.

Вторым источником служат записки иностранцев, находившихся в те годы в Московии. Этот источник еще менее надежен, поскольку иноземцы преследовали свои цели: они непременно хотели очернить Иоанна IV, показать русским, какой плохой у них царь. Это была своего рода месть.

Чтобы понять их действия, нам придется вернуться на несколько десятилетий назад и для начала отправиться за тысячами верст и морских миль от России — в Атлантический океан, где уже который месяц в поисках Индии рыщут испанские каравеллы: „Санта-Мария“, „Пинта“ и „Нинья“. Уже не раз мореплаватели принимали мираж за долгожданную Индию, поэтому, когда 12 октября 1492 года вновь раздался крик: „Земля! Земля! Земля!“ — изумленные люди высыпали на палубы каравелл. Это действительно была земля. Колумб открыл Америку.

И в Европу широкой рекой потекло золото. С 1521 по 1530 г. в Испанию ежегодно ввозилось 5 т золота, 148 кг серебра. С 1531 по 1545 г. также ежегодно в Старый Свет прибывало из Америки 15 т золота и 86 т серебра. С 1550 года и все последующие годы Европа принимала по 7 тысяч тонн серебра. Европейские страны разбогатели неимоверно. Цена на драгоценные металлы упала. Тогда Европа обратила свои взоры на другие государства, стала с ними торговать. Но игра шла не на равных — богатый в торговле всегда имеет преимущество, поскольку может платить любую цену и продавать за любую цену. Поэтому Индия, арабские страны быстро залезли в колоссальные долги и были порабощены экономически.

Иван Грозный не попался „на удочку“ европейских правителей. Россия замкнулась в себе — это был первый „железный занавес“. Новгород попробовал не согласиться с действиями государя, сделал попытку отделиться от Московии и тут же был наказан. Иностранцы писали, что разгром Новгорода начался с массового избияния духовенства на площади, что царские приспешники не оставили в городе ни одной иконы, ни колоколов, ни церковной утвари. Всей Европе сообщили: в Новгороде убито ни много ни мало 700 тыс. человек!

И все это неправда. В Новгороде были казнены 379 человек, большинство их которых — купцы. Вместо них царь

послал на берега Волхова своих верных купцов — московских. Грозный казнил торговых людей, потянувшихся за якобы дешевым европейским серебром и золотом, не сознавая того, что сами лезут в кабалу. То есть государь пресек раскол России. Жестоко пресек? Конечно. Но не будем забывать, что Псков был прощен и казней там не было. А также не будем забывать, что за время царствования Иоана IV казнили народу меньше, чем за одну (!) знаменитую Варфоломеевскую ночь во Франции. И, в отличие от „просвещенной“ Европы, в России не было ни страшной инквизиции, ни кровопролитных религиозных войн. Поэтому еще один историк — игумен Алексий (Просвирын) — делает вывод: «„Режим Грозного“ был одним из самых мягких режимов в тогдашней Европе». Многие говорят за то, что царь всея Руси не хотел править силой. Но, как говорится, обстоятельства были сильнее его».

Конечно, историки не оставили без внимания и семибрачие царя как пример «разнузданности». Но сколько бы раз ни был женат царь Иоанн Васильевич, это не имеет никакого отношения к рассказам о его жестокости.

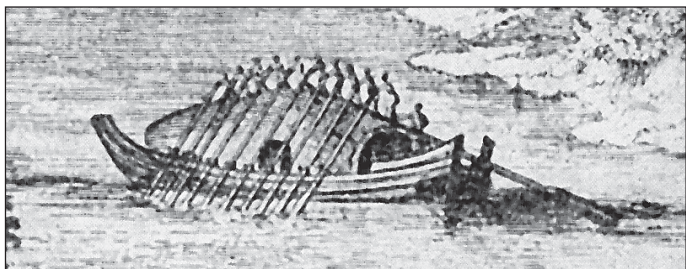
Возможно, сказано слишком категорично о «рассказах о жестокости», но во всяком случае многие факты «душегубства» царя опровергаются не менее вескими доказательствами.

«Иоанн не обольщался, — пишет митрополит Иоанн, — в ожидаемой оценке современниками (и потомками) своего труда, говоря: „Ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явился никого; утешающих я не нашел — заплатили мне злом за добро, ненавистью — за любовь“.

Иоанн Грозный оказался еще и пророком» (*Ершов М.* Оправдание Иоанна Грозного//Калейдоскоп, 2000, № 34, с. 5).

Струг

«Это плоскодонное парусно-гребное судно восточных славян VI—XIII вв., промежуточное по размерам между челном и ладьей. Струги вмещали до 10—12 человек и использовались для перевозки людей и грузов по рекам и озерам. Имели весла и съемную мачту с небольшим прямым парусом, который ставили при попутном ветре, и приспособления для транспортировки волоком. Строились по той же технологии, что и челны. Позднее стругами стали называть крупные речные грузовые суда типа барок, имеющие пол-

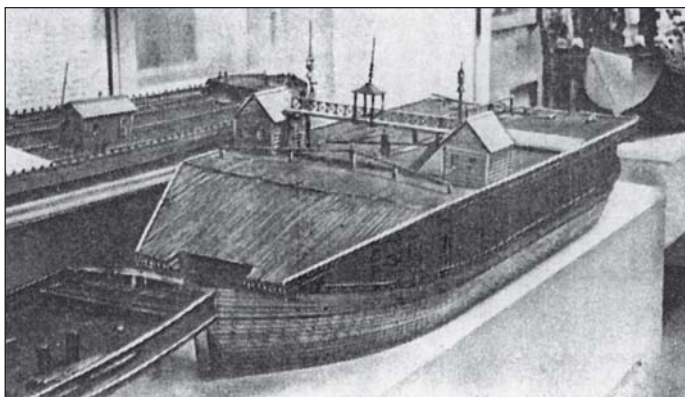

Хлебный струг

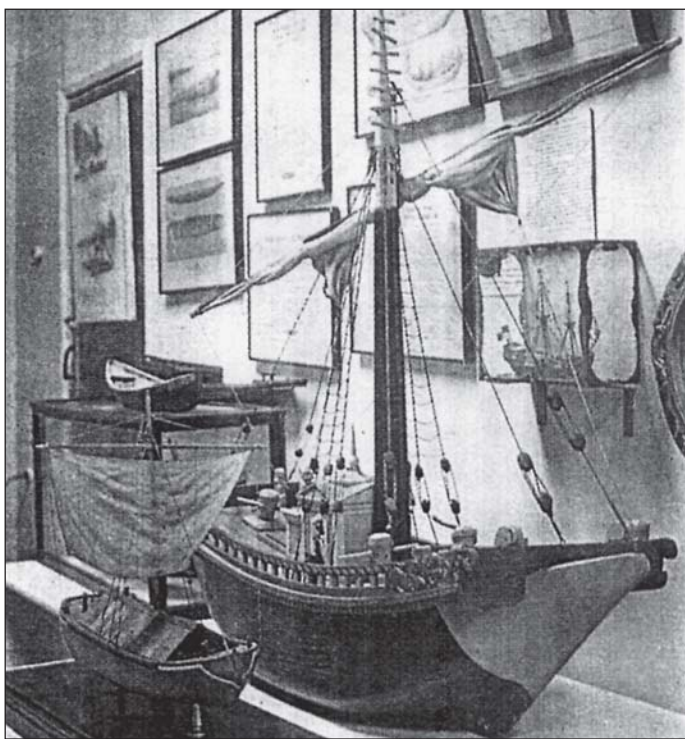

Струг на Волге, идущий бечевой

ную наборную конструкцию корпуса, оснащенные мачтой с парусом и 10—12 парами весел. Их длина составляла 20—45 м, ширина — 4—10 м. Для защиты груза от непогоды иногда устанавливалась лубяная кровля, а для защиты знатных пассажиров — каюты (чердаки). В XVII в. небольшие струги использовались для защиты речных торговых караванов от разбоя, вооружались легкими пушками (басами) и вмещали 60—80 стрельцов. В конце XVII в. струги широко использовались Петром I для перевозки войск, техники и

Модель беляны (конец XIX — начало XX в.)

Расшива и тихвинка

провианта при осаде крепостей Нарва (около 600 единиц) и Азов (около 1200 единиц). Известны следующие типы стругов: палубный, светличный, подъемный, мыльный, морской, чердачный, адмиральский, дворцовый (последние два были украшены богатой резьбой и предназначались для речных путешествий высокопоставленных особ)» [84].

Беляна

“Несамоходное речное деревянное судно типа барки, применявшееся до конца XIX века для сплава леса, дров и строительных материалов в низовье реки Волги. Беляны строили плоскодонными, беспалубными, не применяя металл. Продольная прочность обеспечивалась лесом, погруженным на судно. Использовались одну навигацию и продовались на слом. Длина 30—60 метров, грузоподъемность до 1000 тонн и более” [84].

Расшива

“Парусное грузовое судно, распространенное в конце XVIII — начале XIX веков в бассейне Волги и на Каспийском море. Мачта высотой 20—30 метров несла большой прямой рейковый парус, позволявший за день проходить с грузом 60—80 км по течению и до 30 км против течения. При штиле или встречном ветре расшиву тянули бурлаки. Корпус расшивы украшался богатой резьбой и живописью. Длина 30—50 м, ширина 10—12 м, высота борта до 2,7 м, осадка 1,2—1,8 м, грузоподъемность 100-500 т и более. Расшивы меньших размеров, так называемые мангышлакские (длина 17—23 м, ширина 5—6,5 м, осадка до 3 м, грузоподъемность 100—200 т, экипаж 5—8 человек), использовались на Каспийском море для транспортных целей и рыбной ловли. В середине XIX века расшивы были вытеснены паровыми судами” [84].

Глава IV

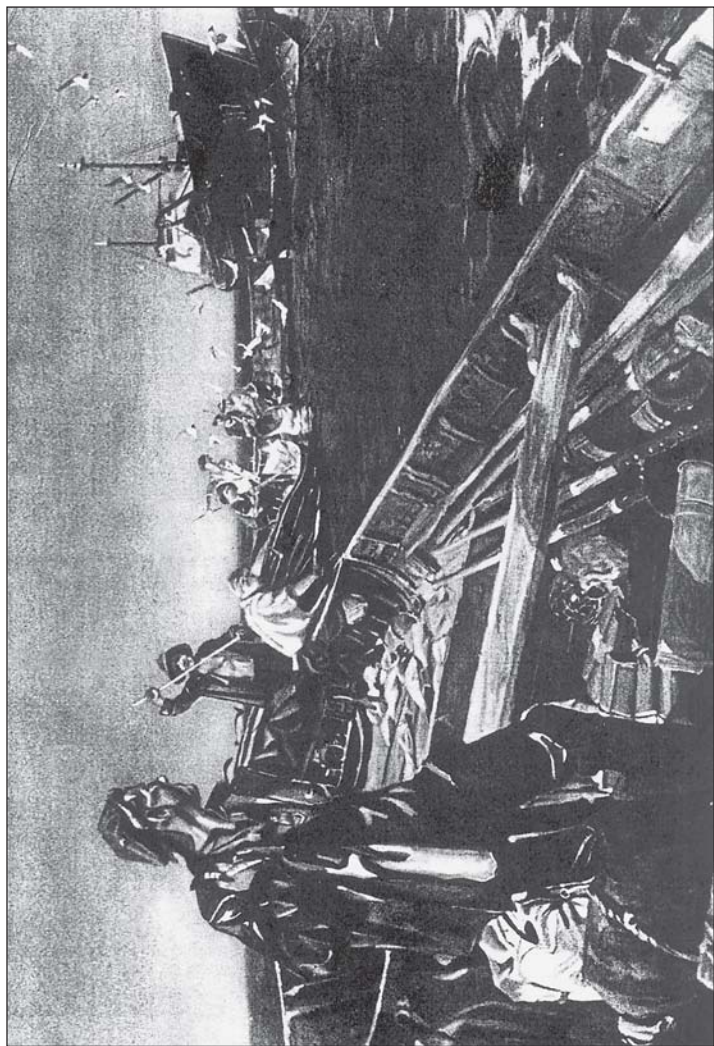
Восток есть Восток, а Запад есть Запад, и вместе им не бывать никогда? Находки на мысе Токмак

Плинию уже кое-что известно о Балтийском море: он ссылается на сообщения моряков, плававших до Кимврского мыса, когда говорит, что далее к востоку лежит скифская страна и «чрезвычайно влажные и обледенелые пространства».

Кроме того, рассказывает о том, как один из посланцев Нерона за янтарем (ок. 65—67 гг.) проехал через всю Центральную Европу, прежде чем добрался до устья Вислы и района добычи янтаря у современного Земландского полуострова в Прибалтике. Это явилось «открытием» Балтийского моря, о существовании которого ни финикийцы, ни греки, ни римляне до этого не знали, как убедительно показал еще в конце прошлого века Карл Мюлленгоф (Mullenhoff).

*А. Б. Дитмар.
Рубежи ойкумены*

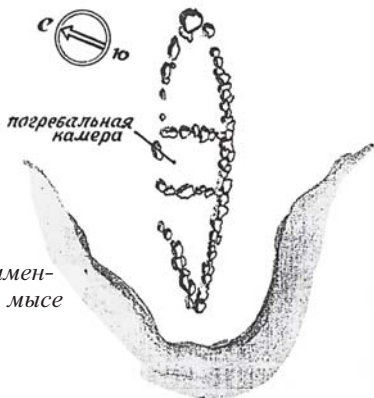
В журнале «Наука и жизнь» была опубликована статья, проливающая свет на древние контакты между Балтикой и Каспием: «Суровы и неприступны отвесные берега северо-восточного Каспия. Далеко внизу бьются о меловые скалы беспокойные волны. У обрыва

Я. Осис. Латышские рыбаки (1951 г.)

Баку

погребальная камера

Остатки каменной лодки на мысе Токмак

Славянские серебряные серьги, найденные в Швеции

Кладбище викингов в Северной Ютландии

Могильник на мысе Токмак

мыса лежит каменный „корабль“, нос которого устремлен в море. Так и казалось, что неутихающий ветер над мысом Токмак вот-вот наполнит мощью воображаемые паруса, сорвет с вечной стоянки и умчит ладью вдаль...

Первые ассоциации, вызванные „кораблем“, уводят к берегам Балтики. На побережье других морей такие каменные ладьи как будто неизвестны. Словно эскадры, выброшенные бурей, застыли на скалистых берегах Северной и Западной Балтики огромные выложенные из камня некрополи древних скандинавов... Память старается сравнить их с ладьей на мысе Токмак. Контур последней выложен из поставленных вертикально необработанных каменных плит высотой до 40 см. Длина корабля — около 14 м, наибольшая ширина — 4 м. С правого борта имеется вход шириной около 2 м. В центре — каменная прямоугольная выгородка из тех же плит. Видимо, здесь была погребальная камера, но она ограблена еще в древности. Отсутствие каких-либо находок при раскопке ладьи огорчило нас, так как лишило возможности ответить на два основных вопроса, встающих перед археологами: когда и кем был сооружен памятник? Вернее, памятники. В 200 м к северу от нашей первой находки мы обнаружили второй аналогичный „корабль“, но несколько худшей сохранности. Наличие погребальной камеры в конструкции разрушило возникшую было ассоциацию с каменными кораблями викингов. У них таких камер нет... Мысли возвращаются к берегам Балтики. Я вспоминаю, что на острове Сааремаа у деревни Люлле и в некоторых других пунктах Рижского залива эстонский археолог Х. Моора нашел погребальные сооружения в виде каменных кораблей. Они были датированы первой половиной I тысячелетия до н. э. Вернувшись в Москву, я отыскал эту публикацию и убедился, что погребальные сооружения, описанные в ней, близки ладьям мыса Токмак. Их сближало наличие погребальной камеры, которая отсутствует у каменных кораблей викингов... Подобные могилы эпохи раннего металла известны и в других районах Прибалтики. Шведский исследователь Старнбергер описывает аналогичные некрополи. Видимо, к этому времени можно отнести и погребальные ладьи северо-восточного Прикаса-

пия. Так, значит, племена Прибалтики освоили Волжский путь в Каспий более трех тысяч лет назад? На всем протяжении водного пути из Прибалтики в Каспий отсутствовали какие-либо свидетельства проникновения прибалтийских мореходов в далекое южное море в столь древние времена. Хотя в принципе такие походы могли иметь место... Если говорить осторожно, то каменные „корабли“ Прикаспия — первое реальное свидетельство связей Прикаспия с Прибалтикой в эпоху бронзы. Но это в том случае, если не найдется других объяснений их закладки» [13].

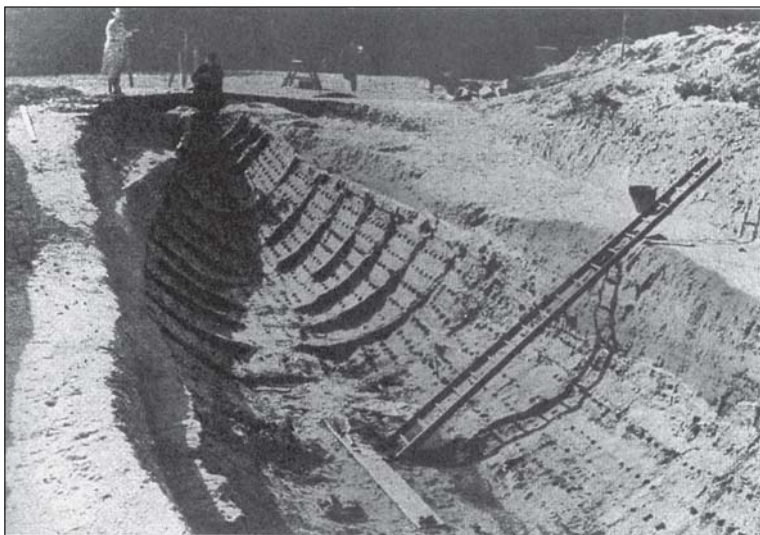
В этом сообщении представляют интерес две подробности: размерения каменной «ладьи» и ее месторасположение. По размерениям и конфигурации «ладьи» можно судить об ее остойчивости, которая обуславливает способ движения судна. Гребному судну достаточна меньшая остойчивость, чем парусному, так как оно не испытывает сильного кренящего момента, возникающего при движении под парусом. По этой причине парусные суда имеют, по сравнению с гребными, бульшую ширину и осадку.

Соотношение длины к ширине у каменной «ладьи» равно 3,5:1. Приблизительно такие же соотношения имеются у чисто парусного средневекового «Бременского кога»: при длине по ватерлинии 20 м и ширине 7,3 м соотношение 4,1:1, а также у арабского судна типа дау (багаллы): при длине 40 м и ширине 10,4 м соотношение 3,8:1. Те же соотношения имели и парусно-весельные норманнские суда, например судно из Усеберга (4,2:1) или судно из Гокстада (при длине 23,3 м и ширине 5,2 м соотношение 4,5:1). Оба судна относятся к IX в. А. Б. Снисаренко пишет: «Торговые суда Византии строились также с крепкой сплошной палубой, под которой размещались обширные трюмы. Длина их достигала девятнадцати метров, ширина — чуть более пяти, то есть в соотношении примерно 3,5:1. По крайней мере, такие параметры имеет византийский «купец» VII века... чьи останки были подняты со дна Эгейского моря около острова Яссыады в 1960-х годах» [58]. А вот у чисто гребных норманнских судов эти соотношения были иные. Так, у ладьи из Хьертшпинга (IV—III вв. до н. э.) при длине по ватерлинии 23,3 м

и ширине 2,07 м — 6,4:1, а у ладьи из Нидама (III—IV вв. н. э.) при длине 22,9 м и ширине 3,3 м — 7:1. Следовательно, можно предположить, что каменная «ладья» из Прикаспия отображает обводы древнего парусного судна. Но это странно потому, что норманны до VI в. н. э., а может и до VIII в., не знали паруса, больше того, не пользовались они и распашными веслами.

По этому поводу И. фон Фиркс говорил: «Еще предшественники викингов были известны как мореплаватели. Тацит в своей „Германии“ (98 г.) писал: „Побережье Балтики населяют племена ругиев и лемовиев. Затем уже в море живут племена свионов. Кроме сухопутных воинов они имеют и сильный флот. Поскольку их суда построены так, что спереди и сзади у них нос, они могут причаливать сразу же. Свионы парус не применяют и весла не крепят к бортам судна, а в основном используют их совершенно свободно, как это иногда можно видеть на реках, и, по потребности, могут грести ими в ту или другую сторону... Изображения подобных судов сохранились на скалах, особенно много их в Швеции у Бохусленда и в соседнем районе Норвегии у Осло-фиорда. Сохранившиеся до настоящего времени наскальные рисунки, несмотря на выветривание, позволяют понять, что на них изображено. В основном — это суда-лодки... Окончательная датировка наскальных рисунков была выполнена археологом Монтениусом в 1874 г. по изображениям секир.

Их форма типична для бронзового века. Рисунки выбиты острым камнем на граните или вырезаны на сланце и покрашены красной краской. Отметим, что на рисунках лодка, сделанная из досок, почти не отличается от однодеревки» [65]. Не знали паруса и англосаксы: «В Снейг-Коммоне найдено судно длиной 16 м, погребенное в VI в. В Саттон-Ху, в самом большом из 11 погребальных холмов, исследованных в 1939 г., также нашли судно. Это было стройное сооружение. Судя по очертаниям, которое можно было представить только на основе частично сохранившихся металлических заклепок и гвоздей, судно имело мощные штевни, мачта отсутствовала. Этим оно напоминало судно из Нидама. Отметим, что византийский историк Прокопий в 560 г. писал об англах: „Эти варвары

Судно из Саттон-Ху

никогда не знали паруса и в морских походах использовали только весла“» [65]. Следовательно, «ладьи» с мыса Токмак не могут быть захоронениями ни викингов, ни других германцев. Тогда чьи же они?

И. А. Шубин заметил: «Юлий Цезарь говорил о широком развитии не только речного, но и морского судоходства у венедов, или вентов, — великого народа (как называли их все римские историки: Цезарь, Плиний, Страбон, Тацит и Птолемей), занимавшего обширные пространства земель преимущественно в приморских странах и державшего в своих руках всю северную морскую торговлю... Все города венетов, — рассказывал Цезарь о вендских племенах, живших в так называемой Арморике по берегам Атлантического океана, были расположены так, что, находясь на оконечностях мысов, вдававшихся в море, они были недоступны для войск, потому что прилив морской, случающийся по два раза в сутки, совершенно прекращал сообщение с сушей, корабли же могли подходить к стенам их только во время прилива, а с отливом они оставались бы на мели. Таким образом, то и другое обстоятельство препятствовало осаде городов. Если после величай-

ших трудов и усилий нам удавалось среди самих волн моря сделать насыпь и по ней достигнуть стен города, то осажденные, доведенные до крайности, во время прилива садились на суда, собранные во множестве, и со всем имуществом перебирались в ближайший город. Тут они защищались теми же, для них благоприятными, условиями местности (*Caesar. De bello gallicio*, 12. М., 1869).

Знаменитый римский историк описал даже суда венецов: „Суда венецов имели следующее устройство и вооружение: днища у них более плоски, чем у наших (римских), для удобнейшего движения по мелям и низинам во время отлива, кормы у них весьма высокие и носы приспособлены выдерживать силу волн во время бурь. Эти суда во всех частях были сделаны из дуба и поэтому не боялись никакого удара. Скамьи для гребцов на них были из бревен в целый фут толщины, прибитых гвоздями в большой палец толщины. Якори были прикреплены не на веревках, но на железных цепях. Кожи зверей, тонко выделанные, служили им вместо парусов или за неимением льна и по незнанию его употребления, или, что вероятнее, потому, что такие — (кожаные) паруса способнее льняных могли служить к управлению столь тяжелыми судами и выдерживать порывы бурь, свирепствующих в океане. В стычке наших судов с судами венецов первые превосходили быстротой и легкостью движения, последние же, более приспособленные к местности и к силе бурь, во всех отношениях были удобнее и лучше наших. Крепкие бока венецких судов безвредно выносили удары наших судов, а высота их делала наши стрелы безвредными. Во время ветров суда венецкие выдерживали их легко и безвредно, оставаясь на мели во время отлива: для наших же судов все эти случайности были предметом опасений“ (*Caesar*, 13). Дальше Цезарь описывает решительную битву римского флота с венецким, состоявшим из 220 больших судов, сильно вооруженных всякого рода оружием, причем римляне одержали победу только благодаря... совершенному безветрию в день битвы, вследствие чего тяжелые венецкие корабли не могли пользоваться парусами и свободно маневрировать, римляне же на легких (гребных) судах окружали каждый неприятель-

ский корабль несколькими своими, обрубали острыми косами их снасти и брали на бордаж» [75].

Слово «венет» означает понятие «восточный» (в отличие от «германец» — «западный» [48]). Этим словом современные авторы называют древних западных славян и балтов — пруссов, латышей и литовцев. Однако тот факт, что на территории, описываемой Цезарем, «после падения Римской империи морская торговля на севере Европы перешла в руки фризов» (народности, заселявшей земли нынешних Нидерландов, Германии и Дании до образования этих государств), заставляет предположить, что под названием «венет» у Цезаря фигурировали предки фризов. «Фризы поддерживали торговые отношения с Италией, куда вывозили рейнские и мозельские вина с верховья Рейна, пестрые шерстяные ткани — с низовья. Местом перевалки товаров с морских на речные суда стал порт Дармштадт в устье Рейна... Свыше пятисот лет, вплоть до десятого века, фризы считались лучшими мореплавателями Северной Европы, а Северное море называлось Фризским. Сохранилось очень мало сведений о военных кораблях фризов... Зато их торговые суда — коги — неоднократно упоминаются в письменных источниках с X в. Слово „ког“, очевидно, происходит от древнегерманского („выпуклый“).

Действительно, торговые суда фризов имели выпуклые борта. Осадка их была невелика, днище почти плоское, что позволяло плавать у мелководных берегов Северного моря» [45].

Фризские коги очень напоминают суда венетов, описываемые Цезарем: такие же пузатые, высокобортные, плоскодонные и чисто парусные. И в то же время размерения фризских когов и очертания их корпусов сходны с тем, что мы имеем у „ладей“ с мыса Токмак. Поэтому логично предположить, что суда, на которых плавали создатели „ладей“, были когами или судами, похожими на них. Именно такого типа суда строились в Рижском заливе, там, где археологом Моором были найдены захоронения, сходные с каспийскими. Например, так называемый «Рижский корабль». Оно было найдено в 1939 г. в Риге при земляных работах. Судно хорошо сохранилось, и поэтому удалось восстановить его внешний вид и определить способ постройки. «Риж-

ский корабль», построенный в XII—XIII вв. латышами или литовцами, имеет, кроме прочего, сходство с ладьями с мыса Токмак: в носу и корме две полупалубы, которые как бы делили судно на три части.

Сходство «Рижского корабля» с каспийскими ладьями переключается с вопросом близости балтских языков с санскритом — языком, на котором говорили древние жители Персии и Индии. Это сходство поражало ученых с XVIII в. «Сходство древнеиндийского языка со многими европейскими языками было просто разительным. Возьмем для примера такой территориально удаленный от санскрита язык, как литовский. Можно составить большой список слов, совпадающих (частично или полностью) в двух этих языках — как по звучанию, так и по значению:

<i>Русский</i>	<i>Древнеиндийский</i>	<i>Литовский</i>
кто	кас	кас
который	катарбс	катарбс
сын	су:нэс	су:нэс
новый	нбуяс	нбуяс
когда	кадб	кадб
тогда	тадб	тадб
овца	бвис	авис
лошадь, кобыла	бшвас	ашвб
слеза	бшрам	бшара
столб	стбмбхас	стбмбас

Этот список можно было бы продолжать и далее. Мало того, можно подобрать целые предложения (пусть несложные), которые будут звучать почти одинаково по-древнеиндийски (по-индоирански) и по-литовски. Например, вопрос: „Кто твой сын?“ —

кас тбва су:нэс? (древнеиндийский);
кас тбво су:нэс? (литовский).

Не менее яркие совпадения у этих языков можно обнаружить и в грамматике... Строй этого языка настолько архаичен, что болгарский академик В. Георгиев высказал по этому поводу, казалось бы, совершенно парадоксаль-

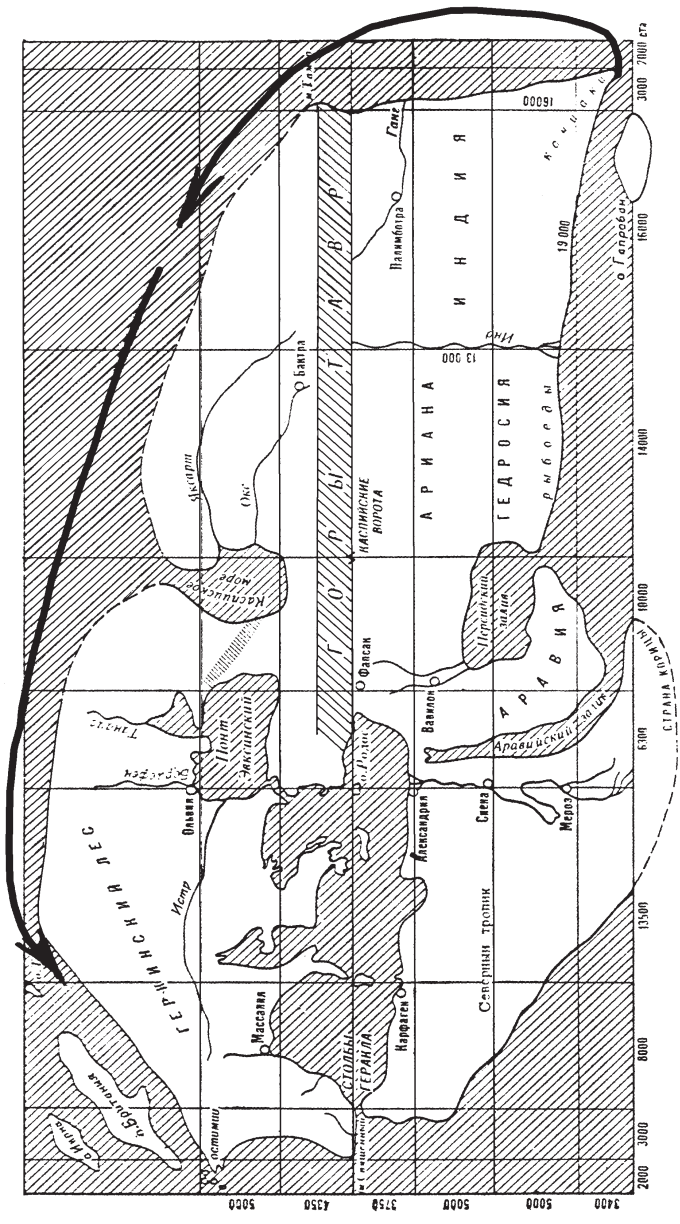
ную мысль: поскольку мы не располагаем непосредственными данными праславянского языка, их место в исследованиях в отдельных случаях могут заменить данные... литовского языка. Естественно возникает вопрос: кто же чей сын? Является ли язык, из которого возник литовский, потомком или предком древнеиндийского (древнеиндоиранского)? Пришли ли в глубокой древности носители одного из этих языков с берегов Немана в долину Ганга или наоборот?» [47].

Все эти сходства судов и языков позволяют нам предположить, что народы, жившие на берегах Каспия (древние персы (?), говорившие на санскрите) и Балтики (древние балты), имели общее происхождение.

Однако тот факт, что на Востоке, в частности в Иране, в античные времена уровень культурно-экономического развития общества был значительно выше, чем в тот же период на севере Европы (где местные племена почти до первых веков нашей эры не знали ни паруса, ни земледелия), заставляет нас предположить, что находки на мысе Токмак являются следами торговой или торгово-колониистой экспансии на Балтику жителей Каспийского побережья, судоходство и судостроение которых уже в эпоху императорского Рима насчитывало не одно столетие, а может, и тысячелетие. По-видимому, гирканцев — жителей маленькой окраинной провинции древнего Ирана на южном берегу Каспийского моря. Там, где течет река Горган. Эти жители проявляли в древности настолько сильную торгово-мореплавательскую активность, что само море было названо греками Гирканским.

В пользу этого предположения свидетельствуют следующие факты. С одной стороны: «Еще перед Первой мировой войной немецкий археолог А. Бенценберг опубликовал работу, в которой отмечал, что Восточная Пруссия получала металл в эпоху бронзы с Кавказа» [13].

С другой стороны: «Из подробностей описания (Цезаря) выясняется такое совершенство судостроения и судоходства венетов, что недаром римляне ставили их в этом отношении выше всех известных северных народов — галлов, германцев и британцев» [75]. А такое бывает, как правило, тогда, когда среди местных племен (стоящих на низ-

Карта Эратосфена (III в. до н. э.). Так себе представляли античные авторы путь «жителей Индии» в Европу

ком уровне развития) поселяется народ со своей уже сложившейся судостроительной и мореходной практикой.

А о том, что в античные времена отмечалось проникновение восточных купцов в Балтику, имеются упоминания у римских авторов. Например у Марка Теренция Варрона (116—27 гг. до н. э.), — «ученейшего из римлян», как его часто называли современники. «Это у Варрона был помещен рассказ писателя I в. до н. э. Корнелия Непота об индийцах, которых будто бы пронесло мимо Каспийского залива и прибило к берегам Германии» [27]. Это же сообщение повторил римский историк Мела: «Описывая северные и восточные берега Азии, Мела со слов Непота сообщает о нескольких „жителях Индии“, отброшенных бурей от родных берегов и долго блуждавших вдоль северного побережья Азии, пока наконец они не высадились в Германии» [27].

Отсюда следует, что римляне не знали о существовании Волги. В их представлении Каспий являлся... заливом Северного, или Скифского, океана, который с одной стороны омывал Европу, а с другой — Индию (рис. на с. 116). По этой причине они давали такое странное, на наш взгляд, описание путешествия «жителей Индии». Однако местоположение «каменных ладей» с мыса Токмак заставляет нас предположить, что античные географы в чем-то все-таки были правы, и Волги действительно не существовало, а вместо нее был длинный и узкий залив Каспия. Дело в том, что «каменные лады» найдены на краю высокого берегового обрыва. В статье Л. Л. Галкина читаем: «Далеко внизу бьются о меловые скалы беспокойные волны». И если отбросить версию о том, что древние мореплаватели были, кроме всего прочего, еще и альпинистами, то нам ничего другого не остается, как сделать вывод о том, что во времена, когда эти лады плавали, уровень воды в Каспии был значительно (до сотни метров) выше нынешнего. А это может служить подтверждением гипотезы некоторых ученых (в том числе и С. А. Ковалевского) о том, что Каспий в античности был соединен с Азовским морем. «Уровень Каспия в ту эпоху был намного выше, чем ныне, и Волга сообщалась с бассейном Балтийского моря, а потому было возможно, как

утверждают античные предания и мифы, плавание вокруг Европы — из Балтики в Каспий, из Каспия в Азовское море и далее в море Средиземное и Атлантический океан. О том, что уровень Каспия был выше, говорят и указания Плиния и Птолемея, согласно которым река Аракс впадала в Каспийское море, соединяясь к тому же с Курой» [35]. Поэтому вполне возможно, что путь «жителей Индии» с Каспийского побережья Ирана до Балтики пролегал по длинным и довольно узким проливам, соединявшим (вместо Волги) эти два моря.

Естественно, возникает вопрос — что же могло побудить мореходов с Каспия (гирканцев) двинуться в далекий, долгий и тяжелый путь на север в «свинцовую Балтику»? Можно предположить следующее: мореходы Каспия, так же как «жители Индии», плыли на север за драгоценным янтарем. Изделия из него были широко распространены в античности по всей ойкумене: — от Рима и Египта — на западе, до Индии, Китая и Тибета — на востоке. Однако никто из античных авторов не знал те места, откуда его привозили. Наверное, знали это гирканцы? И не только знали, но и вели интенсивную торговлю, проникая на Балтийское побережье? Не по этой ли причине язык балтов так похож на язык древних индоиранцев? И не тысячелетний ли опыт торговли гирканских купцов и их балтийских потомков стал основой процветания и могущества легендарной средневековой Ганзы? Вот вопросы, которые возникают в связи с находками археологов на пустынном берегу мыса Токмак. Может быть, ответы на них помогут нам со временем разрешить и вопрос, поставленный в заголовке.

О происхождении терминов «венед», «венд» и «фриз»

«Норвежский король Коль успешно соперничает в разбойном промысле с ютландским герцогом Хорвендиллом (отцом принца Гамлета — шекспировского Гамлета)...

Норманны выступили на морскую арену как наследники громкой славы фризов — безраздельных властителей северо-европейских морей еще при жизни Рима. Они заселяли

Медали (печати) с изображениями древних когов, датированные VIII—IX вв.

Эти изображения могут служить доказательством того, что коги существовали, как минимум, в то же время, когда строились норманские кнорре и дракары, а возможно, и значительно раньше. И следовательно, не могут «происходить» от них. Обращает на себя внимание печать, помещенная в центре. Канат, обрамляющий печать и выходящий из борта судна, а также наклонные штрихи на бортовой обшивке говорят о том, что корпус этого судна «сшит» тросом. Кроме того, видно, что обшивка судна изготовлена вгладь — доска к доске. Но это расходится с существующими представлениями историков о том, что все суда средневековой Европы обязательно имели клинкерную обшивку (изготовленную по типу «кромка на кромку») и крепились деревянными или железными гвоздями и железными заклепками

территорию Нидерландов, где по сей день существует провинция Фрисландия. Им принадлежало также побережье в районе не существовавших еще тогда Фризских островов, остров Гельголанд и германские земли между Нидерландами и Ютландией. Их груженные товарами суда можно было повстречать на всех реках, ведущих к Северному морю и купеческой столице Северной Европы — городу Хедебю. Из порта Дармштадта в устье Рейна фризские торговые коги уходили с винами и тканями в Италию и Данию, Швецию и Норвегию, в Британию и Галлию. Их длинные весельные боевые корабли можно было увидеть на рубеже VII и IX в в эскадрах короля франков Карла Великого и саксонского короля Этельберта, остовы этих кораблей покоятся на дне и у скандинавских берегов — безмолвных свидетелей кровавых битв.

Для похода обычно объединялись силы нескольких князей, и эти флоты внушали ужас всем, кто не принадлежал к числу подданных князя или его союзников. В самом конце X века Фрисландию жестоко разграбили доведенные до отчаяния пираты Швеции и Дании, лишившиеся значительной части своих доходов. Их было несколько тысяч, они называли

себя „испепеляющими“ и, как показали события, не зря. Казалось, фризам никогда уже не оправиться от этого жуткого нашествия.

Но надеждам „испепеляющих“ не суждено было сбыться, фризы очень быстро восстали из пепла. По словам ученого монаха, путешественника и прославленного хрониста XI века Адама Бременского, состоявшего в свите гамбургского епископа, никто с тех пор не мог безнаказанно грабить фризские берега, поэтому любое судно, не исключая и пиратское, заброшенное ветрами или обстоятельством в Фрисландию либо проплывавшее мимо, делилось с фризами своей добычей или своим грузом» [58].

«Перестраивая свои суда, норманны, по-видимому, брали за образец так называемые „понтон“, которые они захватили во время завоевания Нормандии в галльских реках и в прибрежных водах. Это были высокобортные тяжелые суда, которые доставили немало хлопот еще Юлию Цезарю во время галльского похода. Их изображение сохранилось до нашего времени на мозаичных панно Альтибуруса» [69].

Не эти ли суда изображены на старинных медалях торговых городов Атлантического побережья?

О торговле янтарем в античные времена. Бронзовый век

«Наиболее ярким примером европейской торговли — обмена в бронзовом веке — служит торговля янтарем. Месторождения янтаря находятся в различных частях Европы, но преимущественно на южном побережье Балтики, а также в Португалии, Сицилии, Южной Италии, Франции и Румынии. Анализ янтарных изделий из шахтных могил в Микенах показал, что янтарь, из которого они сделаны, происходил из Прибалтики и пересек Европу с севера на юг. Янтарь экспортировался, в основном, в виде готовых изделий, из Средиземноморья в другие районы Европы поступали главным образом раковины типа *Carium*, *Columella rustica* и *Dentalium*, а также, возможно, фаянсовые бусы и ткани. Фаянсовые бусы, как показал анализ находок, сделанных в Англии, имеют восточное происхождение» [79].

Однако ни финикийцы, ни греки, ни римляне не знали места, где он добывается. Римляне получили первые

сведения об «янтарных островах» только во времена Нерона, однако нет достоверных сведений о том, что они вели торговлю янтарем. При этом никто из историков не вспоминает о персах, арабах и индийцах, хотя клады с янтарем, например, найдены на Мальдивах и в других районах Востока.

Рождение солнечного камня

«Балтийское море — бурное море. Штормы на Балтике нередки. И после каждого шторма на пляже у воды ползают азартные мальчишки в поисках желтых кусочков янтаря, выброшенных морем из своих глубин. Находят то размером с горошину, а то величиной с большое яблоко — кому как повезет...

Ученые кропотливо исследуют янтарь со всеми включениями в нем. Сопоставляя и осмысливая факты, сравнивая полученные данные с данными геологов, они нарисовали такую картину.

Год 40 000 000-й до...

Дремлющая в янтаре неповторимая, всегда новая красота и способность бережно сохранять от тления попавших в него насекомых или остатки растений создали вокруг этого лучистого камня множество легенд, мифов и поверий. Янтарь известен людям с незапамятных времен. С тех пор как штормующее море впервые выбросило к ногам первобытного человека странный камень, будто насквозь пронизанный солнечными лучами, человек поклонялся ему, пораженный его необычностью. Первоначально люди приходили на берег и ждали, когда бурные волны вынесут из своих глубин священные золотистые камни, которые можно будет превратить в амулеты. Позднее смельчаки научились извлекать янтарь из глубин моря.

Необработанный янтарь находили в ископаемых остатках каменного века. Обработка янтаря началась лишь в неолите, когда обнаружили, что этот нетвердый камень легко режется и из него можно изготавливать различные украшения. Много янтарных поделок археологи обнаружили при раскопках поселений бронзового века.

За несколько тысячелетий до наших дней янтарь уже служил предметом торговли. Так, янтарь был найден в погребении майя. Купцы доставляли его, вместе с другими ценными товарами, и в Италию, и в Северную Африку, и во многие

другие области земли. Существовали даже специальные «янтарные дороги», по которым этот благородный минерал распространялся почти по всему свету.

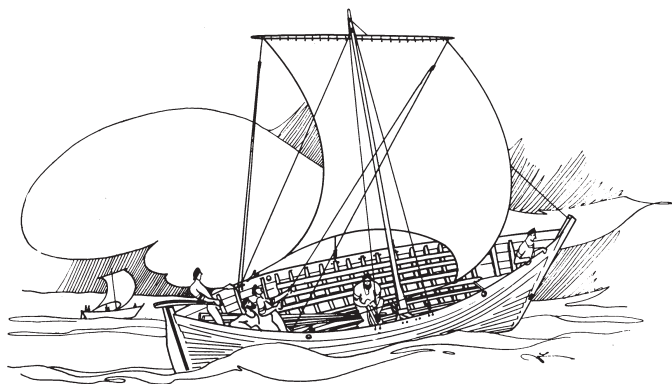
Особенно любим он был в Риме во времена царствования Нерона, который, говорят, любил щеголять в короне, богато инкрустированной янтарем. Тогда янтарная брошка или подвеска стоили дороже, чем раб.

Янтарию приписывали множество волшебных качеств. Одни думали, что в нем заключена некая таинственная сила, притягивающая к себе и уничтожающая яды. Другие наделяли его свойствами добывать людям бессмертие. Третьи были убеждены, что янтарь излечивает от болезней. Многие века янтарь считался символом жизненных сил, здоровья и долголетия...

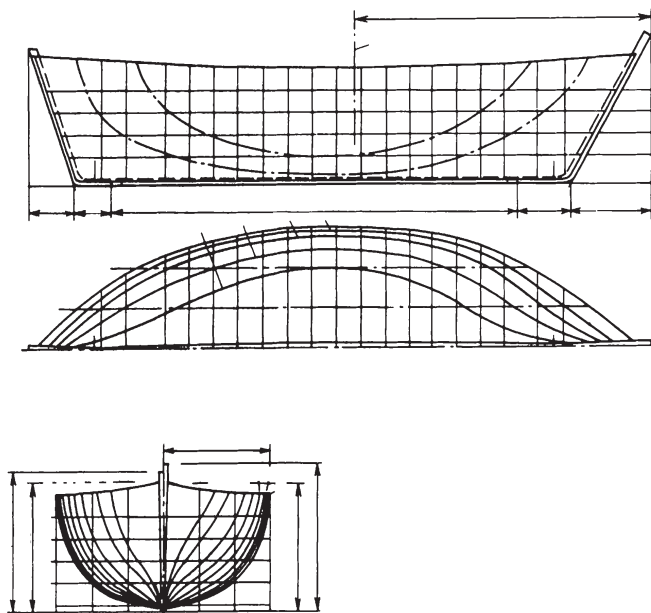
Янтарь находят во многих странах — во Франции, Америке, Англии, Италии, Испании. Но самые крупные залежи солнечного камня — в нашей стране (СССР. — С. Д.), на побережье Балтийского моря. В недрах небольшого отрезка прибалтийской земли — от города Балтийска до города Клайпеды — сосредоточено три четверти мировых запасов янтаря! В древние времена, до нашей эры, в этих местах местные жители... жгли его. Да, использовали драгоценный минерал вместо дров для обогрева своих жилищ и приготовления пищи. Станный камень ярко вспыхивал, когда его бросали в огонь, и при сгорании распространял вокруг тонкий смолистый аромат хвойного леса. Увы, тех сожженных сокровищ уже не вернуть...

Древние греки называли янтарь электроном. Такое название он получил от звезды Электры — одной из звезд, входящих в плеяду созвездия Тельца. От этого греческого слова „электрон“, которое первоначально означало „янтарь“, и вошло впоследствии в языки всего мира слово „электричество“. Поскольку янтарь не проводит электрический ток, из него делают изоляторы в различных электрических приборах — радиоприемниках, телевизорах и др.

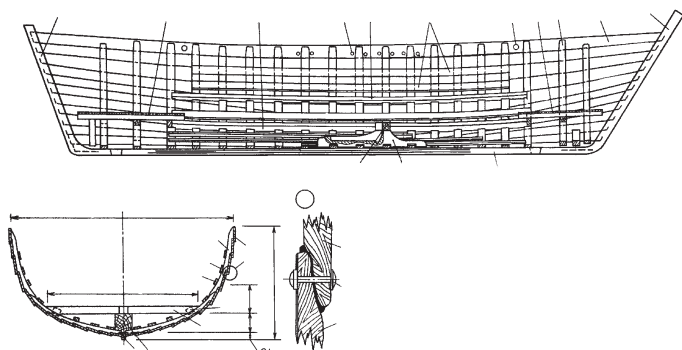
Солнечный камень янтарь, хранивший так много тайн и так долго волновавший умы людей, теперь окончательно разгадан, и его свойства хорошо изучены. Но колдовская красота янтаря не утратила для нас своей прелести, а вид замурованных в нем насекомых заставляет быстрее биться сердца мечтателей, жаждавших прокатиться на „машине времени“» [26].

«Рижский корабль»

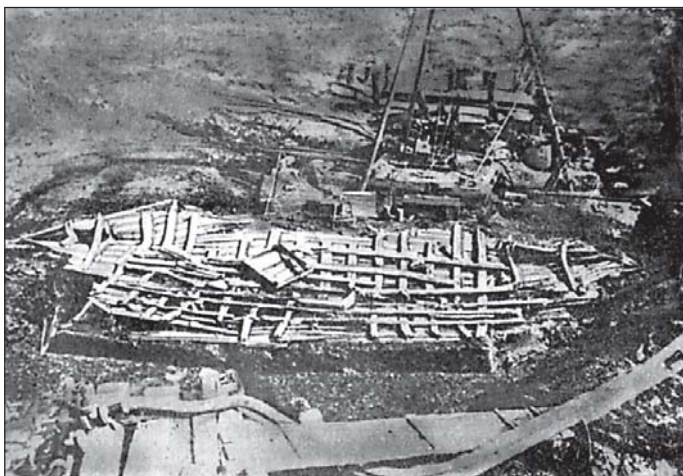

*Эскиз теоретического чертежа лодки
(реконструкция)*

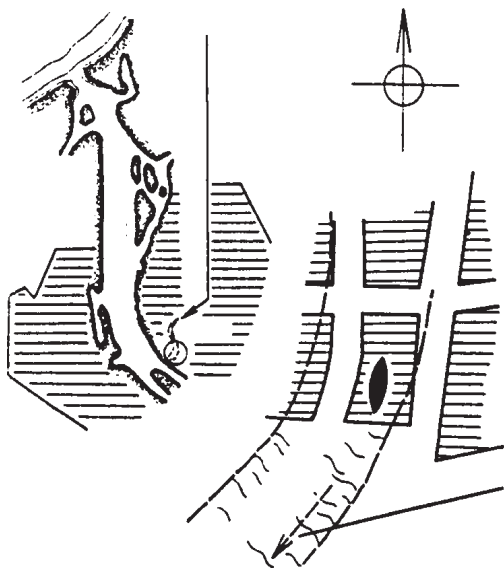

Устройство корпуса лодки (реконструкция):

1 — форштевень; 2 — пояса обшивки; 3 — шпангоуты; 4 — носовая платформа; 5 — круглые отверстия для прохода весел; 6 — бортовые доски (стрингеры); 7 — брусья (стрингеры); 8 — отверстия для крепления такелажа; 9 — мощный скуловой стрингер; 10 — кормовая платформа; 11 — ахтерштевень; 12 — мощный бимс в районе степса мачты; 13 — степс; 14 — киль; 15 — железный гвоздь (заклепка); диаметр — около 6 мм

Так выглядели части корабля после снятия верхнего слоя грунта и расчистки

Район нынешней Риги, в котором был обнаружен «Рижский корабль»

«Ладан, ладон — пахучая смола;
 церковный ладан, собираемый с дерева *Juniperus turifera*;
 ладан росной — с дерева *Styrax benzoin*;
 ладан верховой, растение брань;
 ладан морской — янтарь, выкидываемый морем» [25].

«Рижский корабль»

«Этот парусный корабль — высокобортная 14,3-метровая ладья, напоминающая курземские и сааремские рыбацкие лодки более поздних времен, — был обнаружен летом 1939 г. при проведении раскопок на территории Старой Риги. Когда-то именно здесь, в районе нынешней улицы Ридзене, в Даугаву впадала речка Ридзене (Рига). В ее устье и находилась самая первая в истории Риги гавань. Как считают археологи, затонул корабль в гавани в XII—XIII вв., т. е. 700—800 лет назад, а вот почему это произошло, сказать невозможно.

Это — круглоскулое беспалубное судно с практически симметрическими оконечностями; форштевень наклонен

сильнее, чем ахтерштевень, поэтому носовая часть получилась более заостренной. Ширина корпуса на миделе — 4,9 м, высота борта — 2,4 м (соотношение ширины к длине — 1:2,9).

Мачта установлена несколько в нос от миделя. К сожалению, в свое время археологам не удалось откопать верхний конец мачты: при аварии корабль опрокинулся, она ушла глубоко в грунт. Основную часть так и оставили в земле, ниже уровня грунтовых вод, отпилив и вынув лишь нижнюю часть. Не зная полной высоты мачты, определить площадь прямого паруса можно лишь приближенно. Мы считаем, что парус площадью около 42 м имел высоту 7 м, ширину по верхней шкаторине — 5,6 м и по свободной нижней — 6,4 м.

Имеющиеся в верхнем поясе обшивки четыре отверстия диаметром 120 мм служили для выхода наружу весел. Это говорит о том, что для обслуживания корабля было необходимо не менее четырех человек. Вероятнее всего, в составе команды был и пятый моряк — рулевой (кормчий, губернатор).

Грузоподъемность ладьи составляла около 30 т.

То, что видят сейчас посетители Музея истории города Риги и мореходства, это лишь маленькая часть из найденного в 1939 г. Дело в том, что все извлеченные из грунта детали разобранного корабля были замаркированы и отправлены на склад, где и погибли при пожаре. Уцелели лишь киль, штевни и несколько шпангоутов, находившихся в другом месте — на обработке консервирующими химикатами. Однако сохранилось множество фотоснимков и главное — рукопись археологов, в которой детально, со всей возможной точностью описаны все находки и сам процесс разборки ладьи. Не было никаких данных лишь по конструкции верхней части корпуса в оконечностях. Отдельные детали, например по узлу крепления степса мачты с килевым брусом, так и не были найдены. Их, очевидно, унесло течением, так как левый борт ладьи был раздроблен при очистке фарватера древней гавани, детали крепления мачты были сорваны с мест.

При изучении всех сохранившихся до наших дней материалов были выявлены некоторые элементы, характерные для судостроения как западных славян (вертикальное косое соединение киля со штевнями), так и датчан (узел передачи усилия мачты на корпус) и восточных славян (применение небольших характерных скоб). Нами обнаружены детали с орнаментацией, дающей основание предполагать, что корабль был построен на побережье Северной Курземе (севе-

ро-западная часть Латвии). Не исключено, что ладья принадлежала тем местным племенам, которые в период с 1210 по 1215 г. пытались отвоевать у крестоносцев свою бывшую гавань. Согласно сведениям, приводимым древним хроникером, в морских боях участвовали и торговые суда...

Специалисты пришли к выводу, что на основе имеющихся данных можно не только воссоздать общий вид „Рижского корабля“, но и полностью реконструировать его корпус. Эта уникальная работа была поручена группе, в которую вошли несколько сотрудников ЦПКБМА и Музея истории города Риги и мореходства. Группу возглавили археолог Мелита Вилеоне и автор статьи (А. Залстерс).

Основными частями закладки корабля являются штевни и киль, вытесанные из «черного» дуба, который еще до того, как попасть в руки мастеров, долго лежал на дне реки и приобрел дополнительную твердость, однородность, устойчивость к воздействию влаги. Во всяком случае анализы, проведенные самым современным радиоуглеродным методом, дают основание утверждать, что материал, из которого изготовлен киль, на целые 1300 лет старше того материала, из которого сделаны менее ответственные детали.

Обшивка выполнена внакрой из тесаных дубовых досок толщиной 25—28 мм. Доски перекрывают одна другую на 50—60 мм и скрепляются между собой железными гвоздями-заклепками. К шпангоутам доски крепились дубовыми нагелями диаметром около 28 мм. После забивки нагеля в его передний конец забивался дубовый клин. Обшивка состояла из 12 поясьев на каждой стороне корпуса, их ширина в районе миделя — от 230 до 470 мм. Все пазы уплотнены массой из смолы и шерсти животных. На корабле — 19 основных дубовых шпангоутов, составленных из 4 частей — по две на борт, и два днищевых флора — в носу и в корме. Они подгонялись и закладывались, когда была полностью закончена наружная обшивка корабля и практически уже создана форма корпуса.

Шпация (расстояние между осями шпангоутов) была неодинаковой по длине корпуса и колебалась от 520 до 580 мм. Да и ширина самих шпангоутов тоже изменялась в довольно широких пределах: от 120—140 мм в узких оконечностях, подкрепленных платформами, до 170—200 мм в самой широкой части мачты, в районе шп. 10—11.

Поверх шпангоутов ставились — нарезались на них — стрингеры. Главные из них, которые проходят параллельно

шестой от ДП паре досок, вырублены из кривого дубового бруса и имеют сечение порядка 1356150 мм. По длине они состоят из двух частей, между которыми заложен столь же мощный бимс, передающий на них усилие от мачты. Дополнительные стрингеры имели меньшее сечение — порядка 100660 мм. Кроме того, поверх шпангоутов ставилось несколько (по пять на борт) досок — что-то вроде внутренней зашивки.

Чтобы надежнее стянуть между собой поясья обшивки, шпангоуты и стрингеры в узлах их пересечения, использованы удлиненные нагели. Любопытно, что они забивались попеременно; если на нечетных шпангоутах нагели забиты с наружной стороны корпуса, а клинья — с внутренней, то на четных наоборот — нагели ставились изнутри корпуса, а клинья снаружи.

В носу и корме были сделаны небольшие, длиной около 2 м, платформы.

Стоит еще отметить, что способ крепления шпора съемной мачты и вырезы для весел „Рижского корабля“ вообще характерны для судов IX—XII вв. Примерами могут служить сохранившееся и экспонируемое судно из Гокстада и большая кнорре из Скулева. Ученые предполагают, что именно в тот период и был создан корабль из Риги. Кстати сказать, считается, что суда, построенные таким способом из того же дуба, лиственницы или тисового дерева, иногда служили верой и правдой до 500 лет.

Имел ли на самом деле „Рижский корабль“ прикрепленный к ахтерштевню навесной руль, изображенный на рисунке? В течение последних 150 лет на территории ряда прибалтийских стран найдено уже немало древних кораблей. При их изучении выяснено, что суда, построенные в первые столетия нашей эры, руля не имели: для управления судном на правом борту устанавливалось большое рулевое весло. *(по-видимому, имеются в виду скандинавские суда, ибо ранние коги, как и все волжские суда, управлялись потесью.)*

Долгие годы первым судном, снабженным навесным рулем, считался корабль, изображенный на печати города Эльбинга (Эльблонг, Польша). Так как печать была вырезана в 1242 г., а корабль был похож на ког, то вероятным и считается факт, что в Европе руль был впервые применен немцами в начале XIII в. Однако недавно в Винчестере (Англия) был обнаружен камень с изображением каменной лодки, датиро-

ванный 1180 г., причем на этой лодке показан руль, богато орнаментированный и имеющий совершенную форму.

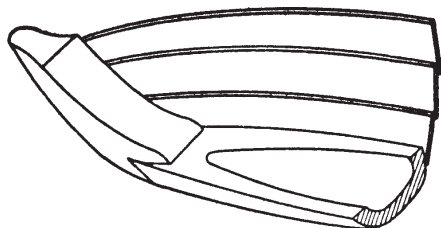
В 1939 г. на правом борту корпуса „Рижского корабля“ никаких следов подвешивания рулевого весла не обнаружили. В то же время недалеко от ладьи находилась деталь, которая по внешнему виду напоминала оторванный руль, а при тщательном обследовании ахтерштевня найдены следы какой-то оторванной детали крепления. Не исключено, что „Рижский корабль“ имел руль и является сегодня самым древним известным нам судном с рулевым устройством такого рода» [31].

«Ростокский челн»

«В прямой зависимости с челнами-однодеревками существенный интерес представляют суда, на которых путем различных конструктивных усовершенствований можно добиться увеличения поперечного сечения.

Наиболее характерным представителем судов этого типа является пирога, челн-однодеревка, с прилаженными по бокам досками. Реликтом подобной конструкции следует, по всей вероятности, считать ростокский рыбацкий челн (*Rudolf W. Handbuch der volkstümlichen Boote im nördlichen Niederdeutschland*. Berlin, 1966). Однако самое широкое распространение таких судов наблюдается в зоне Тихого океана (*Suder H. Vom Einbaum und Floss zum Schiff*. Berlin, 1930).

Суда-реликты, аналогичные „Ростокскому челну“, на протяжении многих столетий сохранявшие свою конструкцию неизменной, встречаются, естественно, чаще всего там,

«Ростокский челн» — набойное судно
Западной Европы

Славянское судно с острова Рюген

где их постоянно используют для одних и тех же целей. Так, на скандинавском побережье до наших дней сохранились малые рыболовецкие суда, у которых ни внешний вид, ни конструкция почти не изменились.

Иначе обстоит дело с судами, предназначенными для транспортировки грузов. Менялась номенклатура товаров, возрастал объем торговли. Все это влияло на особенности судов, причем объем торговли влиял в гораздо большей степени, поскольку требовал, главным образом, увеличения их размеров» [16].

На ладье по Балтике

«В старые времена на территории Германии жили племена западных славян — руян, или ранов. Руяны были отличными воинами и мореплавателями. На своих судах-ладьях они через Балтику приплывали торговать к славянам восточным — в Ладогу, Новгород, во Псков...

В 1967 г. на немецком острове Рюген были найдены присыпанные многовековым песком останки древней ладьи

руян. В научном мире обнаруженная ладья была названа „Аркона“, в честь когда-то процветающего на Рюгене города Аркона.

И вот сегодня «времен связующая нить» соединила древний Аркон и поселок Усть-Ижора. Здесь осенью (1995 г.), в день святого Александра Невского, произошла символическая закладка древней ладьи: возле церкви Александра Невского на стапель были установлены киль, штевни, а в центре конструкции модель $\frac{1}{10}$ натуральной величины „Арконы“... Теперь группа энтузиастов занялась строительством ладьи в натуральную величину. К лету 1995 г. строительство должно быть закончено. Возглавляет группу археолог, кандидат исторических наук, замдиректора НИИ культурного и природного наследия Петр Сорокин.

— Строительство средневековых судов, а потом, естественно, плавание на них по древним путям, сейчас в мире очень распространено, — рассказывает он. — Датчане сегодня не только восстанавливают облик судна, но и технологию строительства. Например, они не пилят доски с помощью современной пилорамы, а вытесывают их из бревна вручную, как это делали когда-то варяги, викинги. На „Арконе“ мы поплывем по Балтике через Швецию, Финляндию, дойдем до Германии, потом обратно, т. е. пройдем тот путь, по которому в древности, возможно, плавали руяны. Тут для истории много невыясненного» [38].

Славянская лодка

«Археологи пока не обнаружили ни одного поселения викингов на славянском побережье Балтийского моря; очевидно, они встречали здесь весьма мощный отпор. Поморы также совершали плаванья с целью грабежа и мести. В IX—XII вв. одним из крупнейших портов поморов на Балтике был Волин. В истории известен набег щецинского князя Ратибора в 1136 г. на богатый датский город. Изображение славянского судна воссоздано по рисунку на резных дверях Гнезненского собора и по раскопкам, проводившимся в Оруни, Мехлинках, Щецине, а также возле озера Лебское. Похожее внешне на судно викингов, оно было более плоскодонным; иначе сделаны на нем и штевни. Движителем служили весла и прямой парус.

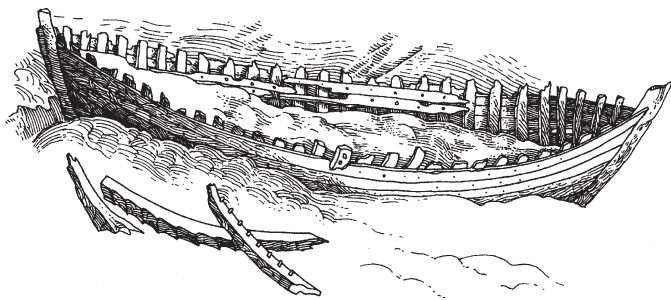
Основные характеристики: длина — около 20 м, ширина — 3,8 м» [33].

Судно из Брезена

«В 1872 г. около Брезена, севернее Данцига (Гданьска), при строительстве порта был найден хорошо сохранившийся корпус судна с клинкерной обшивкой. В описании того же года приводится рисунок этого судна и говорится о том, что корпус сделан из дубовых досок толщиной 4 см, не пиленых, а колотых. Доски обшивки были соединены железными заклепками и прикреплены к шпангоутам деревянными гвоздями. Оконечности судна были одинаково заострены. Руль не был обнаружен, поэтому находку можно датировать временем до 1240 года, поскольку к этому году относится первое упоминание о кормовом руле у судов северных народов. Дно судна было плоским. По килю шел желоб для стока воды (?). Есть предположение, что судно имело внутреннюю обшивку для перевозки зерна. Длина судна была 17,5 м, ширина — 4,9, соотношение длины к ширине (3,5:1) дает основание заключить, что мы имеем дело с парусным торговым судном — нефом или когом» [91].

В связи с описанием возникает вопрос: для чего мог быть нужен желоб, шедший по килю?

Не является ли это намеком на килевые колоды, которые были так характерны для волжских судов и для ростовских рыбацких лодок, которые Э. Генриот называл реликтами. Если это так, то необходимо предположить, что когам предшествовали суда, строившиеся по «древнерусской технологии», типа лодей или чаек.

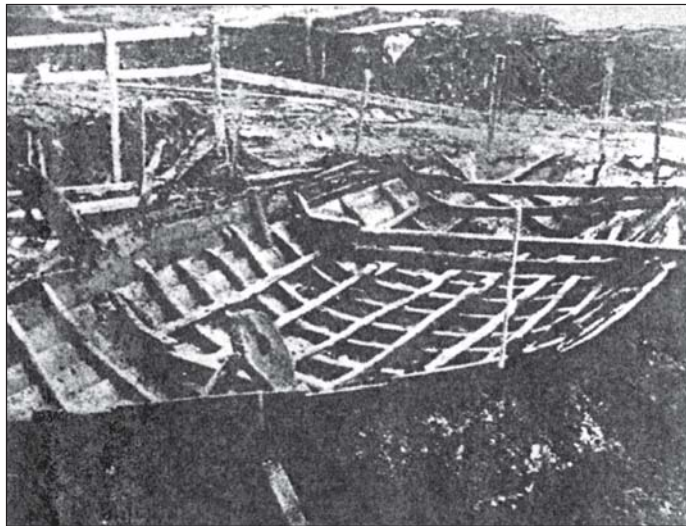
Судно из Брезена

Судно из Калмара

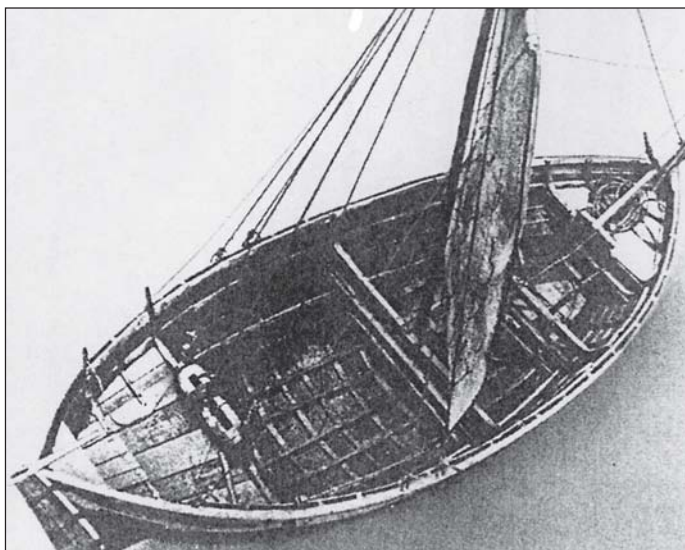
«Основными типами судов XII—XIV вв., согласно документальным записям, таможенным спискам и т. д., были, очевидно, одномачтовые парусные суда неф и ког (или, как их еще называли, кога, кого, когхен, кокен и т. д.). Они служили моделями для гравировки на печатях приморских городов и были символами власти и могущества.

На одной из печатей такого рода — печати из Данвича (Англия) — показан еще бортовой руль. Здесь можно различить давно известные сквозные трюмные, а может быть даже и палубные, бимсы.

О внутренней конструкции тогдашних судов позволяют судить находки близ Галтабека (XII—XIII вв.) или близ Калмара (XIII в.). Бимсы вместе с крепящимися по сторонам к внешней обшивке деревянными кницами предназначались для обеспечения поперечной жесткости корпуса судна. Палубы или полупалубы, как, например, на калмарском судне, получили в течение XIII в. широкое распространение во всей Северной Европе» [16].

На судне из Калмара бимсы проходят через борт так, как нам известно по многим изображениям судов XII—XIV вв.

Судно из Калмара

Сравните судно из Калмара с описанием каспийско-персидского судна, сделанного Адамом Олеарием во время путешествия по Волге в Персию с голистинским посольством в 1634—1689 гг.:

«Их персидские суда устроены как наши небольшие баржи: по форме своей они похожи на наши купальные ванны; они стоят очень высоко над водой, скреплены снизу доверху многими балками и поперечными брусьями, выходящими по обе стороны наружу и укрепленными с помощью клиньев» [46].

Сравнивая описание персидского судна, данного Олеарием, с изображением калмарского судна, удивляешься, как точно к нему подходит то, что видел Олеарий на Каспии.

Глава V

Флот царя Дария

Арабы вышли на морскую арену как наследники многовековой легендарной славы финикийцев, не сумевших пережить завоевания Александра Македонского.

Их корабли, строившиеся на верфях города Фарса, наполнили новым смыслом библейские фразы о «фарсистских кораблях» — и точно так же, как их седые тезки, они «издалека добывали хлеб свой»...

Индийский и Тихий океаны, Красное, Черное, Средиземное моря и особенно Персидский залив («море Фарса») буквально кишели арабскими завами (дау) — быстроходными парусниками водоизмещением до трехсот тонн, чья биография уже в эпоху императорского Рима насчитывала не одно столетие.

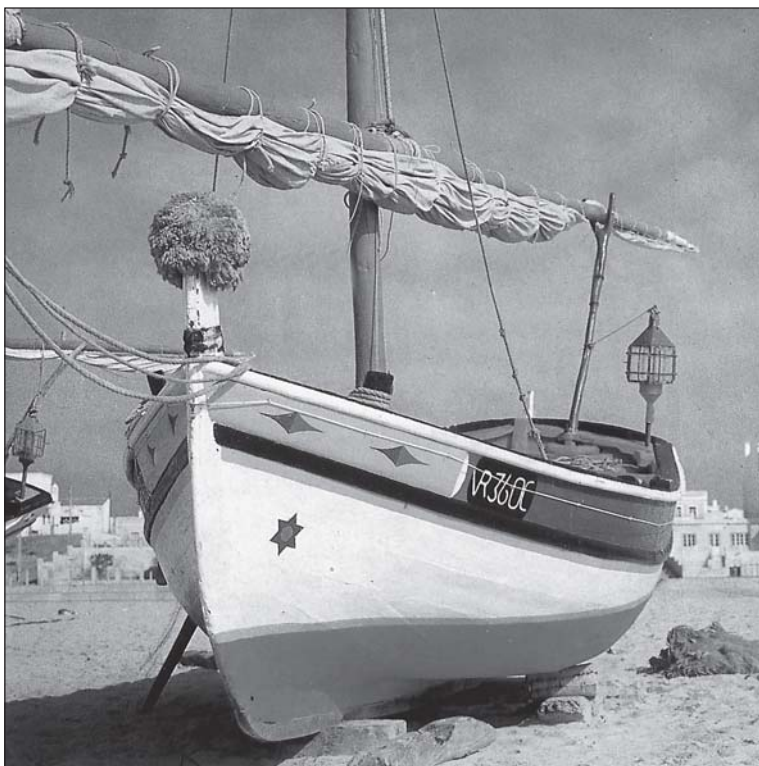
*А. Б. Снисаренко.
Рыцари удачи*

В исторической науке существует два направления: изоляционистов и диффузионистов. Первые строят свое понимание исторических процессов на основе предположения об «единстве путей развития человеческого общества», предположения о независимости развития человеческих сообществ в различных частях света. Вторые считают, что в основе развития тех или иных цивилизаций главную роль играет диффузия — распрост-

ранение культур при миграциях племен и народов. Российская историческая наука в основном придерживается позиции изоляционистов с той лишь разницей, что единство путей развития человеческого общества обусловлено «не единообразием человеческой психологии», а единством законов общественного производства. «Доказано, что человеческие коллективы, находящиеся на одинаковой стадии развития, со сходным хозяйством и в сходных природных условиях совершенно самостоятельно, независимо друг от друга создавали похожие социальные институты, элементы культуры и духовные ценности», — утверждает В. И. Гуляев [19].

В этой связи можно ожидать от некоторых историков резких возражений, состоящих в том, что сходство судов Северной и Восточной Европы с судами Востока обусловлено «единством путей развития». Не отрицая позиции изоляционистов вообще, хотелось бы сказать, что любой закон верен только в определенных рамках. Для данного случая такими рамками являются факторы времени и этапности развития. То есть общества, формирующиеся независимо друг от друга, могут достигнуть одного уровня развития, если пройдут одинаковые этапы эволюции за равное время. В противном случае можно говорить о том, что имела место диффузия.

Относительно рассматриваемого случая условия этапности и времени не соблюдаются. Взять хотя бы русское слово «корабль». Согласно Шубину [75] оно происходит от слова «кора» или производного от него слова «шкура». Однако нет никаких достоверных сведений о том, чтобы славяне или балты строили суда, обшитые корой или шкурами. В то же время на Востоке — в Междуречье, в Индии и Иране — такие суда строятся до сих пор. Следовательно, славянское судостроение «пропустило» один из основных этапов развития. Кроме этого, существовала большая разница в сроках развития корабельного дела. Так, если германцы и многие другие народы, проживавшие к северу от Пиренеев, при Цезаре не знали ни паруса, ни распашных весел, то ко временам Христофора Колумба они осваивают мореходное дело настолько, что отваживаются пересечь Атлантику и выйти к берегам

«Арабское наследие» на Пиренеях: португальская рыбацкая лодка. В культурах народов Пиренейского полуострова имеется большой пласт арабского культурного наследия. Поэтому не случайно, что это португальское судно по своей архитектуре удивительно похоже на арабские суда. Однако его корпус сбит металлическими гвоздями.

*Соединение европейских морских культур с арабской оказалось настолько плодотворным, что позволило народам Пиренеев не только создать новые высокомореходные типы судов, но и совершить испанцам «бросок» через Атлантику в Новый Свет, а португальцам проложить океанский путь в Тихий океан
вокруг Африки*

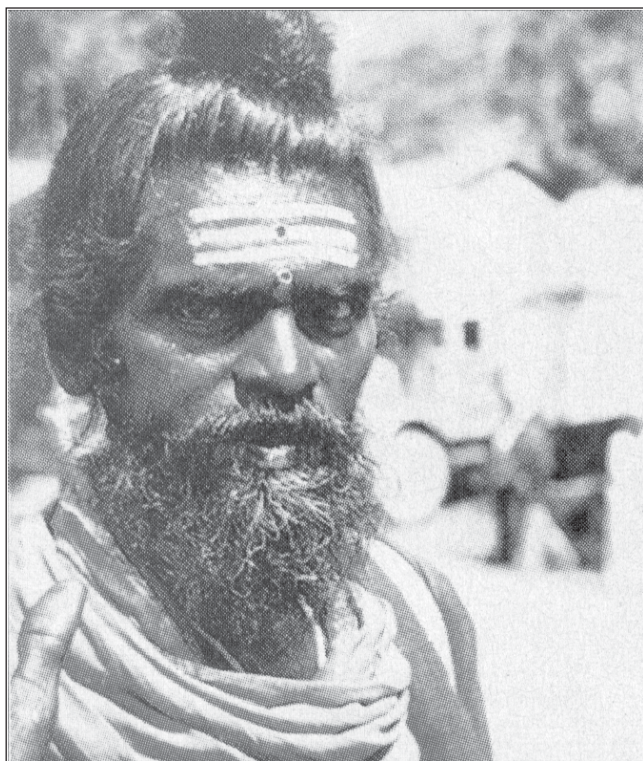
Индийского океана. Примерно за 600 лет морское дело в Европе прошло путь, на который странам Востока потребовалось четыре тысячелетия. Значит, если отбросить фашистскую идею о превосходстве европейских народов над

*Рисунок из арабского манускрипта XIII в.,
изображающий купеческое парусное судно*

другими, нам придется признать факт проникновения восточных культур на территорию Европы.

А этот факт отмечают многие авторы. «Вопросу арабского влияния на европейскую культуру, от астрономии до поэзии, можно посвятить целую книгу, и даже не одну. Для нас важно подчеркнуть огромную роль арабов в развитии географических знаний и мореходства в странах Европы, особенно в Испании и Португалии. Кроме общеизвестных понятий «зенита и надира» европейцы усвоили 210 арабских наименований звезд, в том числе таких, как Альдебаран, Альтаир, Вега, Ригель. Понятие пестрит арабскими терминами и морской словарь горделивой

Этот снимок современного индийца буквально наполнен информацией. Нужно только уметь ее прочесть.

Волосы, связанные пучком на макушке, скудное одеяние, четки-ожерелье говорят о том, что это бродячий индуистский святой — садху. Его лоб исчерчен горизонтальными полосами, значит, он садху-шиваит, последователь бога Шивы.

У последователей другой крупнейшей секты — вишнуитов — полосы вертикальные.

Посетить священный город Бенарес, омыться в водах божественной реки — Ганга, прополоскать ее водой рот и очистить глаза — обязанность каждого индийца. Но не все могут это сделать: Индия велика, а земные заботы человека и того больше.

И садху — а в Индии их за миллион, — отрешенные от земных хлопот, обязательно пешком приходят в Бенарес, чтобы предаться раздумьям на гхатах, ступенях набережной, обрамляющей Ганг в святом городе Бенаресе, известном также как Варанаси. И каждый верующий подаст им милостыню, этим как бы совершая путешествие сам

Европы. Здесь роль сынов дальних пустынь и вод настолько позабыта, что до сих пор и специалистов удивляет арабское происхождение таких всемирно известных слов, как «адмирал, арсенал, баржа, бизань, галера, кабель, муссон»... Все это дает средневековой арабской культуре мореходства право на благодарную память нашего века... Истина состоит в том, что португальские и испанские мореплаватели еще в XV веке получили от арабов многие ценные познания, карты, лоции и технические приспособления, обеспечившие португальцам успешное открытие морской дороги в Индию вокруг Африки, а испанцам — «прорыв» через Атлантику в Новый Свет» [19].

Часто под понятием «арабская культура» подразумевается культурное наследие всех народов Востока, как арабских, так и других.

Возможно, дело в том, что впервые западные европейцы Средневековья столкнулись с культурой Востока в Испании, где в то время проживали арабы. По испанской традиции все восточное культурное наследие в Европе стало восприниматься как арабское. Это можно отнести и к культуре мореходства и судостроения. Однако арабы, сами являясь отличными моряками, с большой охотой использовали опыт других мусульманских и немусульманских народов. Рисунок на с. 138 убеждает нас в этом, так как капитан и команда в отличие от пассажиров, не имеют чалмы — обязательного для мусульман XIII в. головного убора. Волосы капитана связаны пучком на макушке. Прическа капитана очень напоминает прическу современного индийского йога — индуиста (рис. на с. 139). Из этого следует, что капитан и его команда — язычники из Индии. С Инда, где археологи обнаружили одну из древнейших цивилизаций мира, или с Малабарского берега, где арабы нанимали корабельных мастеров и откуда вывозили дерево и канаты для постройки своих судов.

Этому обычаю последовал Тим Северин, когда строил свой знаменитый «Сохар». И этим же можно объяснить одно его наблюдение, которое он сделал во время своего путешествия.

Вот что он пишет: «В середине декабря впервые пристали к берегу: это был маленький индийский островок

Четлат. Первая же настоящая стоянка была в Бейпуре — небольшом, но шумном портовом городке вблизи крупного индийского порта Кожикоде... Здесь решено было заказать новый комплект парусов. Пока тридцать местных мастеров на берегу вручную шили их, в жизни некоторых членов экипажа „Сохара“ произошли немаловажные события.

В один прекрасный день они по старой традиции арабских моряков попросили у капитана — Тима Северина — разрешение на женитьбу. Оказалось, что женитьба на девушке из Бейпура издавна считалось хорошим тоном... Итак, „Сохар“ покинул Бейпур с начисто отдраенным корпусом, запасным комплектом парусов ручной работы и семью счастливыми мужьями в составе экипажа!» [53].

На сильное индийское влияние указывает и само имя героя арабских сказок «Тысяча и одна ночь» — Синдбада-Морехода. Оно состоит из двух слов: «синд» и «бад». «Синд» в переводе с санскрита — это и «синдху» (река), и «Синд» (Инд), а отсюда и «Индия» более позднего времени. Слово «бад» присутствует в названиях многих городов и мест Европы и Азии: Баден-Баден, Висбаден, Баден-Вюртемберг, Исламабад, Хейдаробад, Бадин, Хайдарабад и т. д. Этот же корень есть и в русском слове «бадья». Значит, слово «бад» переводится как купание, мытье, плавание. Таким образом, имя Синдбад можно перевести с санскрита на русский как Индийский Купальщик, буквально как Индоплаватель. Правда, А. Б. Снисаренко придерживается несколько иной трактовки этого имени. Он считает, что «хорошо известный Синдбад из сказок „Тысячи и одной ночи“ являет собой собирательный образ арабских купцов VIII века, а семь его путешествий приоткрывают завесу над маршрутами того времени. Несомненно, Синдбад бывал в Индии, на Яве, Цейлоне и Суматре, заплывал в Южно-Китайское море. Возможно, ходил он и в Африку... Безусловно одно: арабские моряки прокладывали свои трассы далеко от Басры, где был центральный рынок их товаров, и от Сура, где строились их корабли. И самыми рядовыми, привычными для них были рейсы в Индию. Само имя Синдбад — это искаженное „синдхупати“ („синдкупати“), властелин моря. Так индийцы, а вслед

за ними и арабы, называли судовладельцев. В сказках „Тысячи и одной ночи“ Синдбад-Мореход действует рука об руку с Синдбадом Сухопутным: арабские корабли трудились рука об руку с сухопутными караванами, выполняя одну и ту же задачу. Великий караванный „шелковый путь“ между Ближним и Дальним Востоком арабы продублировали „морским шелковым путем“, связавшим Персидский залив с Южным Китаем» [58]. Однако суть от этого не меняется.

Арабское судоходство вобрало в себя опыт многих морских народов: шумеров, финикийцев, индийцев и... персов! (?) На этот счет у многих историков, по крайней мере у российских, сложилось стойкое убеждение, которое очень четко выразил А. П. Шершов: «Одно из сильнейших государств — Персия — своего флота (*а следовательно, и судов, и моряков* — Прим. С. Д.) не имела. Флот, необходимый для военных целей, строили персам покоренные народы» [74]. Аналогичных взглядов, по-видимому, придерживаются и иностранные историки. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что в их справочниках по истории древнего судостроения отсутствуют какие-либо сведения об иранских судах. И если это действительно так, то все рассуждения о проникновении иранских судостроительных традиций на Европейский континент не имеют под собой никакой основы. Однако существует ряд фактов, говорящих о совершенно ином. Например, свидетельство Олеария — участника голштинского посольства в Персию и Россию. В 1633 г. он писал: «...их персидские суда устроены как наши небольшие баржи; по форме своей они похожи на наши купальные ванны» [46].

Еще раньше, в XV в., Афанасий Никитин идет в Индию: «В персидском порту Ормузе пробыл Никитин месяц и 9 апреля 1469 года пошел оттуда за Индийское море в таве с конями». О таком судне путешественник Контарини писал: «Они имеют совершенную форму рыбы... ибо узки в корме, а на боках очень выпуклы» [12].

Интенсивная морская торговля Ирана с другими странами отмечается и в X в. «Караванная и морская торговля в X веке переживает расцвет. Главными на Каспийском море были Амуль и Сари, торговавшие с Хорезмом,

странами Закавказья, хазарским Итилем, Поволжьем и Русью. В Амуть и Сари прибывали „корабли русов“, привозившие меха, кожи, воск и невольников и обменивавшие их на продукцию иранского ремесла.

Важнейшей гаванью Персидского залива был город Сираф. Сирафские купцы держали в своих руках морскую торговлю. Несколько меньшее значение имели гавани Джанба, Киш (Кайс) на острове того же имени и Ормуз (правильнее Хормуз), тогда находившийся на материке. Из этих портов иранские товары вывозились в Басру, порты Аравии, Египет, Индию и Китай.

Интересен следующий рассказ Истахри о купцах: „У купцов особенно заметно стремление объединять средства (организовывать купеческие компании). Жители Сирафа и побережья предпринимают морские путешествия. Иногда кто-нибудь из них проводит всю свою жизнь на море.

Как мне сообщили, один житель Сирафа так привык к морю, что около 40 лет не спускался с корабля. Всякий раз, как он приближался к суше, он заставлял своих товарищей сходить на землю, дабы выполнить его дела в соответствующем городе. Если на судне обнаруживались щели и трещины и оно нуждалось в починке, тогда переходил он с того судна на другое. Вот почему на долю их (купцов) достается богатое имущество, так что состояние иногo человека достигает 4 миллионов динаров. Однако подобный человек (купец) по своей одежде ничем не отличается от своих наемных поденных работников (грузчиков и матросов)“. По словам Истахри, „Сираф служил перегрузочным пунктом для товаров, привозимых из Индии и Китая. Из Индии вывозили сюда алоэ, амбру, камфору, драгоценные камни, бамбук, слоновую кость, черное и сандаловое дерево, ароматные растения, лекарственные снадобья и пряности, которыми Сираф снабжал не только весь Иран, но и соседние страны“.

Характерно, что если при Сасанидах персов-моряков почти не было, то в X веке, по словам Истахри, «даже на аравийском берегу Персидского залива почти все купцы, ведшие морскую торговлю, были персами» [49].

Итак, Н. В. Пигулевская утверждает, что при Сасанидах персов-моряков почти не было, а появились они толь-

ко после завоевания Ирана арабами. Получается очень странно. Каким-то непонятным образом в завоеванной стране «неожиданно» появляется столько моряков и корабелов, что они перехватывают торговую инициативу в морской торговле у купцов победившей страны и становятся в ней фактическими монополистами. И это входит в противоречие с данными других источников: «Распад Римской империи на Восточную и Западную (395 г.) оставил в наследство Византии, включавшей ряд территорий в Азии и Северной Африке, разного рода контакты с сильнейшим соседом империи — сасанидским Ираном. Обе державы поддерживали друг с другом торговые связи, но Иран держал под своим контролем торговые пути со многими странами Азии, прежде всего сухопутные — через Афганистан, а также морской — вокруг Аравийского полуострова в Индию и к берегам Цейлона. Именно стремление Византии выйти через Закавказье к Каспию, а путем захвата Ирака — к Персидскому заливу, равно как и обратное желание Ирана вытеснить византийцев из Сирии и Египта, приводили к многочисленным военным конфликтам, которые особенно обострились в VI в. и первой четверти VII в.». Византийцы пытаются наладить прямые торговые связи с Индией (ок. 525 г.). «Вскоре, однако, персидский царь Хосров I Ануширван, овладев Йеменом, на время полностью перерезал прямые связи империи с Индией» [82].

Отсюда следует, что сасанидский Иран не только вел обширную морскую торговлю с теми же странами, что и во времена халифата, но и активно ее контролировал, что невозможно без флота. Однако может возникнуть сомнение в том, что этот флот обслуживался персидскими моряками. Тогда обратимся к историческим фактам времен Александра Македонского.

После его смерти одним из военачальников Александра, а позднее царем Ирана Селевком I Никатором была осуществлена экспедиция по изучению Каспийского моря. «Царский флот под командованием полководца Патрокла обошел Каспийское море по кругу и установил существование волжского залива, который был вытянут на север почти на сто километров» [51].

Следовательно, персы, по крайней мере на Каспии, обходились без арабов. Может быть, это были греки? Чтобы развеять сомнения, посмотрим, как возвращалась армия Александра из Индии. Обратный путь оказался нелегким. «По рекам — на судах и по берегу — армия спустилась к морю, подчиняя по пути города и крепости народов, живших по побережью Инда. От устья Инда часть армии под командованием Неарха отправилась морем к устью Евфрата и Тигра, другую часть Александр повел по побережью Индийского моря через безводные районы Гидрозии, а еще одна часть — македонская пехота и слоны — еще задолго до прибытия к морю была отправлена во главе с Кратером через Арахозию и Драгдиану, по-видимому, по одному из известных в то время караванных путей. В начале 324 г. флот Неарха вошел в устье Тигра, а войска, отправившиеся сухопутным путем, прибыли в Сузы. Здесь было торжественно отпраздновано завершение похода» [82].

В связи с этим возникают вопросы. Могли ли изнуренные войной солдаты изготовить морские суда, не имея к тому же судостроительных навыков? Почему греки вообще смогли дойти до Тигра и Евфрата, а не оказались где-нибудь у берегов Японии или Австралии? Ответ на оба вопроса может быть только один; греки использовали местные суда, команды и капитанов. А они точно знали, как доставить греков туда, куда следует: в Иран — страну, с которой жители с берегов Инда вели постоянную и интенсивную торговлю. Таким образом, эти факты позволяют нам с большой степенью вероятности утверждать, что и во времена Александра Македонского в морской торговле была точно такая же ситуация, что и во времена халифата: подавляющее число моряков и капитанов состояло из персов и индийцев.

Поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что у Дария был морской флот, а южные моря «...и особенно Персидский залив (море Фарса) буквально кишели быстроходными парусниками» [58].

Иначе чем можно объяснить следующие исторические факты: «Наряду с расширением сети сухопутных дорог Дарием I обращалось большое внимание и на водные пути. В связи с завоеванием Северо-Западной Индии смелому

мореходу Скилаку (персу) из Карианды в Малой Азии было поручено исследовать устье Инда и установить возможность непосредственной морской связи со странами Запада. Корабли Скилака, отправившиеся от берегов Инда, на тридцатом месяце путешествия по Индийскому океану прибыли к северо-западному побережью Красного моря, откуда финикийские моряки начали в свое время по повелению фараона Неахо путь вокруг Африки. Удача экспедиции Скилака побудила Дария довести до конца начатые Неахо работы по прорытию канала, соединяющего Нил с Красным морем. После завершения этого грандиозного предприятия вдоль берега канала были воздвигнуты большие каменные плиты с надписями» [79].

О более раннем периоде сказано в Библии: «„...у царя Соломона был на море фарсисский корабль с кораблем Хирамовым. В три года раз приходил фарсисский корабль, привозивший золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов...“ Под Фарсисом (Таршишем) понимают чаще всего Тартесс или южно-турецкий порт Тартус. Здесь много неясного. Современные исследователи, безоговорочно, отождествляющие Фарсис с Тартессом, обычно деликатно обходят вопросы, каким образом «корабли Фарсиса», если это Испания, приходили в Красное море, почему финикийяне, основавшие к тому времени Гадес и североафриканские колонии, строили флот для торговли с Фарсисом не в Тире или Утике, а в том же Красном море, и сколько павлинов, обезьян и слонов можно выловить на Пиренейском полуострове.

В Книге пророка Ионы говорится, что, когда Бог послал Иону возвестить погрязшим во грехах ниневийцам их скорую гибель, пророк решил скрыться с глаз подальше, дабы избежать этого малоприятного поручения (вестника несчастья могли и убить). Он пришел в Иопсию и нашел корабль, отправлявшийся в Фарсис, отдал плату за проезд и вошел в него, чтобы плыть с ним в Фарсис». Но дальнейшие события вызывают недоумение: чтобы умиловить бурю, корабельщики по жребию приносят человеческую жертву — выбирают за борт Иону, и его проглатывает кит. Иопсия — это Яффа, но киты в Средиземном море никогда не водились. Все стало бы логичным, если перенести действие в Индийский океан, подразумевая под Фарсисом Южную Индию» [58].

Однако Фарс есть и в Иране. Это одна из провинций, по названию которой греки именовали всю страну — Персия. И она (провинция Фарс) действительно расположена на берегу Персидского залива.

Итак, у персов были суда, моряки, флот и обширная морская торговля аж с библейских времен. Но флот персов и их торговля находились в Индийском океане. В Средиземном море у них ничего этого не было, и они действительно использовали флоты местных, средиземноморских народов.

А вот на каких судах плавали древние персы, по-видимому, это еще предстоит выяснить исследователям в будущем.

Суда Востока

Парадоксально, но факт: в отличие от Запада, где суда промышленного изготовления практически повсеместно вытеснили традиционные суда, на Востоке традиционные суда, изготовленные по древним технологиям, сохранились до настоящего времени. Там наряду с современными фрегатами, эсминцами и супертанкерами до сих пор строятся суда тех же типов и тех же конструкций, какие строились и в далекое Средневековье, и даже во времена античности.

До сих пор на Востоке строят три основных типа судов традиционной постройки, которые условно назовем:

корабли и бударки — суда, обшитые шкурами, корой или изготовленные из бамбуковой плетенки;

коландии — суда, в основе которых лежит колода — выдолбленная из ствола и соответственно обработанная «труба» (лодья по-древнерусски);

дау, как условно называют все наборные суда Востока в Европе.

Суда, обшитые шкурами (корабли и бударки), морские, мореходные строятся на западном побережье индийского субконтинента; речные — в Пакистане и Иране.

Коландии строят на Малабарском побережье Индии и на восточном побережье Африки и, по всей вероятности, совершенно не строят в Красном море.

Дау распространены на всем пространстве Индийского океана.

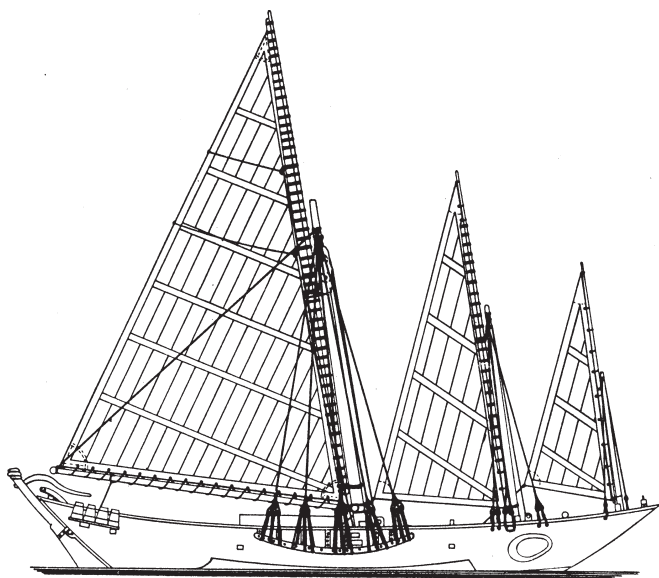
Суда из кожи и коры

Гей-бао

«Адмирал Э. Пари определил гей-бао как аннамитское судно, имевшее такую же, не подвластную времени форму, как дау, проа и джонки. Такие типы судов встречаются и сейчас, построенные методами, приведенными еще Пари, какими они встречались и мореплавателям XVIII в.

Гей-бао строили ложкообразными. Подводная часть судна представляла собой переплетенный бамбук, залитый водонепроницаемым слоем из смеси смолы, извести и скипидара. Древооточцу тореда, который часто встречается в этих местах, нелегко было повредить такую обшивку. Несколько деревянных перегородок разделяло корпус судна. Палубные бимсы судна, частично прикрытого палубой, выступали из его корпуса почти на 1 фут. (выделено С. Д.)

Длина судна составляла 40—80 футов при соотношении длины к ширине как 4,5:1. Гей-бао имело 2—3 мачты с выдвигаемыми стеньгами. Относительно короткие мачты несли длинные стеньги (рю), которые нижним концом крепили к мачте» [41].

Гей-бао

Индийское судно 700-х гг. до н. э.

На фрагменте барельефа изображено предположительно индийское судно так, как будто его обшивка изготовлена из прозрачного материала. Как одно из многих, можно сделать предположение, что таким образом художник попытался изобразить судно с обшивкой из промасленных шкур животных. Возможно, при обработке веществами типа кокосового масла кожи становятся полупрозрачными, как те, которые натягивают на барабаны.

Конструкция современного индийского судна может служить подтверждением нашего предположения о том, что русский термин в корабль пошел именно от этих судов

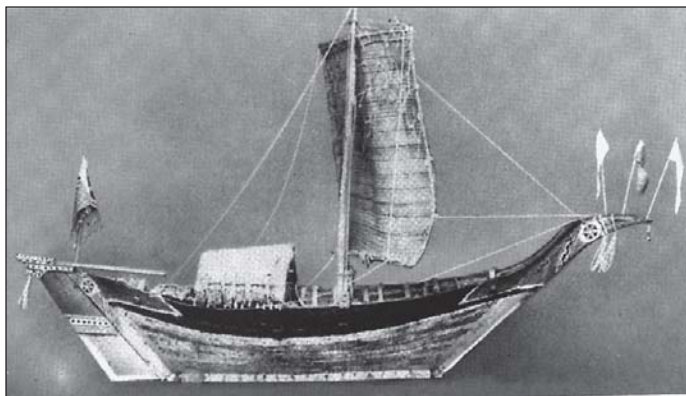

*Изображение индийского парусника в храме (700 г. н. э.).
Начиная с III в. до н. э. Индия — страна развитого судоходства*

Судно «на шипах»

Мтепе

«Другой наиболее ранний тип дау — беспалубная остроконечная мтепе, чья наружная обшивка подбиралась по древнеегипетскому способу, без шпангоутов. Лишь в более поздние времена (а мтепе и сегодня можно изредка повстречать у восточного побережья Африки) доски обшивки стали скрепляться не только между собой, но и привязывать к шпангоутам. Эти мтепе имели длину до двадцати метров и грузоподъемность до тридцати тонн, а экипаж насчитывал до двух десятков человек. На всем протяжении их истории мтепе можно было узнать издалека и с первого же взгляда благодаря одной детали, вызвавшей даже споры, а следует ли причислять ее к дау: это как раз тот единственный тип судна, чья единственная прямая мачта несла на своем единственном рее парус в форме вертикально вытянутого прямоугольника, сплетенный из кокосовых волокон. Этот парус-мат, совершенно нехарактерный для дау, очень похож на парус судна середины III тысячелетия до н. э., изображенного на рельефе гробницы египетского монарха Ти. Мтепе, как полагают, появились в VI веке, а пик популярности пришелся на последние четыре столетия. Управлял им кормчий, стоявший на корме с веслом в руке. Лишь начиная с XV века рулевое весло стали прикреплять гибким тросом к корпусу судна, а кормчий, жестко закрепив его, мог иногда передохнуть в

Реликтовое судно Индийского океана — мтепе

бамбуковой или дощатой хижине-каюте, установленной позади мачты» [58].

В связи с этим описанием интересно проанализировать: каким образом доски обшивки, закрепленные на шипах и не соединенные с корпусом, не расхотелись на волне, а судно не рассыпалось?

Думается, что прочность конструкции мог бы придать трос, стягивающий корпус поперек, через киль. В таком случае выступающий за обшивку борта бимс мог бы иметь функциональное назначение, ибо за него можно закреплять и натягивать трос, обвязывающий корпус.

Не следует ли из этого, что суда с выступающими за обшивку борта бимсами имели предков, наружная обшивка которых изготовлялась так, как это делали древние египтяне — на шипах.

Другая вероятность может заключаться в том, что для придания прочности судам с обшивкой из шкур животных оно снаружи обшивалось досками (без конопатки), которые также стягивались обвязывающим канатом.

Коландии

Еще одним широко распространенным типом восточных судов являются лодки, у которых в качестве киля-днища используется долбленный ствол дерева — колода. К этому днищу для увеличения высоты борта при помощи гибкой вязи прикрепляются доски (обычно по одной широкой доске с каждого борта). Такие суда изображены на рисунке на с. 152. Это современные лодки рыбаков Индии.

Суда эти широко распространены по побережью Индии и Пакистана, на Цейлоне, а также на восточном побережье Африки. Однако они не отмечены на побережье Персидского залива и Красного моря.

Сама конструкция говорит об их очень древнем происхождении.

Об этом же говорят и античные хроники. У А. Б. Снисаренко читаем: "...анонимный греческий автор "Перипла Эритрейского моря" (по существу — лоции Индий-

Коланди на берегу Индии

ского океана. — А. С.), написанного в конце I века, упоминает, что у индийцев “есть местные суда, ходящие вдоль берега, и другие, связанные из больших одностовольных судов, так называемые сангары; те же, которые ходят в Христу (“Золотую” Малакку. — А. С.) и Ганг, очень велики и называются коландиями”. В этом названии, скорее всего, проглядывает арабское “кил” — парус. То есть — океанские парусные корабли. Из обмолвок других авторов, например Марко Поло, можно набросать их примерный портрет. Это широкие грузовые суда грузоподъемностью до тысячи тонн, вмещавшие до ста пятидесяти человек. Киль коландия был выдолблен из одного ствола, на него наращивались доски обшивки” [58, стр. 49].

Дау

«В то время, когда европейские первооткрыватели только ступали ногой на индийскую и восточноазиатские земли, арабские суда уже столетиями раньше вели оживленную торговлю с этими регионами. Расцвет судостроения способствовал развитию торговли, и как в европейском судоходстве, так и здесь имелись различные типы судов. К сожалению, об этом времени арабского судоходства известно очень мало. Во многих местах Аравии суда и сейчас изготавливают теми же способами, что и сотни лет назад — вручную. В 30-е годы XIX в. Э. Пари, будучи юным офицером, во время своих плаваний в Тихом океане сделал зарисовки типов судов, которые еще и сейчас сходят со стапелей, и с уверенностью можно полагать, что такими же они были и за 100 лет до Пари.

В обычном разговорном обиходе арабские суда называют дау. Это слово пришло из диалекта суахили, а арабы никогда его не применяли. „Дау“ первоначально обозначало маленькое суденышко с остроконечной кормой из Занзибара. Арабские моряки называли свои суда по наименованию их типов, а их было великое множество. Эти суда имели острую или плоскую корму и одну, две и, как исключение, три мачты. Имели не обычное латинское вооружение Средиземноморья, а так называемое „сетти“ — вооружение, где „сетти“ — парус — латинский парус с наветренной шкаториной.

Поэтому этот парус был не треугольным, а четырехугольным, происходившим от арабских судов» [41].

Традиционное арабское судно

Архитектурный тип и технологические приемы изготовления таких судов сохранялись без изменений на протяжении многих столетий, а может быть, и тысячелетий. Такого типа суда плавали по просторам южных морей уже в те времена, когда большинство народов Европы вели примитивный образ жизни кочевых охотников и рыбаков.

Очень хорошо видно, что эти суда строились (строются) способом «шитья». Доски обшивки связаны между собой и набором корпуса тросом, а не сбиты гвоздями.

Интересно, что на Аравийском полуострове нет строительного леса и для изготовления своих судов арабы всегда импортировали лес и канаты из других стран, в основном из Индии. Следовательно, в Аравии изначально отсутствовали природные условия для возникновения судостроения. Однако у арабов в Средневековье существовал мощный торговый флот, возможно, самый большой в мире. Что это, проявление гениальности арабских корабелов или гениальная способность перенимать чужой опыт у соседних народов с богатыми морскими традициями?

Современное торговое арабское судно

Адулия

«В начале II века крошечные каботажные одномачтовики арабов — беспалубные адулии родом из бахрейнского селения Адулии — привычно швартовались у причалов римско-греко-египетского порта Клисма (теперь Колсум) и в гавани Соломона и Хирама Эцион-Гебере (Акабе), а в конце того же столетия арабская торговая миссия обосновалась в китайском городе Гуаньчжоу — средоточии торговли и мореплавания восточных районов мира» [58].

Машва (ал-машфийат)

«Машва (по-индийски?) или ал-машфийат (по-арабски?) больше всех напоминает адулию.

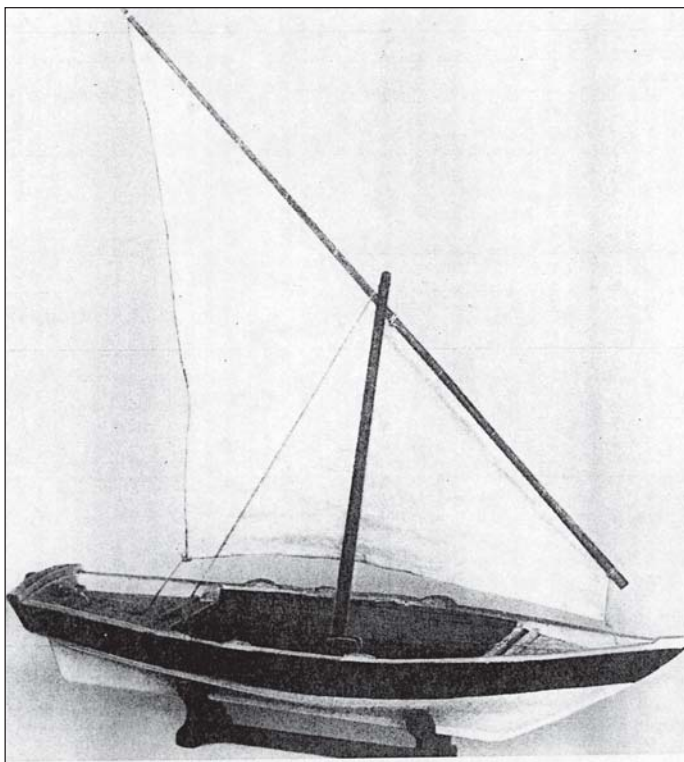
Маленькая полупалубная гребная (две-три пары весел) или парусная лодка, нередко лодка-долбленка, от пяти до десяти метров длиной.

Для нее уже характерны острые обводы корпуса и широкий треугольный парус, зачастую свитый из пальмовых листьев, со срезанным нижним углом, что превращает его по существу в сильно деформированную трапецию.

Машвы более крупные — двухмачтовые, до восемнадцати метров длиной и до тридцати пяти тонн водоизмещением, бравшие на борт до полутора сотен человек, — несли точно такой же парус столетия спустя, выходя в каботажное плавание или на морской промысел в районе Бомбея (к северу от него, в заливе Кич, и к югу, в Мангалу, были самые знаменитые верфи дау). Впрочем, к тому времени машвами стали называть все типы лодок, похожих на свой прообраз. Например — пятнадцатиметровую одномачтовую многовесельную шайти (у итальянцев саетту, или саеттию, — стрелу), тоже с двойным движителем, одинаково использовавшуюся и алжирскими пиратами, и арабскими адмиралами» [58].

Слово «машва» как-то странно ассоциируется с древнерусским словом «нашва» — дополнительные доски, прикрепляемые вицей к трубе (выдолбленной, распаренной и развернутой колоде — лодье).

Возможно, нашвами называли в Индии все суда, независимо от назначения и типа, которые строились по

Машва

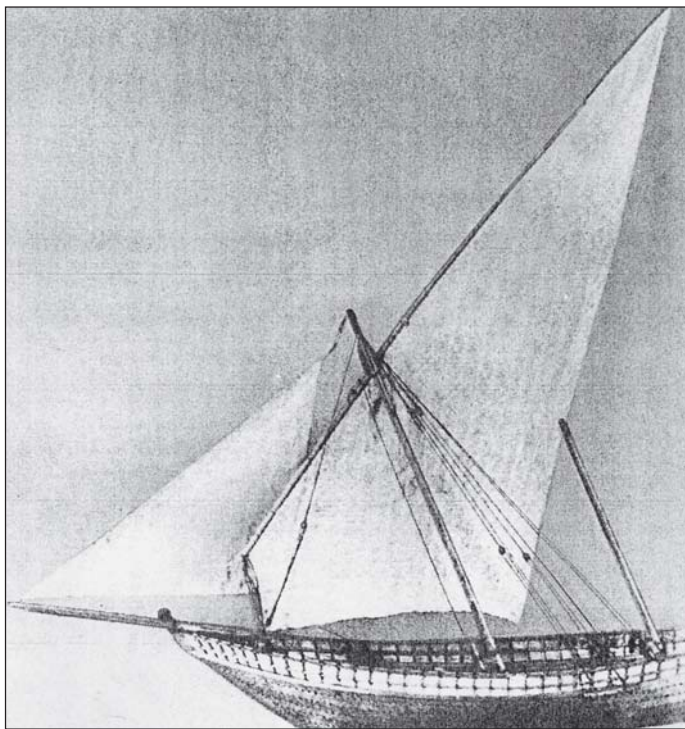
технологии свивания досок и набора обшивки с колодой — лодьей (?)

Может быть, к машвам необходимо отнести и иранские киржимы, а также древнерусские ладьи-лодья, днепровские казацкие чайки и прочие волжско-балтийско-каспийские суда, строившиеся по данной технологии (?)

Манхе

«Следующим шагом, по-видимому, стали быстроходные манхе, появившиеся в Индийском океане и его морях. Они имели шпангоутный каркас, но оставались беспалуб-

ными. Короткий киль, сильно развитый крутой форштевень, острая корма делали их хорошо приспособленными к открытому морю. Манхе относятся к так называемым полуторамачтовым судам: кроме грот-мачты они имели еще одну, примерно на треть ниже по высоте. Собственно, вторая мачта мыслилась как „противовес“ к первой и потому получила имя мизан (весы), сохранившееся в английском, а в России превратившееся через голландское *bezaan* в *бизань*. Обе мачты-однодеревки были сильно наклонены вперед (до двадцати трех градусов) и несли на косом рее паруса дау соответствующих размеров, пропорциональных высоте мачт. К концу XVIII века на грот-мачте манхе добавился стаксель, а форштевень украсился бушпритом» [58].

Быстроходное манхе

Махайла, нурих

«Кормовую каюту имела махайла — маленький одномачтовый парусник с носовой полупалубой, еще в наши дни совершающий каботажные рейсы вдоль берегов Красного моря и Восточной Африки. Кажется, это первое арабское судно, чья мачта с одним реем, красующаяся в носовой части, приобрела наклон вперед, как античный долон. Это стало характерным признаком почти всех дау. Махайлу, впрочем, иногда путают с очень похожим на нее нурихом — настолько похожим, что различия едва уловимы. Не отсюда ли и само название махайлы (обманщица в вольном переводе)? Или это было судно пиратов и контрабандистов? Может быть, нурих вправе разделить с махайлой приоритет введения новшества в части установки мачты» [58].

Тони (дхони, дони)

На Мальдивах «для сообщения между островами по-прежнему строят лодки типа дхони. В древности применялся только квадратный парус, который можно увидеть и теперь» [70].

«По сравнению с этими четырьмя типами: манхе, мтепе, машва, махайла, — мало нового можно усмотреть в полуторамачтовых тони (дхони, дони), родившихся в Ин-

Тони (дхони) с Мальдивских островов

дии, но моментально воспринятых арабами. Разве что более высоко приподнятая балка ахтерштевня, придающая плавность линии кормы и способная служить рудерпостом для подвешивания руля», да еще пронизывающие насквозь бортовую обшивку брусья бимсов, явно введенные только для прочности судового набора (выделено С. Д.). Сплошная палуба появилась на тони значительно позднее. В XVIII веке грот-мачта тони обзавелась стакселем и превратилась в фок-мачту, а ее прежняя роль перешла к заметно удлинившейся бизани, а еще позднее некоторые тони сделались трехмачтовыми» [58].

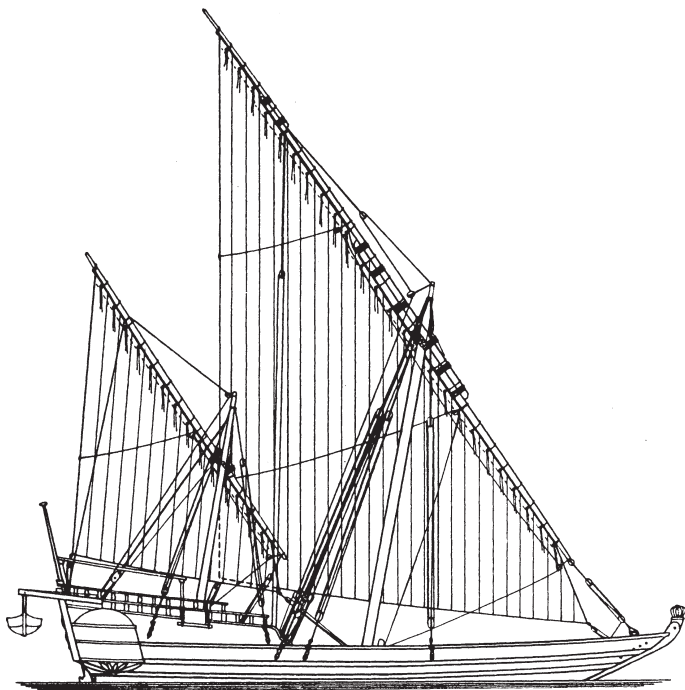
Багала

«История мореплавания арабов восходит к давним временам, когда они были торговыми посредниками между древними народами Средиземноморья, Индии и Восточной Африки. На морях, окружающих эти земли, с устойчивой регулярностью дуют муссоны. Именно они явились причиной создания особого типа судов и парусного вооружения, названных арабскими или джау (по-английски dhow — дау). Сохранились в почти неизменном виде до наших дней. К наиболее крупным дау относились багала (по-арабски — мул). Их корпуса строились из тикового дерева и на шпангоутах из стволов с естественной кривизной, пропитанных смесью из рыбьего жира и извести. Высокая корма заканчивалась украшенным резьбой транцем: на ней располагались места для шкипера, рулевого и богатых пассажиров. Багалы строились мастерами-самоучками, без чертежей и рисунков, что свидетельствует об их большом мастерстве.

Основные характеристики: длина — 40 м, ширина — 10,4 м» [33].

«Это судно... было основным перевозчиком грузов в арабской торговле. Его водоизмещение составляло 150—500 т, оно имело две, а иногда и три мачты. Отличительные его черты — сплошная палуба, галф-дек, и прямой, сильно вываленный вперед форштевень, оканчивавшийся вырезанной столбовой головкой. Кормовая часть выделялась украшенным транцем, боковыми карманами и круглой кормой. Именно здесь очень заметно влияние европейских судов XVII и XVIII вв.

У большинства арабских судов мачты имели наклон вперед, и грот-мачта, стоявшая в степсе позади наибольшего

Багала — арабское грузовое судно

бимса, принятовлена к столбу, поставленному с тем же наклоном, что и мачта, и в том же степсе, но впереди наибольшего бимса.

Парус рю имел раскрой сетти, и его верхняя шкаторина под рю переходила в небольшую наветренную шкаторину, шедшую под малым углом по отношению к верхней, и, следовательно, парус был четырехугольным. Он имел галс, шкот и 1—2 горденя для уборки паруса» [41].

Ганья

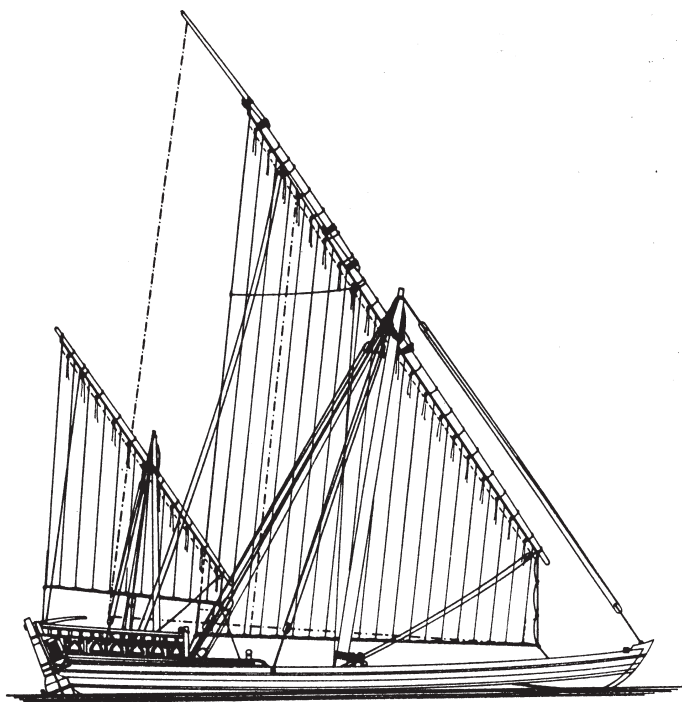
«На багалу очень похожа ганья. Это судно водоизмещением 70—200 т и со значительно меньшей орнаментовкой в кормовой части. Дiskoобразное украшение носового штевня также отличалось от багалы» [41].

Бум

«Если рассмотренные выше типы судов были с плоской кормой, то бум — наиболее арабское судно с остроконечной кормой. На этом судне сохранялись еще первоначальные формы арабских судов, пока под европейским влиянием не появился плоский транец.

Бум не имел изогнутого штевня, линии судна были очень простыми. Резной орнамент отсутствовал, и единственным украшением были раскрашенные полосы. По парусному вооружению бум был двухмачтовым и выглядел как багала. Его водоизмещение составляло от 60 до 200 т.

Несмотря на небольшое водоизмещение ганья и бум совершали дальние морские рейсы и, как багала, были траппами Индийского океана. Родиной этих трех типов являлся Персидский залив» [41].

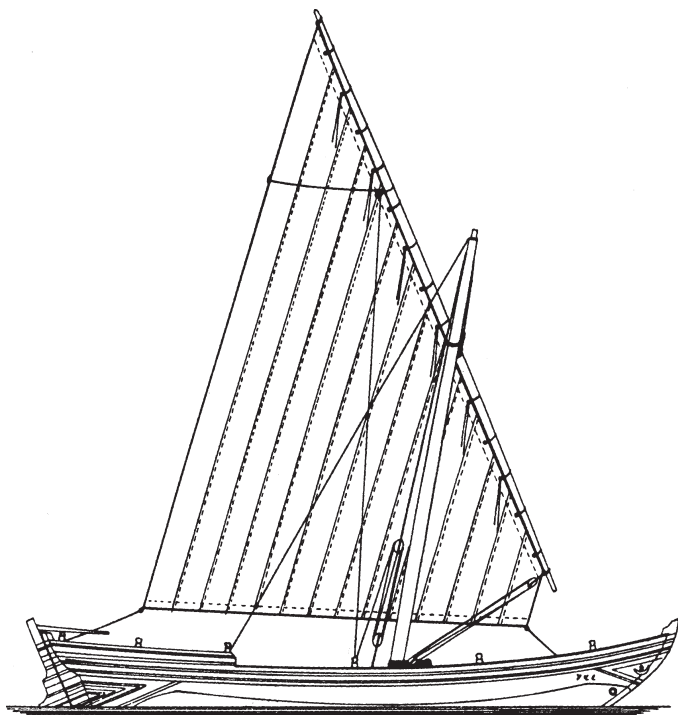

Самбук — типичное судно Красного моря

Самбук

«Если багала, ганья и бум являлись «домашними» судами Персидского залива, то самбук был типичным большим судном Красного моря. По конструкции это судно подобно ганье, но без резного орнамента. Вместо этого его богато украшали геометрическими узорами.

Водоизмещение самбуков составляло от 30 до 200 т. Наибольшие из них имели сплошную палубу, а меньшие были открытыми и имели палубу только под ютом. Большие и средние самбуки всегда несли две мачты, в то время как малые иногда не имели бизань-мачты. Такелаж этих судов был подобен такелажу багалы, но имелись и отличия, что видно при сравнении чертежей парусного вооружения. В зависимости от погодных условий грот несли трех размеров. Сам-

Джехази — разновидность самбука

буки в основном совершали торговые рейсы между африканским побережьем и арабскими гаванями Красного моря, а также между арабскими гаванями и Бомбеем или Занзибаром» [41].

Зарука

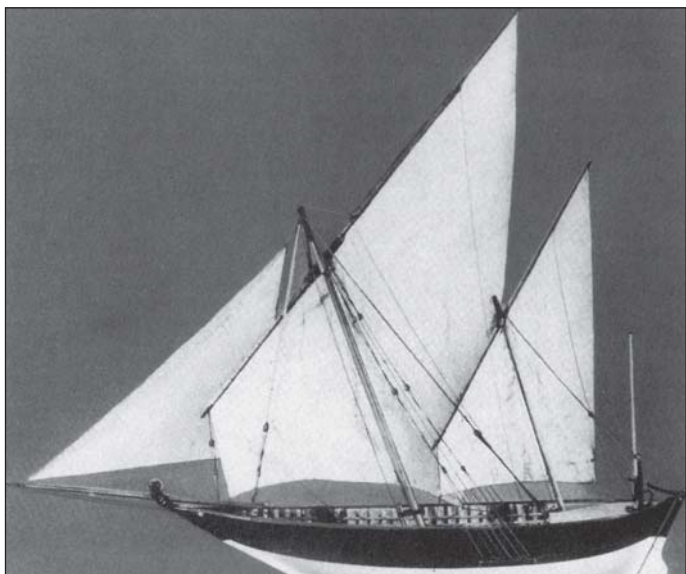
«Предшественницей остроконечного самбука называют заруку (нем. Zarguk). Это было судно Йемена и Южной Аравии, открытое, с одной-двумя мачтами. Обычно грузоподъемность заруки составляла меньше 100 т» [41].

Джехази

«Это судно представляло собой разновидность самбука на Занзибаре. Оно было значительно меньше самбука и имело только одну мачту. Мачта была вертикальной или слегка наклоненной вперед и так же, как мачта самбука, принайтвлена к столбу, стоявшему перед мачтовой банкой. Парус (сетти) был небольшой, поэтому вооружен очень просто. Эти маленькие парусники обладали хорошими мореходными качествами. На них перевозили товары между Занзибаром и Африканским материком, а также между Мадагаскаром и Аденom» [41].

Паттамар

«Нечто среднее между зарукой и бателлой представлял собой бирманско-индийский, очень вместительный паттамар, часто использовавшийся как лесовоз. Малые паттамары были беспалубные и полупалубные, большие (грузоподъемностью в двести—триста тонн) имели полную палубу и высокий ахтердек, обе мачты были наклонены вперед не менее чем на двадцать градусов, а реи составлялись из нескольких деревьев, причем их длина была пропорциональна длине самих мачт, то есть бизань-рей был короче грота-рея ровно на треть. Особенностью паттамара было то, что его палуба состояла из отдельно хорошо пригнанных друг к другу щитов, свободно покоящихся на массивных бимсах, и была съемной. Можно только удивляться тому, что эти высокомореходные грузовики использовались лишь в малом плавании вдоль малабарского берега» [58].

*Паттамар — высокомореходное
грузовое судно*

Киржимы

«На Нижнюю Волгу заходили нередко с Каспия персидские маломерные киржимы — небольшие суда прибрежного плавания, размерами от 15 до 28 фут. в длину; 2,5—4,5 фут. в ширину и 1,5—2 фут. в глубину, грузоподъемностью от нескольких десятков до 700 пудов, на осадке от 1 до 3 фут.

Киржимы плоскодонны, нос с подбором подворотов, а малые — даже с выдолбленной из цельного древесного ствола трубой. У более крупных судов кромки досок днища сшиваются корнями кизилия и смазываются сгущенной нефтью (киром). Строятся киржимы в Баку, Ленкорани, Астрабадском заливе и в кочевьях туркмен — на южном и отчасти западном берегу Каспийского моря. Постройка производится из липового леса и отчасти персидского дуба и ореха, ходят суда на веслах и под парусами» [75].

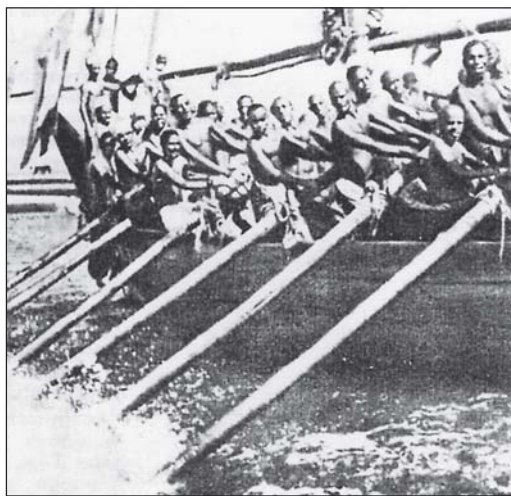
Бусы и сандалы

«Переход от Астрахани до открытого моря по многочисленным протокам устья Волги был во многих местах затруднен и занимал несколько дней. (Купец) Федот Котов рассказывает, что в устье Волги и под Астрахань бусы, как русские люди называли торговые суда, приходившие из Персии, не заходят, стоят на море, с устья едва видеть. „А товары возят с бус в Астрахань и из Астрахани сандалы и павозки, и отьтут ходят за море на бусах“ (Хождение купца Федота Котова в Персию. М.: Изд. вост. лит-ры. 1958, с. 31—32).

Сандалы, о которых пишет Котов, — одномачтовые суда, ходившие вдоль каспийских берегов. Название «павозки» часто встречается в летописях и актах применительно к речным судам; Котов переносит их название на местные лодки» [56].

Гребное судно Персидского залива из Саудовской Аравии

Это судно не фигурирует ни в одном из известных автору справочников. Возможно, это та самая шайти, о которой упоминалось ранее.

Возвращение с морского промысла

Судно странным образом, по мнению автора, похоже на наши казацкие чайки.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на судне примерно 10—15 пар весел, и на каждом весле — по три человека. Все, как на чайках, где тоже было примерно 10—15 пар весел, а экипаж состоял приблизительно из 60—70 человек, из чего должно следовать, что и на чайках каждым веслом гребло по два-три человека.

Видимые отличия состоят в том, что парус на данном судне косой, типа сетти, в то время как на чайках был прямой или, что можно предположить, косой рейковый парус, как на бударках, да парубки на данном судне явно африканского происхождения, из потомков африканских невольников, а не запорожские казаки.

Глава VI

Лодки из Усть-Ижоры

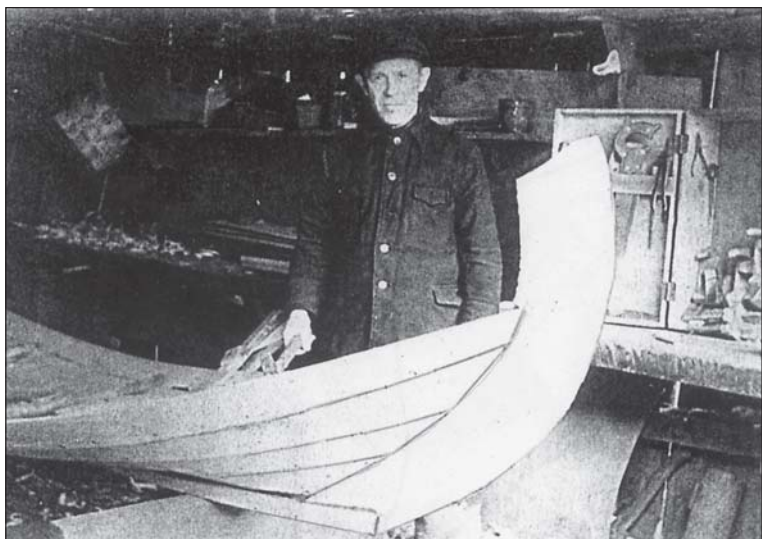
Когда-то, полтора тысячелетия назад, в центре и на севере России обитали племена, близкие по языку к современным марийцам и мордве. Следов материальной культуры от них не осталось, неумолимое время стерло их. Но остались географические названия. Если правильно прочесть их, то, возможно, они подскажут, какой этнос так назвал холмы, реки и озера. Думается, поможет и обращение к родственному мерянскому — саамскому языку. Ведь предки саамов обитали когда-то в Северном Поволжье и были соседями мерян.

С. Халилов.
Откуда Таруса?

Вот уж действительно не знаешь — где найдешь, где потеряешь! Когда была уже почти написана глава о поморских судах, и я рассказал об этом своим сослуживцам по работе, то неожиданно получил подарок от коллеги Геннадия Васильевича Малоземова. Узнав о моем интересе к древним судам и лодкам традиционной постройки, он огорошил меня, объявив, что его отец и дед были потомственными мастерами по изготовлению лодок местной конструкции в Усть-Ижоре. Сообщив мне, что и ему самому также приходилось участвовать в этом деле, он подробно описал технологию их изготовления. А через некоторое время принес домашние фотографии

с их изображением. То, что я увидел, меня поразило: возникло впечатление, что я воочию вижу древнее норманнское судно. Такой же кривой курносый нос, такие же кривые обводы корпуса. Особенно любопытной мне показалась фотография, на которой был изображен лодочный мастер, отец сослуживца — Василий Владимирович Малоземов. Причем, как разъяснил мне Геннадий Васильевич, нос и корма у этих лодок были одинаковыми и не были приспособлены для навешивания руля, а все маневры осуществлялись или самими веслами или шестом. Парус на них также не устанавливался.

Незадолго перед этим я приобрел книгу И. фон Фиркса «Суда викингов» [65] и еще находился под впечатлением от нее. Я тут же решил сравнить суда, изображенные в ней, с фотографиями и обнаружил, что мои подозрения верны:

На фотографиях — лодка, изготовленная Малоземовым примерно в 1960 г. в Усть-Ижоре (под Санкт-Петербургом). Она по своим очертаниям очень похожа на древние скандинавские суда — кнорры, хотя называется финкой. Лодка имеет, как и у скандинавских судов, одинаковые оконечности, загнутые штевни и сильный развал бортов. Возможно, именно такие суда в русских летописях назывались носады (насады)

Та же лодка на ходу. Обращает на себя внимание то, что верхняя доска, накрывая, срезает нижние, спрямляя линию борта

лодка на фотографии до изумления напоминала ранние суда викингов. Особенно кнорре из Гокстада. Такие же, как у скандинавских судов, оконечности, такие же характерно загнутые штевни, такой же сильный и плавный развал бортов. Правда вторая фотография, где была изображена та же лодка на ходу, несколько портила впечатление. С первого взгляда лодка эта показалась мне обычной, лодкой типа фюфан, из тех, которые раньше, в пору моей юности, мы брали напрокат на лодочных станциях. Однако, приглядевшись внимательно, я понял, в чем дело: верхняя доска, накрывая, срезала нижележащие доски и, следовательно, спрямляла линию борта. То есть к ней были применены искусственные меры, так сказать, для «осовременивания» лодки. Если мысленно убрать верхнюю доску, то мы получим характерно задранный нос норманнского судна.

Для меня это стало потрясением.

Дело в том, что когда-то в беседе с одним уважаемым археологом у нас зашел разговор о норманнах. Он утверждал, что норманны жили в наших землях и плавали по нашим водам. На что я с апломбом, присущим всем увлекающимся дилетантам, заявил, что этого никогда не было

и не могло быть в принципе. Археолог, в свою очередь, ответил, что должен меня огорчить, ибо его экспедиция обнаружила в наших северных землях остатки древних судов однозначно норманнского типа. Мой лепет о том, что это могли быть и трофейные суда или суда покупные, он пресек фразой, от которой я сник. Он сказал, что, по их исследованиям, суда были вне сомнений местной постройки и из местных, то есть наших, российских, материалов, а значит, и делали их местные, то есть русские люди. И коль скоро сами суда являются норманнскими, то следовательно и делали их, норманны. Однако, по моим представлениям, этого не могло и не должно было быть, так как К. Бадигин и другие авторы, с которыми я был полностью солидарен, утверждали, что ни Рюрик, ни его дружина норманнами не являлись и что никакого постоянного присутствия норманнов в России никогда не было.

Чтобы было понятнее, о чем здесь идет речь, предоставим слово К. Бадигину: «Северное русское судостроение было самостоятельно и не испытывало иностранного влияния, в том числе влияния соседей поморов — норманнов.

Особое внимание следует обратить на то, что все попытки отыскать в названиях частей русского поморского судна или его вооружения какие-либо норманнские термины были безуспешны. Иностранные термины появились в морском лексиконе поморов только во времена Петра I. Наконец, такой на первый взгляд мелкий штрих, как отсутствие на парусах поморских судов риф-сезней, подтверждает самобытность нашего северного мореплавания. Риф-сезни появились впервые у норманнов, а потом уже были заимствованы другими народами. Поморы никогда не брали рифов на парусах. Риф-сезни им заменяли полупаруса — дополнительные парусные полосы, которые они ставили при маловетрии и убирали при сильных ветрах. Такой парус, поморский прищеп, получивший впоследствии иностранное название „бинет“ крепился только к прямым парусам» [5].

Вот эти факты и послужили основой для моего апломба в разговоре с археологом.

Каково же было мое изумление, когда я обнаружил в работе И. А. Шубина сообщения о русских судах, которые являлись норманнскими!

Так, в его работе «Волга и волжское судостроение» воспроизведено «...сохранившееся до нас изображение древнерусского насада в миниатюрах так называемого Сильвестровского сборника (памятник XVI в.), изображающих погребение кн. Глеба, он (насад. — Д. С.) имеет вид глубокой лодки с набойными бортами и высоко поднятой носом и кормой» [75].

Судно на миниатюре было явно норманнское. И при сравнении его с судами из работы И. фон Фиркса это стало совершенно очевидным. Все соответствовало этому, даже характерный бортовой руль, который никогда не употреблялся нашими мореходами, ибо они всегда использовали потесь или правило.

Получалось, что действительно было то, чего не должно было быть никогда.

Этот вопрос, а точнее парадокс, мне никак не удавалось разрешить.

Все усугублялось тем, что, описывая судно, изображенное на миниатюре, Шубин почему-то называет его явно русским (а точнее славянским) названием, а именно «насад», а не, например, дракар, или кнорре, как следовало бы его называть, если бы судно было норманнское. Из других источников получалось, что для кораблей норманнов, пришедших на Русь из-за моря, имелось другое название — шняка (снейк — по-скандинавски). Что за название? Почему одним и тем же судам, но разным по месту постройки, давались различные названия? Правда шняки были парусными судами, точнее парусно-гребными, а наши насады почему-то только гребными, однако черты сходства между ними были совершенно очевидными.

А тут еще и эти фотографии. Получалось, что норманны не только жили у нас, но и передали свои кораблестроительные навыки нам — русским. Ибо их «дракары» строятся в России до сих пор.

Я сник окончательно. И в отчаянии спросил Геннадия Васильевича: «А не было ли в вашем роду кого-нибудь из скандинавов, ну там из датчан или шведов?» Конечно, спросил глупость. Потому что он усмехнулся и ответил, что в их роду были только русские, а вот сама лодка называлась финкой (?!).

И тут меня осенило. В голове промелькнула еретическая мысль: «Что, норманны действительно плавали на норманнских судах?» Эта абсурдная мысль возникла потому, что вспомнились слова А. С. Пушкина из поэмы «Медный всадник»:

*На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убого чухонца.*

Известно и настоящее название этих «чухонцев» — ижора. Народ, входивший, наряду с другими финно-угорскими племенами — мерей, чудью, муромой, пермью, печерой, ямью (емью), в состав Новгородской республики и известный нам тем, что вместе с дружиной святого князя Александра участвовал в той достопамятной битве с норманнами — шведами, после которой полководца нашего стали звать Невским. Промелькнула мысль: а не являются ли эти лодки из Усть-Ижоры восточкой из тех далеких времен, когда жители здешних мест еще говорили на своем, отличном от нынешнего русского, ижорском языке — древнем языке ингерманландских финнов?

И я понял: никаких норманнских судов (в том смысле, в котором принято это понимать) на самом деле не существовало. Норманнские конунги плавали на судах, изобретенных финнами и лапландцами. А русские князья и их дружинники плавали на русских судах. На судах, которые строились здесь же, на месте ижорой, емью, мерей и прочими нашими предками по финно-угорской линии.

Почему? Да потому, что задолго до появления в Скандинавии, Карелии и других областях и государствах региона германцев и славян, там сотни (если ни тысячи лет) проживали финские племена. А теперь угадайте с трех раз: можно ли, как говорил Пришвин, в наших краях, ле-

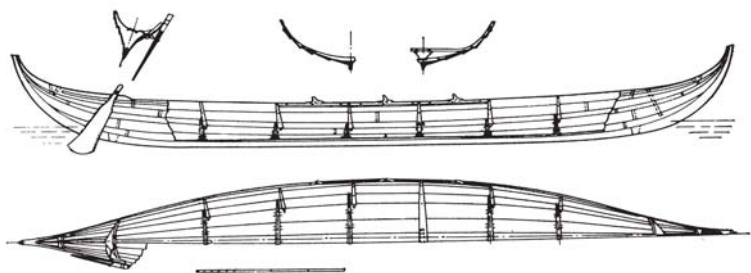
сом водой и камнем богатых, прожить без лодки? Если даже в XX в., когда у северян-поморов водились в хозяйстве куры и овцы, коровы и лошади, нищим считался не тот, у кого всего этого не имелось, а тот, у кого не было лодки. Что же говорить про доисторические времена, когда аборигены этих мест жили только за счет охоты и рыболовства. Даже выжить без нее (без лодки родимой) было невозможно. Так вот, к тому времени, когда в здешних краях появились индоевропейцы, у местных народов уже существовало свое высокоразвитое судостроение. Именно их суда прошли весь эволюционный путь от примитивной долбленки и лодки, покрытой шкурами, до тех совершенных и прекрасных судов, которые ныне выставлены в скандинавских музеях. А норманны и русские князья только использовали их для своих нужд. Суда эти так пришлись им по вкусу, что те дали им свои индоевропейские названия. На Руси их стали называть насадами, а в Скандинавии — дракарами, кнорре, снейками.

Чем же они были так хороши? Да своей быстроходностью. Ибо имели очень плавные обводы, были узки и на них можно было посадить очень много гребцов. Именно эти качества норманнских судов и позволяли скандинавам совершать свои стремительные набеги. Ибо это были идеальные военные суда Средневековья. Не случайно, что подпись «насада» стоит у Шубина именно под изображением военного судна.

Слово «насада» — русское (славянское) и происходит то ли от термина «нос» (есть такое выражение носатый), то ли от понятия «насаживать(ся)» (садиться). Вот что писал по этому поводу И. А. Шубин: «Может быть, происхождение термина „насад“ объясняется очень просто и близко к толкованию наших лингвистов в связи со значительным поднятием носа и кормы судна: название „насад“, „насада“ или „носад“, могло быть, естественно, применено к судам с нарубленными, насаженными оконечностями или к судам с большими, высокими носами. При таком толковании, между прочим, понятной бы являлась и двойная транскрипция этого термина — через „а“ и „о“» [75]. По другой версии И. А. Шубина, насадами назывались суда, в которые садилось (насаживалось) много греб-

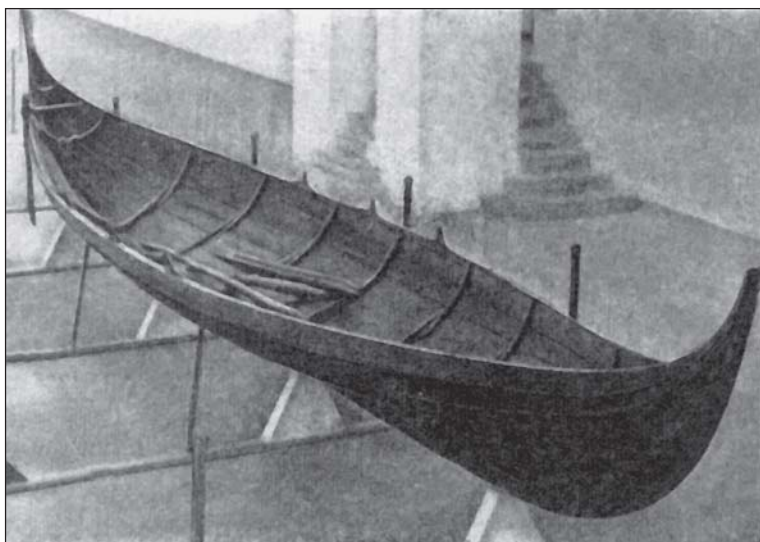
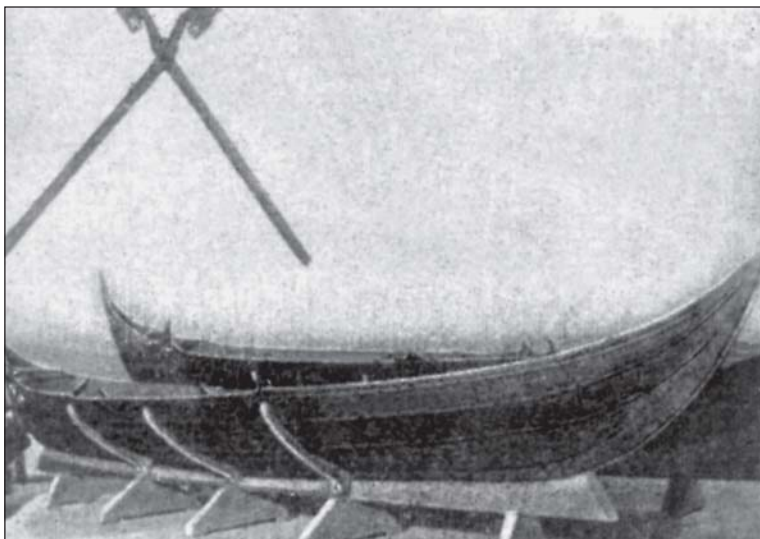
Насад

Чертеж ладьи № 1 из Гокстада

цов. (И это понятие наиболее точно соответствует тому, что изображено на миниатюрах из летописи.)

У норманнов это чисто гребное судно со временем превратилось сначала в парусно-гребное, а затем и в чисто парусное. Так, в Европе появился тот самый тип судна, который мы называли неф. То же происходило и в России. Со временем появились «тихвинки» и уже парусные «насады», о которых Шубин писал: «...в некоторых глухих местах Поволжья (особенно в Камском бассейне) беляны еще в середине XIX в. назывались НАСАДАМИ» (*Богославский. О купеческом судостроении в России, с. 163*)»

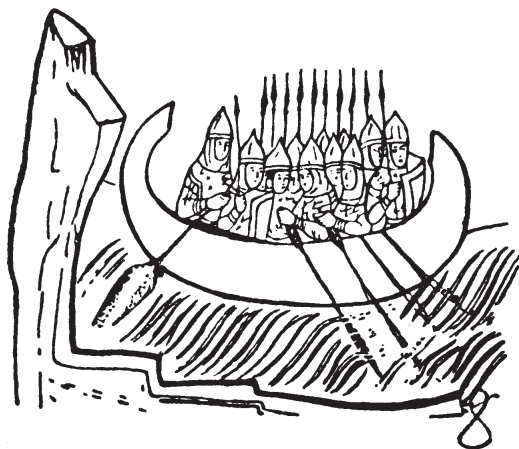
Ладья из Гокстада

[75]. То есть во многих местах России с преимущественно угро-финским населением почти до наших дней строились большие баржи — насады, с характерными чертами лодок — насад.

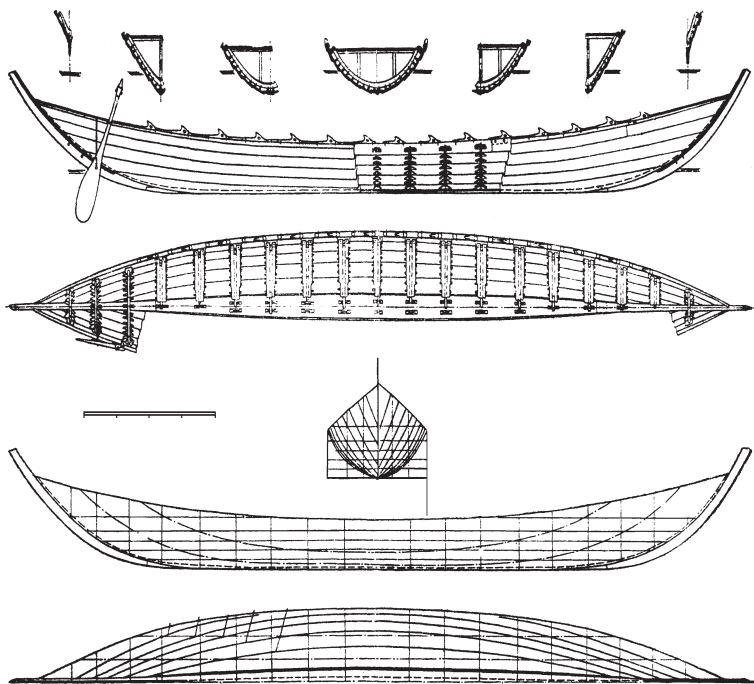
Так, значит, действительно «судостроение и судоходство наши древние как сама Россия, что искусства эти не заимствованы от других, чуждых нам народов, но возникли сами собой из элементов нашей народной жизни» и уходят своими корнями в судостроительные традиции, как славян, так и угро-финнов. Как мы и предполагали ранее. Более того, эти два направления зачастую и переплетались между собой. Особенно на севере у поморов.

Это переплетение было настолько тесным, что там, на севере, даже суда явно славянского происхождения имели почему-то финно-угорские названия. Например, типично славянский тип судна — речной карбас — назывался точно так же, как и лодка-однодеревка хантов и манси — облас.

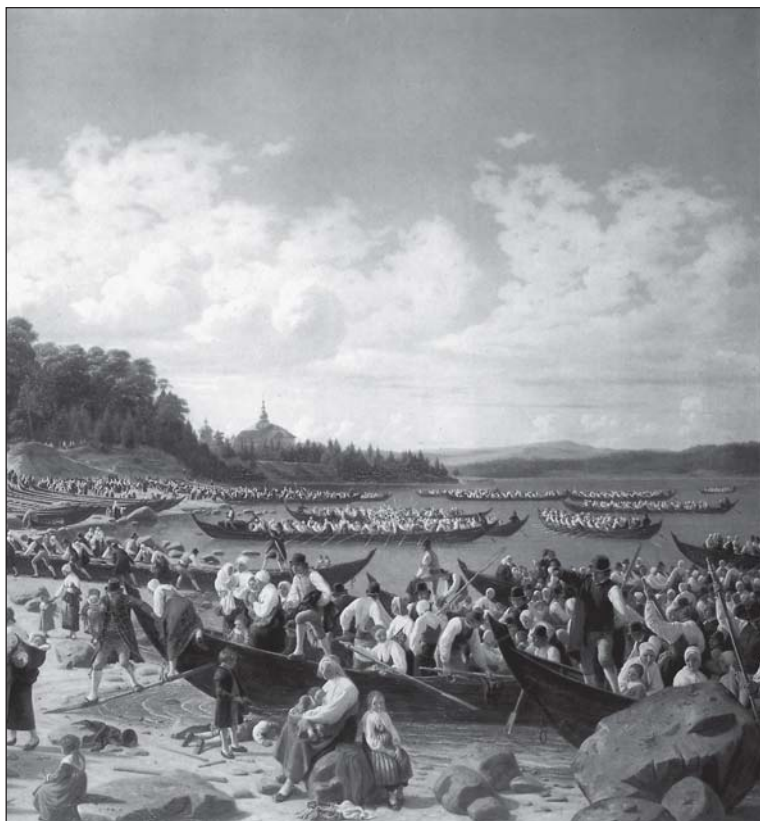
Аналогичную картину мы видим и в названии знаменитого коча. Существует несколько версий происхождения этого судового термина. Некоторые считают, что его название происходит от германо-балтского слова «ког». Однако эта версия вряд ли может считаться правдоподобной по той простой причине, что данный судовый термин отсутствовал в самом Новгороде Великом, в месте постоянных контактов русских с немцами, а был распространен именно на севере у поморов и в Сибири, в местах постоянного тесного соседства русских с финно-угорскими народами. Согласно другой версии, термин «коч» происходит от слова «охоч» («охочий»). Неясным при этом остается, почему охоч и за чем охочий? И чем он (коч) отличался от ладьи, с которой имел удивительное сходство? При этом упускается очевидный факт, что термин «коч» имеет странную схожесть со словом «кучер». Оказывается оно (слово «кучер») венгерского происхождения и означает, как известно, человека, управляющего роскошной крытой повозкой — каретой. Так вот, карета — это по-латински, а вот по-венгерски она (карета) называется... коч, или кочи. Так же, как и наше поморское судно. В Большой советской энциклопедии читаем: «Карета

Речная экспедиция (из «Жития Бориса и Глеба»)

Чертеж судна из Нидама

Норвежские суда (XIX в). Сходство с судном из Нидама (IV в. н. э.) — поразительное. За 1400 лет тип судна не изменился совершенно

(польское *kareta*, от латинского *car(г)uca* — повозка на четырех колесах) — закрытый со всех сторон четырехколесный конный экипаж. Производство карет возникло в XV в. в венгерском городе Коч (отсюда венгерское название кареты — „кочи“ (*cocsi*) и русское слово „кучер“») [78]. Наиболее близкими языками к венгерскому являются языки наших российских северян — хантов и манси. Можно предположить, что именно они подметили основное отличие кочей от других судов, в том числе и от ло-

дей, — их закрытость. Может быть, суда, крытые палубой, воспринимались ими так, как крытые повозки (каре-ты) — венграми. Однако, кроме этого, кочи имели и еще одну особенность. Дело в том, что для плавания во льдах кочи снабжались специальной дополнительной обшивкой в районе ватерлинии, там, где борт соприкасался со льдом. Эта обшивка называлась «ледовой шубой», или «коцей». По-видимому, именно из-за этой «ледовой шубы» суда и получили свое название «коч».

И снова вернемся к фотографиям. Слышу возражение: «Если на самом деле все было так, как здесь говорится, то где же угро-финские названия тех судов, которые норманны и русы называли кнорре, снейки, дракары и насады?». Так вот, названия были и имели хождение параллельно с русскими!

Русские летописи пестрят сообщениями о речных разбойниках — ушкуйниках, наводивших страх по всей Древней Руси. Это слово стало нарицательным во многих областях Европейской России и в Сибири. Так называли необузданных, грубых и драчливых людей. Оказывается, слово это происходит от названия лодок, на которых и орудовали разбойники — от «ушкуев». Название, утверждают историки, угро-финское и переводится на русский язык как «медведь», а точнее как «белый полярный медведь». Из летописей явствует, что они (ушкуйники), как норманны в Западной Европе, неожиданно появлялись, грабили и быстро исчезали на речных просторах. Из чего следует, что суда эти были быстроходными, многоговесельными и легкими. То есть точно такие, как насады. Значит, те суда, которые использовались разбойниками, назывались ушкуями, а точно такие, но используемые княжескими дружинниками, — насадами.

А теперь самое интересное. Если наши рассуждения верны, то мы можем увидеть и русские насады и русские ушкуи воочию и прямо сейчас. Давайте внимательно рассмотрим картину норвежского художника XIX в., на которой изображена бытовая сценка из жизни норвежских обывателей. Для нас большой интерес представляют лодки, на которых норвежцы съезжаются на церковный праздник. Вот они, наши насады и ушкуи! Ибо и наше, рус-

ское, судостроение, и скандинавское уходят своими корнями в судостроительную практику карелов и финнов.

Чтобы окончательно убедить вас в этом, приведу еще один пример. Так, характерным способом крепления досок обшивки к шпангоутам у древних скандинавских судов было их крепление при помощи клампов — своеобразных выступов с отверстиями на досках обшивки для привязывания их гибкой вязью. Клампы не применялись нигде, кроме Скандинавии... и России. Для того что бы убедиться в этом, зайдите в Российский этнографический музей (экспозиция «Русские»), подойдите к лодке-долбленке, и вы увидите, что для крепления шпангоутов в корпусе вытесаны те самые клампы.

Прочитав всё, вы поняли, какой ценный подарок мне (и всем нам) сделал Геннадий Васильевич Малоземов.

Вот уж действительно не знаешь, где что найдешь!

Суда онежско-ладожского бассейна

Карельская лодка

Финно-угорское судостроение уходит своими корнями в седую древность: в каменный и бронзовый век. Можно сказать, что оно было всегда с тех пор, как появился в наших северных краях человек. Ибо выжить в наших краях, где много рыбы и лесного зверья, но мало земель, пригодных для пашни и для разведения скота, в те времена без лодки было невозможно. Сама жизнь, а не пришлые славяне или «варяги», учила их этому.

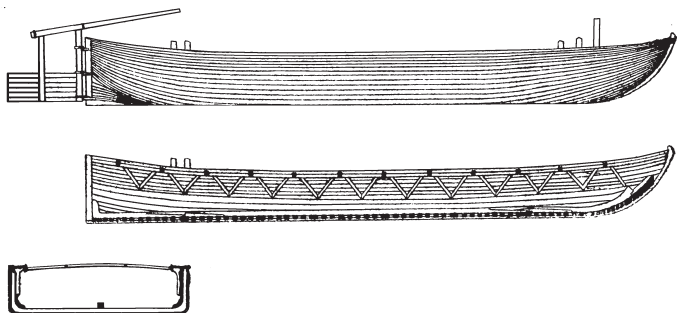
Чтобы понять самобытность этого судостроения нужно просто посмотреть на наши карельские лодки. «После этого, по словам П. Богословского можно быть убежденным, что наши судостроение и судоходство древние как сама Россия, что искусства эти не заимствованы от других, чуждых нам народов, но возникли сами собой из элементов нашей народной жизни».

Тихвинка

«Парусное грузовое судно типа барки, названное по имени реки Тихвинки (приток Сяси), использовавшееся в XIX в. на реках, входящих в Тихвинскую водную систему,

Онежское озеро. Карельская лодка

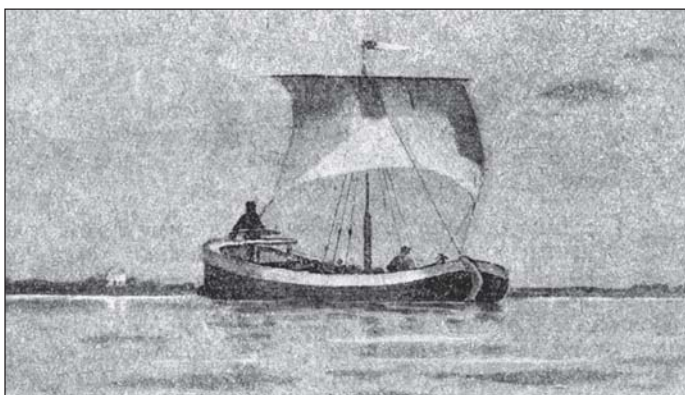
Тихвинка. По конструктивно-технологическим особенностям она похожа на лодку из Усть-Ижоры

и Ладожском озере. Тихвинка в основном применялась для сообщения между Петербургом и Нижегородской ярмаркой. Судно имело довольно полные оконечности, в которых размещались кладовая (в носу) и жилое помещение (в корме), освещавшееся через окошки в транце. Мачта, расположенная на расстоянии $\frac{1}{4}$ длины судна от носовой оконечности, несла большой прямой парус. Тихвинка управлялась навесным рулем (кормилом) с большим удлинением пера. Длина судна 15—45 м, ширина 4,5—8,5 м, высота борта — до 2,5 м. Большие тихвинки назывались полулодками, средние — межеумками, малые — канавками, соминками» [84].

Межеумок (средняя тихвинка)

«Так называлось речное несамходное грузовое судно типа барки, распространенное в России до конца XIX в. Строились межеумки из дерева и имели прочную конструкцию. Длина 25—30 м, грузоподъемность 160—270 т» [84].

Сравнение тихвинок с карельской лодкой и лодкой из Усть-Ижоры убеждает нас в том, что традиции местного карело-финского судостроения сохранялись на побережье Ладоги и Онеги вплоть до XIX в.

Малая тихвинка. Обращает на себя внимание конструкция носовой части. Судно так, как изготавливались малые карельские лодки

Русско-поморские судовые термины

«Проследите терминологию морских и судовых слов, употребляемые нашими плователями, — писал П. Богославский, — вслушайтесь в этот язык, и вы найдете еще уцелевшие, свежие остатки старины.

<...>

Слова, относящиеся к оснащению и вооружению судна:
аюша;

беть, благодать, большая или середовая мачта, большой парус, буглина, буглин, буглинный шест, буйна, буйно, бурндушина, бурундук;

волок, верхница, верховая снасть, ветарница, возжи, ворот; гребок, гуж;

дрог;

завоз, завозня;

кочевая снасть, кочет, кочетье;

лодейная снасть;

малый парус;

накозье, нижница, нижняя снасть, нога носовая, ноги коренные, ноги становые, ноги переметные, ножки, носовой парус;

однодеревка, отключина, оттужка;

пик, поводец шейма, повод шишка, повой, прищеп, подборные скуты, подзор, порочка, правило, пракуль, приступки, прищепца, прямой парус;

райна, ракса;

середова, середовое дерево, снасть железная, стяг;

тетива, теплина;

Слова, относящиеся к частям корпуса и судостроению:

алаж;

бабка, баран, баркоты, бокарь, божули, браница;

весляр, ветренница, виндечка, вица, вичье, влаги, внутрення обшива, водорез, вонна обшива, востродонное судно, втесневик, выход, выладь;

гнездо;

днище;

заколенки;

казенка, кекора, клещи, кокора, кокорье, колода, конец, корга, сопец корга, корг, коренные опруги, коржек, кормоватка, кормовая бабка, кочетница, кочка, крень, кренья;

ладыга, лежни, лекало;

матица, мачтовая дверь, мостик, мосты;
набор, набои, напарьги, напарье, нарубень, настлань,
нашва, нашеть, носовая заборница, носовой боран;
оброча, огородня, опруг, опруги, отвал;
паз, перешва, поварня, подель, половинки, порица, по-
рубень, потерай, приказье, птаха вичья;
решетина;
скулы, слань, слега, сопец, был конец, средняя бабка,
стлань, столб;
телгас, тесница, топорного дела судно, траля;
упруг;
шесток.

Приведенных слов немного, они не охватывают все понятия, относящиеся к судостроению и оснащению судна, но их достаточно, чтобы судить об уровне старинного судостроения на Белом море. Укажем, например, на слово «потерай», которое у поморов означало узенькую дощечку, положенную внакрой обшивки вдоль носового корга. Характерно, что и такая незначительная деталь имела свое название. Приведем еще несколько наименований основных частей корпуса: «матица» — киль, «опруги» — шпангоуты, «корги» — штевни, «решетина» — стрингер, «перешва» — бимс, «нашва» — доска обшивки корпуса» [5].

Глава VII

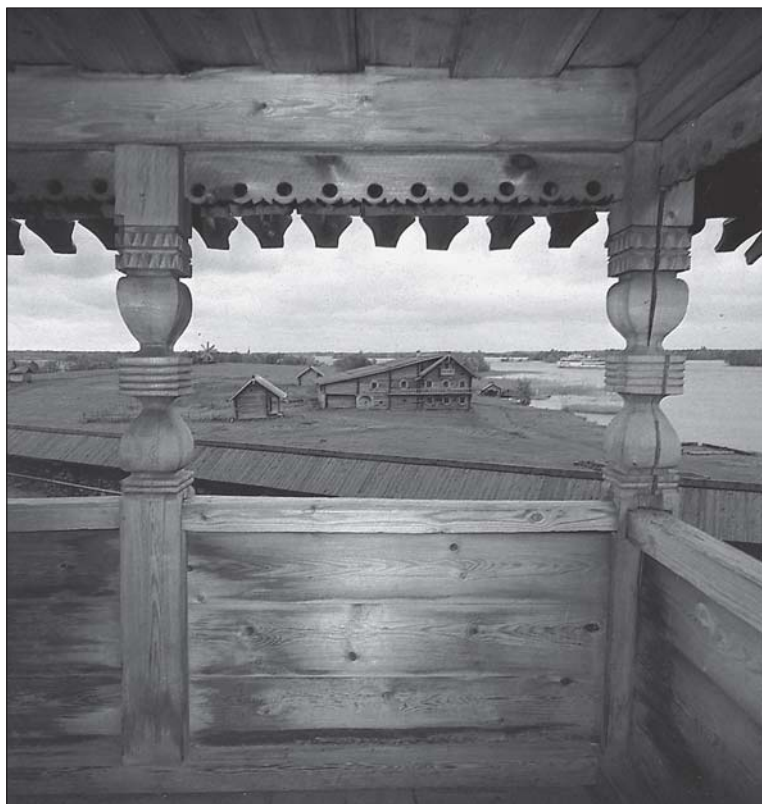
Откуда пошла Русская земля

Сегодня какой-нибудь «чистейший русич» из Вологодской области уже просто не поверит, что его дед говорил еще по-вепски. Точно так же исчезли ливский язык в Латвии, водский или ижорский в Ленинградской области, исчезает карельский язык в Калининской области. О масштабах этого процесса можно судить по тому факту, что в XVIII в. карелы составляли большую часть населения Тверской губернии.

В. И. Паранин
Историческая география
летописной Руси

Откуда же берет свое начало Русская земля? Этот вопрос до сих пор остается открытым.

Конечно, от славян Поднепровья, а точнее, от тех, которые жили на реке Рось, говорят одни исследователи. От ильменских славян — словен, которые получили свое название от варягов, как сказано в общерусском летописном своде XII в. «Повесть временных лет»: «А словенский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася Русью, а первое беша словене», — утверждают другие. Из чего должно следовать, что Древняя Русь — это славяне, от которых и происходит русский народ. Однако все обстоит гораздо сложнее.

Северные просторы. Кижы.

Каждая из построек на острове Кижы отмечена удивительным сочетанием целесообразности и красоты

Древние русские летописи пестрят оговорками, которые вызывают недоумение и ставят в тупик читателей. Например, сообщение из «Повести временных лет» о походе князя Олега на Царьград: «Сшейте руси паруса из паволок, а славянам копринные». Из чего должно следовать, что в те времена название «русь» не распространялось на славян.

Карта современной России буквально кишит странными названиями, не переводимыми на современный русский язык. И даже, казалось бы, чисто русские названия (читай: славянские), на самом деле таковыми не являются. Напри-

мер река Гусь, на которой стоит знаменитый город Гусь-Хрустальный. «Не правда ли, странное название для реки — Гусь? Этот левобережный приток Оки течет по Владимирской и Рязанской Мещёре.

Любая старая река — это еще и памятник языковой культуры. Например, название реки Оки появилось много столетий тому назад, когда на ее берегах жили предки чудских племен (древние финно-угры). Они называли свою реку Йо-ки, что по-фински означает просто „река“, „речка“. До наших дней сохранилось похожее название Йо-каньга (река на Кольском полуострове). В Ленинградской области город Териоки давно переименован в Зеленогорск, а вот название реки осталось.

К северу от Москвы расположены рядом два города с „речными“ именами: Икша (Йекша) и Яхрома (Йакрома) — переводится как „земля рек и болот“.

Но вернемся к нашему Гусю. С какой стати пришло в голову обитателям Мещёрской низменности называть свою реку... гусем? Ведь никто из чуди не знал, как называют по-русски эту птицу, потому что славяне появились в Мещёре лишь в конце [первого] тысячелетия нашей эры. Тайну названия притока Оки раскрыли лингвисты. Есть в финском языке слово „kuusi“, что значит ель, еловый. Таким образом, финноязычные аборигены Мещёры дали реке название Еловая» [40].

Аналогичная картина складывается и с названиями Таруса и Суздаль.

«Наименования, созвучные Тарусе, встречаются в нескольких местах севера европейской части России. В Карелии есть озеро Большой Торос, а река Тарасьеки впадает в реку Ирсту. Все это гидронимы небольших речек, притоков, то есть поперечных водоемов. Это наталкивает на мысль, что в основе названий лежат слова, соотносимые с марийским (ближайшим родственником вымершего мерянского языка): „тореш“ (поперек) и мордовским „трок“.

Когда-то, полтора тысячелетия назад, в центре и на севере России обитали племена, близкие по языку к современным марийцам и мордве. Следов материальной культуры от них почти не осталось, неуловимое время стерло

их. Но остались географические названия. Если правильно прочесть их, то, возможно, они подскажут, какой этнос (народ) так назвал холмы, реки и озера. Думается, поможет и обращение к родственному мерянскому — саамскому языку. Ведь предки саамов обитали когда-то в северном Поволжье и были соседями мери. Так, загадочная Бица, надо полагать, — Сосновая река (саамское „пиец“ — сосна). Мцена (сравни „миец“ — лес) — Лесная река. Ворона и Воронеж — Лесная река („вор“ — лес на многих языках центра и севера России).

Отыскать названия, созвучные Тарусе, можно и на Кольском полуострове и в сопредельных землях. Например, в верховьях бассейна реки Улиты, правого притока реки Туломы, есть озеро Тарос. Мыс в северо-западной части озера Большая Имандра зовется Поперечным наволоком (дословный перевод с саамского Тоарес-нярг). В Северной Норвегии в уезде Квенантен находится хутор под названием Тоарас (поперечный). Таким образом, название реки Таруса — поперечная, то есть приток. Любопытно, что на диалекте самих северных саамов любой приток реки звучит: туарьес-йуха, что в дословном переводе значит — поперечная река» [67].

А вот что означает название Суздаль: «...памятуя, что на территории Владимирского ополья, в междуречье Волги и Оки, до прихода славян в X в. жило финно-угорское племя меря, связывали Суздаль с финским „суси“ — волк. Но это слово имеет ограниченный ареал — оно бытует только в Западной Финляндии. Оказалось, что у соседних с мерей племен волк зовется совсем по-другому: „хукка“ — у карелов, „хяндиказ“ — у вепсов, „пире“ — у марийцев, „верьгиз“ — у мордвы.

Может быть, разгадку слова „Суздаль“ мы найдем в местной флоре? Дело в том, что в бассейне реки Оки и в окрестностях Суздаля растёт смородина. Карелы её называют „сеструй“, вепсы — „сестринад“, а мордва — „шукштору“. Логично предположить, что и у мери, чей язык близок мордовскому, название этой ягоды звучало сходным образом. Соотнеся мордовское „шукштору“ с аналогичными словами на остальных финно-угорских языках, получим предположительное „суштар“.

Известно, что в финно-угорских языках в конце слова звук „р“ может заменяться на „ль“. Уж не назвала ли меря водоем (ручей) или овраг поэтическим словом Сушталь, то есть Смородинный?

Итак мерянское „Сушталь“, став названием русского города, в соответствии с особенностями местного древнерусского говора сначала превратилось в „Суждаль“, о чем свидетельствует летописное упоминание от 1024 года, а позднее обрело свое современное звучание» [68].

И такая тенденция наблюдается по всей Центральной и Северной России. Взять хотя бы название древней Рязани, происходящее от слова «эрьзень», или название самой матушки Москвы.

Складывается довольно странная и даже мрачная картина истребления одного народа другим. Некоторые могут подумать: мол, жила-была, не тужила мирная меря, и вдруг все куда-то исчезли, а на их месте стали жить невесть откуда взявшиеся русские — потомки славян. Однако с чего бы это в русских былинах и сказках, в сказках соседних народов, а также в древних летописях отсутствуют какие-либо упоминания о такого рода катаклизмах. Достоверные данные из области антропологии также опровергают это.

Вот что по этому поводу пишет В. И. Паранин: «Одной из динамично развивающихся наук в наше время является антропология. Ею в последние десятилетия получен ряд интереснейших результатов, которые тем не менее не находят никакого отражения в исторической науке. Так, антропологические исследования свидетельствуют о расовой тождественности современного населения Финляндии, большей части Прибалтики и северо-западной части России.

Таким образом, мы имеем огромный массив антропологически однородного населения, который включает Финляндию, Карелию, Прибалтику, а также население Ленинградской, Новгородской, Псковской, части Московской, Ярославской, Вологодской и Архангельской областей России. Но такая картина совершенно не увязывается с основным положением начальной истории Древней Руси о массовой колонизации славянами лесной зоны Восточной Европы и о поглощении ими местных балтийских и финских народов.

Что же касается славянской колонизации севера, то, во-первых, данное положение противоречит здравому смыслу, поскольку невероятно, чтобы значительные массы земледельческого населения перемещались из благодатного в сельском отношении лесостепного Среднего Поднепровья в гораздо худшие условия севера.

Во-вторых, на севере Восточной Европы и не могло быть свободных сельскохозяйственных земель для расселения пришельцев с юга» [48].

На этом основании Паранин делает парадоксальный, но в то же время убедительный вывод: «...искать русь среди славян бессмысленно, и это сейчас осознает подавляющее число историков. Но опыт предшественников показывает, что не менее бесперспективны попытки найти ее среди скандинавов, во всяком случае, как мы их понимаем». Следовательно русь, по Паранину, — это финно-угры. Что же касается русского (славянского) языка, то «после присоединения Олегом Киева и переноса в него столицы государства славянский язык все шире распространяется в северных его землях, вытесняя местные. И это вполне естественно». Далее он пишет: «...широко известен факт нахождения в Новгороде огромного количества берестяных грамот. Однако менее известным является то обстоятельство, что значительная их часть написана, как полагают, на карельском языке. Мы считаем, что известное всем явление билингвизма не является прерогативой нашего времени, и, очевидно, имело место в прошлом, а поэтому „карельские грамоты“ рассматриваем как проявление его на территории Приильменя, где в течение значительного времени сосуществовали „новый“, государственный, и „старый“, народный, прибалтийско-финский, близкий известному нам карельскому [48].

Таким образом, по Паранину, получается, что никакой славянской колонизации, а тем более «славянского нашествия» не было. А русские центральных и северных районов России являются прямыми потомками «исчезнувшей» мери и других финно-угорских племен. Отсюда летописная русь — это финно-угорские народы, принявшие язык, обычаи и культуру славян, причем славян поднепровских. Эта теория производит глубокое впечатление своей убе-

дительностью, ибо в данном случае становится понятно, например, о чем идет речь в летописи о походе Олега на Царьград.

Однако в этой теории существует логическое противоречие или даже логический тупик, а именно: если прибалтийские, приильменские и приокские финно-угры — русь стали говорить на «государственном» киевском языке, то тогда и русский язык должен был бы быть таким же, как и украинский. А мы говорим на языке, хотя и близокородственном украинскому, но отличном от последнего: на самостоятельном, русском языке. Больше того, сам Паранин утверждает, что язык древних новгородцев существенно разнился с языком поднепровских славян: «Оказалось, что язык новгородцев отличался от языка киевлян еще в XI веке, причем более существенно, чем в последующее время. Значит, можно говорить о слиянии двух языков, а не об их разъединении. Этот факт ставит под сомнение и версию об едином центре расселения» [48]. Из этого должно следовать, что русский язык сформировался вдали от Киева и Поднепровья, а именно: в Приильменье, там, где, вопреки утверждению Паранина, проживали приильменские славяне — словене.

Вот что об этом пишут М. Х. Алешковский и А. В. Воробьев: «В IX—X веках на месте нынешнего Новгорода существовало три разноэтических поселка — словен, мери и кривичей, еще не слившихся в единый город. Эти поселки, надо полагать, имели укрепления, так как в летописи сказано, что во время усобицы после изгнания варягов „всташа град на град“. Позднее эти поселки слились в один город с общим городским вечем и различались в городе, став основой разных городских „концов“, имевших свои веча и, видимо, свои укрепления. Во всяком случае, даже в одном плане XVIII века такие укрепления показаны у двух концов Софийской, левобережной стороны. Они были необходимы в городе, где все время происходили стычки между разными его „концами“. Укрепления третьего из первоначальных поселков на месте Новгорода (позднее Славенский конец) дали ему название Холмград — от слова „холм“. Этим словом

в XII веке обозначалась возвышенная часть Славенского конца» [2].

Следовательно, русские говорят на языке, произошедшем от языка приильменских новгородских словен. Но это заключение опять заводит нас в тупик, так как получается, что большое число финно-угорских племен, составлявших подавляющую часть населения центра и севера России, стало говорить на чуждом им языке малочисленного народа, находившегося к тому же в политической зависимости от каких-то варягов (по Паранину, от финнов).

Убедительные факты из области антропологии и лингвистики говорят о том, что дело обстоит именно так: русские, являясь финно-уграми по происхождению и родными братьями карелов, финнов, марийцев, мордвы и т. д., являясь коренными жителями России (так как заселили свою землю сразу после окончания Великого оледенения), говорят на языке совершенно иной индоевропейской семьи, на языке пришлого малочисленного народа.

Для того чтобы разобраться в этом, для того чтобы осмыслить, что произошло, почему и как это случилось, необходимо понять: что такое славяне и что это за явление?

От Петербурга до Повенца (Онего, Карелия)

«Редко бывает совершенно спокойно бурное Онежское озеро*. Но случилось так, что, когда мы ехали, не было ни малейшей зыби. Оно было необыкновенно красиво. Большие пышные облака гляделись в спокойную чистую воду или ложились фиолетовыми тенями на волнистые темно-зеленые берега. Острова словно поднимались над водой и висели в воздухе, как это кажется здесь в очень тихую теплую погоду.

Онежское озеро называется местными жителями просто и красиво — Онего, точно так же, как и Ладожское в старину называлось Нево. Жаль, что эти прекрасные народные названия стираются казенными. Один молодой историк, здешний уроженец, большой патриот, с которым мне удалось

* Приводятся выдержки из глав книги «Избранное» М. Пришвина [98].

Лодочный мастер с Онеги

познакомиться в Петрозаводске, очень возмутился этим. Он мне говорил, что администрация таким образом уничтожила массу прекрасных народных названий. И это не пустяки. В особенности это ясно, если познакомиться с местной народной поэзией, с причитаниями, песнями, верованиями. Там, в народной поэзии, постоянно поминается это „страшное Онего страховатое“ и иногда даже „Онегушко“... Кто

немного ознакомился с народной поэзией, все еще сохраняющейся на берегах этого «славного великого Онего», тому назвать его Онежским озером, ну.. назвать, например, пушкинскую Татьяну, как это нехорошо делал Писарев, по отчеству... Онего в народном сознании является уже не озером, а морем. Так его иногда и называют. Онего огромно, как море, страшно в своих скалистых берегах. Скалы его берегов то голые с причудливыми формами, то украшенные зубчатой каймой хвойных лесов. На этих берегах до сих пор живут еще певцы былин, вопленицы, там шумят грандиозные водопады: Кивач, Порпор, Гирвас. Вообще Онего полно поэзии, и только случайно оно не воспето каким-нибудь поэтом. „Жаль, что Пушкин не побывал на нем“, — сказал мне один патриот.

Недостаток художественного описания Онего я почувствовал особенно отчетливо потом, когда ознакомился с „Губернскими ведомостями“, „Олонецким сборником“ и „Памятной книжкой Олонецкой губернии“. Сколько там рассеяно описаний различных местных литераторов, любящих Онего, но как-то с чересчур переполненной душой. Помню, один при описании Кивача, помянув, как водится, державинское „алмазна сыплется гора“, восклицает вдохновенно: „И не знаешь, чему дивиться, — божественной ли красоте водопада или не менее божественным словам бывшего олонецкого губернатора, из которых каждое слово есть алмаз“.

Таково Онего. Совсем другое Онежское озеро. Это просто северный „водоем“, раскинувшийся на карте в виде громадного рака, с большой правой клешней и с маленькой левой. Водоем этот значительно меньше Ладожского озера (Ладожское — 16 922 квадратные версты, Онежское — 8569) и переливается в него рекой Свирью. На севере между клешнями рака заключен громадный, весь изрезанный заливами полуостров Заонежье. На левом его берегу, если смотреть на рака от хвоста к голове, расположился губернский город Олонецкой губернии Петрозаводск, недалеко от правого — Пудож, Вытегра, в самом северном уголку правой клешни — Повенец, где и „всему миру конец“ и куда лежал мой путь.

Густая толпа народа, которая встречает каждый пароход, представляет из себя живой этнографический музей и уносит воображение в отдаленные времена колонизации этого края. Правда, тут в толпе есть представители современности: урядник, ученики Петрозаводской духовной семинарии,

иногда студент, сельская учительница. Но они теряются. Большинство собравшихся, конечно, из ближайших деревень; им просто любопытно посмотреть на проезжающих. И, вероятно, для них это любопытнее, чем для нас лекция, театр, путешествие. Это сказывается и на внешности молодежи. Неуклюжая кофточка, ленточка являются сначала результатом простого созерцания дам на пароходе, а потом, глядишь, появилась портниха и мало-помалу одела всех по-питерски. Но среди модной современности виднеются и приехавшие из глуши люди. Прежде всего удивляют при летней обстановке сани, обыкновенные дровни. Очевидно, хозяин их приехал из какого-нибудь такого местечка, где совершенно невозможны никакие колесные экипажи. Впрочем, тут же стоят и колесные экипажи, но что это за колеса! Это просто толстые большие обрезки дерева, иногда даже не совсем правильно округленные... Колес с шинами и спицами совершенно нет: такие колеса скоро бы разбились о каменистую дорогу и потому оказались бы дорогими. Вся масса людей носит серый тон: преобладает какой-то мелкий тип со светлыми глазами, очевидно потомки чуди белоглазой; но между ними попадаются такие молодцы, что вот одеть — и был бы настоящий Садко, богатый гость.

Эти два типа так различны, так бросаются в глаза своим контрастом, что на минуту забывается толпа, и с каменистого берега смотрят на пароход очи истории.

В этих местах существует много курганов и других самых разнообразных памятников когда-то упорной кровопролитной войны новгородских славян и финских племен, «белоглазой чуди», закончившейся в XI веке победой новгородцев. Дальше все шло обычным порядком: знатные новгородские люди здесь приобретали земли, леса, реки и озера и посылали сюда добрых молодцев для управления своими угодьями и промыслами. Все эти земли, занимающие огромную площадь между Ладожским озером, рекой Онегой и Белым морем, составили Онежскую *пятину* Великого Новгорода... Вся эта дикая лесная Онежская страна в то время была бесконечно богата пушными товарами.

Тогда коренные жители были настоящими дикарями, жили в подземных норах и пещерах, питались рыбой и птицей и верили, согласно свидетельству историков, так: „Кто им когда чрево насытит, тогда и бога сопоставляюще, а еще иногда камнем зверя убьет — камень почитали, а еще палицею поразят ловимое — палицу боготворят“. Христианство на-

чал здесь распространять князь Святополк еще в 1227 году, вместе с тем и новгородские промышленники во время поездок. Но особенно много потрудились здесь те бескорыстные пустынноики, которых с величайшим благоговением, как святых, чтит все Обонежье. Это Корнилий Палеостровский, Александр Свирский, Герман, Зосима и Савватий Соловецкие и многие другие.

Я упоминаю здесь именно этих святых, потому что основанные ими монастыри (Алекса́ндро-Сви́рский, Палеостровский, на острове того же названия, и Соловецкий) привлекают к себе до сих пор огромные массы богомольцев. И все, что нам известно об этих первых христианах, говорит о них как о людях удивительно чистых и хороших, сделавших массу добра для края. Жизнь их вдохновляла потом и следующих за ними колонизаторов края — раскольников. Многие из этих людей приближались вполне к жизни первых христиан. Да и до сих пор в глухих местах Архангельской губернии есть старцы, идеалом жизни которых служат жизни этих святых.

Так мало-помалу, частью силой, частью подвигами этих старцев, финские племена приняли крещение и сжились со славянскими. Во время шведских походов карелы переходили то на шведскую, то на русскую сторону. А теперь финские племена, особенно карелы, так сжились с русскими, что отличить их можно только по отдельным ярким представителям.

На Онежском озере есть несколько старинных монастырей. Тут лежит путь богомольцев в Соловецкий монастырь. На берегах его до сих пор совершается борьба официального православия с его сгущенной формой — расколом. Наконец, здесь между религиозно настроенной толпой и монастырем можно постоянно видеть посредников. Все это кладет какой-то своеобразный паломнический отпечаток на плавание по Онежскому озеру. Тени святых обонежских пустынножителей словно живут и блуждают по этому озеру. Блуждают, потому что дело их сделано, язычников финнов нет уже в каменных пещерах. Другие язычники появились теперь на Онежском озере, несравненно более упорные и сильные, чем те, вооруженные палицами и пращами, финские племена. Старцам их следовало бы оставить совершенно, как это сделали старцы в других местах: труд бесполезный! Но по старому упорству они продолжают беспокоить всех проезжающих, даже самых закоренелых язычников» [98].

Лес, вода и камень

«Про Повенец говорят обыкновенно: он всему миру конец. Но, как я уже говорил, для меня с Повенца только и начинался самый любопытный мир.

И опять я задаю себе тот же вопрос: как характеризовать маленький городок в северном углу Онежского озера — Повенец? Я помню постоянный звук колокольчиков: это бродили коровы по улицам городка. Звук этих колокольчиков мне объясняет все. Повенчан, так же как и петрозаводцев, я не хочу этим обидеть; не их вина в том, что старинное, существовавшее еще в XVI веке селение Повенцы потом было названо городом Повенцом. Если же считать его селением, то в присутствии коров на улицах нет ничего удивительного. И в самом деле, коренные жители этого „города“ занимаются до сих пор земледелием; тут же за деревянными домиками и начинаются их поля. Другая, „лучшая“ часть населения, в лучших домах — чиновники. Вот и все, что могу сказать о Повенце.

Дальше: широкая дорога между непрерывными стенами угрюмого леса. То и дело вздрагивает повозка, наскакивая на разбросанные повсюду камни-валуны, или шипит по желтоватому крупнозернистому песку с мелкой галькой. А из леса сверкает чистая вода лесных светлых озер, „белых ламбин“. Время от времени шум экипажа пугает купающихся в разогретом песке тетерок с цыплятами. Но мать не оставляет детей, а торопливо уводит их в лес, постоянно оглядываясь назад.

Повозка мчится все выше и выше, то спускаясь, то поднимаясь между террасами, холмами и скатами. Тихо ехать нельзя: *бармачи* (овода) замучат лошадей. Их целые полчища танцуют возле нас, и кажется — движение вперед им не стоит усилий.

В тридцати верстах от Повенца, в деревне Вол-озеро переменили лошадей и снова понеслись вверх. Проехав еще верст пятнадцать, мы пересекли в косом направлении Масьельгский хребет — высшую точку подъема. Этот хребет есть водораздел Балтийского и Беломорского бассейнов.

С этого места, если бы только можно было видеть так далеко, открылась бы грандиозная каменная терраса со ступенями назад, к Балтийскому морю, и вперед, к Белому. Величественные озера — ступени этой гигантской двойной лестницы — переливаются одно в другое шумящими реками

и водопадами. Назад узкая лента Долгих озер переливается Повенчанкой в Онежское озеро. Многоводное Онего по Свири стекает в круглую Ладожскую котловину, по-старинному озеро Нево, а оно по коротенькой Неве спускается к Балтийскому морю. Впереди тоже ряд озер: Матк-озеро, Телекинское, Выг-озеро со множеством островов; последнее тремя живописными водопадами переливается в стремительный Выг и стекает к Белому морю. У подножия первого склона террасы — Петербург, а у другого — Ледовитый океан, полярная пустыня.

Так рисуется воображению географическая картина этих мест. Но и простым глазом видно то же самое, только на меньшем пространстве. В дымчатой синеве океана лесов тут сверкают террасы озер, рассеянных всюду между причудливо смыкающимися склонами.

— Лесом, водой и камнем мы богаты, — говорит ящик.

И замирают слова человека. Безмолвие! Лес, вода и камень...

Творец будто только что произнес здесь: „Да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша!“

И вода стала стекать к морям, а из-под нее — выступать камни.

В этих краях создалась такая карельская легенда:

„Вначале в мире ничего не было. Вода вечно волновалась и шумела. Этот шум несся по небу и беспокоил Бога. Наконец разгневанный Бог крикнул на волны, и они окаменели, превратились в горы, а отдельные брызги — в камни, рассеянные повсюду. Места между окаменелыми волнами наполнились водой, и так образовались моря и реки“.

В этом случае, как часто бывает, художественное творчество предупредило медленные поиски науки. Теперь наука утверждает, что вначале здесь была только вода. Ледовитый океан в этом месте соединился с Балтийским морем. Немногие такие мели, как вершина Масельгского хребта, выглядывали с поверхности ледникового моря. Громадные льдины Скандинавского ледника плавали по океану, задерживаясь только на этих мелях. Тут, на мелях, они таяли и оставляли всю массу камней, которую увлекли с собою, спускаясь с гор. Работой подземных сил из воды выдвигались все новые и новые мели, а льдины оставляли на них холмы ледникового наноса. Вот так и образовались здесь всюду раскинутые, вытянутые с северо-северо-запада на юго-юго-восток грядки кряжей: *сельги*. Низменные же мес-

та между сельгами остались наполненные водой. На каменных сельгах выросли хвойные леса, а в лесах люди „живя-ху, яко же и всякий зверь“.

Название „Выговский край“ не существует в географии. Этот край входит в общее название „Поморья“. Но он своеобразен во всех отношениях и достоин отдельного названия. Он занимает всю ту местность, которая прилегает к берегам Выг-озера, впадающего в него с юго-запада Верхнего (Южного) Выга и вытекающего из северного конца озера Нижнего (Северного) Выга.

Мне казалось удобнее ознакомиться с этим краем, если поселиться где-нибудь в деревне, в центре его, и отсюда уже ездить на лодке на юг или на север. Как раз посредине длины Выгозера, на одном из его бесчисленных островов, есть деревенька Карельский остров. Вот ее-то я и избрал своим пристанищем. Этот план был одобрен и дедом-рыбаком, у которого я ночевал перед поездкой по Выг-озеру.

— Женки едут на Карельский, они тебя и отвезут, — сказал мне старик.

— Вот наши женки, люби тебе? — рекомендовал он мне двух женщин с загорелыми, обветренными лицами, в сапогах, высоко подтянутых юбках и с веслами в руках.

Потом дед повернул свою большую голову по ветру и сказал „женкам“:

— На озеро вам хорошая поветерь будет, *шалонник* дует.

Слово „шалонник“ означает юго-западный ветер. Другие ветры, как я потом узнал, назывались: *летний* (южный), *сток* (западный), *побережник* (северо-западный), *обедник* (юго-восточный), *полуночник* (северо-восточный), *торок* (вихрь) и *жаровой*, то есть случайный летний ветер.

— Хороший походный ветерок, — продолжал дед, — парус не забудьте.

— А мы не взяли, дедушка, — отвечали женки.

— Так дать, что ль?

— А бе есть, так и дай.

Дедушка одолжил нам парус, сшитый из мешков, и мы пошли к берегу. Там была вытасенная наполовину из воды простая небольшая лодка. На этой лодке и приходилось плыть по громадному, в семьдесят верст длины и до двадцати верст ширины, бурному Выг-озеру. Ко всему этому я узнал, что лодка „без единого гвоздя сделана“ и „сшита“ вересковыми прутьями. Так оказывалось прочнее, проще

и дешевле. Так, кажется, по преданию строился и Ноев ковчег.

Немного жутко было ехать в такой лодке, да еще с женками. Но это только с самого начала; потом же, как я убедился, женки, которые выросли на воде и начали плавать по озеру грудными младенцами, ничем не уступали мужчинам. Мужья сохранили только за собой право всегда сидеть на руле. Сначала кажется несправедливым, когда видишь, как женка гребет, а муж сидит на корме, чуть придерживая рулевое весло, а иногда еще при этом выпивая и закусывая рыбником. Но когда я присмотрелся, какое огромное напряжение сил требуется от рулевого в бурю и даже вообще при ветре на лодке с парусом, то понял, что тут ничего особенно несправедливого нет. Оно, может быть, и есть, но уж это везде и во всем пока так водится.

Итак, мы ехали по Выг-озеру с женками, на лодке без гвоздей, на Карельский остров. Вперед уходила на север бесконечная водная ширь, „большое озеро“, свободное, без островов, а направо виднелся лес.

— Это острова?

— Нет, это *сузёмки*. Вон острова!

— А это?

— Это тоже острова. У нас их так много, что и не толкуем. Всего на озере их — сколько дней в году и еще три. Дальше еще кучнее пойдут. Острова да *салмы*, острова да салмы.

Салмы — значит проливы, слово карельское, как и все географические названия, сохранившие память о старых хозяевах этого озера.

— На веках тут у нас обязательно кареляк жил, — поясняют мне женки.

Дед, который сулил нам поветерь, не ошибся. Как только мы выбрались из лабиринта салм, подул сильный попутный ветер. Женки, довольные, стали устанавливать мачту, продавая конец ее через отверстие в лавочке и укрепляя в прибитой на дне лодки железной подкове.

— Как поветерь, — заговорили они оживленно, — тут уж поездка любая, тут сиди пола да посвистывай. Не здымай высоко! Сорвется! Поставь райно повыше! Погораже отпусти, не порато натягивай, а то лодку опружит.

Женки наконец поставили парус; одна обмотала снасть вокруг сапога, уперлась им в уступ на дне лодки, а обеими руками стала держать рулевое весло.

Лодка понеслась как стрела. Закипели белые волны. Надвигалась туча.

— Ветер чернеет! Темень стават, Божия милость, — крестятся гребцы. — Наше озеро свирепо; как повияют ветры большие да забегают беляки, падет погодушка необьятная! Хоть вопи, а ехать надо. Забежит девятка, как хорома великая, и словно в могилушку опустит. Раз нас со старухой на остров выкинуло, так дня два зубами щелкали.

— Гляди, гляди, молвия маше! — восклицала другая женка. — Эж грянуло!

Туча прошла, и ветер стал стихать.

— Боком прошла Божия милость. Ветер лосеет!

Заехали в салму, и стало совсем тихо. Парус заколыхался. Над озером повисла радуга.

— Краса идет! Радуга! Надо парус ронить.

Стали присматриваться, куда падает конец радуги. Если на *суземок*, то дождя не будет, если на воду, то снова *темень* зайдет.

— Да теперь недалеко осталось. Вот салмочку проедем, обогнем коргу, там будет бережная сельга, потом комлевая, медвежий бор и Карельский остров.

Большие бури на Выгозере бывают осенью, а летом оно часто совершенно спокойно и сверкает на солнце, как громадное зеркало. Налетит *торочек* — случайный ветерок (вихрь), и заблестит водная гладь миллионами искр. Но летом ветер быстро пролетает куда-то и исчезает бесследно; этот *жаровой* ветер не имеет никакого значения при поезде, и через пять — десять минут озеро остается таким же спокойным, как и раньше. Иногда солнце так греет, что становится и очень тепло. Но все как-то не доверяешь этому теплу. Словно за теплом и светом где-то притаился холодок и шепчет: „Это не лето, это только *межень*. Пройдет эта теплая пора, и здесь, на этом месте, будет лед и темная беспрерывная ночь“.

На озере всюду разбросаны большие и маленькие острова. Большие не так интересны: их не охватываешь глазом, и они кажутся берегом. Но маленькие своеобразно красивы. Особенно хороши они в летнюю, совершенно тихую погоду. Из водной глади тогда всюду вырастают кучки угрюмых елей. Они тесно жмутся друг к другу и будто что-то скрывают между собою. Напоминают они немного беклинский „Остров смерти“. Как известно, на знаменитой картине бросается в глаза сначала группа кипарисов, скрывающая загадку смерти, потустороннюю жизнь. Присмотр-

ревшись к картине, замечаешь, что между кипарисами продвигается лодка и кто-то в белом везет гроб, осыпанный розами...

Вот и тут так же что-то выдвигается белое. Что это? Семья лебедей. И вдруг над северным „островом смерти“ раздается дикий хохот: га, га, га!.. Это летит гагара, падает на воду и исчезает.

Между островами, особенно у низких травянистых берегов, непременно плавают утки всяких пород: алейки, овсянки, крѣх и другие; они смирные, непуганые и „в уме не держат“, что человек их может обеспокоить.

Не всегда можно добраться до острова на лодке. Он окружен подводными камнями — *лудами*. А с двух сторон, обыкновенно с северо-северо-запада и с юго-юго-востока от него спускаются в озеро каменистые стрелки — *корги*. От этого кажется, что остров лежит на выдающемся из воды каменном пьедестале. Камни, окружающие остров, объясняют, что он не что иное, как размытая сельга. В середине его, на неразмытой части, где хранились песок и галька, селились деревья, охватывая камни корнями, а размытые части образовали *корги*, то есть каменистые косы, и *луды* — подводные камни. Иногда вода совершенно размывала остров, и деревья не могли поселиться на голых камнях, — это мели, *сухие луды*. На лудах нересится рыба, на сухих лудах любят собираться большими стадами чайки.

Все эти птицы — утки всех пород и лебеди — почти не боятся человека. Их не стреляют. „Зачем, скажут, их бить, когда для пищи определена дичь, то есть лесная птица: рябчики, тетерева, мошники (глухари)“. Про хорошего человека здесь говорят: „Степенный человек, самостоятельный, Бога почитает и не то что лебедей, но и уток не трогает“. Вот почему лебеди не боятся человека, подплывают с детьми к деревьям. А утки так непременно селятся в болотах, ближайших к селениям. Когда мне про это рассказывал один старичок, то прибавил: „Стало быть, и ей (утке) это нужно, понимает она“.

Как-то раз мы плыли с этим старичком на лодке в узкой салме. Семья лебедей плыла впереди, стараясь улпнуть от нас и не желая оставлять маленьких детей. Старику показалось, что я хочу их стрелять; он в страхе схватил меня за руку и сказал:

— Что ты, что ты, Господь с тобой, это нельзя!

— Вот покойник Иван Кузьмич, — сказал другой гребец, — убил лебедя весной, а к осени и помер, через год жена померла, дети, дядя, весь род повымер.

— Эх, а что тоски-то в нем! Попробуй одну убить. Полетит кверху, будет на воду падать и пары себе уж больше никогда не подберет.

Я долго старался добиться, почему именно лебедя нельзя стрелять, но мне не могли этого объяснить. «Грех» — последняя причина в сознании местных людей.

Трудно понять, откуда взялось это поверье. Как известно, в наших сказках царевна обращается в лебедь, а в мифологии всех арийских народов лебедь привозит и отвозит божества. Но если это поверье связано с древнеславянской мифологией, то почему же в былинах часто „рушают» белую лебедь? Быть может, оно заимствовано от финнов? Или, быть может, связано с тем, что здесь, на Севере, староверы поддерживали законы Моисея, запрещающие употреблять в пищу лебедя? Как бы то ни было, но обычай прекрасен, и кажется, будто он непременно так и должен быть здесь, в этом краю непуганых птиц.

Вероятно, многие из необитаемых теперь выгозерских островов были когда-то заселены. Иногда увидишь врубленный в дерево восьмиконечный староверческий крест, иногда попадаются сложенные в кучи, очевидно рукой человека, камни. Местные люди здесь находят котелки, монеты, стрелы. Есть много поверий о зарытых кладках. Острова кажутся могилами.

И в самом деле, в этом краю, как и во всем Обонежье, происходили когда-то постоянные столкновения шведов, финнов и славян. Это было время непрерывных войн и опасностей. Вот почему, вероятно, стариннейшие селения здесь и до сих пор находятся на островах или в едва проходимой глуши. Большинство обонежских курганов, *сопок*, относится к этим старым временам. Но здесь, в Выговском краю, мало осталось об этом преданий. „На веках жили», и больше ничего. А чьи эти котелки, монеты, стрелы, могилы? Кто зарыл в землю клады, о которых с такой уверенностью говорят старые люди?

Я помню, как однажды я поехал на лодке посмотреть Воицкие водопады. Говорят, что шум этих падунов бывает слышен еще в Дуброве, в десяти верстах от них. Но попутный

ветерок уносил звук в другую сторону, и я ничего не слышал, даже когда мы приехали в Надвоицы — селение на Выгу, почти у самых Воицких водопадов.

Те гребцы, которые привезли меня в Надвоицы и брались доставить к водопадам, говорили, что это опасно. Но тут, в Надвоицах, местные опытные люди сейчас же предложили свои услуги доставить меня на тот самый Еловый островок, возле которого падает вода. Гребцы взялись меня доставить на островок сверху, прямо над водопадами. Если бы я знал, как это опасно, то конечно уж предпочел бы ехать снизу, по обессилевшей уже воде падунов. Но этого я не знал и поехал.

Выг у селения Надвоицы еще не имеет вида обыкновенной горной, бурливой реки. Однако все-таки вода довольно сильно стремится куда-то, всюду всплескивает о камни, беспокоится, всюду виднеются *вьюны*, лодкой нужно только управлять. Впереди, посредине реки, виднеется куча елей, с виду как раз такой же островок, как на Выг-озере.

По мере приближения к этому острову, хотя и не видно падунов, начинаешь понимать всю страшную опасность такой поездки. Становится очевидным, что вода низвергается возле самого островка по обеим его сторонам, а между водопадами только каменный мысок, к которому нужно обязательно пристать лодке, иначе она полетит вниз. Хотелось бы повернуть назад. Но уже поздно, у гребцов рассчитаны все движения; теперь и говорить неудобно: малейшая ошибка — и конец всему. Один правит, а другой держит наготове жердь, чтобы удержать лодку, когда она пристанет. Торопливо, с замирающим сердцем выскочил я на остров. А гребцы сказали, что приедут через час снизу, где они будут *поездовать*, то есть ловить рыбу сетью в клокочущей воде. Я остался один на каменной глыбе между елями, окруженный бушующей водой.

...Гул, хаос! Трудно сосредоточиться, невысказанно отдать себе отчет, что же я вижу? Но тянет и тянет смотреть, словно эта масса сцепленных частиц хочет захватить и увлечь с собой в бездну, испытать вместе все, что там случится.

С Елового островка видны только два водопада: средний, самый большой и величественно-спокойный, падающий отвесно, и правый, если стать лицом к Выг-озеру, — бурливый, беспокойный, брызжущий; он называется Боковой. Третий водопад нужно смотреть с берега; его не видно с Елового островка за другим голым каменным островком, сзади

которого он и падает. Он называется Мельничный. По этому водопаду спускается лес при сплаве его в Сороку, потому что он значительно меньше, чем другие. Вода от всех трех водопадов собирается в небольшой котловине сзади Елового островка, который отсюда уже представляет довольно высокую скалу. В этой котловине разделенные натрое воды Выга встречаются и, словно радуясь встрече, бурлят, кипят, прыгают, вертятся, прижимаются к левому высокому скалистому берегу и уносятся, разливаясь вскоре широким Надвоицким озером.

В бурливой котловине, где встречаются воды, живописно разбросаны громадные валуны; кое-где на них сидят мальчики, улят рыбу. Тут же, на этой бурливой воде, поезжают с сеткой в руке ловцы, ловят хариусов и форель. А на верху высокой скалы, на сосне, ждет свою добычу всегда ненасытная скопа.

В Боковом падуне, хотя и чрезвычайно бурном, есть место, где вода падает по уступам, — вероятно, с высоты не более одной-полтора саженьей; вот в этом-то месте и проходит беломорская семга в Выг-озеро. По словам местных рыбаков, семга, ударяя хвостом о воду, может прыгнуть до двух аршин над водой. Стремление этой рыбы пробраться в реку к местам нерестования так велико, что она решается перескочить и падун. Прыгая с уступа на уступ по *щелям*, как называются на Севере скалы, она попадает, наконец, в Выг и Выг-озеро. Иногда она, не рассчитав расстояния, выпрыгивает на сухую скалу и тут же немедленно расклеивается скопой. Один местный попик, разведав ход семги, приспособил как-то у падуна ящик, так что в него попадала вся семга. Однако выгозерские рыбаки скоро потребовали от него, чтобы он убрал свой ящик.

Перебраться с Елового островка на берег не совсем безопасно и снизу; поэтому приходится переезжать через ослабленную, но все еще быструю струю Бокового падуна. Маленькая долбленая лодочка, *карбасик*, ставится кормщиком приблизительно под углом 45° к струе. Вода, ударяя в нос карбаса, старается перевернуть его, но вместе с тем и относит на другую сторону. Ловкий удар веслом вовремя окончательно переносит карбас из бурлящей воды в тихое место, к берегу.

За рекой Выгом находится довольно высокая скала из хлористого сланца, она называется Летегорой; за ней следует моховое болото, дальше — снова гора, но уже из талько-

вого сланца, и потом возвышается над всею местностью прилегающая к северному углу Выг-озера и Северному Выгу Серебряная гора.

Мне рассказывали, что где-то в пещерах этой горы течет струя чистого серебра, что место это знала одна старуха, но умерла, и теперь уже никто не может его найти.

Как ни фантастично это предание, но оно имеет основание; и по геологическому строению местности, и по тому, что недавно в окрестностях Сег-озера уже найдены залежи серебряной руды, можно думать, что здесь она есть.

Местные жители убеждены, что где-то здесь есть серебро. Рассказывают, будто даниловские скитники добывали руду, делали из нее рубли, и эти рубли ходили по всему Северу несколько дешевле правительственных.

Жилы же с медной рудой и затем золотом были открыты здесь еще в 1732 году одним крестьянином из деревни Надвоицы. На полуострове, образуемом с одной стороны заливом Выг-озера, с другой — Выгом, был основан Воицкий рудник в 1742 году. Сначала в нем добывалась только медь, но с 1745 года стали добывать и золото. Кроме этих металлов, в рудоносной жиле находилась в большом количестве и железная руда. Но рудник потом был заброшен... Вообще все исследователи говорят о громадном запасе руд в нашем Северном краю и сулят блестящую будущность.

Кому же жить в этом мрачном краю леса, воды и камня, среди угрюмых елей и мертвых богатств золота и серебра?

Казалось бы, что тихие, молчаливые, невзрачные финны более других народов могли бы примириться с этой жестокой средой, приютиться где-нибудь между озерами, скалами, лесами и медленно, упорно, молчаливо приспособлять себя к природе и природу к себе.

Но финну жить здесь не пришлось, его место заняли славяне. Эти оказались слабы, неприспособленны; они и до сих пор прозябают здесь, из поколения в поколение передают грустные воспоминания о своей когда-то жизнерадостной, разудалой жизни. Теперь они поют о соловьях, которых здесь никогда не видали, поют о зеленых дубравушках, окруженные соснами и елями, поют о широких чистых полях.

Нет, всякое обычное существование не удовлетворило бы этот край. Он не загорелся бы всею полнотою своей могучей внутренней силы. Однако было же время, когда край встретился с равным, могучим и гордым противником — рас-

кольниками. Восьмиконечный врубленный в дерево крест, полузаросшие мохом кладбища, полуразрушенные часовенки, предания о местах самосожжения — вот все, что осталось от этого времени борьбы и жизни в этом краю.

Ловцы

«Рыбу ловят в Выговском краю все, и почти всякое селение расположено там возле озера или речки. Но настоящие ловцы — это выгозерцы. Рыбная ловля — их главное, основное занятие. Карельский остров в этом отношении самое типичное место. Беднота тут страшная. Вид угнетающий. На этом острове даже леса нет, — только вода да камень; у каменистого берега виднеется десятка два лодок, сушатся сети на козлах, и между ними копошится человек в лохмотьях; прибавить сюда группу почерневших от дождя и ветра изб, изгородей, кучку елей, скрывающих часовню, — вот и вся картина. Невольно приходит в голову: неужели и тут имущественное неравенство, зависть, злоба, самолюбие... Для уяснения себе этого местные люди рекомендуют... пересчитать бани. Если бань немного, значит, живут ладно, если много, то плохо: друг к другу не ходят в баню. Замечают также, что чем селение меньше, тем бань больше; там, где живут двое или трое, то уж непременно у каждого своя баня.

В этом суровом климате люди любят расселяться поодиночке, выискивая новые и лучшие места. Выселится куда-нибудь к лесному озерку и живет себе со своим семейством среди простора леса, воды и камня, в неустанном труде. Впрочем, связь с деревней не разрывается; там его родственники и вообще все ближние. Он даже не считает, что отделился от деревни; его починок называется тем же самым именем. Он устроился, обжился. Мало-помалу возле его дома появился другой, третий, возникла деревенька с тем же названием. Вот, например, деревня Кайбасово, а если поискать в лесу хорошенько, то, наверно, найдется еще Кайбасово: это уже будет починок, один дом. Так расселяются на Севере, и потому так часто встречаются деревни в два-три дома. Однако между всеми этими деревнями на Выг-озере крепкая связь. Поселившись на Карельском острове, я чувствовал себя, будто живу в одной деревне, раскинувшейся на громадном пространстве между Повенцом и Поморьем. Не говоря уже о том, что из разговоров можно узнать на Карельском острове всю подноготную; к празднику в Пет-

ров день тут собирались и из Телекиной, и из Данилова, и даже из „залесной заглушной сторонушки“ Пул-озера и Хиж-озера. Северяне выработали себе мудрое правило: в будни подальше от людей, в праздник поближе к ним. И, конечно, те люди, которые живут в одиночку, сильнее других, собранных в поселке: в одиночку нельзя прожить без труда, а в деревне между людьми всегда можно как-нибудь перебиться с хлеба на квас.

И на Карельском острове есть и богатые и бедные люди: об этом можно заключить уже по внешнему виду изб. Общего между этими избами только их бросающаяся в глаза оригинальная северная архитектура. Под одной кровлей здесь укрыты и жилище человека, и все хозяйственные дворы. Но прежде всего бросается в глаза, что даже самая маленькая изба построена в два яруса, причем в нижнем ярусе не живут, а он служит только для тепла, для хранения хозяйственных вещей. Останавливает внимание также мостовой деревянный въезд (в телегах) на верхний ярус, к той части, где помещается верхний деревянный двор. Тут, на этом дворе, хранятся хлеб, сено, солома, а внизу помещается скот.

Но богатые люди здесь отделяются от бедных не каменной стеной, как в городах. Богатство заключается, главным образом в хорошей, правильно организованной семье; потом — лишняя лошадь, корова, лодка и сеть. Вот и все различие в имуществе. Из тридцати дворов Карельского острова в трех дворах по две коровы, в пяти — совсем нет, в остальных — по одной. У шестнадцати хозяев совсем нет лошадей. Во всей деревне только тридцать неводов, которыми пользуются по два двора. Без коровы еще можно жить, можно жить и без лошади, но когда нет лодки, то остается идти «по проклятому казачеству», то есть наняться в работники к тем, кто нуждается в рабочих руках. Впрочем, казачество называется «проклятым» только ввиду идеала правильной и счастливой семейной жизни, а не потому, что бедняк зол на богатого. Богатство все на виду в деревне, и бедняк жалуется только на свою судьбу; эти бедняки — большей частью маломожные вдовы-горюши, которые не в состоянии иметь лодок для осеннего лова, которым не хватает мужских рук.

От трудов не разбогатеешь в этих краях. Труд непрерывный, тяжелый, круглый год без отдыху, одинаковый и весной, и осенью, и зимой, и летом.

Ранней весной молодая, самая сильная часть населения отправляется на сплав лесов, „уходит в бурлаки“, как здесь

говорят. Впрочем, среди бурлаков попадаются и мальчики и старики: „Ходим в бурлаки, — скажут здесь, — с малых лет и до дикой старости“.

Бурлачество здесь — словно всеобщая повинность. Население проклинает эти каторжные и опасные работы, но жить без них не может. Вербовка бурлаков начинается приблизительно с крещения, в то время, когда крестьянин уже наверное съел не только собранный им хлеб, но и тот, который ему дал местный лавочник под будущий лов рыбы: *мережный* весенний, осенний неводной и *под рябы*, то есть под рябчиков, тетеревов и прочую дичь.

Лес, сплавом которого заняты бурлаки по рекам и озерам, направляется к Белому морю, к Сорочкой губе. Там он распиливается на доски и отправляется в Англию. Само собой понятно, что для этого выбираются только самые лучшие деревья; но даже и они не сплавляются целиком: от них отрезается ровная часть, а верхушка в две-три сажени бросается в лесу и гниет. Гниет также и пропадает даром весь сухостойный или поваленный ветром лес. В то время как где-нибудь в черноземной полосе чуть не из-за сучка помещик судится с мужиками, здесь бесчисленное количество леса пропадает даром. Лес до сих пор здесь, как вода и воздух, еще ничего не стоит. Много было проектов, много раз обсуждался вопрос о соединении каналом этой местности с Онежским озером и, следовательно, с Петербургом. Но от всех этих начинаний осталось лишь возле деревни Масельги два камня с надписью: „Онежско-Беломорский канал“. Теперь лес отправляется пока в Англию. Зимой его *заготавливают*, то есть рубят и свозят к берегам рек и озер. Весной же его поднимает вода, а не захваченный разливом *окапывают* бурлаки и *провозжают*. На речке лес движется россыпью, а на озерах его собирают в *кошели*; для этого множество деревьев связывается вересковыми прутьями, так что из них образуется как бы длинный прочный деревянный канал; этим канатом охватывается весь собранный бурлаками лес на озере; вся масса деревьев бывает заключена таким образом как бы в кошель. Такой кошель подвигается вперед посредством *головки*, как называется плавучий ворот на якорь. Воротом подтягивается кошель, а потом снимают якорь, передвигают веслами головку вперед, снова подтягивают кошель и так далее. *Хвост*, то есть кошель с головкой, движется по Выгозеру вплоть до Воицких падунов. Здесь кошель разбивается, потому, что каждое бревно должно свалиться в *падь*,

претерпеть отдельно свою собственную участь. Бывает, что громадное, семивершковое дерево, свалившись в падь, *ульнет* там и затем со страшной силой выскакивает из воды; если при этом оно ударяет о скалу, то, случается, разбивается вдребезги или *мочалится* на четверть, на две. Пролетев через падун, деревья собираются в Надвоицком озере и затем движутся россыпью по бурной, порожистой реке Выг.

Бурлацкая работа — чуть ли не самая тяжелая из всех существующих работ, вместе с тем она и очень опасная.

В то время как бурлаки работают на сплаве лесов, другие обитатели Карельского острова готовятся к мережному лову. Пока лед еще не разошелся, мережи нужно пересмотреть и починить. Мережи — это те же верши, но только они сделаны не из прутьев, а из сетки, натянутой на деревянные обручи. Весенний лов происходит у болотистого берега, и потому перед мережным ловом все болото делится на равные части. Как только сбежит снег, посинеет лед на озере и станет отставать от берега, тут-то и ставят мережи у болотистого берега одну возле другой, стенкой. В это время щука нерестует, стремится к берегу, чтобы оставить там икру. Но на пути она встречает мережу и с удовольствием входит в ее *язык*, потому что в узком проходе удобно освободиться от икры; рыбе так хочется избавиться от нее, что она не боится и даже очень узкого прохода, лишь бы можно было пройти.

Весеннее солнце сильно прогревает воду. На солнцепеке рыба быстро наполняет мережу и даже может разорвать ее, если вовремя не осмотреть. Вот почему ловцы не допускают, чтобы в мережу набралось более десяти — пятнадцати штук; они спешат „сбавлять мережу“, то есть развязать ее носок и выбрать рыбу. Тут иногда попадает громадная щука, и случается, что в спине ее бывают когти и даже лапы скопы. Очевидно, хищная птица, не соразмерив своих сил, впустила когти в громадную рыбу и была увлечена в воду. Вместе со щукой попадают иногда язь, окунь, плотица, лещ и *мень* (налим). У хорошего хозяина таких мереж штук сто, и в весну он может наловить щук рублей на семьдесят; но у большинства их не больше сорока. Пойманную рыбу тут же и чистят. Садятся старые, матерые люди и женки где-нибудь на угреве и пластуют щук. Вычищенную рыбу солят и складывают в кадки. Заедет „богач“, как здесь называют всякого торговца, и скупит всю эту *вешную* рыбу, а если не

заедет, то ее высушат на солнце и продадут после. Олончанин — большой любитель этой сушеной рыбы.

Весна идет. Время бы и выгонять скотину в поле, но куда же выгонять ее на Карельском острове, где только камень да болота? Очевидно, ее нужно перевезти на другие острова, с более плодородной землей. Такой хороший остров верст в десять длиной находится всего в двух верстах от Карельского острова. И вот, в то время как в обыкновенных условиях выгоняют скотину в поле, на Выг-озере плывут лодки с коровами, лошадьми, овцами. В каждую лодку может поместиться только одна скотина, да и то необходимо особое приспособление, *козел*, бревно с перекладиной в виде буквы Т, чтобы лодка не опрокинулась. Козел кладется перекладиной в воду, а другая часть его опирается на борт лодки.

Обитатели Карельского острова — народ бедный; они не в состоянии даже иметь пастуха, а может быть, и просто непривычны к этому. Скотину пускают одну на „Божий простор, на Божье произволение“. Бродит скотина в лесу, как дикие животные, и только звон колокольчиков, такой странный в молчаливом северном лесу, говорит о связи этих животных с людьми. Впрочем, ни коровы, ни лошади за лето не отвыкают от людей, а овцы даже скучают и когда увидят проезжающую лодку на озере, собираются на берег кучкой у самой воды и жалобно блеют. Только телята к осени становятся совсем дикими и доставляют много хлопот хозяевам осенью. Их загоняют в топкое болото и там ловят, если нет близко болота, устраивают загон.

Когда скотина перевезена на остров, то женщинам приходится каждый день ездить туда доить коров. Рано утром они садятся в лодки, почти всегда с ребяташками, и уезжают. Пристают к берегу. Тучи комаров, мошек и оводов носятся в лесу. Спасаясь от них, скотина вся, до головы, входит в воду и там ожидает подъезжающих женщин. Коров выгоняют на берег, разводят костер и ставят животных выменем к дыму. Кроме того, по обеим сторонам становятся дети с ветками и отгоняют комаров. Происходит доение. Подоив коров, женщины непременно прислушиваются, не слышать ли колоколов, не случилось ли что с лошадьми. Если колокольчики не звенят, то женщины пойдут непременно в лес искать лошадей. Мало ли что может случиться!

В это время мальчики едут на лодке удить рыбу для ухи. У знакомой луды почти всегда играют *парвы* (стайки) окуней. Мальчики спускают в воду заранее приготовленный ка-

мень на веревке, „якорь“, и ждут, пока лодка „обставится“, затем наживляют червяка и спускают крючки на лесках в воду без поплавков, без удилещ. Все это здесь лишнее; окуней очень много, и без поплавок слышно, как „тыркает“ рыба. Шшш... — зашумит стайка окуней у луды и „затыркает“. Теперь успевай только выхватывать да насаживать червя, овода или даже окуневый глаз на крючок. Мальчики поглощены работой, не замечают, как красиво глядятся угрюмые острова в спокойное озеро, как выскакивает из воды и сверкает на солнце серебристая семга.

Но вот подул ветерок, рыба ушла в глубину, коровы выдосны, лошади найдены. Едут домой, но по дороге непременно нужно осмотреть сиговые сети. Издали можно узнать, где поставлены эти сети. Там торчат темные колышки из воды, выются чайки, хохочут гагары. Эти птицы часто „обижают“ ловцов, ныряют в воду и клюют запутавшуюся в тонкой и редкой сиговой сети рыбу. Бывает так, что гагара и сама платится за свое хищничество жизнью, запутывается в сети. Она годится ловцам: у нее шкурка *шадровитая*, прочная; из нее, если снять шкуру и обделать, выйдут прекрасные теплые туфли.

Одна женщина гребет, и лодка движется вдоль сети, другая быстро собирает сеть в лодку, время от времени вынимая запутавшегося сига, окуня, плотичку и выбрасывая расклеванную или уснувшую рыбу. Сетку так и оставляют в лодке: ее нужно высушить дома, повесив на ветерок на *козлах* у берега. Если же ее не просушить, то она *заглееет*, покроется слизью, и рыба не будет в нее попадать.

Иногда вместе с женщинами на лодке приезжает домой и *конь*. Это бывает в том случае, если перед поездкой они заметят, что пар *затравел*, что его нужно вспахать. Дома пахнут, солят рыбу, продергивают заросшую репу. Так проходит время до полдня. К этому времени старуха изготавливает кашу, рыбники и уху. Едят больше окушков или ряпушку; сигов есть нельзя, они стоят дорого, шесть копеек фунт, и годятся «для богача». Поедят, отдохнут — снова за работу. Рабочий день велик, он состоит из трех *упряжек*: утренней — до восьми часов, средней — до полдня и вечерней — до заката солнца, когда садятся поужинать. Вот так и живут и трудятся от „выти до выти“ (от еды до еды) <...>

Сенокос на Севере — совсем не то, что в южных, счастливых местах. Луга такие жалкие, что сначала не веришь глазам: неужели эта низенькая трава, не более четверти ар-

шина высотой, стоит трудов? Но оказывается, что как раз эта-то жалкая трава и есть самая хорошая „земная трава“. Она состоит не из кислых осок, а из сладких злаков, которые охотно ест скот. Но бывает, что в „водливые годы“, то есть когда сильно разливается озеро и этой травы не бывает, родится одна *кортяха*, то есть хвощ. Эту кортяху скот уже ни в каком случае без муки есть не станет, а мука — продукт дорогой, большею частью привозной. По подсчету местной земской управы, население Повенецкого уезда употребляет треть всей имеющейся в его распоряжении муки на корм скоту. Отсюда можно представить, какова эта трава, к которой нужно прибавлять столько муки, чтобы сделать ее съедобной! „Водливые годы“, которые так ухудшают пожни, происходят от переполнения Выг-озера, которое не успевает переливаться через падуны в реку Выг.

Эти жалкие пожни находятся иногда очень далеко от деревни. Так, с Карельского острова ездят верст за двадцать и работают там, не возвращаясь домой, целую неделю. В это время в деревнях остаются только старый и малый, а все, кто может работать, переселяются на пожни. Там, на месте сенокоса, устроены маленькие избушки, „фатерки“; в них обыкновенно и спасаются ночью от комаров усталые работники. Комары и мошки — страшные враги косцов; их так много, что, не будь у косцов *комарников*, прикрывающих лицо, было бы невозможно выдержать пытку. „Хоть вопи“, — говорят косцы.

Косят все: мужчины и женщины; вернее, не косят, а рубят траву. Косец ударяет *горбушей*, то есть большим серпом, от правого плеча к левому и сейчас же от левого к правому, все время согнувшись, обвязав голову платком от комаров. Какой изящной и легкой забавой кажется после этого южная косьба, при которой в ритм машут руками. Здесь этот ритм, так облегчающий работу, невозможен: из травы то и дело виднеются камни, то и дело приходится прерывать работу. А тут еще комары и мошки. Какие бесчисленные легионы их носятся в воздухе, можно понять, лишь когда из леса вырвется на полянку тонкий солнечный луч и их осветит.

Косят обыкновенно утром, а когда солнце подсушит росу, то начинают складывать в *зароды* то сено, которое уже подсохло. Для этого выбирают местечко посуше, вырубают в лесу высокие жерди, *стожары*, и втыкают их в землю в одну линию, одну возле другой, на расстоянии нескольких ша-

гов. Две женщины приносят сено на жердях, а мужчина накладывает его аккуратно между стожарами высоко вверх. Уложенное так сено составляет первую *заколину*. Если сено сыро, то с обеих сторон его подпирают, а по мере того как оно высыхает, ниже и ниже опускают подпорки. За первой заколиной набивается вторая, третья и так далее, на сколько хватит сена. Своего сена достается всего лишь по три воза, а за сено в казенном лесу приходится платить по пятьдесят копеек с воза. В таких зародах сено остается здесь и на зиму.

Утомленные косцы устраиваются под вечер на ночлег. Чтобы избавиться от комаров, в избушке покурят *паккулой* (гнилушкой), а те, кто спит на сене, устраивают полога из паруса. Но избавиться от комаров невозможно.

Выкосили „земное“ сено. Теперь можно приняться за болотное. Болота находятся у самого острова, и потому можно переселиться домой.

Начали рубить горбушами болотную траву, стоя по колени в воде. Болото колышется под ногами, кругом летят и кричат утки, пищат утенята, вьются чайки, гагары, а женщины с подтянутыми юбками, в высоких сапогах целый день стоят в воде и рубят траву. Зрелище удивительное для северянина. Но следующие за сенокосом работы уже не представляют ничего особенного. Рожь и жито косят теми же горбушами и сушатся на особых „хлебных зародах“, то есть высоких, в несколько саженей, лестницах. Хлеб возят с полей на Карельском острове в санях, потому что иметь исключительно для этого телегу — не стоит. Высушенный хлеб молотят *привузами* (цепами) в *ригачах* (ригах).

Для обитателя Карельского острова необыкновенно важно вовремя убрать хлеб. Это важно потому, чтобы морозы не прихватили его в поле, но главное же потому, чтобы уборка хлеба не задержала осеннего лова рыбы. Для ловцов это время самое серьезное, самое важное. Настоящий лов рыбы бывает только осенью, и если хлеб вовремя не созрел, то лучше уж нанять работницу, „казачку“.

Осенний невод велик и дорог. Только очень большому семейству под силу иметь его. На Карельском острове всего одно семейство самостоятельно справляется с неводом, все же другие складываются по два двора на каждый невод. Выгозерский осенний невод имеет в каждом крыле по семьдесят — восемьдесят саженей, при этом к нему еще нужно саженей полтора-два веревков. Самая важная часть в неводе — *матица*, куда собирается пойманная рыба. От матицы кры-

ло начинается *котколуксой* саженой в пять, за ней *частые* сети и *плутивные*, те и другие вдвое длиннее ринды.

Лов начинается с 15 августа и продолжается до 1 октября. Перед ловом берег Карельского острова делится на равные части, по числу неводов. Возле такой части берега одним неводом можно ловить только в течение дня, следующий день на этом месте ловят другие, а первые ловят на другом месте, следующем по порядку, и т. д.

Для осеннего лова необходимо иметь две лодки. Сначала, заехав в озеро, спускают матицу и сейчас же разъезжаются в стороны: одна лодка тянет правое крыло, другая — левое. Когда распустят все сети, то поворачивают к берегу и тянут тою саженой на полтораста. Лодки, которые на озере плывут на некотором расстоянии друг от друга, у самого берега съезжаются в одно место. Веревки тянут *шпилями*, то есть воротами, установленными на каждой лодке. Сначала на воде виднеются только *кибаксы*, то есть поплавки, а потом показываются и крылья; как только они покажутся, ловцы бросают шпили и тянут руками, взявшись по двое за крыло. Когда показываются частые сети, кто-нибудь берет *торболо*, то есть жердь с деревянным кружком на концах, и начинает им *буткать* воду, чтобы рыба бежала в матицу. Под конец развязывают матицу и рыбу вытрясают в лодку.

Осенью ловятся, главным образом, сиг и ряпушка. Вся эта пойманная рыба обыкновенно тут же и скупается „богачами“, но те, кто в состоянии, берегут ее до крещения и везут на знаменитую ярмарку в Шуньге на озеро Онего. До самого последнего времени эта ярмарка играла такую же роль в Олонецкой губернии и Поморье, как Нижегородская ярмарка на востоке Европейской России. Охотники и рыболовы привозят сюда шкуры и рыбу, запасаются мукою, покупают себе кожу, гужи, растительное масло, пеньку, лен, мелочи и обнови для семейства. „Богачи“, или „обдиралы“, перепродают свой товар оптовым торговцам, а эти — торговцам Петербурга и других городов. Словом, Шуньга и до сих пор играет огромную роль в торговле Севера. В народных песнях и сказках Шуньга постоянно упоминается.

В то время как происходит осенний лов, некоторые идут в лес на охоту, стрелять рябчиков, тетеревов и мошников. Но на Карельском острове плохие *полесники* (охотники) и предпочитают, когда озеро замерзнет, ловить рыбу по льду.

Для этого прежде всего *выпешивается*, то есть прорубается *пешней* — орудием, похожим на лом, *большой ердан* (прорубь), в него опускается невод. Направо и налево от ердана, по направлению тони, выпешивают отверстия, саженой на десять друг от друга. С помощью этих отверстий, длинной жерди и ворота невод и тянут к берегу, где тоже приготавливают большой ердан.

Так ловят до декабря. С этого времени и до весны, до бурлацкой работы, производится вывозка леса к местам сплава. Лес, определенный для рубки и вывозки, иногда находится очень далеко. И вот местному труженику снова приходится покидать свою семью. Редко кто, разве самый бедный, возьмет с собою жену. Мало может оказать пользы женка на этой трудной, чисто мужской работе; побарахтается-побарахтается в снегу, а тут еще муж с досады толканет... Лучше от греха не брать с собой, лучше пусть они продолжают ловить по льду рыбу.

Мужчины же рубят, шкурят и возят лес всю зиму. Живут они в таких же точно лесных избушках, „фатерках“, в которых живут полесники, косцы, скрытники, пустынники — вообще все, кому временно приходится жить в лесу. Зимой на севере день короткий: поработали, померзли — и в избушку, отогреться. Потом улягутся рядом и ждут, когда сам собой придет сон. Что делать в избушке в такие длинные вечера? Кажется, помереть бы со скуки. Но тут выручает сказочник Мануйло. При свете лучины он в этой лесной избушке рассказывает всем этим дремлющим на полу людям про какого-то царя, с которым народ живет так просто, будто бы это и не царь, а лишь счастливый, имеющий власть мужик. Этому царю мужики носят рябчиков, загадывают загадки, а царь ловко отгадывает, дает советы...

Все молча слушают сказки про царя, иногда смеются — и засыпают.

А Мануйло все рассказывает и рассказывает, пока не убедится, что все до одного человека спят. Для этого он окликает время от времени:

— Спите, крещенные?

И если хоть один откликнется, он поправит лучину и продолжает свою сказку про мужицкого царя.

Весной снова одни уходят в бурлаки, другие берутся за мережи, за соху. И так — круглый год непрерывно трудится северянин, добывая себе пропитание в борьбе с суровой природой».

Певец былин

«Старики говорят: „В наше время люди были лучше и крепче, в старину жилось хорошо“. Молодому не убедить стариков, они упрямы. Но если бы даже и удалось убедить и замолчать отцов, то заговорили бы деды, прадеды, заговорили бы давно вымершие народы и седые века. Золотой век был и был...»

Когда-то в русской земле жили „славные, могучие богатыри“. Правда это или нет, но только старинный русский народ на Севере поет о них *старины*, верит, что они были, и передает свою веру из поколения в поколение.

Эти стихи о былых временах такие длинные, так не похожи на современные, что усвоить их может только здоровая память неграмотного человека, не загроможденная часто ненужными, лишними, случайными фактами современной жизни. А значит, и *сказители* былин должны обладать чем-то таким, что приближает и их самих к прекрасным былинным временам золотого века.

Стало быть, эта поэзия связана с каким-то строем жизни, в котором она обяывает певца, под угрозой исчезновения, жить именно так-то. Строгие староверческие традиции, плетение неводов в долгие северные вечера при свете лучины, большая семья — вот среда, в которой вырабатывается певец былин.

Но все это рассуждение книжно и гадательно. Когда я ехал в Выговский край, я решил непременно отыскать такого сказителя и посмотреть на его жизнь по-своему, увериться собственными глазами.

Еще далеко не доезжая до Выговского края, мне удалось услышать об этих сказителях как раз то, что совпадало с моими предположениями <...>

Иван Трофимович Рябинин — сын того самого знаменитого Рябинина, у которого Гильфердинг записывал былины. Судя по рассказам старика, Гильфердинг встретился с ним случайно, где-то у часовни, во время рыбной ловли.

Не знаю, отвлекли ли меня другие наблюдения, или сказители теперь уже стали переводиться, но только на Выгозере я долго не мог найти хорошего певца былин. Наконец я встретился с ним, обжился в его доме, долго не подозревая, что это-то именно и есть сказитель <...>

Отчасти по случаю воскресенья, отчасти потому, что гость был в доме, женщины старательно приготавливали все для бе-

сёды. Стол покрыли белой скатертью, старуха хлопотала с кофеем, который здесь получается контрабандой из Финляндии и очень пришелся по вкусу, молодуха завертывала в тесто рыбу, приготовляя рыбники. Из сыновей тут был только младший, бойкий парень лет двадцати, любимец старика, блондин с открытым славянским лицом; старший „отлеживался“; остальные были в бурлаках. Кроме того, тут же на лавке сидел бородатый глубокомысленный зять, очевидно, гость. Разобраться в женщинах и детях не было никакой возможности, — казалось, что их было великое множество.

Стали угощать кофеем, старик пил горячую воду. Началась беседа, немножко натянутая, как бы официальная, о жизни вообще. Говорил один старик, старуха вставляла замечания, а зять подавал глубокомысленные реплики: „Верно, верно“. Остальные молчали.

Жизнь, о которой говорил старик, была, конечно, здешняя, выговская. В этой семье, в большой семье на острове происходила такая же драма, как и везде: старое боролось с молодым, новым. Старое пришло сюда, на Выг-озеро, с Верхнего Выга, из погубленного Данилова монастыря. Новое — с Нижнего Выга, где сосредоточивались бурлацкие работы по сплаву лесов. Поэтому старик осуждал бурлачество и вместе с ним новую жизнь.

— Дома, — говорил он мне, — крепче спишь, да скорее пообедасшь. А бурлаки уйдут, домашникам и есть нечего.... Там вольно, — во-первых, заботы нет: хлеб хоть не родись, домашники хоть не живи. Сперва охотой стали отбиваться от земли — деньги давали, а потом и неволей. Вот придут домой голодные, изморенные, а денег не принесут. Деньги еще *лонись* (прошлый год) черту отдали. Много ли в полях хлеба родится! Бери, откуда знаешь. Вот он и пойдет к десятнику, кланяется, продает себя на весну, а потом еще к богачу поклонится: дай муки, дай крупы. Сначала заберет под рыбу, потом под рябы — и дойдет до того, что душу продаст, праздники десятнику продаст.

— Эх, в старину-то было! На земле — как на матери жили. Тогда по двадцать пудов ржи в нивьях сияли. В нивьях не родится, на полях родится. Семейства душ по двадцать были, хорошо жили!

И какова же эта мать-земля, о которой так любовно говорил старик? С каким презрением отвернулся бы от нее наш крестьянин земледельческой полосы! Не мать, сказал бы он, эта земля, а мачеха.

Особенно поразила меня пашня на Карельском острове. Весь этот небольшой остров разделяется на две половины: одна низменная, топкое болото, другая повыше — сельга, сплошной каменный слой.

— Да как же вы пашете? — невольно спросишь, когда увидишь этот слой камней.

— Не пашем, а перешевеливаем камень, — ответят вам.

Такую землю за лето непременно нужно перешевелить раз пять, иначе ничего не родится. При этом бывает еще нужно постоянно стаскивать большие, выпаханные из земли камни в кучи, называемые *ровницами*. Скоро эти ровницы обрастают травой, и на полях, состоящих из белого слоя мелких камней, резко выделяются зеленые холмики. Это так характерно, что крестьяне часто говорят, например, так: „У меня поле в девять ровниц“. Убрать мелкий камень в ровницы нельзя, потому что нагретый днем камень предохраняет посев от зябели, а в засуху препятствует испарению воды. Так, по крайней мере, думают крестьяне. Не успеешь вспахать такую землю, как она снова в этом сыром климате зарастает травой, потому-то и приходится ее так часто пахать.

Но, кажется, это слово „поле“ означает несколько не то, что в земледельческом районе. Это поле находится возле самой деревни, очень маленькое, как огород, и обнесено изгородью, огородой. Казалось бы, место это как раз пригодно для огородов, но здесь их нет: капуста не растет, не растет лук, даже картофель родится плохо, часто гниет. Местные люди не знают яблок, не имеют понятия о пчеле, никогда не слышали соловья, перепела, не собирали клубники, земляники. Почти обо всем этом они уверенно и любовно поют, но в обыденном языке этих слов не услышишь. Раз я заговорил о пчеле — меня не понимали, а когда я нарисовал, то сказали, что это *медовик*, то есть шмель <...>

А старик, этот большой матерый дед, целыми днями плетет свою сеть у окна, прицепив ее за крючок в углу. Когда он плетет сеть, он молчит и о чем-то думает. Наверно, вспоминает о своей жизни или перерабатывает по-своему новые, занесенные на этот остров бурлаками взгляды на жизнь.

Раз я попросил его рассказать о себе, как он женился, как вообще устроивался в этой глуши. Старик взволновался и с радостью мне рассказал <...>

И чем глубже и глубже погружался старик в прошлые времена, тем они ему становились милее и милее. Отцы, деды, даниловские подвижники, соловецкие мученики, свя-

тые старцы, а в самой седой глубине веков жили славные могучие богатыри.

— Какие же это богатыри? — спрашиваю я.

— А вот послушай, я тебе про них старинку спою, — отвечал старик <...>

Старик долго пел и все-таки не окончил былины <...>

Старик удивился и сейчас же быстро и горячо заговорил:

— Все, что я тебе в этой старинке пел, правда истинная до последнего слова.

А потом, подумав немного, добавил:

— Да знаешь что, — они, богатыри-то, может быть, и теперь есть, а только не показываются. Жизнь не такая. Разве теперь можно богатырю показаться!

Вот тут-то я и понял, почему стихи, которые казались такими скучными в гимназии, здесь целиком захватывали внимание. Старик верил в то, что пел» [98].

Глава VIII

Воспоминания о прародине

Если сегодня черная кошка перебежит нам дорогу и мы повернем назад (ох, уж эти суеверия!), вспомним ли мы в этот момент о древних вавилонянах? Вспоминаем ли мы об этом народе, когда бросаем взгляд на циферблат наших часов, имеющих двенадцать делений, или покупаем дюжину носовых платков? Но ведь мы как будто привыкли к десятичной системе счета? Помним ли мы о вавилонянах, когда говорим, что такой-то или такая-то родилась под счастливой звездой? А следовало бы вспомнить — ведь наше мышление, наше восприятие мира в известной степени сложилось в Вавилоне.

К. Керам.

Боги, гробницы, ученые

Славяне... «Слово это вобрало в себя просторы от Балтийского моря до Адриатики и от Эльбы до Волги. Именно поэтому в исторической литературе встречаются упоминания о самых различных славянских племенах — от южных до варяжских.

История славян причудлива и полна загадок. Верно ли, что во времена Великого переселения народов они появились в Европе из глубин Азии, Индии, с Иранского нагорья? Каков был их единый праязык, из которого, как из семечка

яблока, вырос и расцвел широкошумный сад наречий и говоров? Над этими вопросами ученые ломают головы уже не одно столетие. Их затруднения понятны: материальных свидетельств глубочайшей древности не сохранилось, как, впрочем, и изображений богов далеких пращуров. А. С. Кайсаров в 1804 г. в работе „Славянская и российская мифология“ писал, что в России потому не осталось следов языческих, дохристианских верований, что предки россиян весьма ревностно принялись за новую веру; они разбили, уничтожили все и не хотели, чтобы потомству их остались признаки заблуждения, которому они дотоле предавались.

Такой ревностью отличались новые христиане во всех странах, однако если в Греции или Италии время сберегло хотя бы малое количество дивных мраморных изваяний, то деревянная Русь стояла среди лесов, а, как известно, царь-огонь, разбушевавшись, не щадил ничего: ни людских жилищ, ни храмов, ни деревянных изображений богов, ни сведений о них, писанных славянскими рунами на деревянных дощечках. Вот так и случилось, что лишь негромкие отголоски донеслись до нас из далей языческих, когда жил, цвел, владычествовал причудливый мир славянской мифологии» [17].

Однако, если проанализировать эти «негромкие отголоски», можно обнаружить много удивительного и интересного.

Прежде всего язык славян относится к восточной ветви индоевропейской языковой семьи, а точнее, к индоиранской группе, и удивительно похож на санскрит.

«Приехал как-то в Москву индийский ученый. Лингвист. Знаток классического языка — санскрита. Очень древнего — его корни уходят в глубину тысячелетий. Но и в современных языках индоиранской группы, на которых говорит все население севера, запада и востока Индии, сохраняется 60—80 % слов, восходящих к санскриту.

И вот в одном из разговоров этот почтенный ученый буквально огородил нас следующим заявлением:

— Знаете, за месяц жизни в Москве я пришел к выводу, что русские говорят на какой-то из форм санскрита.

— ???

— Да-да. Это, правда, измененная форма, но я постоянно улавливаю в речи настолько знакомые слова, что их нельзя не узнать... Например, числительные. Это важная и древняя часть каждого языка. Давайте сравним русские и санскритские: первый — пурва; один — ади; два, две, двое — два, две, двая; три, трое, третий, тройка — три, трая, треба, трика... десятеро — дашара. Да и многое другое. Например, термины, связанные с родственными отношениями. И здесь, в санскрите и, скажем, в русском немало общего. Ну, такие слова, как „мать, мать“ (на санскрите „матри“), имеют аналогии во многих индоевропейских языках, но вот „праматерь“ — только в санскрите: „праматри“. Понятия „деверь, брат, свекор“ выражаются на санскрите словами „девара (или деври), бхатри, свакар“...

Мы в присутствии того лингвиста... обменялись поговоркой „все на свете трын-трава“, и он тут же уловил в ней крайне ему знакомое. Сели, вместе разобрались. Выяснили, что русским „все (весь), свет(лый), трын-трава“ имеются в санскрите параллели в виде „виш, швета, трин“ (что как раз и значит „трава“)» [4].

Имеются сходства и с языческими арийскими божествами: «Например, в летописях упоминается Мокошь, с именем которой связывались представления о ночи, об уходе навеки. А в санскритской литературе „мокша“ — это конечное освобождение души... Была у славян и вера в бога Рода — могучего, гневного владыку неба и одновременно покровителя кровного родства. А у ариев был гневный, владычный, красный (или бурый) бог Рудра, и были слова „рудх“ и „рудхира“ — „быть красным“. „Капище“, святилище древних славян, вероятно, восходит к санскритскому „капа“ — группа богов. Любопытно, что не только „небо, небеса“ (обиталище стихий и богов) имеют явные санскритские параллели „набха, набхаса“, но и древнеславянский бог небесного сияния Сварог легко переводится через еще одно название неба — „сварга“.

Такие примеры можно было бы продолжать почти бесконечно. Но слова — это живая ткань, за ними стоят понятия. И если слова совпадают — значит, понятия тоже были близкими или одинаковыми...

Выяснилось с полной очевидностью, что территория формирования этих народов (носителей языков индоевропейской семьи) лежала в широких областях Юго-Восточной Европы и что самым поздним было разделение древних славян и арьив (индоиранцев).

Арии стали уходить в сторону Ирана и Индии во II тысячелетии до нашей эры, в эпоху бронзы. В силу длительного близкого соседствования этих двух больших групп народов в их языках, культуре и религиозных представлениях сложилось много родственных черт. Исследования курганных захоронений южнорусских степей выявили также значительное сходство физических черт древних славян и арьив. В области материальной культуры прослеживается сходство в глиняных игрушках и сюжетах народных вышивок» [4].

Однако арийские языки были распространены не только в Индии. На санскрите говорили также народы, населявшие территории нынешних Пакистана, Афганистана (и т. д.) и... Ирана.

«Так Б. Г. Гафуров пишет: „Иранские и славянские языки имеют много слов общего происхождения, причем многие из них характеризуют именно специфические ирано-славянские схождения, не находящие соответствия в других индоевропейских языках“». Наконец, Р. Якобсон обращает внимание на возможность расширения „внутреннего инвентаря славяно-иранских совпадений в религиозном лексиконе“ за счет лингвистических показаний в сравнительной мифологии, а К. В. Тревер в своем исследовании подчеркивала, что конкретное иранское божество Сэнмурв-Паскундж было известно славянам и почиталось у них под именами „Семаргл“, „Симаргл“ и другими подобными» [39].

Именно оно было изображено на заставке сербского «Шестоднева» — списка 1263 г., выполненного Федором Грамматиком по заказу иеромонаха Дометиана, духовника Хиландарского братства на Афоне. Самым, может быть, парадоксальным в ней является выбор центральной фигуры — Сэнмурв-Паскунджа, крылатой собаки, охранителя дерева жизни. Этот образ — один из центральных в космогонии Авесты. «Мощные фигуры крылатых псов повер-

*Заставка из «Шестоднева» сербского извода
(1263 г., по Ф. И. Буслаеву)*

нуты здесь спиной друг к другу... Они воспринимаются как истинные стражи древа жизни, которое олицетворяется орнаментальным плетением узоров на центральной оси композиции. В середине композиции наверху помещен овал, заплетенный ремнями. В верхней части овала ремни, сливаясь, образуют ствол, увенчанный стилизованной растительной формой — хорошо известной идеограммой древа жизни» [39]. Аналогичную идеограмму мы видим на рельефах Дмитриевского собора во Владимире, где древо жизни изображено слева от окна. А выше и левее ее видно парное изображение львов с перекрещивающимися шеями, композиция которых также уводит нас в космологию зороастрийского Ирана. (На рис. на с. 232 дано сравнение изображений львов на иранском сосуде VII—VIII вв. с изображением на соборе.)

Дмитриевский собор.

«В белокаменной резьбе владимирских храмов оживают некоторые „сасанидские“ мотивы, особенно заметные в животном и растительном декоре. К их числу относятся парные, перекрещивающиеся шеями львы — композиция, которая уводит нас в космологию зороастрийского Ирана. Один такой рельеф расположен слева от верхушки центрального окна северной стены Дмитриевского собора»

(В. П. Даркевич)

Владимир. Дмитриевский собор. Рельеф северной стены

Кувшин. Иран (VII—VIII вв.). Серебро. Изображения на тулове кувшина (Париж. Национальная библиотека)

«В сасанидском Иране Лев, зодиакальный знак июля, имел отношение к культу Митры» [39]. В. П. Даркевич считает, что такие изображения посвящены двум праздникам, имевшим первостепенное значение в земледельческом Иране. Это Науруз, народный новый год, день весеннего равноденствия и обновления природы (около 21 марта), и Михриджан (Мехрган), праздник осеннего равноденствия в седьмом месяце древнеиранского календаря, посвященный Митре (около 23 сентября). Тогда это может означать день и ночь, которые бывают равны дважды в году. «Науруз с Михриджаном — это два ока времени, как Солнце и Луна — очи неба». Согласно Бируни, в день Михриджана возлагали на себя венец с изображением солнца и его колесницы, на которой оно вращается. «Что же касается толкователей из персов, то они сделали Михриджан вестником дня Воскресения и конца мира. Точно так же они объявили Науруз вестником о Начале Мира, так как в день Науруз имеют место противоположные обстоятельства». По мнению Даркевича, сасанидские мотивы в русском искусстве «это не прямое отражение иранских источников времен шахиншахов, а воссоздание более поздних промежуточных звеньев. Они передавались через посредство произведений мусульманских мастеров... Моделями служили и те византийские изделия, которые впитали переднеазиатские традиции. Усвоение владимирскими резчиками пришлых сюжетов — причина иконографических совпадений с образцами сасанидского репертуара» [39].

Однако эти утверждения никак не вяжутся с тем фактом, что авестийские мотивы «находят себе параллель в украинской песенной традиции, где говорится о древе жизни посреди мирового океана (моря, озера), на котором сидит сокол или орел. К. В. Тревер видит корень этой традиции также в Авесте, тем более что в украинских песнях вещая птица, сидящая на древе жизни, связывается, как и в древнеиранских мифах, с враждебным ей началом — жабой или гадом и с охраняющей древо чудесной рыбой» [39].

Из чего следует, что космология Авесты являлась одним из элементов нашей народной жизни и что «искусства эти не были заимствованы от других народов, но возникли сами собой из элементов нашей народной жизни».

Труднее ответить на другой вопрос: как могла языческая система символов, ее орнаментальная образность попасть в христианскую рукописную книгу и на стены православной церкви. Т. Б. Ухова считает, что «слияние языческих идеограмм с христианской книгой в этом плане нужно, очевидно, связывать со стремлением вчерашних язычников осознать послышки новой мировоззренческой системы, которые требовали иных символизирующих форм мышления» [39].

Не менее интересные сведения содержат русские былины. Например о богатыре Святогоре. Ростом богатырь выше темного леса, головой облака подпирает. Едет по горам — горы под ним шатаются, в реку пойдет — вся вода из реки выплеснется. Скучно Святогору. Не держит его земля, только каменные утесы Святогорские под его тяжестью не рушатся, не падают, только их хребты не трещат под копытами коня.

Из былины следует, что горы Святогорские не только не находились на территории Древней Руси, но и постоянно тряслись от езды по ним богатыря:

*Ездит старый по Святым горам,
Тут колеблется мать-сыра земля,
Тут шатаются темны лесушки,
Разливаются быстры реченьки.*

Из текста понятно, о каком из природных явлений идет речь, ибо здесь сквозь эпическую форму отчетливо просматриваются землетрясения, мифически связываемые со Святогором. Но это заставляет нас задать себе вопрос, о каких же горах в былине идет речь — об Урале, Карпатах, Балканах или, может быть, об Альпах? Подсказку к ответу можно найти в былинах о Змее Горыныче.

Этот гад летает подобно черной туче, неся разрушения, огонь и смерть:

*Ветра нет — тучу нанесло,
Тучи нет — а только дождь дождит,
Дождя нет — искры сыплотся:
Гром гремит да свищет молния!*

*Летит змеище-горыныще,
О двенадцати змея хоботах.*

«Ревет он таким зычным голосом, что дрожит от змеиного рева лес-дубровушка, бьет по сырой земле — реки выступают из берегов; от ядовитого дыхания сохнет трава-мурава, лист с дерева валится...

Змей Горыныч — обитатель подземных пещер, уходящих в неизведанные глубины гор, оттого, по объяснению исследователей древних сказаний, и звался «Горынычем». Этот же змей — прежде всего грозные темные тучи, залегающие на небе пути-дороги красному солнцу. С течением времени дракон-змея является уже не в виде самой тучи, а вылетает из этой „небесной горы“ молнией. Змеевидность последних сама говорит об этом воплощении» [17].

Данные предположения, однако, приводят к странной ситуации: если это грозовая туча, то почему она — «обитатель подземных пещер», если это молния, то почему от нее сохнут деревья и трава; почему «искры сыплются»; и, наконец, зачем мифологизировать то природное явление, очевидность которого видна всем?

Из былины следует совершенно иной вывод: здесь в эпически-мифологической форме описывается такое малоизвестное на просторах расселения славянства явление, как извержение вулкана. Вспомним, как погибли римские города Помпея и Геркуланум, где горячая лава (двенадцать хоботов) и ядовитая туча (Змей Горыныч) огнем, ядовитым газом (сохнут травы и опадают листья), огненным пеплом (искры сыплются) уничтожили все живое. При этом извержение сопровождалось землетрясением (дрожит лес и выходят из берегов реки) и грозным дождем (гром гремит да свищет молния), отчего пепел, затвердев, стал впоследствии каменным саркофагом для этих городов.

Однако в Италии, где периодически извергаются вулканы Этна и Везувий, никаких мифов про огнедышащих драконов нет. И это естественно, так как никогда не мифологизируются те природные явления, которые очевидны. А мифологизируются именно те события, которые имели место в далеком прошлом и сведения о которых

передавались изустно из поколения в поколение. На громадных просторах расселения славянства отсутствуют как действующие, так и потухшие вулканы, но мифы существовали. Аналогичные мифы имелись и в Иране, где есть потухший вулкан: недалеко от Тегерана находится пятитысячник, рядом с которым на карте стоит отметка — 5600 м, потухший вулкан Демавенд.

К этому необходимо добавить, что многие предметы российского быта, искусства и военного вооружения изготовлялись в сасанидском и постсасанидском стилях. Сходны с иранскими практически все виды древнерусского вооружения: прямые мечи, похожие на мечи парфянских рыцарей; кольчуги, имевшиеся у славян на несколько веков раньше, чем они появились в Западной Европе; шлемы, широко распространенные в Малой Азии, но неизвестные большинству европейцев; металлические копья — сулицы, широко распространенные на Востоке под названием «джерид» (а колчан для сулиц-джеридов назывался джид). Все они изготовлялись по единым с иранскими образцам, а некоторые из них, например найденные в Нижнем Осколе, были и изготовлены в самом Иране (см. Б. А. Рыбаков [55]).

И наконец, большинство русских (по-видимому, славянского происхождения) судов на громадных просторах от Белого моря и до Каспия и Черного моря строились по единой технологии «шитья», когда к долбленной колоде — лодье, «пришивались» корнями деревьев набор и обшивка корпуса. Точно так же строились каспийско-иранские суда — киржимы. И. А. Шубин отмечает: «Ряд определенных соображений говорит об особой привязанности славян к воде и чрезвычайном умении пользоваться ею в своих интересах, в том числе и для целей судоходства. Сюда относятся: а) первоначальное расселение славян исключительно по рекам и вообще по водным путям сообщения; б) постройка славянами древних „городов“ у воды, с открытыми подходами со стороны рек, озер и морей, — очевидно, для постоянного пользования водными путями и в особенности на случай отступления по ним от врагов, о чем свидетельствуют многочисленные „городища“ на всей огромной территории

Русские шлемы (XI—XII вв.).

«Шлемов такой формы Западная Европа совершенно не знала, они были широко распространены в Передней Азии и на Руси»

расселения славянских племен...; в) производство славянами обширной торговли, нередко с отдаленными странами, связанными с территорией славянской оседлости исключительно теми же водными сообщениями... Наконец, об этом развитии судоходного дела у славян имеются и прямые свидетельства, начиная с писателей греко-римского мира и кончая арабами и персами. Игнори-

ровать эти свидетельства или перетолковывать их в ту или иную сторону можно только в крайнем увлечении предвзятой теорией, закрывая глаза на очевидные факты» [75].

Кроме того, ильменских славян, среди окружавших их племен, выделяла удивительно высокая торговая активность. Ведь именно ими был построен город Словенск, разросшийся в многонациональный Новгород.

Интересно, что его появление на свет относят к временам, когда в мире происходили важные исторические события: на берегах Каспия шла «столетняя война» [81]. В 661 г. арабы утвердили ислам в Иране. Но на Каспийском побережье боевые действия продолжались до 750 г. В это время ильменские славяне строят город, почему-то названный новым, и непонятно зачем поднимают восстание против варягов. Однако через незначительное время вновь призывают их на княжение. Непонятно, почему маленькое и зависимое от варягов племя словен во время «столетней войны» в Южном Прикаспии вдруг приобретает такую мощь и влияние на соседей, что поднимает восстание, побеждает, но затем снова подпадает под рабскую зависимость. Чтобы разобраться, рассмотрим следующее.

Итак, славяне:

говорили на одном из диалектов санскрита, очень близком к одному из древних иранских языков;

исповедовали языческую религию, очень близкую к зороастризму (или, по крайней мере, были знакомы с ним);

знали о землетрясениях, происходивших в таком далеком прошлом, что известия о них сохранились в виде мифов;

знали об извержениях (или извержении) вулкана, который потух;

являлись прирожденными мореходами, жизнь которых тесным образом была связана с водой, и искусными судостроителями с давними традициями;

отличались удивительной торговой активностью (новгородские бояре, фактически являясь крупными банкирами, обладали громадными, непонятно как появившимися капиталами);

и, наконец, имели удивительные представления о рае: Древнее название рая у восточных славян — Ирия, Ирий сад (Вырий сад). «Светлое небесное царство находится по ту сторону облаков, может быть, это теплая страна на востоке, у самого моря, — там вечное лето, и это солнце-ва страна. Земля, где растет „мировое дерево“, у вершины которого обитали птицы, или души умерших. Ключи от Ирии были некогда у вороны, но та прогневала богов, и ключи передала ласточке. По свидетельству народных легенд, в Ирии у колодцев находятся места, приготовленные для будущей жизни хороших, добрых людей. Это студенцы с чистой ключевой водой, при которых растут благоухающие цветы, зреют на деревьях молодильные яблоки и сладко поют райские птицы» [17]. Но ведь «дерево жизни» — это один из главных атрибутов зороастризма, основной религии сасанидского Ирана, а само название Ирия, так же как и название Иран, означает Ариан, или Арию.

Из сказанного с большой долей вероятности можно сделать вывод о том, что прародиной славян были иранские берега Каспия вблизи когда-то действовавшего вулкана. Все отличительные признаки, о которых мы говорили, наилучшим образом подходят к нынешней провинции Ирана Мазендерану (или Гиркании, как ее называли в античности греческие правители Ирана), так как эта иранская провинция, находясь на южном берегу Каспия, на северных склонах горного хребта Эльбурс, периодически подвержена землетрясениям и расположена вблизи потухшего вулкана Демавенд. В прошлом ее населяли племена, отличавшиеся такой торговой и мореходной активностью, что сам Каспий в те времена назывался морем Гирканским.

Если это предположение взять за основу, то все кажущиеся несуразности русских летописей приобретают смысл, так как получается, что в VII в. во время «столетней войны» в Гиркании громадное количество ее жителей бежало на север, на Валдай, где имелись наиболее важные гирканские фактории. А это привело к образованию Новгорода и тем катаклизмам, которые сопровождали его появление.

Землетрясения в Иране

Сообщения прессы: «В результате землетрясения погибли тысячи иранцев».

«Сильное землетрясение разразилось в Иране, в северо-восточной провинции Хорасан, в субботу, 10 мая 1997 г.

В результате землетрясения, сила которого оценивается в 7,3 балла, погибло 2400 человек. Около шести тысяч человек ранено.

Провинция Хорасан граничит с Афганистаном и Туркменистаном. Эпицентр землетрясения находился примерно в 105 км к северо-востоку от города Бирдженд.

Кроме основного, самого сильного, толчка насчитано около 30 подземных толчков мощностью от 3 до 5,5 балла. В результате стихийного бедствия около двухсот деревень полностью или частично разрушены.

Разрушены дома и во втором по величине городе Ирана — Мешхеде, население которого насчитывает два миллиона человек.

Среди погибших и раненых много женщин и детей. Землетрясение произошло днем, когда дети были в школе. Обломки зданий погребли под собой сотни школьников...

Спасательные команды Красного Креста вместе с полицией и военными немедленно прибыли в пострадавшие районы с необходимой техникой и вертолетами.

Ситуацию усложняло то, что множество дорог было разрушено».

О происхождении славян

Подъем этносов

«Славяно-готский вариант. Один из них имел место в начале нашей эры, во II в. Но где? Только на одной полосе: примерно от Стокгольма, через устье Вислы, через Средний и Нижний Дунай, через Малую Азию, за Палестину, до Абиссинии. Что здесь произошло? В 155 г. племя готов с острова Скандзы выселилось в низовья Вислы. Готы довольно быстро прошли до берегов Черного моря и создали здесь могущественное государство, которое ограбило почти все римские города в бассейне Черного и Эгейского морей, потерпели поражение от гуннов, двинулись на запад, взяли Рим, подчинили себе Испанию, потом подчинили себе всю Италию и открыли эпоху Великого переселения народов...

Если идти вдоль этой полосы, то мы обнаруживаем, что южнее готов впервые во II в. появились памятники, которые мы относим к славянам. Были ли славяне до этого? Да, очевидно, были какие-то этносы, которые в эту эпоху синхронно с готами создавали тот праславянский этнос, который византийцы называли анты, древнерусские летописцы — поляне, и который положил начало какому-то этническому объединению, в результате чего маленький народ, живший в современной Восточной Венгрии, распространился до берегов Балтийского моря, до Днепра и вплоть до Эгейского и Средиземного морей, захватив весь Балканский полуостров. Колоссальное распространение для маленького народа!

Говорил об этом с профессором Мавродиным — специалистом по этим вопросам, и он спросил: „А как же это объяснить с точки зрения демографии? Как же они могли так быстро размножиться, потому что это произошло за какие-нибудь 150 лет?“ Да очень просто. Эти праславяне, захватывая новые территории, очевидно, не очень стесняли себя в отношении побежденных женщин, а детей они любили и воспитывали их в знании своего языка, с тем чтобы они могли добиться высокого положения в своих племенах. Ведь при таком процессе много мужчин не требуется. Важно, чтобы было много побежденных женщин, и демографический взрыв будет обеспечен. Так оно, видимо, и произошло» [21].

Вот так решил проблему уважаемый Лев Николаевич Гумилев!

И все же вопрос профессора Мавродина свидетельствует о больших проблемах, связанных с происхождением славян. Ибо нет других исторических примеров, когда бы за такой короткий срок малый народ смог так сильно увеличиться, чтобы распространиться на громадных территориях Европы.

С Л. Н. Гумилевым можно было бы согласиться только в том случае, если бы у нас были хотя бы какие-нибудь данные об исключительно высокой плодовитости праславян. Однако весь ход дальнейшего развития славянства говорит о том, что они (славяне) были совершенно нормальными людьми и не обладали какими-либо сверхспособностями.

Это примерно то же, что сказать, будто бы англо-голландские протестанты-пуритане так сильно и быстро расплодились, попав в Америку, что через полтора-два десятилетия заселили всю северную часть Нового Света.

Следовательно, было бы более рациональным предположить, что и здесь, и там был не демографический взрыв, а банальная колонизация из некой метрополии. И поэтому гораздо продуктивнее искать не биологические причины сверхвысокой плодовитости славян, а место, откуда шла славянская колонизация. То есть искать метрополию.

О физическом и нравственном характере славян древних

«Житель полунощных земель любит движение, согревая им кровь свою; любит деятельность; привыкает сносить частые перемены воздуха и терпением укрепляется. Таковы были древние славяне по описанию современных историков, которые согласно изображают их бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственные климату северному, они сносили голод и всякую нужду; питались самую грубою, сырою пищею; удивляли греков своею быстротою; с чрезвычайною легкостью всходили на крутизны, спускались в расщелины; смело бросались в опасные болота и в глубокие реки. Думая, без сомнения, что главная красота мужа есть крепость в теле, сила в руках и легкость в движениях, славяне мало пеклись о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности в одежде являлись во многочисленном собрании людей. Греки, осуждая сию нечистоту, хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица. Загорая от жарких лучей солнца, они казались смуглыми и все без исключения были русые, подобно другим коренным европейцам.

Сие изображение славян и антов основано на свидетельстве Прокопия и Маврикия, которые знали их в VI веке.

Известие Иорнанда о венедах, без великого труда покоренных в IV веке готфским царем Эрманарихом, показывает, что они еще не славились тогда воинским искусством. Послы отдаленных славян балтийских, ушедших из Баянова стана во Фракию, также описывали народ свой тихим и миролюбивым, но славяне дунайские, оставив свое древнее отечество на севере, в VI веке доказали Греции, что храбрость была их природным свойством и что она с малою опытностью торжествует над искусством долголетным. Несколькими временами славяне убежали сражений в открытых полях и боялись крепостей; но узнав, как ряды легионов римских

могут быть разрываемы нападением быстрым и смелым, уже нигде не отказывались от битвы и скоро научились брать места укрепленные. Греческие летописи не упоминают ни об одном главном или общем полководце славян; они имели вождей только частных; сражались не стеною, не рядами сомкнутыми, но толпами рассеянными и всегда пешие, следуя не общему велению, не единой мысли начальника, а внушению своей особенной, личной смелости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидит опасность и бережет людей, но бросаясь прямо в средину врагов. Чрезвычайная отважность славян была столь известна, что хан аварский всегда ставил их впереди своего многочисленного войска, и сии люди неустрашимые, видя иногда измену хитрых аваров, гибли с отчаянием.

Византийские историки пишут, что славяне сверх их обыкновенной храбрости имели особенное искусство биться в ущельях, скрываться в траве, изумлять неприятелей мгновенным нападением и брать их в плен. Так, знаменитый Велисарий при осаде Авксима избрал в войске своем славянина, чтобы схватить и представить ему одного готфа живого. Они умели еще долгое время таиться в реках и дышать свободно посредством сквозных тростей, выставляя конец их на поверхность воды.

Древнее оружие славянское состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом, и в больших, весьма тяжелых щитах.

Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, может ли в людях полудиких основываться на одном славолюбии, сродном только человеку образованному? Скажем смело, что она была в мире злодейством прежде, нежели обратилась в добродетель, которая утверждает благоденствие государств: хищность родила ее, корыстолюбие питало. Славяне, ободренные воинскими успехами, чрез некоторое время должныствовали открыть в себе гордость народную, благородный источник дел славных: ответ Лавритаса послу Баянову доказывает уже сию великодушную гордость; но что могло сначала вооружить их против римлян? Не желание славы, а желание добычи, которою пользовались готфы, гунны и другие народы; ей жертвовали славяне своею жизнью и никаким другим варварам не уступали в хищности. Поселяне римские, слыша о переходе войска их за Дунай, оставляли дома и спасались бегством в Константинополь со всем имуществом; туда же спешили и священники с драгоценною ут-

варию церковною. Иногда, гонимые сильнейшими легионами империи и не имея надежды спасти добычу, славяне бросали ее в пламя и врагам своим оставляли на пути одни кучи пепла.

Многие из них, не боясь поиска римлян, жили на полуостровных берегах Дуная в пустых замках или пещерах, грабили селения, ужасали земледельцев и путешественников.

Летописи VI века изображают самыми черными красками жестокость славян в рассуждении греков; но сия жестокость, свойственная, впрочем, народу необразованному и воинственному, была также и действием мести. Греки, озлобленные их частыми нападениями, безжалостно терзали славян, которые попадались им в руки и которые сносили всякое истязание с удивительною твердостью, без вопля и стона, умирали в муках и не отвечали ни слова на расспросы врага о числе и замыслах войска их.

Таким образом, славяне свирепствовали в империи и не щадили собственной крови для приобретения драгоценностей, им ненужных, ибо они — вместо того чтобы пользоваться ими — обыкновенно зарывали их в землю.

Сии люди, на войне жестокие, оставляя в греческих владениях долговременную память ужасов ее, возвращались домой с одним своим природным добродушием. Современный историк говорит, что они не знали ни лукавства, ни злости; хранили древнюю простоту нравов, не известную тогдашним грекам; обходились с пленными дружелюбно и назначали всегда срок для их рабства, отдавая их на волю или выкупить себя и возвратиться в отечество, или жить с ними в свободе и братстве.

Столь же единогласно хвалят летописи общее гостеприимство славян, редкое в других землях и доныне весьма обыкновенное во всех славянских: так следы древних обычаев сохраняются в течение многих веков, и самое отдаленное потомство наследует нравы своих предков. Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостью, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. Хозяин отвечал народу за безопасность чужеземца, и кто не умел сбереечь гостя от беды или неприятности, тому мстили соседи за сие оскорбление, как за собственное. Славянин, выходя из дому, оставлял дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посещали славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников; но бедному

человеку, не имевшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у соседа богатого: важный долг гостеприимства оправдывал и самое преступление. Нельзя видеть без удивления сию кроткую добродетель, можно сказать, обожаемую людьми столь грубыми и хищными, каковы были дунайские славяне. Но если и добродетели, и пороки народные всегда происходят от некоторых особенных обстоятельств и случаев, то не можно ли заключить, что славяне были некогда облагодетворены иностранцами, что признательность вселила в них любовь к гостеприимству, а время обратило его в обыкновение и закон священный?.. Здесь представляются мыслям нашим славные финикияне, которые за несколько веков до Рождества Христова могли торговать с балтийскими венедами и быть их наставниками в счастливых изобретениях ума гражданского.

Древние писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть верными супругам. Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сожигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думаю, что сие варварское обыкновение, истребленное только благодетельным учением христианской веры, введено было славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств: осторожность ужасная не менее самого злодеяния, которое предупреждалось ею! Они считали жен совершенными рабами, во всяком случае, безответными, не позволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться, обременяли их трудами, заботами хозяйственными и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, оттого, что мужья обыкновенно покупали их: обычай, донныне соблюдаемый в Иллирии. Удаленные от дел народных, славянки ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти: так при осаде Константинополя в 626 году греки нашли между убитыми славянами многие женские трупы. Мать, воспитывая детей, готовила их быть воинами и непримиримыми врагами тех людей, которые оскорбили ее ближних, ибо славяне, подобно другим народам языческим, стыдились забывать обиду. Страх неумолимой мести отвращал иногда злодеяния: в случае убийства не только сам преступник, но и весь род его беспрестанно ожидал своей гибели от детей убитого, которые требовали крови за кровь.

Говоря о жестоких обычаях славян языческих, скажем еще, что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству. Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам. Так народы самые добродушные, без правил ума образованного и веры истинной с спокойною совестью могут ужасать природу своими делами и превосходить зверей в лютоści! Сии дети, следуя общему примеру, как закону древнему, не считали себя извергами: они, напротив того, славились почетом к родителям и всегда пеклись об их благосостоянии.

К описанию общего характера славян прибавим, что Нестор особенно говорит о нравах славян российских. Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; брак издревле считался святою обязанностью между ними; мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаясь всякою нечистою; в распрях и ссорах убивали друг друга; не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. Северяне, радимичи и вятичи уподоблялись нравами древлянам; также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных; но молодые люди обоого пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе; многоженство было у них в обыкновении.

Сии три народа, подобно древлянам, обитали во глубине лесов, которые были их защитою от неприятелей и представляли им удобность для звериной ловли. То же самое говорит история VI века о славянах дунайских. Они строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых, так что иностранец не мог путешествовать в их земле без вожатого. Беспреданно ожидая врага, славяне брали еще и другую предосторожность: делали в жилищах своих разные выходы, чтоб им можно было в случае нападения тем скорее спастись бегством, и скрывали в глубоких ямах не только все драгоценные вещи, но и самый хлеб.

Ослепленные безрассудным корыстолюбием, они искали мнимых сокровищ в Греции, имея в стране своей, в Дакии

и в окрестностях ее, истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства и земли плодородные для хлебопашества, в коем они издревле упражнялись и которое вывело их — может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова — из дикого, кочевого состояния, ибо сие благодетельное искусство было везде первым шагом человека к жизни гражданской, вселило в него привязанность к одному месту и к домашнему крову, дружество к соседу и, наконец, самую любовь к отечеству.

Думают, что славяне узнали скотоводство только в Даккии, ибо слово „пастырь“ есть латинское, следственно, заимствованное ими от жителей сей земли, где язык римлян был в употреблении, но сия мысль кажется неосновательною. Будучи в северном своем отечестве соседями народов германских, скифских и сарматских, богатых скотоводством, венеды, или славяне, должны были издревле ведать сие важное изобретение человеческого хозяйства, едва ли не везде предупредившее науку земледелия. Пользуясь уже тем и другим, они имели все нужное для человека; не боялись ни голода, ни свирепостей зимы: поля и животные давали им пищу и одежду. В VI веке славяне питались просом, гречихою и молоком; а после выучились готовить разные вкусные яства, не жалея ничего для веселого угощения друзей и доказывая в таком случае свое радушие изобильною трапезою: обыкновение, еще и ныне наблюдаемое потомством славянским. Мед был их любимым питьем: вероятно, что они сначала делали его из меду лесных, диких пчел, а наконец и сами разводили их.

Венеды, по известию Тацитову, не отличались одеждою от германских народов, т. е. закрывали наготу свою. Славяне в VI веке сражались без кафтанов, некоторые даже без рубах, в одних портах. Кожи зверей, лесных и домашних, согревали их в холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисером и металлами, добытыми на войне или вымененными у купцов иностранных.

Сии купцы, пользуясь совершенною безопасностью в землях славянских, привозили им товары и меняли их на скот, полотно, кожи, хлеб и разную воинскую добычу.

В VIII веке славяне сами ездили для купли и продажи в чужие земли. Карл Великий поручил торговлю с ними в немецких городах особенному надзору своих чиновников. В средних веках цвели уже некоторые торговые города славянские: Виннета, или Юлин, при устье Одера, Аркона на

острове Рюгене, Демин, Волгаст в Померании и другие. Первую описывает Гельмольд следующим образом: „Там, где река Одер впадает в море Балтийское, славилась некогда Виннета, лучшая пристань для народов соседственных. О сем городе рассказывают много удивительного, уверяют, что он превосходил величием все иные города европейские... Саксонцы могли обитать в нем, но должныствовали таить христианскую Веру свою, ибо граждане Виннеты усердно следовали обрядам язычества; впрочем, не уступали никакому народу в честности, добронравии и ласковом гостеприимстве. Обогащенная товарами разных земель, Виннета изобиловала всем приятным и редким. Повествуют, что король датский, пришедший с флотом сильным, разрушил ее до основания, но и ныне, т. е. в XII веке — существуют остатки сего древнего города“. Впрочем, торговля славян до введения христианства в их землях состояла только в обмене вещей: они не употребляли денег и брали золото от чужестранцев единственно как товар.

Быв в империи и видел собственными глазами изящные творения греческих художеств, наконец, строя города и занимаясь торговлею, славяне имели некоторое понятие об искусствах, соединенных с первыми успехами разума гражданского. Они вырезывали на дереве образы человека, птиц, зверей и красили их разными цветами, которые не изменялись от солнечного жара и не смывались дождем. В древних могилах вендских нашлись многие глиняные урны, весьма хорошо сделанные, с изображением львов, медведей, орлов и покрытые лаком, также копыя, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, с серебряною оправою и насечкою. Чехи задолго до времен Карла Великого занимались уже рудокопанием, и в герцогстве Мекленбургском, на южной стороне Толлензского озера, в Прильвице, найдены в XVII веке медные истуканы богов славянских, работы их собственных художников, которые, впрочем, не имели понятия о красоте металлических изображений, отливая голову, стан и ноги в разные формы и весьма грубо. Так было и в Греции, где во времена Гомеровы художники уже славились ваянием, но еще долго не умели отливать статуй в одну форму.

Памятником каменосечного искусства древних славян остались большие, гладко обделанные плиты, на которых выдолблены изображения рук, пят, копыт и проч.

Любя воинскую деятельность и подвергая жизнь свою беспрестанным опасностям, предки наши мало успевали

в зодчестве, требующем времени, досуга, терпения, и не хотели строить себе домов прочных: не только в шестом веке, но и гораздо после обитали в шалашах, которые едва укрывали их от непогод и дождя. Самые города славянские были не что иное, как собрание хижин, окруженных забором или земляным валом. Там возвышались храмы идолов, не такие великолепные здания, какими гордились Египет, Греция и Рим, но большие деревянные кровы. Венеды называли их гонтинами, от слова „гонт“, доньше означавшего на русском языке особенный род тесниц, употребляемых для кровли домов.

Не зная выгод роскоши, которая сооружает палаты и выдумывает блестящие наружные украшения, древние славяне в низких хижинах своих умели наслаждаться действием так называемых искусств изящных. Первая нужда людей есть пища и кров, вторая — удовольствие, и самые дикие народы ищут его в согласии звуков, веселящих душу посредством слуха. Северные венеды в шестом веке сказывали греческому императору, что главное услаждение жизни их есть музыка и что они берут обыкновенно в путь с собою не оружие, а кифары или гусли, ими выдуманные. Волынка, гудок и дудка были также известны предкам нашим, ибо все народы славянские доньше любят их. Не только в мирное время и в отчизне, но и в набегах своих, ввиду многочисленных врагов, славяне веселились, пели и забывали опасность. Так Прокопий, описывая в 592 году ночное нападение греческого вождя на их войско, говорит, что они усыпили себя песнями и не взяли никаких мер осторожности. Некоторые народные песни славянские в Лаузице, в Люнебурге, в Далмации кажутся древними: также и старинные припевы русских, в коих величаются имена богов языческих и реки Дуная, любезного нашим предкам, ибо на берегах его искусились они некогда в воинском счастье. Вероятно, что сии песни, мирные в первобытном отечестве венедов, еще не знавших славы и победы, обратились в воинские, когда народ их приблизился к империи и вступил в Дакию; вероятно, что они воспламеняли сердца огнем мужества, представляли уму живые картины битв и кровопролития, сохраняли память дел великодушия и были в некотором смысле древнейшею историею славянскою. Так везде рождалось стихотворство, изображая главные склонности народные; так песни самых нынешних кроатов более всего славят мужество и память великих предков; но другие, любимые немецкими вендами, возбуждают только к веселью и к счастливому забвению житейских горе-

стей; иные же совсем не имеют смысла, подобно некоторым русским, нравятся одним согласием звуков и мягких слов, действуя только на слух и не представляя ничего разуму.

Сердечное удовольствие, производимое музыкою, заставляет людей изъяслять оное разными телодвижениями: рождается пляска, любимая забава самых диких народов. По нынешней русской, богемской, далматской можем судить о древней пляске славян, которою они торжествовали священные обряды язычества и всякие приятные случаи: она состоит в том, чтобы в сильном напряжении мышц взмахивать руками, вертеться на одном месте, приседать, топтать ногами, и соответствует характеру людей крепких, деятельных, неутомимых.

Народные игры и потехи, донныне единообразные в землях славянских: борьба, кулачный бой, беганье взапуски — остались также памятником их древних забав, представляющих нам образ войны и силы.

В дополнение к сим известиям заметим, что славяне, еще не зная грамоты, имели некоторые сведения в арифметике, в хронологии. Домоводство, война, торговля приучили их ко многосложному счислению; имя тма, знаменующее 10 000, есть древнее славянское. Наблюдая течение года, они, подобно римлянам, делили его на 12 месяцев и каждому из них дали название согласно с временными явлениями или действиями природы: генварю — просинец (вероятно, от синевы неба), февралю — сечень, марту — сухой, апрелю — березозол (думаю, от золы березовой), маю — травный, июню — изок (так называлась у славян какая-то певчая птица), июлю — червень (не от красных ли плодов или ягод?), августу — зарев (от зари или зарницы), сентябрю — рюен (или ревун, как толкуют: от рева зверей), октябрю — листопад, ноябрю — груден (от груд снега или мерзлой грязи?), декабрю — студеный. Столетие называлось веком, то есть жизнь человеческою, во свидетельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные крепким сложением и здравые физической деятельностью.

Сей народ, подобно всем иным, в начале гражданского бытия своего не знал выгод правления благоустроенного, не терпел ни властелинов, ни рабов в земле своей и думал, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человека. Хозяин господствовал в доме: отец над детьми, муж над женою, брат над сестрами; всякий строил себе хижину особенную, в некотором отдалении от прочих, чтобы жить спо-

койнее и безопаснее. Лес, ручей, поле составляли его область, в которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимую республикою, но общие древние обычаи служили между ними некоторою гражданскою связию. В случаях важных единоплеменные сходились вместе советоваться о благе народном, уважая приговор старцев, сих живых книг опытности и благоразумия для народов диких; вместе также, предпринимая воинские походы, избирали вождей, хотя, любя своевольство и боясь всякого принуждения, весьма ограничивали власть их и часто не повиновались им в самых битвах. Совершив общее дело и возвратясь домой, всякий опять считал себя большим и главою в своей хижине.

Многочисленные области славянские всегда имели сообщение одна с другою, и кто говорил их языком, тот во всякой находил друзей и сограждан. Баян, хан аворов, зная сей тесный союз племен славянских и покорив многие из них в Даккии, в Паннонии, в Богемии, думал, что и самые отдаленные должны служить ему, и для того в 590 году требовал войска от славян балтийских. Некоторые знаменитые храмы еще более утверждали связь между ими в средних веках: там сходились они из разных земель вопрошать богов, и жрец, отвечая устами идола, нередко убеждал их действовать согласно с общею или особенною пользою своего народа; там оскорбленные чужеземцами славяне приносили свои жалобы единоплеменным, заклиная их быть мстителями отечества и веры; там, в определенное время, собирались чиновники и старейшины для сейма, на коем благоразумие и справедливость часто уступали дерзости и насилию. Храм города Ретры в Мекленбурге, на реке Толлензе, славился более всех других такими собраниями.

Народное правление славян чрез несколько веков обратилось в аристократическое. Вожди, избираемые общею доверенностию, отличные искусством и мужеством, были первыми властелинами в своем отечестве. Дела славы требовали благодарности от народа; к тому же, будучи ослеплен счастьем героев, он искал в них и разума отменного. Богемцы, еще не имея ни законов общественных, ни судей избранных, в личных расправах своих отдавались на суд знаменитым гражданам; а сия знаменитость основывалась на изведанной храбрости в битвах и на богатстве, ее награде, ибо оно приобреталось тогда войною. Наконец обыкновение сделалось для одних правом начальствовать, а для иных обязанностью

повиноваться. Если сын героя, славного и богатого, имел великие свойства отца, то он еще более утверждал власть своего рода.

Сия власть означалась у славян именами боярина, воеводы, князя, пана, жупана, короля, или краля, и другими. Первое, без сомнения, происходит от боя и в начале своем могло знаменоваться воина отличной храбрости, а после обратился в народное достоинство. Византийские летописи в 764 году упоминают о боярах, вельможах, или главных чиновниках славян болгарских.

Воеводами назывались прежде одни воинские начальники, но как они и в мирное время умели присвоить себе господство над согражданами, то сие имя знаменовало уже вообще повелителя и властелина у богемских и саксонских вендов, в Крайне государя, в Польше не только воинского предводителя, но и судию.

Слово „князь“ родилось едва ли не от коня, хотя многие ученые производят его от восточного имени каган и немецкого Kцnig. В славянских землях кони были драгоценнейшею собственностью: у поморян в средних веках 30 лошадей составляли великое богатство, и всякий хозяин коня назывался князем. В Кроации и Сервии именовались так братья королей; в Далмации главный судья имел титул великого князя.

Пан славянский, по известию Константина Багрянородного, управлял в Кроации тремя большими округами и председательствовал на сеймах, когда народ собирался в поле для совета. Имя панов, долго могущественных в Венгрии, до самого XIII века означало в Богемии владельцев богатых, а на польском языке и ныне значит господина.

Округи в славянских землях назывались жупанствами, а правители их жупанами, или старейшинами, по толкованию Константина Багрянородного; древнее слово „жупа“ означало селение. Главною должностию сих чиновников было правосудие: в Верхней Саксонии и в Австрии славянские поселяне донныне называют так судей своих, но в средних веках достоинство жупанов уважалось более княжеского. В разборе тяжёбных дел помогали им суддавы, или частные судьи. Странное обыкновение сохранилось в некоторых славянских деревнях Лаузица и Бранденбурга: земледельцы тайно избирают между собою короля и платят ему дань, какую они во время своей вольности платили жупанам.

Наконец, в Сервии, в Далмации, в Богемии владетели стали именоваться кралями, или королями, то есть, по мне-

нию некоторых, наказателями преступников, от слова „кара“, или наказание.

Итак, первая власть, которая родилась в отечестве наших диких, независимых предков, была воинская. Сражения требуют одного намерения и согласного действия частных сил: для того избрали полководцев. В теснейших связях общегития славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданского корыстолюбия: для того назначили судей, но первые из них были знаменитейшие герои. Одни люди пользовались общею доверенностию в делах войны и мира.

История славян подобна истории всех народов, выходящих из дикого состояния. Только мудрая, долговременная опытность научает людей благодетельному разделению властей воинских и гражданских.

Но древнейшие бояре, воеводы, князья, паны, жупаны и самые короли славянские во многих отношениях зависели от произвола граждан, которые нередко, единодушно избрав начальника, вдруг лишали его своей доверенности, иногда без всякой вины, единственно по легкомыслию, клевете или в несчастиях, ибо народ всегда склонен обвинять правителей, если они не умеют отвратить бедствий от государства. Сих примеров довольно в истории языческих, даже и христианских славян. Они вообще не любили наследственной власти и более принужденно, нежели добровольно, повиновались иногда сыну умершего воеводы или князя.

Избрание герцога, то есть воеводы, в славянской Каринтии соединено было с обрядом весьма любопытным. Избираемый в самой бедной одежде являлся среди народного собрания, где земледелец сидел на престоле или на большом диком камне. Новый властитель клялся быть защитником веры, сирот, вдов, справедливости: тогда земледелец уступал ему камень, и все граждане присягали в верности. Между тем два рода знаменитейшие имели право везде косить хлеб и жечь селения в знак и в память того, что древние славяне выбрали первого властелина для защиты их от насилия и злодейства.

Однако ж многие князья, владея счастливо и долгое время, умели сообщать право наследственности детям. В западной Сервии был пример, что жена князя Доброслава по смерти его правила землею.

Государи славянские, достигнув самовластия, подобно другим ослабляли свое могущество уделами: то есть, всяко-

му сыну давали особенную область, но сии примеры бывали редки во времена язычества: князья, по большей части избираемые, думали, что не имеют права располагать судьбою людей, которые только им поддались.

Главный начальник, или правитель, судил народные дела торжественно, в собрании старейшин и часто во мраке леса, ибо славяне воображали, что бог суда, Праве, живет в тени древних, густых дубов. Сии места и дома княжеские были священны: никто не дерзал войти в них с оружием, и самые преступники могли там безопасно укрываться. Князь, воевода, король был главою ратных сил, но жрецы, устами идолов, и воля народная предписывали ему войну или мир (при заключении коего славяне бросали камень в море, клали оружие и золото к ногам идола или, простирая десницу к бывшим неприятелям, вручали им клочок волос своих вместе с горстью травы). Народ платил властителям дань, однако ж произвольную.

Так славяне в разные века и в разных землях управлялись гражданской властью. О славянах российских Нестор пишет, что они, как и другие, не знали единовластия, наблюдая закон отцов своих, древние обычаи и предания, о коих еще в VI веке упоминает греческий историк и которые имели для них силу законов писаных, ибо гражданские общества не могут образоваться без уставов и договоров, основанных на справедливости. Но как сии условия требуют блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикие народы избирают посредников между людьми и законом. Хотя летописец наш не говорит о том, но российские славяне, конечно, имели властителей с правами, ограниченными народною пользою и древними обыкновениями вольности. В договоре Олега с греками, в 911 году, упоминается уже о великих боярах русских: сие достоинство, знак воинской славы, конечно, не варягами было введено в России, ибо оно есть древнее славянское. Самое имя князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новым, но без сомнения и прежде означало у них знаменитый сан гражданский или воинский.

Общежитие, пробуждая или ускоряя действие разума сонного, медленного в людях диких, рассеянных, по большей части уединенных, рождает не только законы и правление, но и самую веру, столь естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы ни в мире, ни в истории не находим народа, совершенно лишенного понятий о Божестве. Люди и народы, чувствуя зависимость

или слабость свою, укрепляются, так сказать, мыслию о силе вышней, которая может спасти их от ударов рока, не отвратимых никакою мудростию человеческою, — хранить добрых и наказывать тайные злодейства. Сверх того, вера производит еще теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа ему единообразно, они сближаются сердцами и духом. Сия выгода так явна и велика для гражданского общества, что она не могла укрыться от внимания самых первых его основателей, или отцов семейства.

Славяне в VI веке поклонялись Творцу молнии. Богу вселенной. Величественное зрелище грозы, когда небо пылает и невидимая рука бросает, кажется, с его свода быстрые огни на землю, должноствовало сильно поразить ум человека естественного, живо представить ему образ существа вышнего и вселить в его сердце благоговение или ужас священный, который был главным чувством вер языческих.

Анты и славяне, как замечает Прокопий, не верили судьбе, но думали, что все случаи зависят от мироправителя: на поле ратном, в опасностях, в болезни, старались его умоливать обетами, приносили ему в жертву волов и других животных, надеясь спасти тем жизнь свою; обожали еще реки, нимф, демонов и гадали будущее.

В новейшие времена славяне поклонялись разным идолам, думая, что многочисленность кумиров утверждает безопасность смертного и что мудрость человеческая состоит в знании имен и свойства сих мнимых покровителей. Истуканы считались не образом, но телом богов, ими одушевляемым, и народ падал ниц пред куском дерева или слитком руды, ожидая от них спасения и благоденствия.

Однако ж славяне в самом безрассудном суеверии имели еще понятие о божестве единственном и вышнем, коему, по их мнению, горние небеса, украшенные светилами лучезарными, служат достойным храмом и который печется только о небесном, избрав других, нижних богов, чад своих, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно Белым Богом. И не строили ему храмов, воображая, что смертные не могут иметь с ним сообщения и должны относиться в нуждах своих к богам второстепенным, помогающим всякому, кто добр в мире и мужествен на войне, с удовольствием отворяет хижину для странников и с радущием питает голодных.

Не умея согласить несчастий, болезней и других житейских горестей с благостию сих мироправителей, славяне бал-

тийские приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогом, старались умиловить жертвами и в собраниях народных пили из чаши, посвященной ему и добрым богам. Он изображался в виде льва, и для того некоторые думают, что славяне заимствовали мысль о Чернобоге от христиан, уподоблявших диавола также сему зверю; но вероятно, что ненависть к саксонцам, которые были самыми опасными врагами северных вендов и на знаменах своих представляли льва, подала им мысль к такому изображению существа злобного. Славяне думали, что оно ужасает людей грозными привидениями или страшилами, и что гнев его могут укротить волхвы или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за их мнимую науку. Сии волхвы, о коих и Нестор говорит в своей летописи, подобно сибирским шаманам старались музыкою действовать на воображение легковерных, играли на гуслях, а для того именовались в некоторых землях славянских гуслярами.

Между богами добрыми славился более прочих Святовид, которого храм был в городе Арконе, на острове Рюгене, и которому не только все другие венды, но и короли датские, исповедуя уже христианскую веру, присылали дары. Он предсказывал будущее и помогал на войне. Кумир его величиною превосходил рост человека, украшался одеждою короткою, сделанною из разного дерева; имел четыре головы, две груди, искусно счесанные бороды и волосы остриженные; ногами стоял в земле, и в одной руке держал рог с вином, а в другой лук; подле идола висела узда, седло, меч его с серебряными ножнами и рукояткою. Гельмольд рассказывает, что жители острова Рюгена обожали в сем идоле христианского святого именем Вита, слышав о великих чудесах его от корбейских монахов, которые хотели некогда обратить их в истинную веру. Достойно замечания, что иллирические славяне доньше празднуют день святого Вита с разными языческими обрядами. Впрочем, Гельмольдово предание, утверждаемое и Саксоном Грамматиком, не есть ли одна догадка, основанная на сходстве имен? Для того, по известию Мавро-Урбина, один из христианских князей в Богемии выписал мощи св. Вита, желая обратить к ним усердие народа своего, который не преставал обожать Святовидом. Привязанность не только балтийских, но и других славян к сему идолослужению доказывает, кажется, древность оною.

Народ рюгенский поклонялся еще трем идолам: первому — Рюгевиту, или Ругевичу, богу войны, изображаемому с семью лицами, с семью мечами, висевшими в ножнах на бедре, и с осьмым обнаженным в руке (дубовый кумир его был весь загажен ласточками, которые вили на нем свои гнезда); второму — Поревиту, коего значение неизвестно и который изображался с пятью головами, но без всякого оружия; третьему — Поренуту о четырех лицах и с пятым лицом на груди: он держал его правую рукою за бороду, а левою за лоб и считался богом четырех времен года.

Главный идол в городе Ретре назывался Радегаст, бог странноприимства, как некоторые думают, ибо славяне были всегда рады гостям. Но сие толкование кажется несправедливым: он изображался более страшным, нежели дружелюбным, с головою львиною, на которой сидел гусь, и еще с головою буйвола на груди, иногда одетый, иногда нагой и держал в руке большую секиру. Надписи ретрского истукана доказывают, что сей бог хотя и принадлежал к числу добрых, однако ж в некоторых случаях мог и вредить человеку. Адам Бременский пишет о золотом кумире и пурпуровом ложе Радегаста; но мы должны сомневаться в истине его сказания: в другом месте сей историк уверяет нас, что храм Упсальский весь был сделан из золота.

Сива — может быть, Жива — считалась богиней жизни и доброму советницею. Главный храм ее находился в Рацебурге. Она представлялась одетою, держала на голове нагого мальчика, а в руке виноградную кисть. Далматские славяне поклонялись доброй Фрихии, богине германских народов, но как в исландских древностях Фрихия, или прекрасная Фрея, называется Ванадис, или венедскою, то вероятно, что готфы заимствовали от славян понятие о сей богине и что она же именовалась Сивою.

Между ретрскими истуканами нашлись германские, прусские, т. е. латышские, и даже греческие идолы. Балтийские славяне поклонялись Водану, или скандинавскому Одину, узнав об нем от германских народов, с которыми они жили в Дакии и которые были еще издревле их соседями. Венды мекленбургские донныне сохранили некоторые обряды веры Одиновой.

Прусские надписи на истуканах Перкуна, бога молнии, и Парстукков, или Берстукков, доказывают, что они были латышские идолы; но славяне молились им в ретрском храме, так же как и греческим статуям Любви, брачного Гения и Осени, без сомнения отнятым или купленным ими в Греции.

Кроме сих богов чужеземных, там стояли еще кумиры Числобога, Ипабога, Зибога, или Зембога, и Немизы. Первый изображался в виде женщины с луною и знаменовал, кажется, месяц, на котором основывалось исчисление времени. Имя второго непонятно, но ему надлежало быть покровителем звериной ловли, которая представлялась на его одежде. Третьего обожали в Богемии как сильного Духа земли. Немиза повелевал ветром и воздухом: голова его увенчана лучами и крылом, а на теле изображена летящая птица.

Писатели, собственными глазами видевшие языческих вендов, сохранили нам известие еще о некоторых других идолах. В Юдине, или в Виннете, главный именовался Триглав. Кумир его был деревянный, непомерной величины, а другой маленький, вылитый из золота, о трех головах, покрытых одною шапкою. Более ничего не знаем о сем идоле. Второй, Припекала, означал, кажется, любострастие, ибо христианские писатели сравнивали его с Приапом; а третий, Геровит, или Яровид, бог войны, коего храм был в Гавельберге и Волгасте и подле которого висел на стене золотой щит.

Жители Вагрии особенно чтити Права, бога правосудия, и Подагу, бога звероловства. Первому служили храмом самые древнейшие дубы, окруженные деревянною оградой с двумя воротами. В сей заповедной дубраве и в ее святилище жил Великий жрец, совершались торжественные жертвоприношения, судился народ, и люди, угрожаемые смертию, находили безопасное убежище. Он изображался старцем, в одежде со многими складками, с цепями на груди, и держал в руке нож. Второй считается покровителем звероловства, для того что на одежде и жертвенной чаше его кумира о двух лицах, найденного в числе ретрских древностей, представлены стрелок, олень и кабан; в руках своих он держит также какого-то зверя. Другие признают в нем бога ясных дней, который у сербов назывался Погодою, ибо заднее лицо его окружено лучами, и слова, вырезанные на сем истукане, значат ясность и вѣдро.

Мерзбургские венды обожали идола Гениля, покровителя их собственности, и в некоторое время года пастухи разносили по домам символ его: кулак с перстнем, укрепленный на шесте.

О вере славян иллирических не имеем никаких известий, но как морлахи на свадебных пиршествах своих донныне славят Давора, Дамора, Добрую Фрихию, Яра и Пика, то с ве-

роятностью заключить можно, что языческие боги их назывались сими именами.

Сказание польских историков о древнем богослужении в их отечестве основывается единственно на предании и догадках. В Гнезне, пишут они, был знаменитый храм Нии, славянского Плутона, которого молили о счастливом успокоении мертвых; обожали еще Марзану, или Цереру, обрекая в жертву ей десятую часть плодов земных; Ясса, или Ясна, римского Юпитера; Ладона, или Ляда, Марса; Дзидзилию, богиню любви и деторождения, Зивонию, или Зиванну, Диану; Зиваго, или бога жизни; Леля и Полеля, или гречески близнецов Кастора и Поллукса; Погоду и Похвиста, бога ясных дней и сильного ветра. „Слыша вой бури (пишет Стриковский), сии язычники с благоговением преклоняли колена“.

В России, до введения христианской веры, первую степень между идолами занимал Перун, бог молнии, которому славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного Мировправителя. Кумир его стоял в Киеве на холме, вне двора Владимирова, а в Новгороде над рекою Волховом: был деревянный, с серебряною головою и с золотыми устами. Летописец именует еще идолов Хорса, Дажебога, Стрибога, Самаргла и Мокоша, не объявляя, какие свойства и действия приписывались им в язычестве. В договоре Олега с греками упоминается еще о Волосе, которого именем и Перуновым клялись россияне в верности, имел к нему особенное уважение, ибо он считался покровителем скота, главного их богатства.

Сии известия Нестеровы можем дополнить новейшими, напечатанными в Киевском синописе. Хотя они выбраны отчасти из польских ненадежных историков, но, будучи согласны с древними обыкновениями народа русского, кажутся вероятными, по крайней мере, достойными замечания.

Бог веселия, любви, согласия и всякого благополучия именовался в России Ладо; ему жертвовали вступающие в союз брачный, с усердием воспевая имя его, которое слышим и ныне в старинных припевах. Стриковский называет сего бога латышским: в Литве и Самогитии народ праздновал ему от 25 мая до 25 июня, отцы и мужья в гостиницах, а жены и дочери на улицах и на лугах; взявшись за руки, они плясали и пели: „Ладо, Ладо, дидис Ладо“, — то есть великий Ладо. Такое же обыкновение донныне существует в деревнях наших: молодые женщины весной собираются играть и петь в хороводах: „Лада, диди — Лада“. Мы уже заметили,

что славяне охотно умножали число идолов своих и принимали чужеземных. Русские язычники, как пишет Адам Бременский, ездили в Курляндию и в Самогитию для поклонения кумирам; следственно, имели одних богов с латышами, ежели не все, то хотя некоторые славянские племена в России — вероятно, кривичи, ибо название их свидетельствует, кажется, что они признавали латышского первосвященника Криве главою веры своей. Впрочем, Ладо мог быть и древним славянским божеством: жители Молдавии и Валахии в некоторых суеверных обрядах доньше твердят имя Лада.

Купалу, богу земных плодов, жертвовали пред собиранием хлеба, 23 июня, в день святой Агриппины, которая для того прозвана в народе Купальницею. Молодые люди украшались венками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около него и воспевали Купала. Память сего идолослужения сохранилась в некоторых странах России, где ночные игры деревенских жителей и пляски вокруг огня с невинным намерением совершаются в честь идола языческому. В Архангельской губернии многие поселяне 23 июня топят бани, настилают в них траву купальницу (лютик) и после купаются в реке. Сербы накануне или в самое Рождество Иоанна Предтечи, сплетая Ивановские венки, вешают их на кровли домов и на хлевах, чтобы удалить злых духов от своего жилища.

24 декабря язычники русские славили Коляду, бога торжеств и мира. Еще и в наше время, накануне Рождества Христова, дети земледельцев собираются колядовать под окнами богатых крестьян, величают хозяина в песнях, твердят имя Коляды и просят денег. Святошные игрища и гадание кажутся остатком сего языческого праздника.

В суеверных преданиях народа русского открываем также некоторые следы древнего славянского богопочитания: доньше простые люди говорят у нас о леших, которые видом подобны сатирам, живут будто бы в темноте лесов, равняются с деревьями и с травой, ужасают странников, обходят их кругом и сбивают с пути, о русалках, или нимфах дубрав (где они бегают с распущенными волосами, особенно перед Троицыным днем), о благодетельных и злых домовых, о ночных кикиморах и проч.

Таким образом, грубый ум людей непросвященных заблуждается во мраке идолопоклонства и творит богов на всяком шагу, чтобы изъяснять действия Природы и в неизвестностях рока успокаивать сердце надеждою на вышнюю помощь!

Желая выразить могущество и грозность богов, славяне представляли их великанами, с ужасными лицами, со многими головами. Греки хотели, кажется, любить своих идолов (изображая в них примеры человеческой стройности), а славяне только бояться; первые обожали красоту и приятность, а вторые одну силу и еще, не довольствуясь собственным противным видом истуканов, окружали их гнусными изображениями ядовитых животных: змей, жаб, ящериц и проч. Кроме идолов, немецкие славяне, подобно дунайским, обожали еще реки, озера, источники, леса и приносили жертвы невидимым их гениям, которые, по мнению суеверных, иногда говорили и в важных случаях являлись людям. Так гений Ретрского озера, когда великие опасности угрожали народу славянскому, принимал на себя образ кабана, выплывал на берег, ревел ужасным голосом и скрывался в волнах. Мы знаем, что и российские славяне приписывали озерам и рекам некоторую божественность и святость. В глазной болезни они умывались водою мнимо-целебных источников и бросали в них серебряные монеты. Народное обыкновение купать или обливать водою людей, проспавших заутреню в день Пасхи, будто бы для омовения их от греха, происходит, может быть, от такого же языческого суеверия.

У многих народов славянских были заповедные рощи, где никогда стук секиры не раздавался и где самые злейшие враги не дерзали вступить в бой между собою. Лес города Ретры считался священным. Жители штетинские поклонялись ореховому дереву, при коем находился особенный жрец, и дубу, а юлиньские — богу, обитавшему в дереве обсеченном, и весною плясали вокруг него с некоторыми торжественными обрядами. Славяне в России также молились деревьям, особенно же дупловатым, обвязывая их ветви убррусами, или платами. Константин Багрянородный пишет, что они, путешествуя в Царьград, на острове святого Григория приносили жертву большому дубу, окружали его стрелами и гадали, заколоть ли обреченных ему живых птиц или пустить на волю. Празднование Семика* и народный обычай завивать в сей день венки в рощах суть также остаток древнего суеверия, коего обряды наблюдались в Богемии и по введении христианства, так что герцог Брячислав в 1093 году решился предать огню все мнимо-святые дубравы своего народа.

* Семик — народное название церковного праздника (седьмой четверг от Пасхи, Духов день).

Славяне обожали еще знамена и думали, что в военное время они святее всех идолов. Знамя балтийских вендов было отменной величины и пестрое, стояло обыкновенно в Святовидовом храме и считалось сильною богиней, которая воинам, идущим с ней, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самых идолов. Датский король Вальдемар сжег его в Арконе, взяв сей город.

В числе ретрских любопытных памятников нашлось также священное знамя: медный дракон, украшенный изображением женских голов и вооруженных рук. В Дитмаровой летописи* упоминается о двух славянских знаменах, которые считались богинями. Хитрость полководцев ввела, без сомнения, сию веру, чтобы воспламенить дух храбрости в воинах или обуздывать их неповиновение святостию знамен своих.

Древние славяне в Германии еще не имели храмов, но приносили жертву богу небесному на камнях, окружая их в некотором расстоянии другими, служившими вместо ограды священной. Чтобы изобразить величие бога, жрецы начали употреблять для сооружения алтарей камни в несколько сажень мерою. Сии каменные здания равнялись с высокими скалами, невредимо стояли целые века и могли казаться народу творением рук божественных. В самом деле трудно понять, каким образом славяне, не зная изобретенных механикою способов, воздвигали такие громады. Жрецы в присутствии и в глазах народа совершали обряды веры на сих величественных алтарях; но в течение времен, желая еще сильней действовать на воображение людей, вздумали, подобно друидам, удалиться во тьму заповедных лесов и соорудили там жертвенники. По введении идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры от дождя и снега: защитили их кровлею, и сие простое здание было первым храмом. Мысль сделать его достойным жилищем богов требовала величия, но славяне не умели подражать грекам и римлянам в гордой высоте зданий и старались заменить оную резьбою, пестротою, богатством украшений. Современные историки описали некоторые из сих храмов с любопытною подробностью. Сочинитель Жизни св. Оттона говорит о шеттинском следующее: „Там было четыре храма, и главный из них отличался своим искусством, украшенный внутри и

* Дитмаровская летопись — хроника немецкого епископа Дитмара Мерзбургского (975—1018 гг.).

снаружи выпуклым изображением людей, птиц, зверей, так сходных с природою, что они казались живыми; краски же на внешности храма не смывались дождем, не бледнели и не тускли. Следуя древнему обычаю предков, штеттинцы отдавали в храм десятую часть воинской своей добычи и всякое оружие побежденных неприятелей. В его святилище хранились серебряные и золотые чаши (из коих при торжественных случаях люди знатнейшие пили и ели), также рога буйволы, оправленные золотом: они служили и стаканами, и трубами. Ножи и прочие драгоценности, там собранные, удивляли своим искусством и богатством. В трех иных гонтинах, или храмах, не столь украшенных и менее священных, представлялись глазам одни лавки, сделанные амфитеатром, и столы для народных сходбищ, ибо славяне в некоторые часы и дни веселились, пили и важными делами отечества занимались в сих гонтинах“.

Деревянный храм арконский был срублен весьма искусно, украшен резьбою и живописью; одни врата служили для входа в его ограду; внешний двор, обнесенный стеною, отделялся от внутреннего только пурпуровыми коврами, развешанными между четырьмя столбами, и находился под одною с ним кровлею. В святилище стоял идол, а конь его — в особенном здании, где хранилась казна и все драгоценности.

Храм в Ретре, также деревянный, славился изображениями богов и богинь, вырезанных на внешних его стенах; внутри стояли кумиры, в шлемах и латах; а в мирное время хранились там знамена. Дремучий лес окружал сие место: сквозь просеку, вдали, представлялось глазам море в виде грозном и величественном. Достойно примечания, что славяне балтийские вообще имели великое уважение к святыне храмов и в самой неприятельской земле боялись осквернить их.

О капищах славян российских не имеем никакого сведения: Нестор говорит только об идолах и жертвенниках, но удобность приносить жертвы во всякое время и почтение к святыне кумиров требовали защиты и крова, особенно же в странах северных, где холод и ненастье столь обыкновенны и продолжительны. Нет сомнения, что на холме киевском и на берегу Волхова, где стоял Перун, были храмы, конечно, не огромные и не великолепные, но сообразные с простотою тогдашних нравов и с малым сведением людей в искусстве зодческом.

Нестор также не упоминает о жрецах в России; но всякая народная вера предполагает обряды, коих совершение по-

ручается некоторым избранным людям, уважаемым за их добродетель и мудрость, действительную или мнимую. По крайней мере, все другие народы славянские имели жрецов, блюстителей веры, посредников между совестью людей и богами. Не только в капищах, но и при всяком священном дереве, при всяком обожаемом источнике находились особенные хранители, которые жили подле оных в маленьких хижинах и питались жертвою, приносимую их божествам. Они пользовались народным уважением, имели исключительное право отпускать себе длинную бороду, сидеть во время жертвоприношений и входить во внутренность святилища. Воин, совершив какое-нибудь счастливое предприятие и желая изъяснить благодарность идолам, разделял свою добычу с их служителями. Правители народа без сомнения утверждали его в почтении к жрецам, которые именем богов могли обуздывать своеволие людей грубых, новых в гражданской связи и еще не смиренных действием власти постоянной. Некоторые жрецы, обязанные своим могуществом или собственной хитрости, или отменной славе их капищ, употребляли его во зло и присвоивали себе гражданскую власть. Так первосвященник рюгенский, уважаемый более самого короля, правил многими славянскими племенами, которые без его согласия не дерзали ни воевать, ни мириться, налагал подати на граждан и купцов чужеземных, содержал 300 конных воинов и рассылал их всюду для грабежа, чтобы умножать сокровища храма, более ему, нежели идолу принадлежавшие. Сей главный жрец отличался от всех людей длинными волосами, бороною, одеждою.

Священники именем народа приносили жертвы и предсказывали будущее. В древнейшие времена славяне закалывали, в честь бога невидимого, одних волов и других животных, но после, омраченные суевением идолопоклонства, обгаляли свои требища кровию христиан, выбранных по жребию из пленников или купленных у морских разбойников. Жрецы думали, что идол увеселяется христианскою кровию, и к довершению ужаса пили ее, воображая, что она сообщает дух пророчества. В России также приносили людей в жертву, по крайней мере во времена Владимировы. Балтийские славяне дарили идолам головы убиенных опаснейших неприятелей.

Жрецы гадали будущее посредством коней. В Арконском храме держали белого, и суевренные думали, что Святовид ездит на нем всякую ночь. В случае важного намерения водили

его чрез копыя: если он шагал сперва не левою, а правую ногу, то народ ожидал славы и богатства. В Штеттине сей конь, порученный одному из четырех священников главного храма, был вороной и предвещал успех, когда совсем не касался ногами до копий. В Ретре гадатели садились на землю, шептали некоторые слова, рылись в ее недрах и по веществам, в ней находимым, судили о будущем. Сверх того, в Арконе и в Штеттине жрецы бросали на землю три маленькие дощечки, у коих одна сторона была черная, а другая белая: если они лежали вверх белою, то обещали хорошее; черная означала бедствие. Самые женщины рюгенские славились гаданием, они, сидя близ разложенного огня, проводили многие черты на пепле, которых равное число знаменовало успех дела.

Любя народные торжества, языческие славяне оставили в году разные праздники. Главный из них был по собрании хлеба и совершался в Арконе таким образом: первосвященник накануне должен был вымести святилище, неприступное для всех, кроме его; в день торжества, взяв из руки Святовидова рог, смотрел, наполнен ли он вином, и по тому угадывал будущий урожай; выпив вино, снова наполнял им сосуд и вручал Святовиду; приносил богу своему медовый пирог длиною в рост человеческий: спрашивал у народа, видит ли его, — и желал, чтобы в следующий год сей пирог был уже съеден идолом в знак счастья для острова; наконец объявлял всем благословение Святовидова, обещая воинам победу и добычу.

Другие славяне, торжествуя собрание хлеба, обрекали петуха в дар богам и пивом, освященным на жертвеннике, обливали скот, чтобы предохранить его от болезней. В Богемии славился майский праздник источников. Дни народного суда в Вагрии, когда старейшины, осененные священными дубами, в мнимом присутствии своего бога Прова решали судьбу граждан, были также днями общего веселия. Мы упоминали, единственно по догадке, о языческих торжествах славян российских, которых потомки доньше празднуют весну, любовь и бога Лада в сельских хороводах, веселыми и шумными толпами ходят завивать венки в рощах, ночью посвящают огни Купалу и зимою воспевают имя Коляды.

Во многих землях славянских сохранились также следы праздника в честь мертвых: в Саксонии, в Лаузице, Богемии, Силезии и Польше народ 1 марта ходил в час рассвета с факелами на кладбище и приносил жертвы усопшим.

В сей день немецкие славяне выносят из деревни соломенную чучелу, образ смерти, сожигают ее или бросают в реку

и славят лето песнями. В Богемии строили еще какие-то театры на распутиях для успокоения душ и представляли на них, в личинах, тени мертвых, сими играми торжествуя память их. Такие обыкновения не доказывают ли, что славяне имели некоторое понятие о бессмертии души, хотя Дитмар, историк XI века, утверждает противное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушение тела, считали совершенным концом бытия человеческого?

Погребение мертвых было также действием священным между языческими славянами. Историки немецкие — более догадкою, основанною на древних обычаях и преданиях, нежели по известиям современных авторов — описывают оное следующим образом: старейшина деревни объявлял жителям смерть одного из них посредством черного жезла, носимого со двора на двор. Все они провожали труп с ужасным воем, и некоторые женщины в белой одежде лили слезы в маленькие сосуды, называемые плачевными. Разводили огонь на кладбище и сожигали мертвого с его женою, конем, оружием; собирали пепел в урны, глиняные, медные или стеклянные, и зарывали вместе с плачевными сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями или ограждали столпами. Печальные обряды заключались веселым торжеством, которое именовалось Отравою и было еще в VI веке причиною великого бедствия для славян, ибо греки воспользовались временем сего пиршества в честь мертвых и наголову побили их войско.

Славяне российские — кривичи, северяне, вятичи, радимичи — творили над умершими тризну: показывали силу свою в разных играх воинских, сожигали труп на большом костре и, заключив пепел в урну, ставили ее на столпе в окрестности дорог. Сей обряд, сохраненный вятичами и кривичами до времен Нестора, изъясняет воинственный дух народа, который праздновал смерть, чтобы не страшиться ее в битвах, и печальными урнами окружал дороги, чтобы приучить глаза и мысли свои к сим знакам человеческой тленности. Но славяне киевские и волынские издревле погребали мертвых; некоторые имели обыкновение вместе с трупом зарывать в землю сплетенные из ремней лестницы; ближние умершего извили лица свои и закалывали на могиле любимого коня его.

Все народы любят веру отцов своих, и самые грубые, самые жестокие обыкновения, на ней основанные и веками утвержденные, кажутся им святынею. Так и славяне языческие, закоренелые в идолопоклонстве, с великою упорностью в те-

чение многих столетий отвергали благодать Христову. Святой Колумбан, в 613 году обратив многих немецких язычников в веру истинную, хотел проповедывать ее святое учение и в землях славян, но, утраченный их дикостью, возвратился без успеха, объявляя, что время спасения еще не наступило для сего народа. Видя, сколь христианство противно заблуждениям язычества и как оно в средних веках более и более распространялось по Европе, славяне отлично ненавидели его и, принимая всякого иноплеменного в сограждане, отворяя Балтийские гавани свои для всех мореходцев, исключали одних христиан, брали их корабли в добычу, а священников приносили в жертву идолам. Немецкие завоеватели, покорив вендов в Германии, долго терпели их суеверие, но, озлобленные, наконец, упорством сих язычников в идолопоклонстве и в древних обычаях вольности, разрушили их храмы, сожгли заповедные рощи и самых жрецов истребили, что случилось уже гораздо после того времени, как Владимир просветил Россию учением христианским.

Собрав исторические достопамятности славян древних, скажем нечто о языке их. Греки в шестом веке находили его весьма грубым. Выражая первые мысли и потребности людей необразованных, рожденных в климате суровом, он должен был казаться диким в сравнении с языком греческим, смягченным долговременною жизнью в порядке гражданского, удовольствиями роскоши и нежным слухом людей, искони любивших искусства приятные. Не имея никаких памятников сего первобытного языка славянского, можем судить о нем только по новейшим, из коих самыми древними считаются наша Библия и другие церковные книги, переведенные в IX веке св. Кириллом, Мефодием и помощниками их. Но славяне, приняв христианскую веру, заимствовали с нею новые мысли, избрели новые слова, выражения, и язык их в средних веках, без сомнения, так же отличался от древнего, как уже отличается от нашего. Рассеянные по Европе, окруженные другими народами и нередко ими покоряемые, славянские племена утратили единство языка, и в течение времени произошли разные его наречия, из коих главные суть:

1) Русское, более всех других образованное и менее всех других смешанное с чужеземными словами. Победы, завоевания и величие государственное, возвысив дух народа российского, имели счастливое действие и на самый язык его, который, будучи управляем дарованием и вкусом писателя умного, может равняться ныне в силе, красоте и приятности

с лучшими языками древности и наших времен. Будущая судьба его зависит от судьбы государства...

2) Польское, смешанное со многими латинскими и немецкими словами: им говорят не только в бывшем Королевстве Польском, но и в некоторых местах Пруссии, дворяне в Литве и народ в Силезии, по сю сторону Одера.

3) Чешское, в Богемии, в Моравии и Венгрии, по утверждению Иорданову, ближайшее к нашему древнему переводу Библии, а по мнению других богемских ученых, среднее между кроатским и польским. Венгерское наречие именуется славацким, но разнится от чешского большею частью только в выговоре, хотя авторы Многоязычного словаря признают его особенным. Впрочем, и другие славянские наречия употребляются в Венгрии.

4) Иллирическое, то есть болгарское; самое грубое из всех славянских — боснийское, сербское; самое приятнейшее для слуха, как многие находят, — славонское и далматское.

5) Кроатское, сходное с виндским в Стирии, Каринтии, Крайне, также с лаузицким, котбузским, кашубским и люховским. В Мейсене, Бранденбурге, Померании, Мекленбурге и почти во всем Люнебурге, где некогда славянский язык был народным, он уже заменен немецким.

Однако ж сии перемены не могли совершенно истребить в языке нашем его, так сказать, первобытного образа, и любопытство историков хотело открыть в нем следы малоизвестного происхождения славян. Мы знаем, что венеды издревле жили в соседстве с немцами и долгое время в Дакии (где язык латинский со времен Траяновых был в общем употреблении), воевали в империи и служили императорам греческим, но сии обстоятельства могли бы ввести в язык славянский только некоторые особенные немецкие, латинские или греческие слова и не принудили бы их забыть собственные, коренные, необходимые в самом древнейшем обществе людей, то есть в семейственном. Из чего вероятным образом заключают, что предки сих народов говорили некогда одним языком. Каким, неизвестно, но, без сомнения, древнейшим в Европе, где история находит их, ибо Греция, а после и часть Италии населена пеласгами, фракийскими жителями, которые прежде эллинов утвердились в Морее и могли быть единоплеменны с германцами и славянами. В течение времен удаленные друг от друга, они приобретали новые гражданские понятия, выдумывали новые слова или присваивали чужие и долженствовали чрез несколько веков говорить уже

языком различным. Самые общие, коренные слова легко могли измениться в произношении, когда люди еще не знали букв и письма, верно определяющего выговор.

Сие важное искусство — немногими чертами изображать для глаз бесчисленные звуки — свела Европа, как надобно думать, уже в позднейшие времена и, без сомнения, от финикийян, или непосредственно, или через пеласгов и эллинов. Нельзя вообразить, чтобы древние обитатели Пелопоннеса, Лациума, Испании, едва вышедши из дикого состояния, могли сами выдумать письмена, требующие удивительного разума и столь непонятного для обыкновенных людей, что они везде приписывали богам изобретение оных: в Египте Фойту, в Греции Меркурию, в Италии богине Карменте, а некоторые из христианских философов считали десять Моисеевых заповедей, рукою всевышнего начертанных на горе Синайской, первым письмом в мире. К тому же все буквы народов европейских: греческие, мальтийские, так называемые пеласгские в Италии, этрурийские (доныне видимые на монументах сего народа), галльские, изображенные на памятнике мученика Гордиана, Улфиловы, или готфские, кельтиберские, бетские, турдетанские в Испании, руны скандинавов и германцев более или менее сходствуют с финикийскими и доказывают, что все они произошли от одного корня. Пеласги и аркадцы принесли их с собою в Италию, а наконец и в Марселию к тамошним галлам. Испанцы могли научиться письму от самих финикийян, основавших Гартесс и Гадес за 1100 лет до Рождества Христова. Турдетане во время Страбоново имели письменные законы, историю и стихотворения. Каким образом европейский Север получил буквы, мы не знаем: от финикийских ли мореплавателей, торговавших оловом британским и янтарем прусским, или от народов южной Европы? Второе кажется вероятнее, ибо руническое и готфское письмо сходнее с греческим и латинским, нежели с финикийским. Оно могло в течение веков чрез Германию или Паннонию дойти от Средиземного моря до Балтийского с некоторыми переменами знаков.

Как бы то ни было, но веныды или славяне языческие, обитавшие в странах балтийских, знали употребление букв. Дитмар говорит о надписях идолов славянских: ретрские кумиры, найденные близ Толлензского озера, доказали справедливость его известия; надписи их состоят в рунах, заимствованных веныдами от готфских народов. Сии руны, числом 16, подобно древним финикийским, весьма недостаточны для языка сла-

вянского, не выражают самых обыкновенных звуков его и были известны едва ли не одними жрецам, которые посредством их означали имена обожаемых идолов. Славяне же богемские, иллирические и российские не имели никакой азбуки до 863 года, когда философ Константин, названный в монашестве Кириллом, и Мефодий, брат его, жители Фессалоники, будучи отправлены греческим императором Михаилом в Моравию к тамошним христианским князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу для перевода церковных книг с греческого языка, изобрели славянский особенный алфавит, образованный по греческому, с прибавлением новых букв: Б, Ж, Ц, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Ю, Я. Сия азбука, называемая кирилловскою, донныне употребляется с некоторыми переменами в России, Валахии, Молдавии, Болгарии, Сербии и проч. Славяне далматские имеют другую, известную под именем глагольской, или буквицы, которая считается изобретением святого Иеронима, но ложно, ибо в IV и в V веке, когда жил Иероним, еще не было славян в римских владениях. Самый древнейший ее памятник, нам известный, есть харатейная Псалтирь XIII века, но мы имеем церковные Кирилловские рукописи 1056 года: надпись Десятиной церкви в Киеве принадлежит еще ко временам Святого Владимира. Сия глагольская азбука явно составлена по нашей, отличается кудрявостью знаков и весьма неудобна для употребления. Моравские христиане, пристав к римскому исповеданию, вместе с поляками начали писать латинскими буквами, отвергнув Кирилловы, торжественно запрещенные папою Иоанном XIII. Епископы салонские в XI веке объявили даже Мефодия еретиком, а письмена славянские — изобретением арианских готфов. Вероятно, что сие самое гонение побудило какого-нибудь далматского монаха выдумать новые, то есть глагольские буквы и защитить их от нападения римских суеверов именем святого Иеронима. Ныне в Богемии, Моравии, Силезии, Лаузице, Кассубии употребляются немецкие; в Иллирии, Крайне, Венгрии и Польше латинские. Славяне, которые с VIII века утвердились в Пелопоннесе, приняли там греческую азбуку.

Итак, предки наши были обязаны христианству не только лучшим понятием о творце мира, лучшими правилами жизни, лучшею без сомнения нравственностью, но и пользою самого благодетельного, самого чудесного изобретения людей: мудрой живописи мыслей, изобретения, которое, подобно утренней заре, в веках мрачных предвестило уже науки и просвещение» [108].

Глава IX

Вандалы, веныды и прочие вандалята — «брызги» единого народа?!

Нет более грозных дейлемитов; исчезли храбрые чигили и ягма; без следа пропали древние хоразмии; куда девались халаджи, карлуки и могучий этнос гурцев?..

Однако потомки у всех есть, и они живут, но в составе других этносов, ибо этносы — система, а не человеческое поголовье с условным названием, которое можно менять по произволу.

Л. Н. Гумилев

Тысячелетие вокруг Каспия

С проблемой происхождения славян связана еще одна загадка. На старинных картах, вплоть до середины XIX в., практически все южное побережье Балтики, от Дании до Эстонии, называлось Венедским берегом. Из чего должно следовать, что когда-то здесь жили веныды и что нынешние жители этих мест — балты являются их прямыми потомками. Однако, как считают многие историки, на роль таких потомков претендуют также и западные славяне: «...вандалы, которые где ныне часть Голстинии и Галсация, якоже Меклебургия, Померания, Бранденбургия, кратко сказать, едва не вся Нижняя Саксония, обладав, населились и были весьма в Европе славны... Оные же вандалы сами всегда веныды имяно-

вались, и как оттуда часть в Русь перешед, русов сарматов (т. е. угро-финнов) овладели, то доднесь сарматы, а более фины нас венеди, или венелайнен, имянуют» [59]. О призвании Рюрика: «Дюрет в истории о языке обсием сказал, что Рюрик из вандалии, чемы, мню, и польские последовали, яко Стрыковский говорит: „Понеже русские море, обливающее Прусы, Швецию, Данию, Ливонию и Лифляндию, Варяжским имяновали, убо князи оные из Швеции, Дании или соседства ради обсчих границ из Прусов над Русью владели. Есть же город Вагрия, издревле славный, в Вадалии близ Любека, от которого море Варяжское имяновано, а понеже вандалы — славяне, и потому русские едиnorodных себе князей вагров или варягов избрали“ [59].

В этом вопросе с В. Н. Татищевым единодушно большинство современных историков, которые полагают, что венедями назывались западные славяне в отличие от восточных, называемых антами. И такое мнение достаточно правдоподобно и справедливо, так как имеет под собой весьма веские основания. Возьмем топонимику. «Когда вы читаете у Пушкина в стихах: „От Рушюка до старой Смирны, от Трапезунда до Тульчи...“, вы можете взять карту и найти на ней все географические имена... Смирна — в Малой Азии, Трапезунд — на Черном море, Тульча — на Дунае...

Но попробуйте разыскать имена, перечисленные Алексеем Толстым в таком четверостишье из баллады „Боривой“:

*И от бодричей до Ретры,
От Осны до Дубовика,
Всюду весть разносят ветры
О победе той великой...*

Их нет ни на каких картах. Пожалуй, единственное, что вы обнаружите, — это городок Оснабрюк в Западной Германии — „Осининский мост“ в переводе на русский язык. Знаменитое святилище Ретра, или Радогошь, с его именем, произведенным от личного славянского имени Родогост, принадлежащее западнославянскому племени бод-

ричей, или бодричан, после завоевания этих земель немцами было переименовано ими и получило ничего ни по-славянски, ни по-немецки не означавшее название Ридегаст (возле нынешнего Гамбурга). Отзвук имени Дубовик, возможно, сохранился в названии Добин, в Шверине, а само это название Шверин когда-то звучало, как славянское Зверин. Тот же Брунзовик, который упоминается в стихотворении А. Толстого строкой раньше („Генрих Лев... в Брунзовик пошел обратно...“), в устах немцев-завоевателей превратился в Брауншвейг.

Земли Северной Германии, какой она была до Второй мировой войны, полны переделанными до неузнаваемости древнеславянскими именами мест.

Был в Померании городок, называвшийся Бельгард. Имя похоже на другие имена, но ни одному немцу непонятен его смысл и значение. Теперь, когда Померания стала Польским Поморьем, этот город именуется Бялоград, то есть Белоград.

Из древнего Поморья немцы сделали свое Померн — Померания; никакого отношения к цитрусовому плоду, горькому померанцу, это имя не имело; оно тоже ровно ничего не значило по-немецки. Славянский Старгород они превратили в Штаргард.

Да и в более южных германских провинциях таких онемеченных славянских имен пруд пруди. Вот Дрезден — западнославянское Држдяне, означавшее то же, что у восточных славян древляне — лесные люди. Вот Лейпциг, по-славянски называвшийся Липецк. Германские завоеватели чаще всего не выдумывали для города или поселка совсем иного имени; они до неузнаваемости переименовывали славянское имя, обесмысливая его, но зато делая похожим на непонятное немецкое слово» [62].

Так что уместен вопрос: кто же чей сын? Кто же на самом деле является потомком древних венедов: поляк из Гданьска или латыш из Риги?

В принципе этот вопрос можно разрешить на том основании, что балтийские языки, к которым относятся язык латышей и литовцев, а также исчезнувший язык пруссов, народа, давшего название Пруссии, очень схожи, до изумления схожи со славянскими языками. Они настолько

родственны между собой, что известный болгарский ученый-лингвист В. Георгиев выдвинул интересную теорию. Но дадим слово Ю. Откупщикову: «Те праславянские слова, которые в этимологических реконструкциях не могут быть засвидетельствованы в памятниках славянской письменности, довольно часто обнаруживаются в современном... литовском языке. Строй этого языка настолько архаичен, что болгарский академик В. Георгиев высказал по этому поводу, казалось бы, совершенно парадоксальную мысль: поскольку мы не располагаем непосредственными данными праславянского языка, их место в исследованиях, в отдельных случаях, могут заменить данные... литовского языка» [47].

Также близок к славянскому и пантеон языческих балтских богов. Так славянскому Перуну соответствовал балтский Пяркунас. И многое другое.

По-видимому термин «славяне» более позднего происхождения, чем термины «ант» и «венед», и предназначался именно для того, чтобы отличать в общей венедской общности вновь прибывших (славян) от аборигенов (балтов). При этом старое название восточных и южных славян — «ант» является по своей сути сокращенной формой термина «вант» и относится к понятию «венед». Это утверждение проистекает хотя бы из того факта, что арабские источники называют земли одного из антских (восточно-славянских) племен — вятичей именем Вантит, то есть земель вантов.

А это все говорит за то, что балты и славяне происходят из одного корня, или другими словами — очень близкие родственники. Так что если бы мы смогли задать вопрос древнему жителю Прибалтики — венеду: кто твой сын (что по-литовский звучит: кас тава сунус?), то, возможно, получили бы ответ: мой сын балт, а славянин мой брат. Такой ответ должен следовать хотя бы потому, что балтские языки настолько архаичны, что сохранили все черты того корня, то есть праязыка, на котором говорили наши общие праотцы. Следовательно, славянский язык сформировался где-то вдали от балтского, а славяне появились на Балтике значительно позднее балтов. И это же должно означать, что и у балтов, и у славян когда-то была другая

общая прародина, которую они покинули в разное время: сначала балты, а потом и славяне.

Однако проблема венедов более сложная и глубокая, чем это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что на исторической арене венеды под разными названиями: венеты, вандалы, анты, анды — появляются в разное время и в различных частях Европы и даже на разных континентах: например, в Африке, в Марокко.

Об этой стране мы читаем: «С ласковым плеском взбегают на берег зеленые прозрачные волны, секунду помедлив, они откатываются назад. Вы стоите на низком берегу, окаймленном песчаными дюнами. Перед вами древняя земля Марокко. Свидетелями скольких событий были эти пески!

Они видели корабли первых мореходов древности — финикийцев, которые основали здесь в VII в. до н. э. колонии, подвластные великому Карфагену. Они слышали тяжелую поступь римских легионеров, боевые кличи вандалов, звон оружия византийцев и топот арабских коней.

Неширокая полоса Атлантического побережья представляет собой низменность, а вся остальная территория Марокко покрыта плато и горными хребтами. Снеговые вершины Высокого Атласа, сверкающие в лучах африканского солнца, поднимаются на высоту 4000 м» (*Блатов Д. Д.* и др. *Детская энциклопедия*. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1962, с. 62).

За тысячи километров от Марокко и Балтики, на Дунае, расположен город, с которым также связывают венедов, — это столица Австрии Вена. Город был известен как крупный центр уже в Средние века, он лежал на так называемой янтарной дороге — на торговом пути от Балтийских стран к Средиземноморью. Именно этим путем перевозили с Балтики в богатые средиземноморские города янтарь.

Вена расположена на том месте, где Дунай, прорвавшись сквозь горные теснины, выходит на равнину. Эта равнина, получившая название Венского бассейна, издавна привлекала к себе поселенцев. Вплотную к Вене примыкает один из северо-восточных отрогов горной системы Альп — Венский лес.

А за тысячу километров от Вены находится «Атлантическая Вандалия» — это бретонская провинция Вандея, что на берегу Атлантического океана. Само ее название происходит от слова «вандал». Интересно то, что она расположена на землях древней галльской Арморики, описанной Юлием Цезарем в «Записках о галльской войне», где в стране андов жили те самые венеды, с которыми римляне вели продолжительную и трудную морскую войну: «Молодой Красс зимовал с 7-м легионом у самых берегов Океана, в стране андов. Так как в этих местах было мало хлеба, то он разослал по соседним общинам за провиантом нескольких командиров конницы и военных трибунов. Между прочим, Т. Террасидий был послан к эскубиям, М. Требий Галл — к куриосолитам, Кв. Веланий с Т. Силием — к венетам» [72]. А далее у Цезаря идет подробное описание того, как эти самые венеды своим флотом испортили много крови римлянам.

В другой части Европы, далеко от древней Арморики, находится уже современная страна андов. Речь идет об испанской провинции Андалузии, название которой происходит от некогда пришедших сюда венедов — андов.

Туристические проспекты настойчиво приглашают посетить эту провинцию, «страну солнца, песен и памятников старины», посмотреть знаменитую мечеть в Кордове, сады Алькасара и башню Ла-Хиральда в Севилье, и чудесную Гранаду. Старинная испанская пословица гласит: «Кто не видел Гранаду, тот не видел ничего». Этот город находится в живописной долине, на фоне суровых скалистых гор. Он как бы дремлет на берегу небольшой речки Халиль. Арабы называли Гранаду «частицей неба, упавшей на землю». Андалузия — одна из житниц страны. Крупнейший центр виноделия — Малага. Это торгово-промышленный город. Из его порта вывозят вино, фрукты, оливковое масло и свинец. Самый большой город Андалузии — Севилья.

Эта часть страны лежит на юге Пиренейского полуострова у берегов Атлантического океана и Средиземного моря, как раз напротив Марокко.

На другом полуострове, на Апеннингах, находится еще одна «вандалия» — Венеция. Ныне этот город, расположенный на восточном берегу полуострова, омываемого

Адриатическим морем, является крупным портом. Город расположен на 118 островах, и к нему ведет с берега Венецианской лагуны четырехкилометровый мост. Вместо улиц весь город прорезают каналы.

Несколько столетий Венеция была столицей богатой Венецианской республики. Так же, как Генуя, она торговала со многими странами. Ее богатые купцы построили в родном городе много роскошных палат — дворцов (палатто). В центре города — огромная площадь Св. Марка. Ее окаймляют древние здания, в которых размещались когда-то правительственные учреждения Венецианской республики. На этой площади выделяются своей красотой собор св. Марка и Дворец дождей.

Так вот, по преданию, Венецию основали вены, прибывшие на Апеннины откуда-то из Малой Азии.

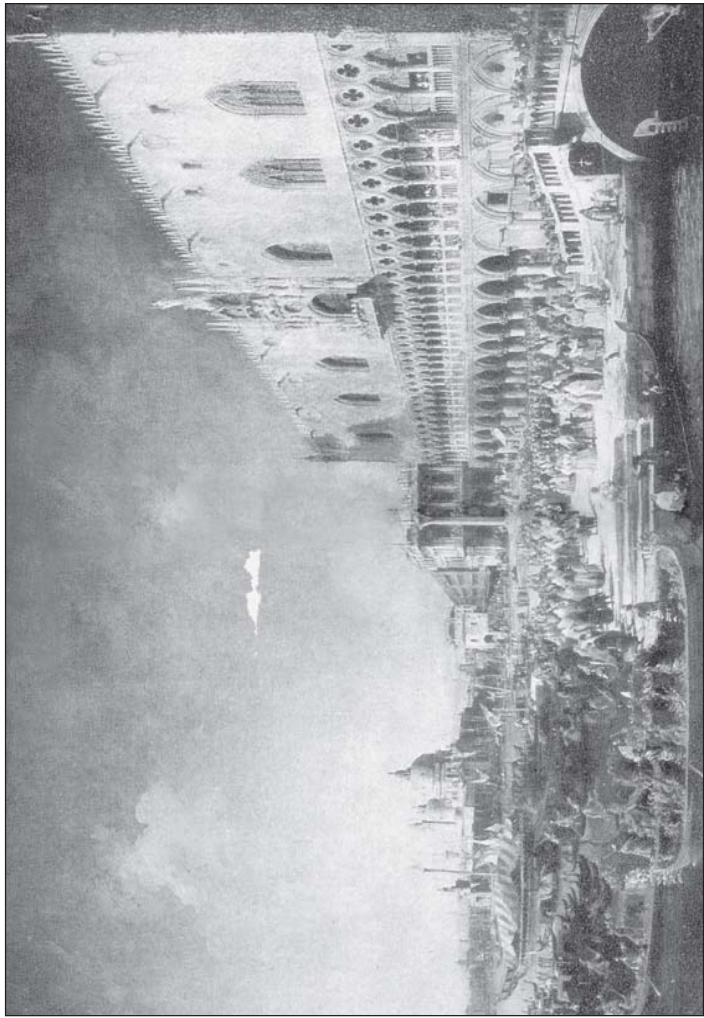
Теперь обратимся к Парижу.

Сейчас — это огромный многоликий город. «Большой Париж» раскинулся на площади 1500 км². Однако возник он две тысячи лет назад из небольшого поселка Лютеции на острове Сите, посредине Сены. Теперь на этом острове находится знаменитый собор Парижской Богородицы. Площадь перед собором считается географическим центром французской столицы. По преданию и по скучным историческим сведениям, Лютецию основали вены — паризии, от которых город и получил свое название. Якобы паризиев (или парисиев) выселили (или позволили им переселиться) с побережья Океана римляне в период их господства в Галлии.

Итак, что же получается?

А получается удивительный парадокс: жители Марокко, Андалузии, Вены, Венеции и Парижа являются родственниками латышей, литовцев, русских, поляков, болгар и других славян.

Но что общего? Что общего между флегматичным латышом и подвижным, как ртуть, марокканцем? Что общего между семитским марокканским языком и индо-европейским французским? Что общего между тарантеллой и гопаком? Что общего между грассирующим парижским «г» и раскатистым славяно-балтийским «р»? В это родство трудно поверить. Это предположение выглядит настолько

Прием французского посла в Венеции, (1740 г.) Каналетто, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

нелепо, что В. И. Паранин, возражая В. Н. Татищеву относительно венедов, заявил: «Как и в случае с варягами... приход венедов не более чем предположение, к тому же мест, откуда можно их вывести, множество. Например, известны венеды в Бретани (Вандея), венеты, жившие на побережье Адриатики, дали название Венеции и т. д. Неужели всерьез можно воспринимать мнение, что вандалы в Северной Африке, Испании, Франции, на Дунае, на севере Восточной Европы — это «брызги» единого народа?»

Конечно, тот же Л. Н. Гумилев посредством «пассионарного взрыва» вполне мог бы обосновать появление «осколков» данного народа и на Дальнем Востоке, и даже за океаном, но не слишком ли односторонен такой подход?

И коль скоро человек склонен упорядочивать свою жизнь, в том числе и в пространственном аспекте, то в обширных регионах, с господством даже не очень близкородственных языков, компоненты двух, трех, четырех и более систем, занимающих одинаковое положение в данных системах (например к востоку от центра), могут именоваться одинаково. А поскольку системы расселения могут быть различных таксонометрических уровней, то количество тех же вандалов, вандалищ и вандалят может быть теоретически бесконечным.

Достаточно заглянуть в латинский словарь (никто не будет отрицать тесной связи латыни с другими европейскими языками), чтобы найти лингвистическую основу этнонимов «венеды», «венеты», «вандалы»: *veneti* — «партия голубых» (в цирковых играх); *venetum* — «синева», «лазурь»; *venetus* — «цвет морской волны, голубой, лазоревый»; *venio, veni, ventum* — «восходить, подниматься, расти, появляться». Таким образом, нет никаких сомнений, что имя «венеды» относится к восточным компонентам ряда территориальных систем в Европе» [48].

Проще говоря, В. И. Паранин считает, что слово «венед» — это не самоназвание родственных народов, а прозвище, данное разным племенам и народам, расположившимся к востоку от какого-либо географического центра. Ну, например, Венеция была названа так потому, что расположена на востоке Апеннин и, следовательно, жители ее поэтому и назывались венедями.

Доводы В. И. Паранина выглядят очень убедительно. Действительно, римские цирковые партии «венетов» располагались именно на восточной стороне трибун. Однако при более внимательном рассмотрении проблемы начинают проявляться некоторые интересные нюансы, ускользнувшие от внимания уважаемого ученого.

Во-первых, интересно было бы знать, по отношению кого или чего находились на восток «вандалии» Марокко и Бретани, если они расположены на самых западных оконечностях двух континентов: Европы и Африки? Разве что по отношению к американским индейцам или к атлантической селедке.

Во-вторых, каким образом финны могут называть балтов и славян «восточными», если те находятся от Финляндии как раз на юг и юго-запад?

В-третьих, если имя «венед» — это римское прозвище восточных народов, то совсем необязательно, что его должны были бы с радостью воспринять эти народы. Например, прозвище «москаль» не только не воспринимается русскими, но и яростно отторгается. Следовательно, если кто-либо из этих народов и воспринял название «венед» от римлян, то для этого у них должны были бы быть, так сказать, свои, внутренние основания, то есть чувство причастности к этому термину.

И, наконец, самое главное.

Между всеми вандалами и вандалятами прослеживается нечто общее, что действительно делает их «брызгами одного народа».

Чтобы это показать, снова обратимся к запискам Цезаря о галльской войне как к наиболее раннему и достоверному историческому документу о венедах, в котором очень четко подмечены наиболее характерные черты венедакского менталитета и образа жизни: «Это племя пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в Британию, а также превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нем. При сильном и не встречающем себе преград морском прибое и при малом количестве гаваней, которые вдобавок находятся в руках именно вене-

тов, они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю.

Венеты и их союзники стали готовиться к войне соответственно с опасностью, которой она угрожала; главным же образом, они стали приводить в боевую готовность свой флот, возлагая на него тем большие надежды, что они были уверены в естественных выгодах своей страны. Они знали, что их сухопутные дороги перерезаны лагунами, а плавание затруднительно по незнакомству с местностью и вследствие малочисленности гаваней. Согласно с принятым решением, они укрепляют города, свозят в них хлеб из деревень, стягивают как можно больше кораблей в Венецию, где Цезарь несомненно должен был начать военные действия. Для совместного ведения этой войны они принимают в союзники осисмов, лексовиев, намнетов, амбилиатов, моринов, диаблинтов, менапиев, а вспомогательные войска берут из противоположащей Британии.

Тамашние города обыкновенно были расположены на конце косы или на мысу, и к ним нельзя было подойти ни с суши, так как два раза в день, через каждые двенадцать часов, наступал морской прилив, ни с моря, так как при наступлении отлива корабли терпели большие повреждения на мели. Таким образом, то и другое затрудняло осаду городов. И если удавалось взять верх над жителями сооружением огромной насыпи и плотин, которые отбивали волны и достигали высоты городской стены, заставляя их отчаиваться в своем спасении, тогда они пригоняли множество судов, которые были у них в изобилии, увозили на них свои пожитки и укрывались в ближайших городах. Там они снова оборонялись, пользуясь теми же выгодами местоположения. Все это тем легче удавалось им в течение значительной части лета, что наши корабли задерживались бурями и вообще плавание по безбрежному и открытому морю с высокими волнами его приливов и при редкости и даже полном отсутствии гаваней было чрезвычайно затруднительно.

Когда наш флот сталкивался с судами венетов, то он брал верх единственно быстротой хода и работой гребцов, а во всем остальном галльские корабли удобнее при-

способлены к местным условиям и к борьбе с бурями. Когда начинал свирепеть ветер и они все-таки пускались в море, им было легче переносить бурю и безопаснее держаться на мели, а когда их захватывал отлив, им нечего было бояться скал и рифов. Наоборот, все подобные неожиданности были очень опасны для наших судов» [72].

Итак, что же мы видим?

Первое: веныды Галлии держали в своих руках всю морскую торговлю с Британскими островами. И это одна из главных отличительных черт, присущая всем без исключения венедам. Судите сами: Венеция — богатая и мощная торговая республика. Балтийская Венедия — это Ганза, аналогичная торговая республика на севере. Вена и Париж — крупные торговые центры на популярных и интенсивных речных торговых путях. Марокко и Андалузия — это Гибралтар. Кто им владел, тот контролировал всю торговлю между Средиземноморским и Атлантическим побережьем.

Второе: веныды повсеместно занимали землю, граничившую с водой: берега моря, реки, залива, озера. При этом качество земельных угодий их не особо волновало. Более того, они чаще всего занимали земельные неудобья. Вспомним, Венеция расположена на 118 островах в лагуне, до берега которой аж 4 километра. Веныды в Арморике имели города, находившиеся на мысах и косах в зоне прилива. Лютетия занимала остров посреди реки. Создается впечатление, что веныды придерживались принципа: «Земля ваша, вода наша». Ибо вода для венедов — защита, благосостояние, источник существования.

Третье: веныды обладали высокой морской культурой. Вспомним, что говорил Цезарь: они превосходят галлов знанием морского дела и опытностью в нем; венединские корабли приспособлены к борьбе с бурями лучше римских. И это относится ко всем венедам без исключения.

Таким образом, все веныды, независимо от места их проживания, имели, кроме общего названия, и общие характерные черты, отличавшие их от других соседних народов и объединявшие их в единую социально-культурную общность (и, по-видимому, в национальную общность).

Следовательно, сомнения уважаемого В. И. Паранина оказываются напрасными, и получается, что все-таки эти

венды, венеты, венецы и прочие вандалы и вандалята являются «брызгами единого народа», распространившегося по просторам древней ойкумены.

Но «брызгами» какого народа являются венецы? Кто отец этих детей?

Чтобы ответить на эти вопросы, применим способ, известный в морском деле, артиллерии и геодезии: определение координаты цели по пеленгам на нее из двух и более точек. За такие точки примем Венецию, Ригу и Киев, для которых у нас имеются косвенные ориентиры.

Первой точкой отсчета возьмем Венецию. По преданию, венецы пришли сюда откуда-то из Малой Азии или со стороны Малой Азии. Поэтому для определения места цели проведем прямую на восток от этого города и попробуем найти в Малой Азии какой-либо народ или племя или местность с названием, схожим и созвучным со словами «венд, венец, вандал, анд» и т. д. Но в Малой Азии наши поиски закончатся неудачей, так как ни в греческих, ни в римских хрониках ничего похожего нет (за исключением озера Ван, расположенного, однако, в глубине материка). Поэтому, продолжив поиски по побережью Черного моря и не найдя искомого и здесь, мы упрямся в Каспий и начнем поиски со стороны Риги.

Как мы говорили ранее, на Каспии, на мысе Токмак были найдены погребения в виде каменных ладей, полностью идентичные захоронениям на побережье Рижского залива. Поэтому проведем прямую от Риги на этот мыс и сделаем пересечение двух прямых в этой точке.

После этого попробуем сузить район наших поисков и начнем передвигать точку пересечения двух прямых на юг в сторону южного, иранского побережья. Туда, где говорили на древнем индоиранском языке — санскрите. Туда, в Ирию, рай древних славян, куда уходили души праведников из Киева, Новгорода и других славянских городов и весей, где студенты с чистой ключевой водой, при которых растут благоухающие цветы, где зреют на деревьях молодильные яблоки и сладко поют райские птицы. Туда, где по горам бродит былинный богатырь Святогор, где притаился огнедышащий Змей Горыныч.

Приближаясь к иранскому берегу, мы увидим удивительную и завораживающую картину: берег, покрытый густыми, непроходимыми лесами, плавно переходящий в мощный горный массив Эльбурс. И над всем этим высится, покрытая сияющими на солнце снегами, горная махина. Тот седой великан, видимый из любой точки южного побережья, гора-пятитысячник, святая гора Ирана, является потухшим вулканом. Эта гора называется Демавенд, или, как его прозвали в Иране, Дамаванд. Разложив название на составляющие, получим Дема и Венд, или Дама и Ванд, то есть венд и ванд.

Что это? Очередная Венеция — Вандалия, расположенная уже на третьем, Азиатском континенте, или дом, родина того народа, который мы ищем и «брызгами» которого являются все прочие европейские и африканские «вандалии» и вандалята.

Для этого попробуем понять, что же все-таки означает слово «Демавенд». С частью этого навания (-венд) мы как будто разобрались. Но что означает другая половина слова (дема-)? В Иране, как мы уже упоминали, применяется другая версия названия: Дамаванд, где -ванд является аналогом -венд. Следовательно, другой половиной будет дама-. Неправда ли, что-то в этом слове слышится знакомое: рыцарские романы, Дон Кихот, Дульсинея, рыцари и их дамы сердца. Получается, что этот седой великан был «дамой сердца» для вандов. Не очень понятно, но в принципе логично, потому что этот колосс, потухший вулкан, является горой и, следовательно, женщиной, с именем которой ванды (венды) могли уходить в свои походы.

Однако вероятно, что термин „дома“ в данном случае имеет совершенно иной смысл, и вот почему. Всем известен прославленный на весь мир Виктором Гюго собор Парижской Богоматери (по-французски — Нотер-Дам де Пари), — это название дословно переводится как Святая Матерь (Божья Мать) Парижа, — значит когда-то это слово — дама — содержало не только понятие «дама сердца», но и понятие «мать». Тогда название потухшего вулкана и Святой горы Ирана должно означать Мать венецов.

Если наши логические построения не являются, по выражению И. А. Шубина, «лингвистической эквилибристой», мы нашли не очередную „Венедию“, а нечто более значительное. Ибо все сходится. Гора называется матерью. Матерью венедов. А слово „мать“ несет в себе понятие святости и понятие родины. Отсюда и Святая гора русской былины о Святогоре-богатыре. Кроме того, это гора на самом деле — потухший вулкан, что и зафиксировано на картах. А значит, он когда-то извергался. Отсюда и Змей Горыныч русских былин.

Окончательный анализ слова «Демавэнд», какой заложен в нем смысл, оставим специалистам-лингвистам и посмотрим на проблему, так сказать, с другой стороны. Что же происходило на самом южном берегу Каспия за прошедшие тысячелетия?

О происхождении терминов «венед» и «венд». Византийская империя в раннее Средневековье

«В Константинополе и других городах ранней Византии существовало четыре цирковые партии: левки (белые), русии (красные), прасины (зеленые) и венеды (голубые), которые различались по цвету одежд возниц конных квадриг, участвовавших в ристалищах на ипподроме» [82].

Из приведенной цитаты в соответствии с исследованиями В. И. Паранина следует, что эти же названия были привязаны к частям света: левки — север, русии — юг, прасины — запад, венеды — восток.

Однако венеды Арморика, нынешней провинции Франции — Бретани, жили на самом западе Европейского континента. Следовательно, римляне времен Цезаря могли называть их так не по географическому признаку местожительства, а потому, что подметили в жителях Арморика такие черты, которые заставили римлян отнести поморцев Атлантики к Востоку: «персидскую» внешность, язык, религию и обычаи; «восточный», то есть «персидский», тип судов, на которых они плавали.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что Римская империя на востоке граничила с Ираном, поэтому римляне достаточно хорошо знали персов.

В связи с этим возникает вопрос: случайно ли то, что название «фриз» удивительно близко к названию «фарс», как называли римляне иранцев, или «парс», как их называли эллины? И если учесть то обстоятельство, что эти персы, по нашим представлениям, вышли из предгорий Демавенда, то появляется логика в предположении, что жители Арморики называли себя фризами — венедами (вендами), то есть персами (парсами, фарсами) из-под Демавенда.

Восточные веныды. Священные камни земли Вантит

*И на крайних пределах славянских
Лежит земля, называемая Вантит.
Гардизи (IX в.)*

«На российской земле не было, пожалуй, славянского народа более загадочного, чем вятичи. Таинственный народ, глухими лесами отгороженный от остального славянского мира, говоривший на обособленном языке, уже в начале IX в. имевший стройное монархическое государство, с VIII в. торговавший с Востоком и принимавший у себя гостей из далеких стран. Народ, создавший культуру, которая во многом не сохранилась, несмотря на то что сами вятичи не только выжили в исторической борьбе, но и здравствуют по сей день. Арабские источники, рассказывающие о вятичах подробнее, чем о многих других славянах, называют их земли именем Вантит (Ват, Вабнит); в русских же летописях эта земля названа просто по народу — Вятичи. Вероятно, имена эти родственны и восходят к общеславянскому этнониму „венеды, ваны“. Мощное государство вятичей занимало обширные земли в пределах современной Тульской, Калужской, Рязанской и других областей. Из многочисленных вятических городов выросли позднее такие феодальные центры, как Козельск, Брянск, Неринск. Письменные источники указывают на существование на земле Вантит городов, не доживших до времен объединенной Владимирской Руси. Это, прежде всего, Корьдно (в русских летописях), он же Хордаб (в восточных свидетельствах) — столица светлых князей Вантита. Светлые князья вятичей (иначе — князья князей) короновались еще в XI веке, когда государство сохраняло относительную независимость от Руси.

Стояла столица где-то на правом берегу Оки, вероятно, в Тульской области или сопредельных районах. Второй по значению город вятичей — Дедославль, религиозный центр всей этой земли, находившийся в дне конного пути от Корьдана. В свое время вятичи долго сопротивлялись экспансии власти киевских князей. Первую — безрезультатную — попытку подчинения вятичей предпринял в 964 году князь Святослав; через два года он снова двинулся на вятичей и сумел разбить их, заставив выплачивать дань Киеву. Но уже в 981 году его сыну, князю Владимиру, пришлось заново покорять вятичей. Вятичи учинили над Владимиром веселую шутку — формально подчинившись, они позволили князю убраться восвояси и после этого отказались платить дань. В результате князь провел два года (981—982), продираясь сквозь дремучие и враждебные леса то туда, то обратно. К середине XI века страна Вантит сохраняла определенную независимость, попадая постепенно в кольцо русских славянских княжеств. Летописи того времени откровенно противопоставляют славянскую Русь и страну Вятичи; Мономах пишет о своей поездке через эти земли в шестидесятых годах XI столетия как о героическом и опасном предприятии („проехахом сквозь Вятичи...“). Два десятка лет спустя Мономах дважды (1082—1083) ходил на Вантит воевать со светлым князем Ходотой и его сыном. Крещение Руси князем Владимиром в 988 году никак не отразилось на вятичах, дольше других восточнославянских народов сохранявших древнюю религию как официально государственную.

О древней ведической (языческой) религии вятичей известно несколько интересных фактов. Арабские источники указывают на большое значение культа огня в земле Вантит: „И все они поклоняются Огню“ (Ибн-Русте). У Гардизи находим упоминание о культе быка; до середины XIX века в Калужской области сохранился девичий головной убор „турица“ с огромными тряпичными рогами, несомненно бывший когда-то ритуальным. Ибн-Русте приводит поистине уникальное свидетельство — языческую молитву: „Во время жатвы они (вятичи. — *А. П.*) берут ковш с просом, поднимают его к небу и говорят: „Господи! Ты, который снабжал нас пищей, снабди и теперь нас ею в изобилии“. Тот же Ибн-Русте отмечает интересный факт: „При сожжении покойника они предаются шумному веселью, выражая радость по поводу милости, оказанной ему Бо-

гом“. Обычай несколько кощунственный с точки зрения современной морали, но совершенно естественный для языческого мировоззрения: умирая, человек освобождается от его текущего воплощения, возвращается домой на луга Сварги, к своим светлым богам.

Что резко отличает вятичей от большинства других славянских народов того времени — это брачные обычаи с характерной эндогамией. В былинах о Соловье-Разбойнике, прототипом которого был, несомненно, некий обобщенный тип вятического феодала, говорится об этом так (от лица самого Соловья): „Я сына-то выращу — за него дочь отдам. Дочь-то выращу — отдам за сына. Чтобы Соловейкин род не переводился“.

Мне (А. П.) доводилось писать о происхождении ванов — одной из групп скандинавских богов. Здесь два параллельных совпадения: с одной стороны, имя „ваны“ этимологически совпадает со славянским этнонимом „венеды“, с другой — многие скандинавские боги являются обожествленными предками, и географические указания древних источников позволяют локализовать область исторических ванов: она опять-таки попадает на славянские земли. Вятический материал дает третье совпадение — северные предания и саги не раз упоминают о распространенном среди ванов обычае заключения браков брата с сестрой.

Многие древние искусства были ведомы вятичам. Ювелирные изделия работы их мастеров поражают многообразием и древностью волшебных символов; вятические височные кольца по сложности магических композиций могут соперничать с работами владимирских и киевских ювелиров. А еще есть у вятичей священные камни. По высоким — „красным“ — холмам, по склонам долин стоят они, серые и неприметные, известные не каждому и не каждому открывающие свою силу...

А сердце земли вятичей — на Куликовом поле. Из известных мне вятических камней — около трети — здесь. Недаром защищали в древности это место от набегов по воде: как пишут, русло Дона на подступах к полю засыпано неокатанным щебнем, рубленым в здешних каменоломнях, так засыпано, чтобы не прошли лодьи вражеские.

Древние жрецы смотрели здесь на звезды, ставили каменные указатели. Конечно, далеко здешним „мегалитам“ до хоровода гигантов в Британии, зато — рядом, свое, родное» [50].

Огненное сердце Севера

«Земля Архангельская, ее сердцевина, место, где еще и сегодня можно видеть заросшие останки скрытого москвитями гордого Орлеца, — двинской крепости, вокруг которой некогда кипела жизнь северной окраины Господина Великого Новгорода, — хранила не только кровь потомков свирепых ушкуйников-поморов, но и искры тайного знания, тлевшие тихо под спудом. Ждавшие своего часа. И этот час настал. На рассвете 8 ноября 1711 г. (ст. стиль), в деревне Денисовка близ Холмогор, в семье рыботорговца-раскольника родился первый великий русский ученый-естествоиспытатель мирового масштаба, универсальный гений: историк, геолог, химик, физик, поэт, лингвист, грамматик, создатель русского литературного языка, социолог, демограф, художник, мозаист, просветитель, человек необъятного кругозора Михайло Васильевич Ломоносов.

По преданию, род Ломоносовых происходит от потомков русов, приплывших вместе с князем Рюриком из балтийского Заморья — с острова Рюген; в конце XV в. мы встречаем фамилию Ломоносовых в среде богатого новгородского купечества, среди сподвижников Марфы Борецкой (посадницы), ключевой антимосковской фигуры. На них намекают как на самых „злых“ последователей и, так сказать „спонсоров“ ереси стригольников, — русских „протестантов“, опередивших европейскую реформацию почти на два столетия. Весьма вероятно, что предкам великого русского ученого после погрома Великого Новгорода пришлось бежать, и именно поэтому они оказались близ берегов Студеного моря — в колонии Новгородских пятин, в Двинской земле.

Новгородцы были, как известно, купцы и воины, смелые мореплаватели, поэтому неудивителен и род занятий, избранных предками великого ученого, не только державшими крупную торговлю мороженой и соленой рыбой (в Москву возили ОБОЗАМИ!), но и ходившими рыбарить в море Студеное, не боясь ни опасностей, ни превратностей плавания. А какое плавание без навигации? Удивительно ли, что в роду, в котором даже женщины умели неводами и рюжами ловить селедку и гоняться по морю за косяками рыб, сохранялось древнее знание о небе, о звездах, которые не раз указывали спасительное направление, о блуждающих светилах, о сигналах и приметах возможных волнений и бурь? И эти знания были первыми, с которыми соприкоснулся юный гений.

Они наложили на его сознание столь своеобразный отпечаток, что многие его современники даже не могли понять сущность ломоносовских открытий, так как мыслили совершенно в иной манере.

С самого детства Михайло показывал удивительную память и способность к постижению и генерации мысли. Все отмечали его быстрый ум и изобретательность. Когда же он начал взрослеть, в доме начались явления, которые сейчас бы назвали „паранормальными“, а в старину списывали на проделки домовых, что стало портить и без того не радужное впечатление, которое любознательный отрок производил на местного начетника (так в беспоповском старообрядчестве называется руководитель духовной общины) — вопросами, отвечать на которые было очень тяжело. Поэтому Михайлу старались услатить подальше, чем предоставляли ему еще больший повод к уединению и размышлениям...

19 лет от роду, в декабре 1730 г., Ломоносов уходит с рыбным обозом в Москву. И, выдав себя за поповского сына (других не брали), за большую взятку (рыба тоже нужна академикам) он поступает в Заиконоспасскую Славяно-греко-латинскую академию. Пять лет спустя, день в день, руководство академии получает распоряжение барона Корфа отправить в Петербург, в Академию наук 5 лучших, наиболее способных учеников. В их число, одним из первых, попадает Ломоносов. Через год он уже в Германии, в Марбурге, неподалеку от местечка с „исконно немецким“ названием Лютзел, где пробыл до 1741 г.

Во время своей учебы в Германии, — точнее, в мелких государствах и княжествах, которые из себя представляла эта страна, — Михайло знакомится с ВЮНДИШАМИ (лютичами, лужичанами) — остатками народа древних русов, порабощенного и в большой степени ассимилированного немцами. Русское происхождение открывает ему доступ в круг, в котором сохранялись не только предания седой старины, но и амбиции далекого будущего. Магический круг замыкается. Потомок русов принят в общество арманов — хранителей Мудрости Севера.

В 1742 г. Ломоносов возвращается в Россию, где в 1745 г., вопреки бешеному сопротивлению немцев, становится академиком Императорской Академии наук. Определяется и главное направление деятельности — создание грамматических правил и корневого состава русского литературного языка. На этом поприще он знакомится с Третьяковским,

с которым его свяжет прочная и горячая дружба. Сегодня мало кто знает, но тот язык, на котором писали Лермонтов, Толстой, Достоевский, — это язык, СОЗДАННЫЙ Ломоносовым и Тредиаковским, развитый и популяризированный Дашковой, Херасковым, Фонвизиным, Державиным, Княжнинным, Баженовым, Меллисина, Румовским, Лепехиным, Севергиным, Барсовым, Световым, Иноходцевым, Котельниковым, Озерцовым...

Тех, кто способен критически мыслить, спросим: ОТЧЕГО ЭТО ЛУЖИЧАНЕ (национальное меньшинство — около 110 000 человек в современной Германии), ГОВОРЯЩИЕ СОГЛАСНО „Немецкой Энциклопедии“ — кол. 13 232 — НА ВАНДАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ, МОГУТ ОБЩАТЬСЯ С РУССКИМИ БЕЗ ПЕРЕВОДЧИКА, ТОГДА КАК, НАПРИМЕР, ЧЕХИ И ПОЛЯКИ — НЕ МОГУТ. Именно язык вюндишей, потомков древних русов, Ломоносов сознательно положил в основу современного русского языка, избавив его от большинства болгаризмов, которыми „болен“ язык, называемый сегодня церковнославянским.

Но не только основы языка преподали ему жрецы-арманы. Ломоносов посвящается ими в тайну древних летописаний, восходящих к временам для европейских ученых попросту баснословным. Плод этого знания — „Древнейшая Российская история“ — первый серьезный труд по русской истории, насмерть поссоривший Ломоносова с СОЧИНИТЕЛЯМИ оной — немцами Миллером, Шлецером и Байером. В нем, в частности (гл. 4), содержатся описания символического изображения высшего бога древних русов Родегаста: „Родегаст держал на груди щит с изображенною воловьею головою, в левой руке копье, на шлеме петух с распростертыми крылами“. Пикантность тут состоит в том, что история, писанная Ломоносовым, вышла из печати в 1766-м — то есть обогнала так называемый „перечень Маша“, благодаря которому остальной мир ознакомился с изображениями богов древних русов, найденных во время раскопок Ретринского храма. До Маша упоминаний изображений Родегаста в письменных источниках нет. Даже Несторовская „Повесть временных лет“ только вскользь упоминает о боге Роде, не приводя никаких конкретных описаний. Значит, либо Михайло Васильевич ВИДЕЛ кумиров, либо... Сочинение Маша — „Die Güttesolienftlichen Alfertymer der Obodriten, aus dem Tempel von Rhetra“ — увидело свет только в 1771 г.

Но не только основы языка и родной истории занимают Ломоносова. Он создает первую в России химическую лабораторию, занимается не вполне и сегодня понятными опытами с атмосферным электричеством, во время одного из которых при таинственных обстоятельствах погибает друг Ломоносова Рихман, формулирует закон сохранения материи и энергии, теорию передачи теплоты „как коловратного движения шарообразных частиц“, теорию электричества.

К сожалению, гений Ломоносова был настолько велик и ярок, что не мог вписаться в окружающую атмосферу эпохи. Против взглядов Ломоносова выступает некто Арнолд — „Против Ломоносовской теории тепла в защиту флогистона“. Продолжают травить его и на Родине. В 1765 г. Ломоносов умирает. Его имя предается забвению и только в начале века (XIX. — *Авт.*) становится достоянием широкой публики — после опубликования Б. Н. Меншуткиным основных естественнонаучных работ Ломоносова, обогнавших свое время на 200 с хвостиком лет» [105].

Комментарии к статье «Огненное сердце Севера» [105]

Конечно, статья грешит тенденциозностью. Грешит настолько, что поначалу ее было просто неприятно читать. В ней великий русский ученый изображен каким-то магом и волшебником, владеющим некими тайными, языческими знаниями или, как сейчас модно говорить, изотерическими знаниями. Однако вся жизнь и деятельность Михаила Васильевича Ломоносова, его научные труды говорят о том, что он был добрым христианином, считавшим магию и прочую «паранормальную» дребедень бесовщиной. Его научная деятельность как раз и говорит нам о том, что его мысли и действия находились в полном соответствии с евангельской заповедью о том, что к Истине, то есть к Богу, ведет узкий путь, а не плутание по изотерическим дебрям и магическим болотам. Именно христианский, православный образ мышления позволял ему ясно смотреть на мир и отчетливо видеть те процессы, которые происходят в нем. Именно по этой причине он отверг теорию о флогистоне и тепловой материи и выдвинул корпускулярную теорию теплоты как «коловратного движения шарообразных частиц», позволившую объяснить все тепловые про-

цессы. Именно такой взгляд на вещи позволил ему сформулировать закон сохранения энергии и материи.

Однако мне представляется, что в статье, если, выражаясь евангельским языком, отделить зерна от плевел, а овец от козлиц, есть рациональное зерно. А именно: язык вондишей до изумления похож на русский язык. Не на язык поляков или чехов — наиболее близких к ним территориально славян, не на язык латышей или литовцев — балтов, а именно на язык русских, от которых он отстоит территориально за тысячи километров и от которых отделен и чехами, и поляками, и балтами.

Об этом же феномене мне говорил и ныне покойный Яков Флорианович Рослик, который еще в советские времена ходил в дальние походы на яхтах по Балтике. Он рассказывал, что однажды в ГДР им удалось побывать в имении знаменитого прусского канцлера Бисмарка. На стене родового замка Бисмарков они увидели доску, на которой были записаны все предки этого канцлера.

— Нас поразило то, — говорил Яков Флорианович, — что некоторые имена и фамилии были очень похожи на русские, но никак не на немецкие. На наш недоуменный вопрос экскурсовод ответил, что в этом ничего удивительного нет. Если вы заедете в одно из ближайших селений — сказал экскурсовод, — и заговорите с их жителями, то вам переводчик не понадобится.

И вот это обстоятельство для нас является наиболее ценным.

Раньше я все никак не мог понять, что означает фраза из «Повести временных лет»: «А словенский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася Русью, а первое беша СЛОВЕНЕ». Мне казалось, что выражение «от варяг бо прозвашася Русью» должно означать, что русских РУССКИМИ назвали варяги. При этом мне было совершенно непонятно, какие такие варяги могли так нас прозвать: норвежцы, шведы, датчане, финны, немцы или балты? Так же было непонятно, с чего это они дали такое прозвище?

Прочитав статью Юрия Чуканова, я вдруг отчетливо понял то, о чем здесь идет речь: словене стали называться РУСЬЮ по названию тех варягов, которых пригласили новгородцы. То есть по национальности или

по названию того племени, к которому принадлежал Рюрик и его дружина. А это должно означать, что сам Рюрик был русом.

В нашей исторической среде прочно укоренилась теория о варяжско-скандинавском происхождении Рюрика. То ли он был шведом, то ли норвежцем, а может, датчанином. Однако в древности на Руси варягами называли всех жителей побережья Балтийского моря, потому, что само оно называлось Варяжским. По этой причине В. И. Паранин, автор «Исторической географии летописной Руси», утверждает: «Искать русь среди славян бессмысленно, и это сейчас осознает подавляющее число историков. Но опыт предшественников подсказывает, что не менее бесперспективны попытки найти ее и среди скандинавов, во всяком случае как мы их понимаем. К тому же в ПВЛ ясно сказано, что русь с известными нам скандинавскими народами имела лишь отношения соседства, не более того: «Сиче бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии те, тако и си». Из известных народов Скандинавии здесь не упомянуты лишь датчане, что само по себе, конечно же, не является основанием видеть в них потомков исчезнувшей руси».

Тем не менее именно эти направления поиска руси в силу обстоятельств стали традиционными. Хотя в истоках русской истории в XVIII в. существовал альтернативный путь: В. Н. Татищев полагал финское происхождение руси. На основе анализа летописных источников он делает вывод: «Подлинное ж пришествие их (варягов) является из Финляндии... потому что финны русами, или черными (рыжими, русыми), называться могут» [48].

Чтобы понять, как обстоят дела в этом вопросе сейчас, обратимся к работе Ю. Д. Петухова «Тайны древних русов». Он пишет: «Не стерлись из памяти еще благословенные времена в России, когда норманисты и антинорманисты мирно спорили друг с другом, выставляя на каждый аргумент оппонентов два новых контраргумента, а посторонний наблюдатель, малознакомый с существом дела, все ждал — вот-вот в этом споре родится истина. Но истина не родилась. Спор завершился на уровне политического решения мудрого руководства, направляемого «европейски образованными» советниками. А Европа, как известно, научными дискуссиями по сей части себя не утруждает, в Европе все давно решено и определено. И потому — не

сразу, а как-то постепенно, незаметно, но основательно и неизбежно во вновь издаваемых отечественных учебниках, справочниках, энциклопедиях спор разрешился в пользу Европы, в пользу норманистов. На антинорманистов стали ссылаться (а чаще и вовсе не ссылаться), как на некий исторический полузабытый курьез, — дескать, во времена тоталитарного режима была такая точка зрения, но мы, мол, давно от нее отказались, мол, антинорманизм — это пережиток коммунистической пропаганды, узконациональной ограниченности, великодержавного шовинизма и т. д. и т. п.

Школьные учебники один за другим начали писать про отважных шведов мореходов, про то, как они сами гребли веслами, и про то, что смышленные финны, прозвав про это, стали называть их словом неизвестного происхождения «руотси», что якобы означает на неизвестном языке «гребцы». Ну а несмышленные, погрязшие в распрях «словене», услышав от финнов про гребцов-«руотси» отважной и лихой шведской национальности, призвали их к себе править, грабить, собирать с себя дань и продавать себя в рабство, а заодно и прозвали себя в честь призванных шведов красивым нешведским и нефинским словом неизвестного и непонятого происхождения «руотси», которое услышали от финнов. И стали они, по неграмотности и простоте перековеркав красивое непонятое слово «руотси», русскими, а страна их стала Русью... Кто здесь страдает дебильностью — мифические «несмышленные словени» или составители учебников?

Но так как «европейски мыслящим» просветителям сотен миллионов экземпляров новоотечественных учебников и справочников показалось недостаточно в деле просвещения несмышленных и трудно просвещаемых славян, они принялись издавать переводные, прекрасно иллюстрированные, красочные детские энциклопедии английских, итальянских, шведских, американских и прочих авторов. С этими популярными детскими изданиями было проще, ибо в них уже не только упоминаний и ссылок на пережитки и курьезы не было, но писалось однозначно, твердо и безапелляционно.

Приведем несколько примеров, чтобы понять — в мире каких образов растет нынешний русский, россиянин.

«Сначала викинги грабили славянские племена. Но позднее они перешли к оседлой жизни, а шведские вожди стали править славянскими городами — Новгородом и Киевом», — вот что написано в книге «Викинги», изданной в серии «Иллюстрированная мировая история» 50-тысячным тиражом

как «научно-познавательная литература для младшего и среднего школьного возраста». Викингам было тяжело на Руси, и они «часто прибегали к помощи рабов-славян». В общем, «господа-шведы» «германского племени» и «погрязшие в распрях» «рабы-славяне» — в прекрасно иллюстрированном альбоме для славянских детишек.

«Шведы основали в Восточной Европе большое королевство и назвали его Русь, от которого и произошло в дальнейшем понятие „Россия“ — так написано в «Историческом атласе для детей» Нила де Марко. Тираж тоже весьма и весьма приличный. Оформление наглядное и убедительное — одним словом, Европа!

«Скандинавы основали Киев, Новгород и Смоленск, открыли Русь для торговли...настойко освоились, что княжили в Древней Руси до XI века». Это из детской книги-альбома «Викинги», автор Энн Пирсон.

«Начиная с IX века большая равнина, заселенная славянами, становится привычным пейзажем для шведов... они используют все крупные водные пути для создания целой торговой сети и центров торговли: одним из самых крупных становится Киев... Новгород, основанный шведами, являлся основным торговым центром...» — так пишет в иллюстрированном детском альбоме «Викинги» почетный профессор археологии Тулузского университета Луи-Рене Нужье, большой, видимо, специалист по шведам на Руси.

И опять: «Погрязшие в междоусобицах славянские племена уговорили вождя викингов Рюрика прийти править ими.... Начиная с Рюрика и вплоть до сына Ивана Грозного Федора, эти СКАНДИНАВЫ правили самой крупной средневековой державой Европы — Россией», — сообщает нам энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации» в выпуске «Викинги: набеги с севера». Издание более чем солидное на вид, внушающее немалое доверие.

А вот еще перл: «...славянские общины управлялись шведскими викингами — торговцами, которых называли русами. Первым вождем русов был Рюрик. Он основал Новгород и Киев», далее: «862 г. — шведские викинги под предводительством Рюрика захватили власть на севере и основали факторию в Новгороде» — это из «Иллюстрированной истории мира» — перевод под редакцией доктора исторических наук Михаила Ненашева.

А вот что пишет детская энциклопедия «Открытие мира юношеством» в выпуске «От континента к континенту»:

«Шведские викинги обращаются к востоку... очень скоро обнаруживают, какие богатства таят в себе славянские земли, поставляющие им меха и рабов».

Словом, опять «рабы-славяне», опять предприимчивые «шведы» — «германцы» и прочие «господа», правящие «неразумными славянами», — все, как и прежде, в духе пресловутой геббельсовской пропаганды. И это в конце XX — начале XXI в.! И это в книгах, более того, учебных пособиях, предназначенных для наших школьников.[101, с. 284].

Вы чувствуете, какое возмущение вызывают все эти «перлы» у современного историка, болеющего за свою страну!

У меня, сказать по правде, возникают точно такие же чувства. Особенно умиляют места, где сказано о том, что викинги основали и построили Новгород, Киев, Смоленск. В сознании возникает пасторальная картина, как эти «работники ножа и топора, романтики большой дороги» валят мечами лес, рубят секирами дома, ставят кинжалами славянские города, которыми еще недавно отрезали и отрубали головы аборигенам.

К чему я это все рассказываю? А к тому, что, по-видимому, точно такие же чувства испытал Михаил Васильевич Ломоносов, когда познакомился с работами по истории России российских историков, членов Российской Академии наук, немцев по происхождению, едва говоривших по-русски: Миллера, Шлецера и Байера. Именно эти ученые впервые и выдвинули эту самую пресловутую норманнскую теорию. Эти работы настолько не соответствовали имеющимся фактам, настолько противоречили элементарной логике, что Ломоносов однажды не выдержал и выразился примерно так: «Сколь много может напакостить в российских древностях случайно забредшая туда иностранная скотина!»

Для Ломоносова, так же как и для любого другого непредвзятого русского историка-патриота, норманнская теория была абсолютно нелогична и неприемлема, так как полна неразрешимых вопросов и противоречий.

И действительно, если пристально рассмотреть эту теорию, то возмущение Ломоносова станет очень понятным. Даже если отбросить всю эту чушь и нелепицу об основании норманнами Смоленска, Новгорода и Киева, то остается еще много и много вопросов:

во-первых, «опыт предшественников подсказывает, что бесперспективны попытки найти Русь среди скандинавов, во всяком случае, как мы их понимаем. К тому же в ПВЛ ясно сказано, что русь с известными нам скандинавскими народами имела лишь отношения соседства, не более того: „Сице бо ся зваху ти варязи русь, яко се друзии те, тако и си“. Из известных народов Скандинавии здесь не упомянуты лишь датчане, что само по себе, конечно же, не является основанием видеть в них потомков исчезнувшей руси;

во-вторых, на территории России нет никаких следов длительного пребывания скандинавов. Нет таких следов ни в языке, ни в топонимике. Больше того, как бы мы ни относились к викингам как к людям, имея в виду их разбойничий образ жизни, все же мы обязаны признать, что они были отличными мореходами и искусными корабелями. Если бы они господствовали в России, то у нас должны были бы остаться хоть какие-нибудь следы в морской и кораблестроительной терминологии. Но и этого нет. В то же время в русском языке имеется громадное количество английских, немецких, французских и голландских терминов, связанных с мореходством и кораблестроением, как результат присутствия иностранных специалистов в эпоху Петра;

в-третьих, в самой Скандинавии полностью отсутствуют какие-либо письменные сообщения об этих событиях, в то время как о завоевании Британии норманнами таких сообщений бесчисленное множество. Не парадокс ли? Русь под властью норманнов, туда плывут тысячи любителей легкой наживы и славы, а скандинавские саги молчат об этом;

в-четвертых, в Скандинавии отсутствовали термины — варяг и рус. Но это явное противоречие, так как если новгородских словен стали звать русью по имени призванных варягов, то при чем здесь скандинавы, которых никто и никогда так не называл и они сами себя так не называли;

в-пятых, самое главное. Трудно, а точнее невозможно, представить, чтобы люди, находясь в здравом уме и твердой памяти, добровольно (добровольно!) пошли сдаваться в рабство к бандитам и отдавать на разграбление свою землю и свое имущество, и своих детей. Что, они не представляли, кто такие норманны-викин-

ги? Что, они не понимали, с каким отребьем имеют дело? Тогда в летописи должно было бы быть написано: «Приходите, грабьте и закабаляйте нас», а не «приходите и правьте нами по правде». Вспомним, чем закончился захват норманнами Британии — всеобщим и беспрерывным грабежом аборигенов. Не случайно, самым популярным и почитаемым героем английского героического эпоса является Робин Гуд — защитник обездоленных и борец за их национальное и человеческое достоинство. Защитник обездоленных норманнами.

Если теория скандинаво-варяжского происхождения Рюрика, по моему мнению, не выдерживает никакой критики, то и теория о финском происхождении не более правдоподобна. Это должно следовать хотя бы из того, что если бы Рюрик с дружиной были финнами, то и мы бы с вами сейчас говорили на финском языке. На ГОСУДАРСТВЕННОМ ФИНСКОМ языке. Вспомним хотя бы то, что основную массу населения земель Великого Новгорода, в соответствии с данными антропологии и топонимики, составляли угро-финны. Трудно поверить в то, что все это население вместе с правящим слоем, держащим в своих руках все рычаги управления государством, включая и военную силу и политическую власть, стало почему-то говорить на языке малочисленных пришельцев, с которыми они к тому же враждовали. Это невозможно. А вот «Повесть временных лет» говорит нам еще об одном историческом факте, на который мы до сих пор не обращали внимания: «Варяги из-за моря брали дань на словенах новгородских, на кривичах, также на чуди и мери. Скоро, однако, эти народы прогнали этих варягов за море, перестали давать им дань и начали владеть сами собою» [103]. И вот тут возникает вопрос: кто же были «эти варяги из-за моря»? Норманны или, может быть, действительно финны — «руотси»?

Так вот, Михаил Васильевич Ломоносов выдвинул свою теорию. Возможно, эта теория возникла у него во времена учебы в Германии, тогда, когда он столкнулся с тамошними вюндишами. Как бы то ни было, но в своей «Древнейшей Российской истории» он утверждал, что Рюрик выходец из Пруссии. По не совсем понятным причинам эта версия не нашла широкой поддержки среди последующих поколений ученых и практически игнорируется большинством современных.

Однако если принять ее за основу, то можно разрешить все существующие исторические противоречия и ответить на все недоуменные вопросы.

Прежде всего, надо оговориться. Происхождение вюндишей не совсем ясно. Неясно, кто они на самом деле: потомки славян или балтов. И хотя их часто называют славянами, однако Немецкая энциклопедия относит их язык к вандальским, а автор «Повести временных лет» не перечисляет их вместе с другими славянами. Но что несомненно, так это то, что они — потомки вenedов. По этой причине будем их называть в дальнейшем венодо-руссами.

Итак:

во-первых, термины «Россия, Русь» и «Пруссия» однокоренные, с корнем «русь». Причем, название «Пруссия» относительно молодое. Ему, по-видимому, предшествовало более раннее название «Поруссия», что по аналогии с таким названием, как «Поморье» — земли у моря, — должно означать: что-то «около руси» или «земли у русов», «земли вокруг русов». То есть — «земли русов». А это, в свою очередь, должно означать, что когда-то предков нынешних вюндишей действительно звали русью или русами. Отсюда также должно следовать, что когда-то в Германии, на приморских землях у Балтийского моря, жили племена вenedов, говорящих на вандальском языке, близкородственные и балтам, и славянам. Эти племена, так же как и скандинавы в Древней Руси, назывались «варягами».

В этом случае призвание варяга — венодо-руса новгородцами может объяснить распространение вenedского языка не только в близкородственной славяно-балтской среде (среди СЛОВЕН и КРИВИЧЕЙ), но и среди новгородских угро-финнов, знакомых с языком ильменских словен;

во-вторых, сам термин «варяг» имеет прибалтийско-вenedские корни. Так, Ю. Д. Петухов в [101] пишет: «Фризы этимологически и есть «варяги». В древнерусской форме «варязи-врязи», где в = ф (сравни Von = фон). «Фриз» = «врязь». Еще Герман Голдман отмечал удивительное сходство древнерусского языка с древнефризским (Рустрингия, М., 1819). Из этого должно следовать, что термин «варяг» не случаен и, прежде всего, означает прибалтийских вenedов, а уже во вторую очередь — скандинавов.

Напомню, что Балтийское море в Древней Руси называлось Варяжским, то есть Фризским морем, и по названию его все приморские народы назывались варягами. А фризы и венодо-русы Германии — это фактически одно и то же, так как термин «фризы», видимо, включал в себя всех венодов: как венодов побережья Атлантики, так и венодов Прибалтики.

Вспомним также, что после падения Рима и вплоть до X—XI вв. фризы играли ведущую роль в торговле по всему побережью Балтики и европейской Атлантики. Следовательно, германские варяги-русы, в отличие от варягов-норманнов, были не враждебными и опасными народами для Новгорода, а наоборот — родственно-дружественными и желательными, как торговые партнеры;

в-третьих, с именем Рюрика связывают крепость Старую Ладугу, где и правил (княжил) этот варяго-рус. Археологические находки последних лет в Старой Ладуге обнаружили в ней следы присутствия угро-финнов, скандинавов, а также... фризов. При этом отмечается, что угро-финны — это местные аборигены, а остальные — пришлые. А это существенный факт, говорящий о том, что Старая Ладога была именно торговым укрепленным центром в системе балтийской фризско-венедской торговли. Ибо если бы крепость была норманнской (разбойничьей) цитаделью, то местные жители просто бы разбежались и, уж во всяком случае, не селились бы рядом с ней. Следовательно, целью строительства этой крепости был не грабеж местного населения, а создание безопасных условий для торговли. И, видимо, эта задача выполнялась успешно, так как в Старой Ладуге найдены следы интенсивной торговли. По-видимому, Рюрику удавалось главное: держать норманнов и прочих разбойников в повиновении на Неве и Ладуге и обеспечивать свободу торговли на всем этом пространстве.

Вот именно такой князь и требовался новгородцам — словенам, кривичам, мери, и чуди, в период смуты; в-четвертых, если в английских сказаниях о Робин Гуде норманны выступают в качестве отрицательных персонажей, то в русских былинах как раз все наоборот. Князь Олег, например, зовется Вещим. А это о чем-то да говорит.

Если принять версию М. В. Ломоносова за основу, то создается следующая картина исторических событий

того времени. На Валдай, Ильмень и другие земли, земли, заселенные угро-финнами — мерей и чудью, а также балтами — кривичами, пришли славяне. На Ильмене они основали торговый город, который был назван Новым городом. Со временем рядом со славянским городом возникли другие, заселенные мерей и кривичами. Эти города имели общую внешнюю стену, но разделялись друг от друга внутренними стенами. Аналогичным образом была устроена и система политического управления этим городским объединением. Каждое поселение имело отдельное народное собрание, а кроме того, было и общее вече. Так что зачастую какое-нибудь важное общегородское решение принималось на этом вече «голосованием» колами и топорами. В эти времена словене, кривичи, меря и чудь платили дань каким-то «варягам из-за моря». Кто были эти варяги, не ясно. Возможно, то были норманны, а возможно, и финны. Ведь не случайно мы встречаем в арабских хрониках сообщения о каких-то русах, которые не сеют и не пахут, а живут тем, что ходят в ладьях на славян. Не о финских ли «гребцах» — «руотси» (русах) здесь идет речь? И не им ли платили дань новгородцы?

И вот, по непонятным нам причинам, новгородцы изгнали варягов за море, перестали давать им дань и начали владеть сами собою. Но, прогнав варягов, они никак не могли уладиться друг с другом начали междоусобные войны. «Встал град на град», — сообщают нам летописи, что должно понимать в том смысле, что одна из частей Новгорода начала воевать с другой. Можно предположить, что в эту междоусобицу были втянуты мерянский угол Новгорода и славянский. А потому и по всей новгородской земле тоже началась распря. Тогда они стали говорить между собою: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил все дела справедливо».

В этот же период на Балтике господствовали фризы. Они держали в своих руках практически всю торговлю как на Балтике, так и на Атлантическом побережье. По этой причине и само море называлось Фризским, или, как его называли на Руси, Варяжским морем. А по названию моря и все жители побережья назывались варягами.

Для защиты торговли и судоходства фризами-варягами, во многих местах побережья Варяжского моря

были построены крепости, которые одновременно играли и роль торговых центров. Одна из таких крепостей располагалась на побережье Ладожского озера, на территории современной Старой Ладogi, где владельцем князем был фриз Рюрик из племени русов.

И вот словене, кривичи, меря и чудь решили между собой: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил все дела справедливо»; — отправили послов к варягам к руси. Благо, что и ходить далеко было не надо. Всего и делов-то: дойти по Волхову до Ладogi, до фризской крепости, где сидели князья с крепкой дружиной — варяги-русы.

Новгородцы рассуждали так. Русь не словене, не кривичи, не меря и не чудь. Зато свои князья, язык которых понятен и словене и кривичам. Да и меря новгородская и чудь, что живут в Новгороде, их язык тоже понимают. Суровые князья. У них не забалуешь. То-то даже варяги-урманы и прочие разбойники тише воды, ниже травы. Такие князья, которые и нужны всем, ибо будут судить всех одинаково и потому справедливо. Судить сурово, но правильно. Чтобы сами не грабили и другим грабителям-разорителям спуска не давали. Но главное, — понятные князья, ибо живут по тем же законам, что и словене и кривичи.

Чудь, новгородцы и кривичи сказали руси: «Земля наша велика (не то, что ваша крепостенка) и обильна, да порядку в ней нет (все воюем, да спорим — кто главнее, кто правее), пойдите княжить и владеть нами». Собрались три брата с родственниками своими, взяли с собою всю русь и пришли: Рюрик в Новгород, Синеус на Белоозеро, Трувор в Изборск; от них то и прозвалась Русская земля. Через два года умерли Синеус и Трувор; Рюрик один принял всю власть и роздал города приближенным к себе людям. А после смерти Рюрика княжение принял Олег, родственник его, дядя малолетнему Игорю, сыну Рюрика. Собрал много войска, пошел Олег к Смоленску, взял его, потом взял Любеч, а потом и город Киев. Олег сел княжить в Киев и сказал: «Это будет мать русским городам».

Так возникло громадное средневековое государство — Киевская Русь, протянувшееся от Балтики до Черного моря. Оно включало в себя многие разноплеменные народы: угро-финские, тюркские, славянские и бал-

тские. Мерю, чудь, емь. Торков, берендеев, половцев, хазар. Древлян, полян, вятичей. Кривичей. Однако главенствующую, правящую, государственную роль в нем играли фризы — варяго-русы, по имени которых и стало оно называться Русь. И поэтому государственным языком этой державы стал варяго-русский язык. Язык венедов Прибалтики — фризов.

Этот язык в короткое время стал общеупотребительным в Великом Новгороде, вытеснив местные языки, а потом стал постепенно распространяться по обширным пространствам этого государства. Однако, наряду с этим общеупотребительным, государственным языком, существовали и местные языки.

Из всего этого становятся ясными и понятными и наши прежние недоумения: почему язык новгородцев отличался от языка киевлян; и почему в VIII в. больше, чем XI, хотя и там и там жили одни и те же славяне? На самом деле — это были действительно разные языки. Для Нестора — автора «Повести временных лет», все было ясно и понятно: русь — это русы, варяги, славяне — это славяне: древляне, поляне, новгородские словене. По этой причине он и не разъясняет, почему Олег дает руси паруса из паволок, а славянам — копринные.

С крещением Руси распространяется и другой государственный язык: язык церковнославянский. Язык проповеди, богослужения, язык летописей и литературных произведений.

С крещением Руси появляются и современные понятия: русский, Россия. Ибо, как выразился автор работы «К КОМУ НАМ НАДО ИДТИ?» священник Александр Захаров: «Покойный владыка Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский, в одной из своих книг писал, что вместе с князем Владимиром „в конце X века вошли в купель святого крещения племена полян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели — русский народ“ [99]. Сказано, конечно, с известной долей условности, но в то же время совершенно правильно и точно. Именно Церковь создала из этих разрозненных славянских (и не только славянских) племен единый русский народ. Именно Церковь помогла этому народу духовно выстоять и не сломаться морально в годы тяжелых испытаний. Именно Церковь вдохновляла русских воинов на защиту родной земли.

Какой дом был последним, откуда святой благоверный князь Александр Невский выходил, отправляясь в свои славные походы? Этим домом был храм Божий, где святой князь испрашивал у Господа помощи в предстоящих ратных делах. Какой дом был первым, куда ступала нога князя по возвращении из походов? Этим домом опять был храм Божий, где святой защитник земли русской воздавал благодарение Богу за победу над всегда превосходящими силами «врага и супостата».

Это Церковь «умягчала сердца» самолюбивых удельных русских князей, мирила и объединяла разрозненные и часто враждующие между собой княжества и превратила их наконец в одно единое, могучее государство» [100].

Все это нашло отражение в русских былинах. Вот Вольга Всеславьевич — князь Олег Вещий из варягов, вот Микула Селянинович — славянский пахарь из полян. Вот Соловей Будимирович — богатый гость из новгородских словен, вот Садко — новгородский купец из чуди. Добрыня Никитич — русский богатырь из славянского племени древлян, а Илья Муромец — богатырь из мери. А вот Михайло Казаринов — богатырь из хазар. Но все они уже русские люди, ибо исповедуют православную веру, молятся на церковнославянском языке, общаются между собой в дружине, с князем и с другими людьми на русском языке и служат православной вере и Святой Руси. И хотя все еще разговаривает Илья из Муroma со своими родичами на своем местном, муромском наречии, Добрыня — на славянском, а Михайло из Галича — на хазарском, но все они уже воспринимают себя, как части одного целого, того, что называется Русью, Россией.

Так появилась Русь — Россия, а вместе с ней и возник еще один Великий трансконтинентальный путь, известный нам, как путь «из варяг в греки». Что, однако, должно понимать, как: «путь из фриз в греки», ибо для фризов и прочих варягов Балтики открылась возможность ходить и торговать во все русские города, а для русских купцов появилась возможность торговать с городами Прибалтики. И всем им вместе открылась возможность торговать с Византией и, следовательно, со всей тогдашней ойкуменой.

Очень может быть, именно эту узкую цель преследовали варяги, соглашаясь на предложение новгород-

цев. (О чем свидетельствуют все последующие действия Рюриковичей.) Однако результат превзошел все их замыслы.

О том, как началась русская земля и кто были первые князья в Киеве

«Вот повесть о том, откуда пошла Русская земля, кто начал первый княжить в Киеве и как стала Русская земля.

Мы так начнем эту повесть. После потопа три сына Ноевы, Сим, Хам и Афет, разделили землю: восток достался Симу, южная страна Хаму, север и запад Афету; от племени Афетова пошел народ славянский. Спустя много времени славяне осели по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись по земле многие народы и назвались каждый своим именем, где кто сел на каком месте; так, например, одни поселились на реке именем Морава и назвались моравами, другие назвались чехами; а вот тоже славяне: белые хорваты, сербы и хорутане. Когда волохи напали на славян подунайских, поселились сзади них и стали их притеснять, то славяне опять начали двигаться к северу: так они пришли и сели на Висле и прозвались ляхами; от этих ляхов пошли поляки, лутичи, мазовшане, поморяне. Другие славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, иные древлянами, потому что стали жить в лесах; а некоторые стали между Припятью и Двиною и назвались дреговичами; полочане прозвались от речки именем Полоты, которая впадает в Двину. Те, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своим именем, славянами; они построили себе город, назвали его Новгородом. Так разошелся славянский народ.

Все племена жили особо друг от друга, каждое на своем месте с своими нравами, обычаями и преданиями. У полян были обычаи кроткие и тихие, а другие племена жили как звери. Между полянами были три брата: одному имя Кий, другому Щек, третьему Хорив, сестру их звали Лыбедью. Они построили город и назвали его, по имени старшего брата, Киевом. По смерти этих братьев древляне и другие окольные народы стали притеснять полян; тогда пришли к ним козары и сказали: „Платите нам дань“. Поляне подумали и дали им по мечу от каждого дома. Козары принесли мечи к князю своему и старшинам и сказали: „Вот мы нашли новую дань“. Старшины спросили: „Откуда вы это взяли?“ — „Да вот там, в лесу, на горе, над рекою Днепровскою“, — отвечали они. Тогда

старцы козарские сказали: „Ох, не хороша эта дань, князь! Мы воюем саблями, острыми с одной только стороны, а у этого народа мечи с обеих сторон острые: будут они брать дань и на нас, и на других странах“. Так и сбылось, как предсказали старцы: русские и до сих пор владеют козарами.

В то время как поляне, северяне и другие племена платили дань козарам, по белке с каждого дома, варяги из-за моря брали дань на славянах новгородских, на кривичах, также на чуди и мери. Скоро, однако, эти народы прогнали варягов за море, перестали давать им дань и начали владеть сами собою. Но, прогнав варягов, они никак не могли уладиться друг с другом и начали междоусобные войны. Тогда они стали говорить между собою: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил все дела справедливо“; отправили послов к варягам к РУСИ; РУСЬЮ НАЗЫВАЛИСЬ ВАРЯГИ ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК ДРУГИЕ ЗОВУТСЯ ШВЕДАМИ, иные НОРВЕЖЦАМИ, АНГЛИЧАНАМИ, ГОТАМИ. Чудь, новгородцы и кривичи сказали руси: „Земля наша велика и обильна, да порядка в ней нет, пойдите княжить и владеть нами“. Собрались три брата с родственниками своими, взяли с собою всю русь и пришли: Рюрик в Новгород, Синеус на Белоозеро, Трувор в Изборск; от них-то и прозвалась Русская земля. Через два года умерли Синеус и Трувор; Рюрик один принял всю власть и роздал города приближенным к себе людям. Двое из них, Аскольд и Дир, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились идти ко Царю-городу. Идучи вниз по Днепру, они увидали на горе городок и спросили: „Чей городок?“ Жители отвечали им: „Были три брата: Кий, Щек и Хорив; они-то и построили этот город, да после изгибли, а мы вот платим дань козарам“. Аскольд и Дир остались в Киеве, собрали много варягов и начали владеть полянами; а Рюрик княжил в Новгороде.

В 866 году пошли Аскольд и Дир на греков, при царе Михаиле. Царь в то время пошел было войною на аравитян, но, получив весть, что русь идет на Царьград, возвратился. Между тем Аскольд и Дир вошли в Константинопольскую гавань, перебили множество христиан и с двумястами кораблей обступили город. Царь и патриарх всю ночь молились в церкви Влахернской и потом, вынеся ризу Богородицы, погрузили ее в воду. До того времени море было тихо; вдруг поднялась буря с ветром, встали волны и разбились русские корабли; очень немногие из Аскольдовых воинов спаслись от такой беды и возвратились в свою землю.

Между тем умер Рюрик, он передал княжение Олегу, своему родственнику, поручив ему и сына своего Игоря, который был еще дитя. Собрав много войска, пошел Олег к Смоленску, взял этот город и посадил в нем своих мужей. Оттуда пошел вниз, взял Любеч и посадил в нем также своих мужей. Пришедши к горам Киевским и видя, что Аскольд и Дир княжат, Олег скрыл часть воинов своих в лодках, других оставил позади, а сам пошел, неся малютку Игоря на руках. Он послал сказать Аскольду и Диру: „Мы купцы; идем в Грецию от Олега и Игоря; придите повидаться с нами“. Аскольд и Дир пришли. Тогда воины повыскакивали из лодок, и Олег сказал киевским князьям: „Вы не князья, не княжеского рода, но я княжеского рода, и вот сын Рюриков“. Аскольда и Диру убили, понесли на гору и погребли там. Олег сел княжить в Киев и сказал: „Это будет мать русским городам“, после чего начал строить города и установил дани. Сперва Олег воевал с древлянами и заставил их давать дань по черной кунице. Потом он пошел на северян; победив их, он наложил на них дань легкую, а козарам давать дань запретил, сказавши: „Я неприятель им, а с вами у меня нет ни какой вражды“. Послал к радимичам спросить: „Кому даете дань?“ Они отвечали: „Козарам“. Олег сказал им: „Не давайте козарам, а давайте лучше мне“. Радимичи согласились.

В 907 году пошел Олег на греков, а Игоря оставил в Киеве; взял с собою варягов множество, и новгородцев, и чуди, и кривичей, и других народов. Со всеми с ними пошел Олег на конях и в кораблях и пришел к Царю-городу: греки замкнули гавань и затворили город. Олег вышел из корабля, велел корабли вытащить на берег и повоевал городские окрестности. Русские перебили множество греков, разорили дома, пожгли церкви, одним словом, поступили так, как обыкновенно поступают неприятели. Греки, видя все это, испугались, выслали к Олегу из города и сказали ему: „Возьми дани сколько хочешь“. Олег согласился и возвратился в Киев, неся золото, драгоценные ткани, плоды и вина. Народ прозвал его *Вещим*» [103, с. 32].

В. И. Паранин и В. Н. Татищев о Рюрике

«Коль скоро разговор коснулся существующих в истории концепций зарождения Русского государства, то прежде всего следует отметить явное преобладание тех из них, что построены на неместной, чуждой для Восточной Евро-

пы природе руси и Рюрика. В свое время Х. Ловмяньский справедливо отмечал: „Сведение процессов возникновения Русского государства к интервенции норманнов означало бы замену научных исторических исследований анекдотическими рассказами. Другое дело, если бы было установлено, что норманны не были чуждой силой, а являлись бы одной из местных этнических групп...“ (*Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985, с. 83.) Но если анекдотична норманнская интервенция, то не менее наивно и трогательное приглашение „родственников“ из Западной Европы.

К слову сказать, господствующая в современной истории версия о западославянском происхождении Рюрика далеко не нова. Она уходит своими корнями в XVI—XVII вв. У В. Н. Татищева находим: „...Дюрет в истории о языке общем, сказал, что Рюрик из Вандалии, чемы, мню, и польские последовали, яко Стрыковский, говорит: „Понеже руские море, обливающее Прусы, Швецию, Данию, Ливонию, и Лифляндию, Варяжским имяновали, убо князи оны из Швеции, Дании или соседства ради общих границ из Прусов над Русью владели. Есть же город Вагрия, издревле славный, в Вандалии близ Любека, от которого море Варяжское имяновано, а понеже вандалы славяне, и потому руские едиnorodных себя князей вагров, или варягов, избрали“. Сам Татищев комментирует это предположение так: „Сие видится неколико вероятно, но внятно разсмотря, обличается, что никоего основания не имеет“ [59].

В своем «Лексиконе Российском» о данном предмете В. Н. Татищев говорит более пространно и категорично: „Варяги, народ или государство, в русской древности часто упоминаем, откуда великий князь Рюрик в Россию на престол взят, но многие не зная, где оная страна, разные неприличные места полагали, яко одни из Вагрии, земли Вандальской, другие Варагию в Италию Генуескую область, иные Боруссию или Прусов за то без всякого доказательства почитали. Но по ясному тех древних гисторий показанию Варяги Швеция, Норвегия и Финляндия имянованы, яко Нестор, первый русский писатель, ясно показывает тако: варяги суть свие, урмане, ингляне и гути. Из сего ясно видеть можно, где свие и гути, а урмане разумеет Финляндию и Лапландию. По гистории же финской, что первее финские короли Русь разоряли и дань брали, а потом во время Рюриково, сказуют, финлянские и бярмские, реже Русь разумеет, короли так в согласие при-

шли, что нельзя сказать кто был большой. А сие для того, что Рюрик в Финляндии государь был по наследству, а в Руси по избранию. Историк же той, закрывая наследственную власть Рюрикову, тако темно написал. Но по нашим древним довольно ясно, что доколе единовластие в России было, даже до разделения детей Ерославлих, Финляндия к России принадлежала и Ярослав войска оттуда в помощь брал“ [60].

Возвращаясь к версии западнославянского происхождения Рюрика, можно добавить, что при своем рождении она имела политическую подоплеку (впрочем, как и норманнская), т. е. являлась социальным заказом, суть которого сводилась к приданию законности все более усиливающемуся вмешательству Польши в русские дела посредством выдуманных династических связей между двумя странами. Хотя, следует отметить, что ряд фамилий польской шляхты вел свое начало от Рюрика, т. е. определенные династические связи были, но имели противоположное направление. Реанимирование же этой старой басни, которое имеет место в наши дни, но почему-то без ссылок на старых авторов, представляется совершенно бессмысленным и отражает собой лишь попытку приверженцев славянофильства привести в соответствие со здравым смыслом славянскую концепцию генезиса Русского государства.

Что же касается первой, весьма осторожной, из приведенных здесь оценок Татищева по рассмотренному выше вопросу, то следует пояснить, что ее форма определяется тем, что автор признавал наличие близкой связи между Вандалией и Русью, но эта связь уходила в гораздо более раннее, нежели Рюриково, время. Не найдя объяснения факту появления на севере Восточной Европы среди финноязычных (по Татищеву, сарматских) народов славян, за которых он принимал новгородских словен, а также безусловно доверяя Иоакимовой летописи, Татищев считал приход венетов в данный район совершенно бесспорным. Иоакимова летопись, отражающая историю Русского Севера, сообщает, что князь Словен, придя на север, основал здесь город великий, который „во свое имя Славенск нарече“. После его смерти городом и краем „владеху сынове его и внуки много сот лет“. „И бе князь Вандал, владеа славянами, ходя всюду на север, восток и запад морем и землею, многие земли на вскрай моря повоева и народы себе покоря, возвратися во град Великий“.

По сем Вандал послал на запад подвластных своих князей и свойственников Гардорика и Гунигарда с великими вой-

сками славян, руси и чуди. И сии шедше, многи земли пово-
евав, не возвратимася. А Вандал разгневався на ня, вся зем-
ли от моря до море себе покори и сыновом своим вдаде. Он
имел три сына: Избора, Владимира и Столпосвята. Каждо-
му из них построил по единому граду, и в их имяна нарече,
всю землю им разделя, сам пребывал во Велице граде лета
многа и в старости глубоце умре, а по себе Избору град Ве-
ликий и братию его во власть предаст“ [59].

Отличаясь критичностью мысли, В. Н. Татищев прекрас-
но понимал вымышленную природу упоминаемых здесь имен,
в своих работах он неоднократно подчеркивал, что их измыш-
ляют по незнанию истинных исторических фактов, но в то же
время полагал, что они образованы „от имян пределов“, т. е.
в мифотворчестве он ясно видел реальную основу.

„Возвращаясь к разговору об именах Иоакимовой лето-
писи, отметим, что В. Н. Татищеву хорошо было известно,
что за область скрывалась под именем Гунигард. Говоря
в „Лексиконе“ об Изборске, он сообщает: „...от северных
писателей разنو имянован... Хунигард, Шуя и Хуа, иные,
видится, его Старый град и Ольденбург... называли, ...однако
ж все Хунигардов кладут около Пейпуса, или Чуцкаго озера
и в нем был престол брата Рюрика Трувара“. Татищев пола-
гал, что у этой области было славное прошлое, на что указы-
вает имя Шуя, означающее „столица“. Здесь же отметим еще
один момент, имеющий отношение к данному городу и пре-
делу. У неизвестного западнославянского летописца сказа-
но: „Руциа (Руссия) от датчан Острогардом, то есть на вос-
токе положенною, изобилуюсчею всякими благами обла-
стию называется. Имянуется ж и Хунигардом, для того, что
там первое поселение гуннов было. Оныя области столич-
ный град Чуе (Шуе) от Сого неведомо от каких учителей
переведено“.

Очевидно, основой для такой легенды послужило смут-
ное воспоминание о былом могуществе предела Хунигард,
которое наложилось на форму его имени, корень которого,
по-видимому, в обширном регионе означал восток.

Таким образом, в ряду имен из Иоакимовой летописи
лишь имя Вандала, причем самое громкое, для В. Н. Тати-
щева было неизвестным. В этих условиях встреченное у се-
верных писателей сообщение о том, что в V в. вандалы во
главе с князем Викулем „Гордорики и прочие грады обла-
дав“, было принято им безусловно, причем даже без обыч-
ных оговорок о вымышленных именах. При этом вандалы

объявлялись славянами. „Оные же вандалы сами всегда ВЕНЕДИ именовались, и как оттуда часть в Русь (т. е. Гордорики, Хунигард, иногда Русью также и Бярмия или Корела именовались, — *В. П.*) перешед, русов сарматов (т. е. финнов. — *В. П.*) овладели, то доднесь сарматы, а более финны нас ВЕНЕДИ, или ВЕНЕЛАЙНЕН, именуют“ [59, с. 208].

Вообще говоря, взгляд Татищева на русскую историю отличается удивительной ясностью и естественностью (особенно на фоне современных научных построений) именно благодаря тому обстоятельству, что она выступает результатом многовекового взаимодействия местных народов. Но стоит лишь для объяснения некоторых моментов привлечь постороннюю силу, в данном случае ВЕНЕДОВ ИЗ ГОЛШТИНИИ, как появилась определенная натянутость. С другой стороны, как и в случае с варягами, приведенном из Татищева выше, приход венедов не более чем предположение, к тому же мест, откуда можно их вывести, множество.

Нет никаких сомнений, что имя венеды относились к восточным компонентам ряда территориальных систем в Европе. Существовала такая и в Приладожье. Старое финское название Ладожского озера — Венеем мери [60, с. 208], что отражало его пространственное положение на востоке длинного залива, за островом, ныне Карельским перешейком. Во времена Татищева неизвестна была „Калевала“, а то внимание ученого несомненно бы привлекло название эпической страны Вайнемы, давшей имя главному герою эпоса Вайнемейнену. Не суть важно, в какой части Приладожья она размещалась, возможно, за этим именем скрывалось все Приладожье.

Если уж разговор зашел о совпадении имен пределов различных территориальных систем расселения, то невозможно не остановиться на том факте, что, согласно той же Иоакимовой летописи, на севере Европы существовало, по крайней мере, две Руси. Летопись сообщает: „Буривой (отец Гостомысла. — *В. П.*), имел тяжку войну с варязи, множицею побеждаше их и овлада всю Бярмию (Карельский перешеек. — *В. П.*) до Кумени (р. Кюми в финляндской Южной Карелии. — *В. П.*). Последи при оной реце побежден бысть; вся вои погуби, едва сам спасеся, иде во град Бярмы, же на острове сый крепце устроенный, иде же князи подвластнии пребываху, и тамиио, пребывая, умре. Варязи же, абие пришедше град Великий и протчии обладаша и дань тяжку возложиша на СЛОВЕНЫ, РУСЬ и ЧУДЬ“ [59, с. 108]. Из при-

веденного отрывка понятно, что варяги — это жители заморья, причем, возможно, не всего обширного острова Скандзы, как это часто понимают, а лишь восточной его части, заключенной между Ботнией и Белым морем, так, представляется, понимал это В. Н. Татищев.

Пользуясь случаем, выскажем предположение относительно имени Варяги, или Варязи, которое не противоречит приведенному выше, а является его развернутым вариантом. К северо-западу от Ладоги протянулся обширнейший озерно-лесной район, в Финляндии эта физико-географическая область носит название Озерного края. Практически вся эта область изначально входила в состав Корелы, поэтому в настоящее время на его территории расположены исторические области Саво-Карьяла (Западная Карелия), Похьейс-Карьяла (Северная Карелия) и часть Этеля Карьяла (Южная Карелия). Исключение составляли лишь юго-западные районы края, где расположилась область Хяме, ареал обитания западнофинского племени хяме, в русских летописях именуемого ЕМЬ. Сравнительно рано оно попало под власть шведов, хотя еще в XIII в. русские князья, в частности Александр Невский, боролись за установление своего влияния над ними.

Озерный край — это край не только озер, но и ВАР. Финское VAARA (диалектные — вара и варка) переводится как гора. Но это не просто гора, поскольку существует со словом МАКИ „гора“, причем, употребляются они рядом, что свидетельствует о том, что они определяли когда-то различные предметы, т. е. МАКИ и VAARA различались друг от друга. Об этом свидетельствует и соседство топонимов Линнамьяки и Линनावуори, или Линнавара, в великом множестве представленных в Приладожье и Озерном крае (*Кочуркина С. И.* Археологические памятники Корелы. Л., 1981, с. 14).

В настоящее время, по свидетельству финских специалистов, расселения типа ВАРА являются преобладающим в Восточной Финляндии. Оттуда оно распространяется до водораздельной гряды Суоменселькя и южнее, вдоль гряд Салпауселькя по холмам вплоть до высот Таммела. Размещение и группировка хуторов в расселении типа ВАРА отражает характер рельефа. От размеров холмов-вар зависит количество размещенных там построек, а их формы определяют кучевое или рядовое размещение усадеб. В зависимости от характера почв поселение может располагаться на вершине или склоне ВАРЫ <...>

Известно, что этот район испытывает достаточно интенсивное поднятие. И если сейчас этот край представляет собой скопление тысячи озер, соединенных многочисленными протоками, между которыми возвышаются ВАРЫ, то тысячу — полторы тысячи лет назад с тем более полным основанием мог именоваться страной ВАР — Вармией, по аналогии с VUORIMAA „горная страна“ — Варама, или Варма. Возможно, именно оно присутствует в скандинавском и русском названии Корелы или ее части Бярма, или Барма (Бармия), поскольку в финском языке нет буквы „Б“, только в заимствованных словах. Не исключено, что в далеком прошлом долины, разделяющие ВАРЫ, являлись протоками. Поэтому Варма, возможно, обозначало „страна островов“, или „островная область“.

Южная ее часть, расположенная на крупном острове посреди залива, в одном из вариантов называлась Русью в силу своего (южного. — С. Д.) положения. Можно предполагать, что северная часть Вармии называлась Урман, поскольку из летописи известно, что шурина Рюрика Вещий Олег был варягом по рождению, князем урманским [59, с. 110]. В Руси находился престол князей, властвовавших над варягами. Об этой Руси свидетельствует автор „Повести временных лет“, утверждавший, что Рюрик был из варягов, звавшихся русью. Таким образом, варяжская русь — это совсем не та упоминавшаяся выше РУСЬ, которую в числе прочих народов обложили данью варяги после поражения Буриvoja.

Уже в перечне народов Иафетова (Афетова) колена, которым открывается „Повесть временных лет“, упоминается две руси: одна в списке восточнофинских народов рядом с чудью, пермью и печорой, другая среди ВАРЯГОВ. Не варяжская Русь упоминается и в „Повести временных лет“: „...собравшись от словен, РУСИ, чуди, кривич и прочих предел, разсуждали, что земля Русская, хотя велика и обильна, но бес князя распорядка и справедливости нет, сего ради нужно избрать князя, который бы всеми владел и управлял. И согласясь, позавещанию Гостомыслову, избрали князя от варяг, называемых русов. Варяги бо суть званий яко свиа, урмани, инглае и гути. А сии особо варяги русы зовутся“. „И от варяг, — продолжает летописец, — прозвася страна сия Русь, еже потом Новгородская страна именовалась“ [59, с. 32—33].

Не соглашаясь с последним утверждением, В. Н. Татищев отмечает: „Еже бы сия страна от князей Русь именована“

лась, оное погрешено, ибо Иоаким и Нестор прежде Рюрика народ Русь именуют, ... и Нестор при Ольге русов от варяг и словен различал, ... следственно, особый народ“ [59, с. 204]. Мы же уже отмечали, что выбор имени Русь и расширение его содержания до Среднего Поднепровья определялось южным направлением поэтапного развития государства.

Таким образом, в заключение отметим, что даже концепция В. Н. Татищева, построенная на утверждении местной природы руси, не до конца последовательна; она оставляет место, пусть даже в отдаленном прошлом, для „бродяжничества этносов“. В этом плане „карельская“ концепция (концепция В. И. Паранина о карельском происхождении Руси — С. Д.), по ряду положений перекликающаяся со взглядом Татищева, ушла дальше. И уже поэтому ее позиции сильнее. Действительно, утвердившийся среди историков взгляд на этнос как на цыганский табор, который зачастую в процессе существования перемещается в пространстве, зародившись в одном месте, переживает расцвет в другом, чтобы затем умереть в третьем, не выдерживает критики, хотя бы потому, что на земле уже в течение многих десятков тысячелетий, во всяком случае, свободных мест, благоприятных для проживания, просто нет.

Заключение

Господство в истории Древней Руси ряда стереотипов, выработанных многолетними трудами русских и зарубежных ученых, держит данную отрасль науки в тупике. Найти выход из него не в состоянии ни представители норманнской теории генезиса Древнерусского государства, ни анти-норманисты, в одинаковой степени пребывающие в плену данных стереотипов.

В представленной работе сделана попытка отвлечения от ряда губительных для науки положений.

Во-первых, мы исходим из того, что I тысячелетие н. э. было далеко не детством человечества, в том числе для жителей лесной зоны Евразии. Специфика природных условий определила то обстоятельство, что в этом регионе не представлены столь монументальные памятники культуры, какие сохранились в южных районах материка. Это объясняет скудость памятников письменной культуры. Но такая ситуация вовсе не значит, что мировая цивилизация обошла лес-

ную зону. И уж конечно, пренебрежительное отношение римских авторов к северным варварам никак не доказывает этого. Интенсивные торговые связи Прибалтики, Поволжья и Приуралья с античным миром позволяют утверждать невозможность сколь-нибудь резких контрастов между уровнями развития данных районов. Да и, в конце концов, I тысячелетие н. э. куда как наглядно продемонстрировало преимущества экономической, социальной и политической систем северян перед Римом. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на историю Древней Руси.

Во-вторых, отвергаем взгляд на этническую историю человечества как долгую череду перемещений отдельных этносов с места на место. Этнос зарождается и развивается на строго определенном месте. Здесь же, как правило, и умирает или перерождается. Это позволяет иначе оценить этническую ситуацию в Восточной Европе во второй половине I тысячелетия н. э.

В-третьих, утверждаем, что этносу всегда предшествует территориальное объединение. Отсюда логически вытекает, что не этнос дает имя территории, на которой он проживает, а наоборот. Это позволяет в этнонимах видеть характеристику местностей, занимаемых этносами. Чаще всего они содержат в себе пространственную характеристику, т. е. «адрес» этноса в некоторой территориальной системе.

В-четвертых, язык является, как правило, определяющим признаком этноса, но он же — наименее стойкий признак. Для его исчезновения не требуется растворять членов этноса в среде более многочисленных носителей иного языка. Для этого нужно лишь изменение политической системы с заменой государственного языка. И тогда новый язык начинает теснить старый в политической, экономической и культурной сферах первоначально в городах, природа которых во все времена полиэтнична, а средством общения в них служит государственный язык, а затем и в ближайших сельских округах. Это позволяет отойти от традиционного для русской истории положения о славянской колонизации севера Восточной Европы, вносящего в него наибольшее число сомнительных элементов.

В-пятых, вульгарно-классовый подход к истокам государственности, царящий в истории Древней Руси, не оставляет места всемирно-историческим предпосылкам ее возникновения, тогда как Древнерусское государство было результа-

Торговые пути Восточной Европы

том крупномасштабных политических и экономических международных процессов.

На этой основе была разработана новая теория прибалтийско-финского происхождения Древней Руси. Это именно теория, поскольку в отличие от норманнской и славянской теорий достаточно определенно демонстрирует свою работоспособность, не нуждаясь в натяжках, как две указанные.

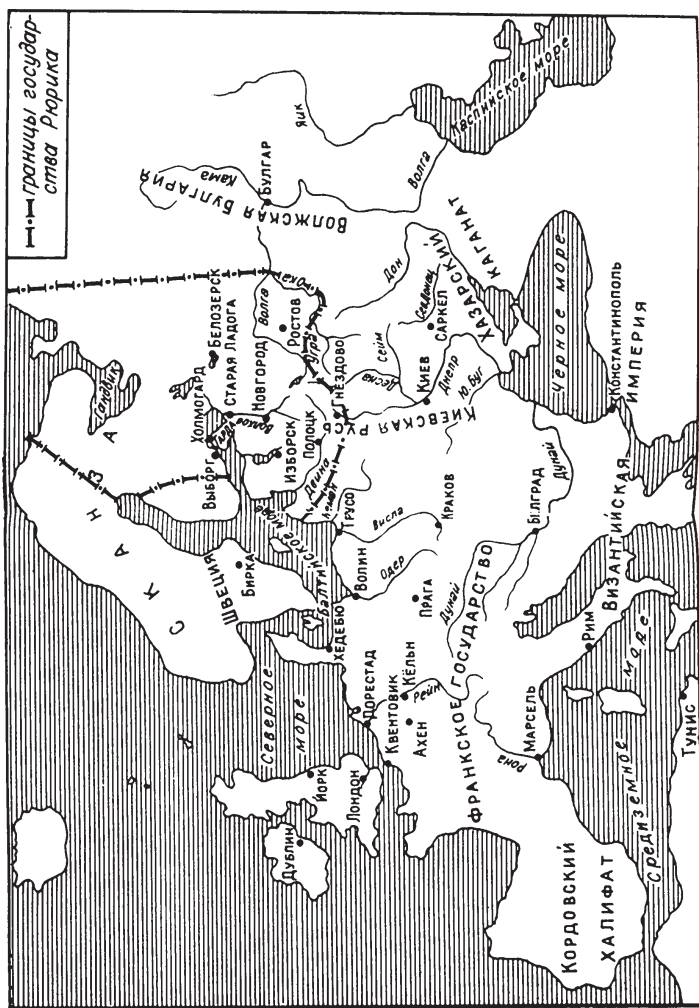
Ее суть заключается в том, что во второй половине VIII в. сложившаяся в Европе, Северной Африке, на Ближнем и

Среднем Востоке политическая и торгово-экономическая ситуация привела к резкому возрастанию роли торговых коммуникаций, проходивших по речным системам Восточной Европы. По этим магистралям из Средней Азии и Ближнего Востока поступало в Европу остродефицитное серебро и традиционные восточные товары в обмен на рейнские ремесленные изделия, североевропейское железо и олово, меха и рабов.

Протяженность торговых путей и масштабы посреднической торговли были такими, что в Восточной Европе за короткий срок усилились два старых крупных государства (Русь и Хазария) и возникло новое — отпочковавшийся от Хазарии Булгар, куда шли прямые караванные пути из Хивы. Между ними развернулась борьба за увеличение доли барышей, приносимых транзитной торговлей. Она определяла всю политику в регионе на протяжении двух с лишним столетий.

На севере Восточной Европы располагался сплошной массив прибалтийско-финских народов, имевших длительную историю политического взаимодействия. Южная граница их расселения проходила приблизительно по территориям нынешних Латвии, Псковской, Смоленской, Московской, восточная — Костромской, Вологодской и Архангельской областей. В IX в. в регионе создалась ситуация, позволившая сконцентрировать власть в руках одного из сыновей кагана Руси по имени Рюрик. Согласно Иоакимовой летописи и некоторым другим источникам, эта власть Рюрику досталась по завещанию верховного правителя словен, веси, кривичей и чуди Гостомысла; по „Повести временных лет“ и ряду других документов, Рюрик был приглашен названными народами на княжение. Как бы то ни было, власть досталась представителю династии, правившей в сильнейшем регионе государства.

Русь, она же Биармия и Гарда, столичной своей частью располагавшаяся в Западном Приладожье, занимала ключевое положение на торговых путях. Отсюда начинались континентальные водные пути со стороны Балтики. Это обстоятельство определяло то, что экономической основой Руси являлась международная посредническая торговля. Отсюда и ее устремленность к контролю над торговыми путями, проявившаяся в том, что еще до Рюрика варяги подчинили себе народы, проживавшие южнее, но через некоторое время были изгнаны, как об этом сообщает „Повесть временных лет“. После установления власти Рюрика

Границы государства Рюрика

русское купечество получило желаемые преимущества на огромной территории.

В заключение же отметим, что предложенная здесь концепция не по всем положениям нова. Так, прибалтийско-финскую природу Руси предполагал еще в первой половине XVIII в. Татищев. Этот выдающийся человек, своего времени, проявивший себя как историк, географ, философ, экономист и государственный деятель, является в русской истории личностью не менее масштабной, чем М. В. Ломоносов. Но, к сожалению, Татищев-историк мало известен даже специалистам, у которых он сегодня, по выражению одного из крупнейших наших историков, „не роiturеся“. Получилось так, что русская историческая наука, основоположником которой был В. Н. Татищев, ушла от него настолько далеко и не „в ту сторону“, что автор этих строк, считающий себя в определенной степени последователем Татищева, имеет большие шансы еще в течение длительного времени оставаться в единственном числе» [48, с. 135, 136, 139—144, 149—152].

Комментарий к работе В. И. Паранина «Историческая география летописной Руси» [48]

Итак, здесь мы сталкиваемся с совершенно иной версией возникновения Древней Руси и происхождения Рюрика. В. И. Паранин отвергает и норманнскую и славянскую теорию возникновения Древней Руси. Он считает: «Если анекдотична норманнская интервенция, то не менее наивно и трогательное приглашение „родственников“ из Западной Европы».

По теории В. И. Паранина получается, что русь, веныды, славяне, да и сам Рюрик — это все прибалтийские угро-финны. А сама Россия объявляется чуть ли не Великой Финляндией.

По воззрениям В. И. Паранина, мои собственные представления «отражают собой лишь попытку приверженцев славянофильства привести в соответствие со здравым смыслом славянскую концепцию генезиса Русского государства». И это меня нисколько не огорчает, а даже наоборот... Что уж тут скрывать. Ну, люблю я этих древних славян! Однако это совсем не значит, что я не люблю древних финнов или карел. Я люблю и тех и других, ибо они все мои предки. Как я могу не любить

чернобровую, кареглазую славянку — мою прапрабабушку, которая научила нас щам-борщам, нашим протяжно-лиричным, задумчивым песням, научила былинам и многому другому, что и есть наша русская культура? Как я могу не любить моего белоглазого костлявого прапрадедушку — карела, научившего нас нашей русской парной бане, лыжам, подледной рыбалке, любви к рекам, воде, русской плясовой, да и многому другому, что также является нашей русской культурой? Дело здесь совсем не в симпатиях или в антипатиях. Дело в истине. И вот она всего дороже.

Так вот, в этой теории просматривается одно, на мой взгляд, неразрешимое противоречие. Ведь если Рюрик и его русь являлись прибалтийскими финнами, а Древняя Русь фактически являлась Великой Финляндией, то почему мы говорим не на финском, карельском или вепском языке, а на русском? Больше того, даже не на языке славян, входивших в состав Древней Руси, а на совершенно самостоятельном — ВАНДАЛЬСКОМ языке. На языке, который был распространен за тысячи километров от нее. И вот в этом надо хорошо разобраться.

Я с большим интересом и даже с большим удовольствием прочитал работу уважаемого В. И. Паранина, ибо в ней очень точно раскрываются некоторые моменты в истории Древней Руси, на которые другие исследователи не обращают внимания. И с большим удовольствием я могу безоговорочно согласиться. Например, мне кажется, что его концепция происхождения термина «варяг» от финнов Озерного края современной Финляндии более предпочтительна, чем фризская теория Ю. Д. Петухова. Очень может быть, что именно их новгородцы вначале называли варягами, а вслед за ними так стали называть и всех других, приходивших со стороны Финского залива — «из-за моря».

Очень может быть, что тех варягов, которые жили на юге древней Корелы, на острове Русь (то есть на Карельском перешейке от Вуоксы до Невы), называли РУСЬЮ. Все это очень логично. Ибо в таком случае становится ясно, о какой РУСИ идет речь, когда мы читаем сообщения древних историков о руси, ходившей набегами на славян и владевшей Новгородом до их изгнания. Это косвенно подтверждается и данными ар-

хеологических раскопок. Например, читаем: «Обширную и достаточно хорошо изученную группу археологических памятников корелы составляют оружие и военное снаряжение. С. И. Кочуркина отмечает: „Яркой особенностью обрядности корелы является присутствие того или иного типа оружия: мечей, наконечников копий и стрел, топоров — почти в каждом мужском погребении. Этот факт нельзя расценивать как доказательство существования многочисленной военной знати. Тогда нужно было бы всю мужскую половину корелы возвести в такой высокий ранг“ (Кочуркина С. И. Древняя корела).

Однако, не расценивая всю корелу в качестве военной знати, невозможно тем не менее отрицать, что оружие в погребении указывает на факт принадлежности его хозяина к военной касте» [48]. *Следовательно, варяги, которых называют русские князья и у которых они укрываются при опасности, — это не норманны, как мне всегда представлялось, а предки наших карел и финнов. Видимо, одним из видов их деятельности было наемничество. Одним из побудительных мотивов к этому служили тяжелые природно-климатические условия для сельского хозяйства, которые и заставляли их становиться разбойниками или наемниками. Другим побудительным мотивом могла быть близость морских торговых путей и крупных торговых центров. Например, таких, как Великий Новгород или Старая Ладога. Очень возможно, что и новгородскую мерю, близкородственную финнам-варягам, со временем тоже стали звать русь. Это следует хотя бы из того, что в летописях зачастую новгородская МЕРЯ зовется РУСЬ.*

Можно согласиться с В. И. Параниным и в том, что северная часть древней Корелы называлась Урман. Ибо эта географическая область совпадает с территорией современной Норвегии, и, следовательно, под термином «урмане» могли фигурировать не только финны и карелы (древняя корела), а и норвежцы — норманны.

Достаточно логично и убедительно звучит у него и версия о ВЕНЕДАХ. Помните, Татищев говорит «финны нас венеда, или венелайнен, имянуют». Очень возможно, что финское название «венелайнен» происходит не от общепринятого термина «ВЕНЕТ», а от старого финского названия Ладожского моря — Венем-мери.

Есть положения в этой теории, с которыми можно согласиться только с очень большими оговорками. Например, такое утверждение: «Отвергаем взгляд на этническую историю человечества как долгую череду перемещений отдельных этносов с места на место. Этнос зарождается и развивается на строго определенном месте. Здесь же, как правило, и умирает или перерождается» [48]. С этим можно было бы и согласиться, если бы мы не имели очевидных примеров массовых переселений народов. Например, освоения Сибири, колонизации Северной и Южной Америки, освоения Австралии, которые происходили совсем недавно (по историческим меркам) и документально зафиксированы. По этой причине совершенно бесполезно искать какие-либо географические привязки к названиям, например, таких городов, как Новгород, Нью-Йорк или Карфаген. Даже если мы вопреки всему начнем это делать, то все равно не найдем никаких рек, озер, холмов или гор с этими названиями. Однако это совсем не означает, что В. И. Паранин не прав, ибо есть громадное число примеров, подтверждающих его правоту. Дело в том, что бывает и так и не так. Здесь я хочу сказать только то, что нельзя абсолютизировать данную версию.

Однако есть такие положения в теории В. И. Паранина, с которыми категорически невозможно согласиться. Например, с его утверждением о том, что ильменские словене — это на самом деле не славяне, а все те же угро-финны. Оно входит в явное противоречие с «Повестью временных лет» в которой определенно говорится: «Те, которые поселились около озера Илменя, прозвались своим именем, СЛАВЯНАМИ».

Также нет никаких оснований согласиться и с утверждением о том, что и Рюрик был финном.

Ну, во-первых, потому, что это совершенно нелогично. По В. И. Паранину получается, что новгородцы сначала платили дань финской руси — «варягам из-за моря», потом перестали это делать и «прогнали варягов за море», а затем, «измучившись» от свободы, пошли опять же к ним (финнам — руси). Мол, «устали и измучились» без вашей кабалы настолько, что все передрались. Хотим опять платить дань тяжкую. Тогда в летописи логично было бы записать: Пошли и сказали: „Владейте СНОВА нами“. Однако там записано нечто иное,

смысл которого как бы говорит нам о том, что новгородцы обратились к совершенно иной руси, не имевшей никакого отношения к финским варягам «из-за моря».

Ну а во-вторых, из-за нашего русского языка. Ибо, как уже было сказано, если бы Рюрик и его русь были бы финнами, то и мы с вами говорили бы сейчас на финском языке, на ГОСУДАРСТВЕННОМ ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ. Однако это совсем не так, потому что мы говорим на совершенно ином языке. На языке совершенно иной языковой семьи. На языке — до удивления похожем на язык вюндишей — потомков древних вандалов.

По-видимому, В. Н. Татищев отчетливо понимал эту проблему, так как, в отличие от В. И. Паранина, говорит нечто иное: «Вандалы, которые где ныне часть Голстинии и Галсация, якоже Меклебурия, Померания, Бранденбурия, кратко сказать едва не вся Нижняя Саксония, обладав, населились и были весьма в Европе славны. Оные же вандалы сами всегда венеди имяновались и как оттуда часть в Русь перешед народами сарматскими (т. е. финскими. — В. П.), русами и другими овладели, сами русы назвались, которое на их сарматском языке значит чермный, а притом из языка их многое включили. И как колено словенских князей Гостомыслом пресекалось, взяли к себе князя Рюрика от варяг или финнов, немало их языки употребляли, как то в древних наших летописях таких речений находим, что разуместь не можем» [48]. В этом отрывке новгородские славяне объявляются потомками вандалов, пришедших откуда-то с Одера. И именно этот факт и должен как бы объяснить распространение вандальского языка как в самом Новгороде Великом, так и по всей Руси и разрешить данную проблему, несмотря на то что сам Рюрик объявлялся финном-варягом.

Однако это входит в явное противоречие с текстом «Повести временных лет». Ибо, как мы уже упоминали, там венеды, жившие рядом с ляхами, не упоминаются среди славян. Следовательно, по логике Нестора, венеды славянами не являлись. В то же время там определенно сказано, что на озеро Ильмень пришли именно славяне. Также из этой летописи явствует, что славяне шли на север с юга, а именно: со стороны Дуная, а не с запада на восток — со стороны Пруссии. А из этого должно следовать, что ильменьские словене не говорили изначально на вандальском языке, и его

распространение в новгородских землях напрямую связано с призванием Рюрика и его руси. И вот это обстоятельство должно нам указывать на национальную принадлежность Рюриковой руси.

Для того чтобы понять причину, по которой В. Н. Татищев делает свое утверждение о финском происхождении Рюрика, проанализируем одно из его высказываний: «Но по ясному тех древних гисторий показанию Варяги Швеция, Норвегия и Финляндия именованы, яко Нестор, первый русский писатель, ясно показывает тако: варяги суть свие, урмане, инглеане и гути. Из сего ясно видеть можно, где свие и гуты, а УРМАНЕ разумеет ФИНЛЯНДИЮ и Лапландию» [48]. Из этой фразы становится ясно, что В. Н. Татищев несколько своеобразно понимал смысл данной фразы в «Повести временных лет». У него русы — это варяги, КОТОРЫЕ назывались свие, урмане, инглеане и гути. Отсюда и Рюрикову русь следует искать СРЕДИ ЭТИХ народов.

Однако другие историки это место из летописи переводят совершенно иначе, а именно: «РУСЬЮ назывались варяги ТОЧНО ТАК ЖЕ, как ДРУГИЕ ЗОВУТСЯ свие, урмане, инглеане и гути». Отсюда, если следовать утверждению В. Н. Татищева о том, что УРМАНЕ — это ФИННЫ и НОРВЕЖЦЫ, необходимо признать, что РУСЫ — это НЕ шведы, НЕ финны, НЕ норвежцы, НЕ англичане и НЕ готы, а нечто иное и отдельное от всех них, хотя и зовутся, как и прочие — варяги.

Так вот, во времена В. Н. Татищева еще не было данных о присутствии фризов в Приладожье. И получается, что в Приладожье действительно имелись две руси, а именно: условно говоря, РУСЬ ФИНСКАЯ и РУСЬ ФРИЗСКАЯ. Примечательно, что именно в Старой Ладдге, которую связывают с именем Рюрика, как раз и найдены следы фризского присутствия. И если все это принять во внимание, то тогда мы обязаны признать, что Рюрик и его РУСЬ были фризами-варягами, и тогда как бы все сходится, ибо все исторические события выстраиваются в четкую логическую цепь.

При этом возникает следующая картина исторических событий.

После разгрома новгородского войска Буривого в Карелии, варяги-финны (русь) захватывают Новгород и облагают тяжкой данью славян, чудь, мерю и кривичей.

То есть становятся полновластными хозяевами во всех новгородских землях.

Через какое-то время новгородцы (по-видимому, славяне), под предводительством сына Буривого Гостомысла, изгоняют финнов — варягов-русь за море (в Финляндию) и начинают сами управлять новгородской землей. Однако тут возникает столкновение интересов новгородских славян с интересами новгородской мери, близкородственной финской руси, которые, возможно, имели какие-то привилегии перед другими жителями Новгорода во времена правления финнов. Встает град на град. (По-видимому, здесь идет речь о мерянском угле Новгорода и славянском.) Возникает междоусобица.

Для ее прекращения славянами, кривичами, мерянской русью и чудью принимается совместное решение обратиться к ТРЕТЬЕЙ СТОРОНЕ. Что и отражено в летописи: «Тогда они стали говорить между собою: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил все дела справедливо“. Их выбор падает на МЕСТНЫХ князей, владевших городом (или городами и землями) в Приладожье, которые не были ни русью-финнами, ни славянами, ни кривичами, ни мерянской русью, ни чудью. Их выбор пал на местных фризов из племени русов, выходцев из далеких земель, что на западе Варяжского моря. Новгородцы пошли к варягам, к русам (к руси) на Ладугу и сказали: «Пойдите княжить и владеть нами» и судите все дела справедливо.

И вот что интересно. После призвания Рюрика все пришло к миру и согласию. Значит, этот выбор устроил все конфликтующие стороны, в том числе и финнов-русов.

Хроника шестая

О том, как в Море Страх пришел страх моря

«К востоку от Северного лежало еще одно море, малоизвестное в Европе и довольно долго не имевшее устоявшегося названия. Кажется, первым о нем упомянул греческий путешественник и ученый IV века до н. э. Пифей из Массалии (Марселя). Мы не знаем, как называлось это море в те времена, но римский ученый I века Плиний Старший, рассказывая о путешествии Пифея, употребляет слово Метуонис. По-латыни это родительный падеж от „метуо“ (страх). Море Страх.

Может быть, так его называли сами римляне? Десятка за два лет до рождения Плиния, в 5 году, „море, о котором до этого никогда не слышали“, по словам римского историка Веллея Патеркула, стало известным в Вечном городе. О нем заговорили. Заговорили после того, как туда забрел римский флот. Римские моряки удивленно рассматривали его неприветливые берега, многочисленные острова, песчаные пляжи.

Это море называли то Коданским заливом (он дал имя городу Гданьску), то Венетским или Славянским, то Свебским, то Сарматским. Русы называли его Варяжским, а Адам Бременский, после 1068 года часто бывавший личным гостем датского короля Свена II Эстридсена и черпавший у него географические сведения, впервые дал морю имя, существующее и поныне, — Балтийское.

Благодаря бурной деятельности викингов это море быстро заняло подходящее место в маршрутах европейских торговцев. Со временем на его берегах возникают города, соперничающие с признанными торговыми центрами Севера.

С упадком „эпохи викингов“ балтийские народы попытались упорядочить свои расплывчатые и зыбкие границы и свое (точно такое же) положение на морских побережьях. Дабы убедиться, что осуществить это не так-то просто, им не понадобилось много времени. Не успевали горожане обнести свое владение стеной, как у этой стены моментально появлялись пираты, прочно и с удобствами обосновывавшиеся во всех пригодных для корабельных стоянок бухтах. Особенно их привлекали укромные острова и шхеры у восточного побережья Ютландии, послужившие в свое время викигам, а теперь гостеприимно принявшие новых хозяев.

Здесь обитали славянские племена вагров, руян, прусов, вильцев, варнов, бодричей (ободритов) и десятки других, то торгующих, то враждующих друг с другом. Постоянные нападения пиратов вынуждали их строить свои города на расстоянии от пяти до пятнадцати километров от береговой черты, как это делали еще греки и римляне. Причина была та же: возможность вовремя заметить нападающих с моря, а при случае — отрезать им пути отступления.

Такова, например, история многострадального Любека, располагавшегося первоначально ближе к морю и отступавшего в глубь побережья после каждого его разрушения пиратами до тех пор, пока он не смог относительно спокойно

существовать на реке Траве, где в устье эстуария любекцы и построили наконец свой порт Травемюнде.

Такая же судьба постигла многие другие города. Столица лелегов Валеград, город хижан Микилинбор (Меклебург) и озерный порт ободритов Шверин (славянский Зверин) отступили далеко от моря, и лишь один из них оставил свое некогда блиставшее имя обширной бухте; их интересы на море представляет Висмар — бывший торговый центр бодричей Вишемир.

Еще дальше от побережья расположен Ратибор (Рацебург) — столица полабов.

В 1043 году, когда датчане уничтожили славянскую морскую базу Энибор (Эмбург), жители решили, что ее восстановление — безнадежное дело, и переселились в северную часть острова Рюген, где на мысе Аркона выстроили новую (около Путгартена), а когда датчане сожгли и ее в 1168 году, возвратились на континент.

Жертвой славянских пиратов стал в 1066 году (по другим данным — в 1050-м) датско-фризский Хайтабю (Хедебю) — центральный складочно-перевалочный пункт товаров Восточной и Западной Европы, «скандинавский Коринф». Пираты грабили и сжигали его до тех пор, пока он не пришел в полный упадок, парализовав торговлю в северном бассейне. Теперь этот город на западном берегу озера Везен-Нор — лишь предмет интересов археологов и туристских бюро Шлезвига. Только город вагров (Штральзунд) сумел отстоять береговое положение.

Картина, сложившаяся в этом районе, отчасти напоминала ту, что была на Черном море в античные времена, когда одни племена пускали ко дну корабли, а другие давали приют их экипажам. „Из островов, обращенных к земле славян, — пишет Адам Бременский, — следует выделить три. Первый из них называется Фембре (Фемарн). Он так расположен напротив области вагров, что его можно различить из Старграда, так же как остров Лаланд (Лоланн). Последний расположен напротив области вильцев, и им владеют руяне — очень отважное племя... Оба эти острова полны пиратов и кровожадных разбойников, не щадящих никого из тех, кто проплывает мимо. Третий же остров называется Земландией (Зеландия) и расположен недалеко от области РУСОВ и ПОЛЯКОВ. На нем живут сембы, или пруссы, очень гуманные и самоотверженные люди, всегда готовые оказать помощь тем, кто оказался в опасности на море или подвергся нападению пиратов“ [58].

Комментарии к работе А. Б. Снисаренко «Рыцари удачи» [58, с. 247]

Давайте попробуем разобраться вот в чем. В работе сказано: «Здесь обитали славянские племена ВАГРОВ, РУЯН, ПРУССОВ, ВИЛЬЦЕВ, ВАРНОВ, БОДРИЧЕЙ (ободритов) и десятки других...»

Как видим, никаких РУСОВ здесь нет.

Однако далее у Адама Бременского читаем: «Из островов, обращенных к земле славян, следует выделить три. Первый из них называется Фембре. Он так расположен напротив области вагров, что его можно различить из Старграда, так же как остров Лаланд. Последний расположен напротив области вильцев, и им владеют руяне. Третий же остров называется Земландией и расположен невдалеке от области РУСОВ и ПОЛЯКОВ. На нем живут сембы, или ПРУССЫ» [58].

Из сказанного следует, что на континенте напротив острова Земландии жили-таки РУСЫ, и жили они рядом с ПОЛЯКАМИ.

Посмотрим на современную карту Балтийского побережья. Как раз напротив границы Польши и Германии расположен остров, который также разделен на две части: польскую и германскую. И в польской части острова находится город со странным названием Свиноуйсце. Не этот ли остров фигурирует у Адама Бременского в его описании славянских земель? Не отсюда ли был родом наш легендарный Рюрик?

А теперь попробуем разобраться с термином «ПРУССЫ».

Если пруссы — это сиречь славяне (или близкородственные славянам веныды), то и законы построения слов у них должны быть такие же, как и у славян — поляков.

В «Повести временных лет» читаем: «Когда волохи напали на славян подунайских, то славяне опять начали двигаться к северу: так они пришли и сели на Висле и прозвались ЛЯХАМИ; от этих ЛЯХОВ пошли ПОЛЯКИ, лутичи, мазовшане, ПОМОРЯНЕ» [103, с. 32]. Но термин «ПОЛЯКИ» равносильен термину «ЛЯХИ» и означает то, что поляки — это или потомки ляхов, или какая-то часть ляхов (так как есть еще — лутичи, мазовшане и поморяне, тоже ляхи). Следовательно, по этой аналогии

можно заключить, что ПРУССЫ — это или потомки РУСОВ, или некая часть РУСОВ. С другой стороны, термин «ПОМОРЯНЕ» означал жителей Поморья, то есть тех, которые живут у самого моря. Но по такой аналогии термин «ПРУССЫ» («ПОРУССЫ») мог также означать тех, кто жил рядом с «РУСАМИ».

А теперь рассмотрим такой вопрос: кем же были на самом деле все эти пруссы, русы, вагры, руяне, вильцы, варны, бодричи?

А. Б. Снисаренко, Адам Бременский, да и многие другие авторы упорно их называют славянами. Однако «Повесть временных лет» среди перечисляемых славянских племен и народов их не указывает. Больше того, из «Повести» однозначно следует, что они — варяги, наряду с англичанами, шведами и норвежцами. Следовательно, в соответствии с ней РУСЫ Прибалтики — не славяне, а варяги — фризы. Об этом же говорит и Немецкая энциклопедия, относя язык вюндишей к ВАНДАЛЬСКОМУ языку (то есть к языку венедов). Из этого должно следовать, что русы, предки вюндишей, — это вандалы, или веныды. Однако и фризы тоже были веныдами. И здесь как бы все сходится.

Почему же для нас так важен этот вопрос?

Если принять версию уважаемых историков, то мы должны признать, что центром расселения славянства является Северо-Западная Европа, так как, согласно историческим сведениям, все эти народы (венеды) жили здесь, как минимум, до появления римлян. То есть очень давно — до новой эры. И отсюда уже распространялись на Дунай, Днепр и т. д., то есть на восток и юг. Это утверждение должно следовать хотя бы из того факта, что славяне появляются на исторической арене не раньше III — VI вв. н. э.

Однако «Повесть временных лет» дает нам совершенно другое направление расселения славянства, а именно: с юга на север и северо-восток. С Дуная на Вислу, Днепр и Волхов. Значит, если принять эту версию, то нужно признать, что:

— во-первых, славяне и венеды, — близкородственные народы и, следовательно, должны были иметь общих предков и общую прародину;

— во-вторых, они хотя и близкородственные, но все же разные народы и, следовательно, их общая пра-

родина должна была находиться где-то вне не только Северо-Западной Европы, но, может быть, и вообще Европы.

Германия — славянская земля

«Те, кого принято называть славянами, славянорусами, венедами и т. д., чувствовали себя на всей территории Европы как дома. Европа и была их домом, — мы просто забыли об этом. Но топонимика помнит. Исторические хроники и летописи можно исказить, дополнить, переписать. Но невозможно выправить и переиначить сотни тысяч названий городов, сел, рек, ручьев, озер, равнин, лесов, болот, гор. Невозможно абсолютно переделать язык народа. И поэтому для нынешнего историка-исследователя основным инструментом является именно лингвистика, и шире того — все, что связано со словом.

Вот, к примеру, слова „Германия“, „германский“, „германцы“ употребляются в совершенно определенном значении, имея в виду немцев. Но сами немцы называют себя „дойче“. Откуда же появился этноним „германцы«? И что означает на самом деле? „Германцами“, а точнее, „германами“, называли северных варваров римские историки и более поздние раннесредневековые хроникеры, писавшие на латыни. Подразумевали ли они под „германами“ подлинных немцев, „дойче“? Нет. По той простой причине, что „дойче“-немцы не проживали в те времена в Центральной и Восточной Европе, на землях нынешней Германии. Там проживали племена русов-венедов, трансформировавшихся в хрониках в „вандалов“, и других русов (их наименования без труда можно найти в писаниях упомянутых римских историков). Выше-сказанное однозначно подтверждается топонимикой Европы, а также совершенно четкими указаниями средневековых хроникеров (см. Мавро Орбини и др.), которые писали прямо, что Европу заселяли те, кого позже стали обозначать этнонимом „славяне“.

Так почему же римляне называли славян-русов „германами“? Нам это кажется сейчас странным, потому что мы зачечени в одной из многовековых ошибок (или предвзятостей). Для римлян же все было понятно и ясно. Они называли северных варваров по одному из их собственных самоназваний, добавляя лишь слово „маны“ — „люди“, то есть „герлюди“ или „люди, зовущие себя „гер“. Слово „херр“, т. е. „че-

*Воин-рус
с Трояновой
колонны*

*Гребец-рус с веслом
с Трояновой
колонны*

ловец, мужчина, господин“, у немцев появилось сравнительно поздно и под влиянием русов. Лингвистика исключает возможность вхождения этого слова в двухчастное „германы“. К тому же здесь получается явная тавтология, „люди-люди“, которой образованные римские ученые-историки себе бы не позволили. Само слово „гер“ имеет основой своей русское „яр-“, „ар-“, то есть „ярый, ярий, арий“, не требующее для нас, русскоязычных, никакого перевода.

В средневековую латынь, как и в латынь римлян, слово „яр-“ трансформируется однозначно, как „гер-“ (хронисты, к примеру, записывают славянское божество Яровита „Геровитом“, и т. д., такой переход полностью отвечает строжайшим и неукоснительным правилам точной науки лингвистики). Мы получаем исходное „яр-люди“, или „люди“, назвавшие себя „ярами“, „яриями“, „ариями“. И здесь не следует удивляться, что „подлинными арийцами“ были вовсе не „дойче“, которые присвоили себе не совсем понятное для них русское самоназвание „яр-“, „ар-“, а наши предки

русы-индоевропейцы. Мы их прямые потомки, и потому для нас не нужен перевод этнонима „арий“, „ярий“, каждый из нас может сходу привести однокоренные слова „ярый“, „ярость“, „яростный“, „ярить“ и т. д., вплоть до слова „бо-ярин“, то есть „большой-ярый“, „большой воин“, „воевода“.

Сами древние римляне, когда писали про „германцев“, определенно и четко имели в виду вовсе не малое и неведомое племя „дойче“, а именно русов, окружавших их со всех сторон и в конце концов разрушивших Римскую империю. Просто за последующие века многое в Европе изменилось, русы-славяне были вытеснены из нее племенами молодыми и энергичными, племенами сыновними, каковыми и были, в частности, „дойче“, значительно большую часть славян они ассимилировали, навязав свой язык, свой уклад... топонимика же Европы, хоть и в искаженном виде, осталась прежней, подлинной, русской. Процесс „штурма и натиска на Восток“ – есть один из сложнейших исторических процессов, который длится уже тысячелетия. <...>

Попросту выражаясь, „дойче“, как и многие другие племена, вычленились из огромного этноса русов, вычленились, когда подошло их время, когда их „пассионарность“ достигла наивысшего пика. Вычленились и, находясь в этноэнергическом для себя максимуме, начали тот самый пресловутый „натиск на Восток“, пользуясь тем, что отцовнее племя, супернарод русов, выплеснул практически всю энергию, все свои силы и лучших людей своих отдал на борьбу с Римом и другими врагами. Народы-сыны успешно заменили в Европе обессиленного отца своего, как это всегда бывает в Истории. И все же народ-отец, прародитель европейских наций, был настолько силен и духовно мощен, что сокрушить его полностью не удалось, – русы собрали силы, восстановили государство, Империю на новом месте» [101].

Глава X

Взгляд с другого берега. Л. Н. Гумилев об истории южного побережья Каспия

Высоки Святые горы, глубоки их ущелья, страшны пропасти. Не растет там ни березка, ни дуб, ни сосна, ни зеленая трава. Там и волк не пробежит, орел не пролетит, — муравью и тому поживиться на голых скалах нечем.

Только богатырь Святогор разъезжает между утесов на своем могучем коне. Через пропасти конь перескакивает, через ущелья перепрыгивает, с горы на гору переступает.

Ростом богатырь Святогор выше темного леса, головой облака подпирает, едет по горам — горы под ним шатаются, реки выплескиваются.

Скучно Святогору-богатырю, тоскливо становится: в горах не с кем слова перемолвить, не с кем силой помериться.

*Былина о Святогоре-богатыре.
Обработка Н. Карнауковой*

«Южное, юго-западное и юго-восточное побережья Каспия исторически связаны с внутренними регионами: Ираном, Азербайджаном и Согдианой, или, короче говоря, с царством Сасанидов (224—651 гг.) и халифатов (632—1258 гг.). Для тех и других прикаспийские области были далекой окраиной, мало влиявшей на судьбу этих великих держав.

Гора Дамаванд (Демаванд)

„Южное побережье Каспийского моря отличается от Персии даже климатом. Персия засушлива, Гилян и Мазендаран, отделенные от Иранского нагорья хребтом Эльбурс, изобилуют влагой. Ручьи, ниспадающие с гор, образуют мургабы — лиманы со стоячей водой, отделенные от моря мелями“ [6]. Вода в этих лиманах загнивает, и доступ к открытому морю затруднен.

Древнее население этой страны — кадусии — не подчинялось ни ахеменидскому, ни македонскому, ни сасанидскому правительству. Племена их не были арийскими, подобно тому как баски удержались в Пиренеях, пережив кельтов, римлян, арабов и кастильцев, так и они удержались на склонах Эльбурса. Хотя племен там было много, но политическое господство принадлежало дейлемитам, которых ныне нет, так же как нет их соседей — гирканцев.

К востоку от Дейлема, ныне называемого Гилян, лежат области Мазендаран (Табаристан) и „волчья страна“ — Гурган. Они покрыты цветущими лугами, лесами, благо-

даря обилию осадков; родина самых смелых воинов, которые удерживали арабский натиск до 717 года, но и после того поставляли соседним странам наемников, весьма ценившихся за храбрость и боеспособность. Севернее Гургана располагались аридные степи.

Дейлемиты и гирканцы умели сохранять фактическую самостоятельность до XI века, но не долее. Как все гемеостатические этносы, они жили в тесном контакте с вмещающим ландшафтом, а покидая его, они исчезали. И не то чтобы эти смелые воины дали себя истребить противникам. Нет, они умели постоять за себя. Их сгубили не поражения, а победы!

...Дейлемиты были народом очень древним и находились в гемеостазе. Они жили в естественной крепости — на склонах Эльбурса, и не давали себя подчинить ни македонянам, ни парфянам, ни арабам. Когда же арабы раскололись на суннитов и карматов, дейлемиты приняли шиизм зейдитского толка, и почти без сопротивления покорили Западный Иран и Восточное Закавказье. В 945 году их вождь вошел в Багдад и, оставив халифа на месте, принял титул эмир-аль-умара (главнокомандующий). Для себя же Буиды сочинили генеалогию, восходящую к Сасанидам, и возродили титул „шахиншах“...

Другая область Гиркании — Гур — спокойно просуществовала до XII века. Гур (восточные области Гиркании), подобно Дейлему, был хранилищем древнеиранской (даже неперсидской) доблести и традиций. Ислам гурские племена приняли только в середине XI века. Это был знак того, что они вышли из гемеостаза и вступили на путь завоеваний. Жертвами этого нового хищника стали сперва Газна, а затем Пенджаб. Дели, Бенарес, Гвалиф — на востоке, Тохаристан, Шугнан, Вахан — на севере и Хорасан — на западе. Здесь горный хищник столкнулся со степным — Хорезмом.

Разница между этими двумя соперниками была принципиальна. Гурские султаны были правителями своего народа, оседлого, земледельческого, аборигенного, а пришлых тюрок — халаджей и карлуков — они за своих не считали. Когда тюркский вождь Ямынмаглык просил у гурского правителя пастбищ для своих людей, тот ответил:

„Мы гурцы, а вы тюрки. Мы не можем жить вместе“ [52]. Но в походы ходили вместе. <...>

...И вот нет более грозных дейлемитов — пишет Л. Н. Гумилев, — исчезли храбрые чигили и ягма, куда девались халаджи, карлуки и могучий этнос гурцев? Хотя потомками их В. А. Бартольд считал современных джемшидов и тайменей.

Однако потомки у всех есть, и они живут, но в составе других этносов» [24].

Как видно из описания Л. Н. Гумилева, известий о побережье Каспия в Средние века имеется очень мало. Так как «прикаспийские области были далекой окраиной, мало влиявшей на судьбу великих держав». Сведения об этих районах в исторических документах появляются только тогда, когда происходят события, важные для самой империи.

В античный период таких событий было всего несколько.

Первое упоминание связано с именем Дария III. Разгромив войска персов в битвах и «подчинив важнейшие центры Персидской державы, Александр Македонский направился в Мидию к Экбатанам, где Дарий пытался снова собрать войска, чтобы приостановить вторжение в северные и восточные сатрапии, но из-за разногласий среди его военачальников и свиты это ему не удалось. Упорно преследуемый Александром, он бежал в Гирканию и там был убит низложившими его сатрапами; преемником Дария был провозглашен Бесс, сатрап Бактрии» [82].

Второй раз Гиркания упоминается уже во времена греко-македонского владычества, когда при Селевке I Никаторе совершил плавание по Каспийскому морю полководец Патрокл, губернатор восточных провинций, человек образованный и наблюдательный [27]. Более подробно об этом эпизоде писали Г. А. Разумов и М. Ф. Хасин: «В Азербайджане ходят устные и рукописные легенды о крепостях, дворцах и храмах, погружившихся на дно моря. С этими же легендами связано представление о том, что Каспийское море было связано с Черным (Азовским) широким судоходным проливом. Рассказывают, что по этому проливу древнегреческие галеры привозили на Каспий богатые товары с Запада. После этого

пролив начал пересыхать. А произошло это как будто перед самым началом царствования Александра Македонского, овладевшего южным берегом Каспия в IV в. до н. э. Это он снарядил первую в истории экспедицию для исследования Каспийского (Гирканского, как говорили древние греки) моря. Однако осуществлена была эта экспедиция лишь после смерти Александра Македонского его бывшим военачальником, а позднее царем Селевком I Никатором. Царский флот под командованием полководца Патрокла обошел Каспийское море по кругу и установил то ли существование Волжского залива, который был вытянут к северу почти на целых сто километров (по Ахтубской низменности? — С. Д.), то ли то, что Каспий являлся... заливом океана. Во времена Патрокла, кажется, и были впервые обнаружены следы бывшего соединения Каспийского моря с Азовским через Кула-Маньчскую впадину. По свидетельству некоторых письменных источников, существовавший ранее соединительный пролив обмелел, и Патрокл предложил расчистить пролив и восстановить морское сообщение между Азовским и Каспийским морями» [51].

В третий раз Гиркания упоминается уже в связи с событиями VI в. н. э. во времена царствования Сасанидов: «В 529 г. царевич Хосрой произвел переворот. Последние 120 лет царствования Сасанидов протекали трагично. Регулярная армия одерживала победы, но она же оказалась соблазном, повлекшим губительные последствия. Двенадцать конных полков были единственной реальной силой в Иране, и сын Хосроя, Хормизд (470—590 гг.), опираясь на армию, начал уничтожать неугодных: за десять лет он казнил 13 000 вельмож и мобедов (жрецов). В результате отпали арабы Двуречья, **дейлемиты отказали в покорности**» [24].

Итак, мы имеем короткие, обрывочные сведения, которые говорят о том, что южное побережье Каспия является «исторической целиной» и «целиной непаханой», а точнее — «белым пятном» на исторической карте мира. Однако из скурых сведений туманно вырисовывается картина, на основании которой все же можно сделать кое-какие осторожные предположения.

Во-первых, из Гиркании куда-то исчезает древнее местное население — кадусии-гирканцы, в то время как в других местах откуда-то появляются веныды-вандалы. Следовательно, как мы говорили ранее, земли под вулканом Демавенд — это не очередная азиатская «вандалия», а нечто иное. В связи с этим необходимо подчеркнуть то, что все остальные «вандалии» по своим природно-климатическим характеристикам удивительно напоминают предгорья Эльбурса. Вспомним, веныды Марокко селятся на берегу океана вблизи заснеженных горных вершин. Веныды Дуная — в предгорьях Альп на берегу полноводной реки. И так почти повсеместно. На Карпатах, Балканах, Пиренеях, то есть везде, они предпочитают места возвышенные, лесистые на берегу реки, озера, моря или океана. Но ведь Гумилев утверждал, что, покидая свою родину, переселенцы всегда стремятся занять ландшафт, похожий на тот, в котором они родились.

Во-вторых, греки и землю под Демавендом, и море, ее омывающее, называли соответственно Гирканией и Гирканским. Но так бывает тогда, когда население, живущее в таких местах, доминирует на водных просторах. Значит, греки, называя так море, отдавали должное исключительным способностям гирканцев в мореходном деле. И это удивительно роднит гирканцев с другими венедами. Например, с венедами Арморика.

В-третьих, гирканцев роднит с венедами их стремление к торговле. В Гиркании был крупный торговый центр, существующий и поныне, — город Горган. Можно предположить, что именно по названию этого города греки стали именовать все ближайшие земли Гирканией. Город играл очень большую (если не столичную) роль для всего побережья. Вблизи его был убит персидский царь. Возможно, это произошло из-за того, что через Горган можно было бежать из Персии за границу, и так, вероятно, расценили стремление Дария направиться в этот город его сатрапы!

Это предположение основано на следующем: Горган означает «горное торжище» (по аналогии с Гамбургом) или «горный базар, ярмарка». Значит гирканцы — это купцы-мореходы, принимавшие в своем гурском городе

Горган заморских купцов и сами ходившие к ним в дальние страны. Именно это обстоятельство, по-видимому, и могло быть главным раздражителем для сатрапов персидского царя.

В-четвертых, Гиркания расположена у подножия потухшего вулкана. Его извержение происходило или произошло когда-то в глубокой древности, однако это явление осталось в памяти людей, и сведения о нем передавались из поколения в поколение в виде сказаний и мифов. Так, в Иране имеется героический эпос о борьбе богатырей с огнедышащими драконами. Если такие мифы имеются в Иране, то они должны были быть тем более и в самой Гиркании, так как она находилась непосредственно вблизи Демавенда и у его подножия и, следовательно, подверглась наибольшему разрушению от лавы и огненного пепла. Демавенд должен был стать главной географической точкой и основным ориентиром для гирканцев. В связи с этим интересно то, что предания о борьбе рыцарей и богатырей с огнедышащими драконами широко распространены по всему Европейскому континенту. Случайно ли это?

В-пятых, из исторических сведений совершенно не ясно, каково было самоназвание гирканцев. Фигурируют термины — кадусии, дейлемиты, гурцы и гирканцы, но отсутствуют слова с корнем венд- или ванд-. И это очень затрудняет дело.

Однако из этих же исторических сведений следует, что термин «гирканец» — это слово, употребляемое греками, а не самими гирканцами, наподобие термина «москаль». Образован он от названия города Горган и не связан с самоназванием самих жителей. А термины «дейлемит» и «гурец», вероятно, относились к отдельным племенам или к районам их обитания, наподобие словам «казанец» или «новгородец», а не к народу в целом.

Теперь попробуем понять то, как могли называть они себя сами, например, попав в другое государство. Естественно предположить, что в этом названии должно было бы фигурировать не наименование племени или отдельного поселения, а самое характерное и известное географическое название, общее для всех гирканцев. Таким ориентиром должен был стать Демавенд, и, следовательно,

термин, которым называли себя гирканцы, должен был иметь смысл — из-под Демавенда. То есть венд, венед, ван, вандал и т. д., наподобие того, как называют себя все жители Сибири независимо от места своего проживания и национальности, а именно: «сибиряк».

В-шестых, Гумилев как бы дал нам совершенно иное, южное направление исчезновения кадусиев. Он считал, что их стугили не поражения, а победы в Западном Иране, Восточном Закавказье, Багдаде, Газне, Пенджабе, Дели, Бенаресе, Гвалифе, Тохаристане, Шугмане и Вахане. Однако в данном случае Гумилев говорил о военных походах, в которых могли принимать участие только мужчины в возрасте от двадцати до сорока лет, но никак не все население в целом.

В истории известны аналогии. Норманны, так же как кадусии, успешно захватив Нормандию и Британию и заняв в этих странах место военно-бюрократической верхушки, то есть создав, по Гумилеву, химеры, исчезли как этнос. Но исчезли только на завоеванных территориях. Сами скандинавы на родине норманнов прекрасно сохранились до наших дней. Точно такая же история произошла с монголами, которые до сих пор живут у себя на родине. Значит, в данном случае имело место массовое переселение жителей Гиркании с семьями, скотом и скарбом. Причем не исход, то есть не все одновременно и сразу, иначе об этом остались бы исторические сообщения, а постепенное, растянутое во времени переселение.

Интересно, что многие венеции появляются в совершенно разное время на протяжении тысячелетия, если не больше. Появляясь, венеции как-то удивительно быстро формируются в полноценные государственные образования, странно минуя некоторые этапы исторического развития. Такие государства, как правило, становились многонациональными объединениями. Так было, например, с Новгородом Великим или с Болгарией. Венецы вводят в обиход новых земель некоторые иранские символы (например, крылатые львы и грифоны в гербах Венеции и Генуи) или иранские украшения — серебряные гривны со странным названием «торквес» у кельтов в латинский период.

Возможно, в истории гирканцев и были военные походы на юг, но «исчезали» они похоже на севере и западе. Сведения о том, что этот процесс происходил на самом деле, есть у того ж Л. Н. Гумилева: «К востоку от Дейлема лежат области Мазендаран (Табаристан) и «волчья страна» — Гурган. Родина самых смелых воинов, которые удерживали арабский натиск до 717 г., но и после того поставляли соседним странам наемников, весьма ценившихся за храбрость и боеспособность... Новое правительство Хазарии, свергшее тюркскую военную знать, содержало в качестве военной силы войска из Гургана... Гурганцы были воинственны и храбры. Бесстрашные гурганцы одержали для хазар победы над гузами на реке Яик (Урал), над болгарами на Каме, над буртасами на реке Сакмаре, над савирами (сабирами) на Донце. Но победоносные гурганцы отказались воевать против единоверцев, мусульман — дейлемитов. И тогда хазары, народ находчивый и умный, пригласили для войны против них древних русов» [23]. Таким образом здесь, подтверждается тот факт, что гирканцы распространялись не только на юг и восток, но и на север и запад.

Племена Европы до римского завоевания Кельты в Западной Европе

«Целый ряд важных перемен в социально-экономическом строе и культуре кельтских племен знаменует собой период от раннего железного века — гальштата — ко второй фазе, получившей название от поселения Ла Тен в Швейцарии...

Уже в прошлом веке был предложен ряд принципов периодизации латена. Признанная в настоящее время периодизация, построенная на синтезе различных концепций, выглядит так: фаза 1а (450—400 гг. до н. э.), 1в (400—300 гг. до н. э.), 1с (300—250 гг. до н. э.), 2а (250—150 гг. до н. э.), 2в (150—75 гг. до н. э.), 3 (75 г. до н. э. — начало новой эры)...

Диодор Сицилийский сообщает нам, что кельты очень любили украшения, и его сведения находят массу подтверждений в кельтской литературе Ирландии. Среди украшений наибольшей любовью пользовались фибулы и торквесы (гривны).

Торквес был чрезвычайно популярным украшением кельтов и также представляет исследователям много хорошо да-

тируемых вариаций. В отличие от фибул торквесы были мало распространены в Европе гальштатского времени, и их массовое производство падает именно на латенский период. Торквес нес на себе следы не вполне ясной нам религиозной символики. Его нередко приносили в дар божеству, а с некоторыми богами он прямо ассоциировался как неперменный их атрибут» [82].

Гривна славян выполняла двойную роль: во-первых, украшения (отсюда и название славянской гривны — то, что носили на загривке, на шее); во-вторых, денежной единицы. В связи с этим нам представляется странной структура слова «торквес»: торг- и -вес. (Если, конечно, это не случайное совпадение с русскими словами.) Но, может быть, торквес и действительно был денежной единицей у кельтов, раз они его приносили в дар божествам?

«Население Арморики (Бретани; известные античным авторам племена осисмиев, венедов и др.) ставит перед историками и археологами немало проблем, касающихся прежде всего происхождения. Хотя полуостров относительно беден памятниками раннего железного века и более древних культур, все же можно заключить, что общественные отношения и культура развивались здесь достаточно преемственно вплоть до латенской эпохи.

В то же время, как и везде, признаки этой культуры появляются и на этом крайнем западе Европы, постепенно наслаиваясь на местные традиции и переплетаясь с ними. Раньше в этом видели следствие миграций кельтских племен „новой волны“, постепенно подчинивших себе местное население. Сейчас этот процесс представляется гораздо более сложным. Отдельные предметы типично латенского облика могли проникать в Арморикку самыми различными путями. Латенская орнаментация каменных стел могла появиться как итог проникновения очень небольших групп людей и как подражание отдельным металлическим предметам. Возможно, имели место и передвижения ремесленников.

Недавние исследования показали, что изменения художественного стиля в упомянутом районе можно связать с четко прослеживаемой картиной каких-то социальных потрясений, падающих на рубеж IV—III вв. до н. э. (покинутые или разрушенные поселения и пр.). Что произошло в точности, пока неясно, но, скорее всего, именно тогда в Арморикку могли проникнуть более или менее крупные отряды при-

шельцев, политически и культурно подчинившие себе местных жителей. Это предположение, конечно, не исключает возможности и более ранних крупных миграций, ибо нам известны примеры, когда подобные переселения почти не оставляли археологически достоверных следов (историческое переселение кельтов из Британии в Арморик в V—VI вв. н. э.).

Косвенные подтверждения указанной выше датировки можно найти на юго-западе Франции, где в V в. до н. э. тоже были обнаружены следы латенского стиля. Тем не менее здесь вопрос о сколько-нибудь заметных перемещениях населения, как кажется, не стоит, ибо большинство памятников раннего латена подвергаются на территории Аквитании и Лангедока явному и доминирующему влиянию местных художественных традиций. Все это говорит в пользу устойчивости достаточно долго развивавшейся тут социальной и культурной среды» [82].

Глава XI

Откуда болгары?

*На западе римляне, саки с востока,
Два бились в твердыню Ирана потока.
Но Парфии войско стояло меж ними.
Вот саки бегут, вот смятение в Риме.
Бойцы Хорасана, Гурана и Рея
Отбросили недругов грудью своею.*

Бехар

Вернемся снова к словам Л. Н. Гумилева: «Гурские султаны были правителями своего народа, оседлого, земледельческого, аборигенного, а пришлых тюрок: халаджей и карлуков, — они за своих не считали... Но в походы ходили вместе» [24]. Куда же девались халаджи, карлуки и могучий этнос гурцев?

С исчезновением из Гиркании гурцев — «волчьего народа», как их называли персы, на Волге, Балканах и Кавказе появляются народы (народ), которые так и называют себя «волчьими».

Что могут означать термины: болгарин, болгар или балкарец? Слова образованы двумя составляющими: болг- (булг-, балк-) и -ар (-арин, -арец). Ар- — это арий по-индоирански, и ир- — по-тюркски, то есть «человек». А болг- (балк-, болк-) — это «волк». То есть слово «болгарин» может означать понятие «волчий человек».

Волк в древнеславянской мифологии представляет собой таинственный и даже космогонический персонаж.

«Повторяющиеся не только на Руси, но и у других славянских и соседних с ними народов сказки об Иване-царевиче и Сером Волке наделяют этого зверя-хищника даже крыльями. Летит он быстрее ветра, переносит Серый на своей спине царевича из одной стороны света белого в другую, помогает ему добыть чудесную Жар-птицу, золотогривого коня и всем красавицам красавицу Царь-девицу. Говорит этот сказочный волк голосом человеческим и одарен необычайной мудростью». А дело в том, что «волком иногда оборачивался, по слову языческой старины, даже сам Перун, появляясь на земле» [17]. Значит, волк — это символ Перуна, и Иван-царевичу потому удаются его самые невероятные начинания, что именно он, в виде волка, оказывает помощь царевичу.

Получается, что те, кто называли себя «волчьими людьми», имели в виду древнеславянского бога-громовержца Перуна и вкладывали в название «волчий народ» тот смысл, что они «Перуновы люди» или «дети». И если это выглядит правдоподобно по отношению к славяно-болгарам, то как могли называть себя «Перуновым человеком» или «сыном Перуна» тюркский хан Аспарух — основатель Болгарии, или болгарские ханы — основатели Волжской Болгарии и города Казани? Это невероятно. Больше того, даже антинаучно, ибо всем известно, что тюрки-булгары пришли в Европу в составе других тюркских народов из глубин Сибири во время Великого переселения народов и участвовали в «гуннской эпопее».

Что может быть общего между булгарами-тюрками и гирканцами-гурцами? Даже языковые семьи должны были бы быть разными: алтайская — у болгар, индоевропейская — у гирканцев.

Однако задумаемся: в чем на самом деле состоят противоречия? Почему гурцы, смелые и отважные воины, ценившиеся даже среди лихих тюрков «за храбрость и боеспособность», не могли участвовать в «гуннской эпопее»? Разве для того, чтобы побеждать таких же отважных и умелых воинов, — аланов и готов, не нужны были храбрость и умение воевать? Или гунны своих противников, закованных в броню, шапками да стрелами с костью

ными наконецниками закидывали? Конечно, гурцы могли стать участниками «гуннской эпопеи». Тем более что гурцы исчезают одновременно и вместе с тюрками-халаджами и карлуками.

А как быть с языками? А как так получилось, что болгары-тюрки, основав и возглавив новое балканское государство — Болгарию, сами перенимают славянский язык? Причем перенимают чуждый язык почти «мгновенно» по историческим меркам. И на каком языке тюрки-болгары общались с местными славянами до того?

Гурцы «халаджей и карлуков за своих не считали, но в походы ходили вместе». И вместе куда-то исчезли. Не здесь ли разгадка? Ведь если допустить, что древние болгары, пришедшие на Волгу и Балканы, были союзом этих народов, то все наши вопросы должны получить ответ. Потому что в такого рода союзах всегда имеет место билингвизм, то есть одновременное пользование двумя языками. И в зависимости от обстановки один из этих языков становится главным в межэтническом общении, то есть доминирующим, а другой — домашним, или семейным. В соответствии с этим на Балканах главенствующим мог стать язык гурцев, близкий к славянскому, вытеснив язык тюрков в разряд домашнего языка. А на Волге, наоборот, тюркский отодвинул на второй план язык гурцев.

Но и там и там в основе культур этих народов была культура гирканцев-гурцев, то есть венедов. Однако, конечно же, с большими вкраплениями элементов тюркской культуры.

Если это не так, то объясните следующие факты. Известен старинный татарский праздник Сабантуй, на котором происходят скачки на конях, борьба на кушаках — все как положено у потомков кочевников, родившихся в седле и вскормленных молоком степной кобылицы. Но оказывается, что это праздник оседлых земледельцев, ибо об этом говорит сама структура его названия. Судите сами. В слове «сабантуй» -туй (-той) — это «застолье», праздник, а сабан — тяжелый плуг на два или даже на четыре вола для глубокой вспашки плодородных черноземов [44]. Значит, Сабантуй — это праздник плуга, праздник сабана, или «хохлацкого плуга», как называли его русские северяне, отли-

чая его от своей легкой сохи. «Откуда у хлопца... славянская грусть», — можем сказать мы, перифразируя поэта.

Или взять другой пример. Бортничество — пчеловодство при помощи специальных колод, развешиваемых на деревьях в лесу, или разведение пчел в специально подготовленных дуплах деревьев. Технология, широко распространенная в древности у всех славян, о чем есть свидетельства в Русской Правде — сборнике древних законов, но исчезнувшая ныне полностью везде, вследствие большой трудоемкости и исключительной сложности, кроме Башкирии, где этот промысел существует и сегодня [10]. И опять странные славяно-булгарские схождения.

Однако снова коснемся языка. Из древних летописей следует, что в большинстве русских торговых городов, если не во всех, имелись татарские слободы, в которых проживали татарские купцы-словы и останавливались заезжие купцы-гости со всей Волги и других весей. Словы жили со своими семьями в слободах постоянно. А возможно ли такое без знания местного, то есть славянского, языка? И не может ли это свидетельствовать о том, что и в Казани, и в других городах, в которых жили булгары или их потомки, наряду с главенствующим тюркским языком имел хождение некий «домашний» или вспомогательный язык, который мы идентифицируем как болгарский?

Поражает торговая активность древних булгар. В иранском городе Тебризе был Казанский базар — самый большой на Востоке. В персидских и арабских хрониках сообщается как о совершенно обычном событии о прибытии с севера булгарских купцов с товарами в каспийские порты Ирана. А ведь за всем этим стоит очень многое: и знание рынка, местных обычаев, и личное знакомство с иранскими купцами, и прочее. Откуда все это у тюрок?

А мореходные и кораблестроительные навыки! В русских летописях часто упоминаются суда, на которых ходили волжские купцы. Мол, пришли из Булгар, Казани или еще откуда с Волги купцы на учанах, пабусах, лодьях и стругах. Само перечисление типов может занять полстраницы. И сразу вспоминаются строки из Цезаря: веныды располагают самым большим числом кораблей,

а также обладают превосходным знанием морского дела и опытностью в нем. Разве эти слова нельзя отнести к болгарам?

Конечно, здесь естественно услышать такое возражение: почему чуть что касается судоходства и судостроения, так сразу венеды. Что, другие тюрки своих судов не строили?

Действительно, строили! Например, упоминаемые раньше суда на Амударье и на восточном побережье Каспия или военный флот Османской империи, наконец. Но какая разница в количестве типов судов, в масштабах строительства, в дальности морских походов и их регулярности! Разве это сравнимо? А самобытность судостроения? К примеру, военный флот Османской империи строился, впрочем, как и флот Петра, иностранными специалистами: греками, арабами и даже итальянцами, французами и голландцами. А командовали этими эскадрами и флотами алжирские да марокканские адмиралы. Здесь же (на Волге) мы имеем полную самобытность, как будто болгары были рождены и вскормлены на палубе корабля.

Что правда, то правда, судостроение тюркок-волжан изучено неадекватно мало. Наверное, сказывается стереотип представлений о болгарях, как о тюрках — степных кочевниках, далеких от мореходных дел. И все наши знания по этой теме основываются только на косвенных, летописных материалах. Но такие данные есть.

Примечательно, что в гербе Казани, в городе, основанном болгарями, присутствует огнедышащий дракон. А как говорилось ранее, очень вероятно, что дракон — это символ извержения вулкана. То есть символ того, что видели и что пережили праотцы современных жителей этого города: как разверзлась пасть горного «дракона», как из нее повалил огонь и дым, как посыпался огненный дождь, как затряслась земля, как закачались деревья, а солнце заслонила черная туча, и по горным склонам поползли огненные змеи. Символ того, как праотцы умоляли «огнедышащего змея» не трогать их имущества и не причинять зла им самим. И он действительно их не тронул, а змеи-лавы проползли мимо, по другим склонам.

Если посмотреть на карту южного побережья Каспия, то видно, что потухший вулкан Демавенд находится в стороне, западнее Гура, так что извержение вулкана не могло катастрофически затронуть эту область. Однако впечатление от этого возникло потрясающее и страха нагнало, по-видимому, очень много.

Не являлся ли «огнедышащий дракон» для древних болгар таким же символом покинутой родины, каким были для славян Ирия и Святая гора? «Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит...» То есть не является ли «огнедышащий змей» Казани символом извергавшегося Демавенда?

Итак, есть косвенные факты, которые заставляют нас предположить, что древние болгары были потомками венедов-гурцев и тюрков-халаджей и карлуков, покинувших свою родину в Приэльбурсье и обосновавшихся на просторах Европы.

Конечно, все это домыслы, то есть логические предположения, построенные на косвенных данных. Так это или не так покажет будущее (то есть будущие научные исследования).

Возможно, это очередной исторический миф. Но почему его не проверить?

И вот уже нет могучего этноса болгар. «Однако потомки у всех есть, и они живут, но в составе других этносов». Они живут в башкирах, татарах, болгарях, балкарцах и русских. Живут не только в наших генах, культуре, фамилиях, но и в нашей памяти, ибо десятки поколений русских людей сохранили в собственных фамилиях память о своих болгарских предках.

О происхождении болгар. Названия древнеболгарских племен

«Проявляя активность на восточной границе, тюркюты одновременно совершили поход на запад. К сожалению, подробности этого чрезвычайно важного события освещены источниками недостаточно полно, но наметить общий ход событий все-таки можно.

Западный поход возглавил Истеми-каган.

Свой поход Истеми начал позже 552 г., так как арабы в этот год еще были самостоятельным племенем, и, по-видимому, после решительного разгрома жужаней, происшедшего осенью 553 г. Самая вероятная дата выступления в поход — весна 554 г., когда с жужанями было покончено, а степи покрылись травой, что имело решающее значение для конницы.

Судя по скорости передвижения, тюркюты не встретили сильного сопротивления. В 555 г. их войско достигло „Западного моря“, под которым надо понимать не Каспийское, а Аральское море. За полтора года они подчинили себе весь центральный Казахстан, Семиречье и Хорезм.

Но дальше пошло труднее. На северных берегах Аральского моря тюркюты натолкнулись на сопротивление племен хуни (хионитов) — потомков сармато-аланских племен, обитавших в „болотных городищах“ в низовьях Сырдарьи, вар — соседей хионитов, племя угорской группы, и огоров — предков венгров (они обитали в VI в. на территории Башкирии и в степях между Волгой и Уралом; Рубрук сообщает, что население Башкирии еще в XIII в. сохраняло свой язык, который был понятен венграм). Только к 558 г. эти племена были разгромлены и тюркюты вышли к Волге, гоня перед собой тех, кто отказывался покориться. Это были осколки племен вар и хуни — около 20 тысяч человек, слившиеся затем в единый народ — аваров...

Политическая ситуация в Причерноморье в конце 50-х гг. VI в. была весьма сложной и напряженной, вследствие тонкой и дальновидной политики Византии. Область низовьев Днепра и Дона занимал болгарский народ кутургуры. Родственные им утургуры жили на Кубани. Византия, страдая от набегов кутургуров на Фракию, дарами и посольствами побуждала утургуров к военным действиям против кутургуров. Ловкая политика Юстиниана довела оба эти родственные племена почти до взаимного истребления.

К востоку от утургуров, в районе реки Кумы и в Дагестане, обитало крайне воинственное племя сабигов.

На берегу Кубани жили аланы, верные союзники Византии. Через них греки впервые получили известие о появлении варварского народа — аваров.

Положение аваров, бежавших от тюркютского нашествия, на первый взгляд казалось безнадежным.

Первой задачей аваров было оторваться от противника. Им это удалось лишь потому, что в это время в Средней Азии активизировались эфталиты и отвлекли Истеми.

Оторвавшись от тюркютов, авары стали искать союзников. Они попросили аланского вождя Саросия содействовать их сближению с Византией. Юстиниан отправил посольство к аварам и предложил начать действия против Ирана. Союз был заключен, но вместо того чтобы напасть на врагов Византии, авары обрушились на ее союзников.

Первой жертвой их оказались сабиры. Вслед за сабирами пострадали утургуры, тоже верные союзники империи, а также залы, обитавшие на левом берегу нижнего Дона. Затем авары, переправившись через Дон, обрушились на антов и подвергли этот народ полному разграблению.

Подобно тому как на Кавказе аваров поддерживали аланы, в Причерноморье эта роль выпала на долю кутургуров. Хотя источники не содержат указаний на заключение союза между аварам и кутургурами, но весь ход событий и косвенные данные позволяют полагать, что такой союз имел место.

С 551 г. кутургуры не решаются подступать к границам Византийской империи. Причина этого известна: восточная граница кутургуров находилась под угрозой со стороны утургуров, а западной угрожали многочисленные антские племена, обитавшие по всей лесостепной полосе к северу от Причерноморских степей. Менаандр писал, что авары „завели войну с утургурами“, а вслед за тем набегами опустошили земли антов.

После посольства Валентина авары громят именно сторонников Византии — сабиров, утургуров и антов. Так как эти действия шли вразрез с интересами Византии, то, естественно, в выигрыше оказался Иран.

Если принять предположение о заключении союза между аварам и персами, то становится понятным, почему авары принуждены были покинуть Кавказ. Верный союзник Византии, аланский князь Саросий в этих условиях не мог оказывать аварам поддержку, а лишенные ее авары, несмотря на одержанные победы, не могли задержаться в Предкавказье, тем более что у них в тылу стояла грозная сила тюркютов.

Но Заберган кутургурский, враг греков, естественно, рад был получить в лице аваров новых союзников, необходимых ему для борьбы с Византией и ее друзьями — утургурами и антами. Действительно, как только авары, разгромив утургу-

ров, обезопасили кутургуров с тыла, Заберган предпринял новый поход на Балканы и дошел до стен Константинополя.

Таким образом, в 558 г. персидская дипломатия одержала победу, создав для Византии нового сильного врага и переправив опасных соседей со своих границ на Балканы. Как будет видно из дальнейшего, персидско-аварский союз просуществовал до 628 г. и чуть было не расправился с Византийской империей.

Анты попытались договориться с аварами, отправив к ним посла Мезамира, ближайшей целью которого был выкуп пленных. Мезамир, явившись к аварам, вел себя так надменно и дерзко, что был убит аварами, несмотря на его положение посла. Расправившись с послом, авары продолжали грабить и поработать антов. Заручившись поддержкой такого энергичного союзника, кутургурский князь Заберган решил, что с востока ему больше никто не угрожает, и, заключив союз со склавинами, вторгся в Византию. В марте 559 г. он перешел Дунай по льду и разделил свое войско на три отряда: один двинулся через Македонию в Элладу и проник к Фермопилам, второй угрожал укреплениям, защищавшим Херсонес Фракийский, а третий, во главе которого стоял он сам, прорвался через пролом в Длинной стене, пострадавшей от землетрясения и по преступной небрежности не восстановленной. В Константинополе началась паника: из мрака забвения был извлечен престарелый военачальник Велизарий, который отогнал варваров от столицы. Прочие отряды были также отбиты. Но тем не менее Заберган разбил лагерь во Фракии и продолжал грабежи до тех пор, пока ему не была выплачена солидная сумма и обещаны такие же „дары“, как и утургурам. Только тогда кутургуры покинули Фракию.

Юстиниан немедленно снесся с вождем утургуров Сандилхом, после чего утургуры напали на один из отрядов Забергана, возвращавшийся из Фракии, уничтожили его, и отбитую добычу Сандилх вернул грекам. Война, последовавшая за этим, настолько же ослабила оба народа, насколько послужила на пользу аварам.

В 565 г. Юстин II прекратил выплату аварам даров, считая империю достаточно могущественной. Но силы аваров росли. В 565 г. они уже громили Тюрингию и удачно воевали с франкским королем Сигезбертом. В 567 г. авары в союзе с лангобардами уничтожили гепидов, которым оказывала помощь Византия, и овладели долиной Тисы.

Год спустя, после ухода лангобардов в Италию, авары стали хозяевами всей Паннонии и грозой Центральной Европы. Их силу составляли вспомогательные войска из антов, западных славян и кутургуров, полностью подчинившихся аварскому хану. Первый аварский хан Баян, угрожая Византии, в 568 г. цинично заявил: „Я таких людей пошлю на Римскую землю, потеря которых не будет для меня чувствительна, хоть бы они совсем погибли“. — И послал в набег 10 тыс. кутургуров.

...Воинственный хан Тун-джабгу (хан Западного тюркского каганата) всю жизнь последовательно выполнял волю племен нушиби, добывших для него престол. Охраняя их интересы, он дружил с Китаем и Византией, ссорился с восточнотюркскими ханами и ввязался в кровавую войну с Ираном. Но для войны всегда и везде нужны деньги и люди. Людей приходилось брать с севера, у племени дулу, которые в этой войне не видели для себя ни пользы, ни смысла. Явное предпочтение, которое ханская семья оказывала их соперникам — нушибийцам, также не располагало дулу к лояльности. Когда же хан, нуждавшийся в средствах, стал взysкивать с них большие штрафы, то они вспомнили, что меч на бедре значит больше, чем власть царей и военачальников. Тун-джабгу не придал значения росту их недовольства, и это было непоправимой ошибкой. Как только восточные тюркюты отняли у него (крепость) Бишбалык, карлуки, жившие на Черном Иртыше, восстали, а вслед за тем поднялись и другие племена союза дулу. Их возглавил дядя хана, носивший прозвище Богатырь-князь (Моходу-хоу). Ему удалось убить Тун-джабгу, после чего он принял титул Кулюг Сибир-хан (Кюйли Сыби-хан).

На западной окраине каганата дулузской ориентации держались болгары-унногундуры, вождь которых Кубрат, посетив в 610 г. Константинополь и получив там сан патрикия, от крещения воздержался. Болгар толкало в партию дулу соперничество с хазарами. До 630 г. они охраняли западную границу каганата от возможного нападения аваров, но восстание кутургуров против аварского хана отодвинуло эту границу с Дона до Карпат. В новом положении держать в тылу прекрасные войска не имело смысла, и болгар (хазары. — С. Д.) перебросили в Закавказье для пополнения действующей армии (т. е. на войну, которую вели хазары совместно с Западным тюркским каганатом (Тун-джабгу) против Персии. — С. Д.).

По-видимому, Тун-джабгу, не доверяя своему дяде (Моходу-хоу. — *С. Д.*), хотел передать его удел своему брату Джабгу-хагану, но тот потерпел поражение и погиб. Во всяком случае после переворота в орде дулу, находившиеся в армии, тоже восстали и жизнь Бури-шада была в опасности. Однако он спасся и впоследствии оказался в Средней Азии, в стране нушибийцев. Происшедшие потрясения заставили тюркютов уйти из Закавказья, которым немедленно овладели персы.

Нушиби были застигнуты врасплох, но сдаваться и покоряться они не собирались. Переворот вызвал внутреннюю войну, и она наполнила собой всю дальнейшую историю Западнотюркютского каганата. Новое правительство сразу растеряло завоевания, сделанные Тун-джабгу. Вслед за Закавказьем отпали Гибинь и Тохаристан, а телесские племена Джунгарии восстали и начали войну против тюркютов. Но самым тяжелым для Сибир-хана было резко отрицательное отношение к нему императора (Китая. — *С. Д.*) Тайцзуна, который направил специальное посольство с дорогими подарками для торжественных похорон хана Тун-джабгу. Этот сам по себе незначительный шаг показал, что наиболее могущественная держава Азии высказалась против переворота.

Выиграл от распри только один болгарский вождь Кубрат. Сначала он избавился от тюркютов и хазар, поддерживая своего дядю Сибир-хана. Затем, используя отдаленность от центра каганата, он превратился в самостоятельного владетеля, и занятые внутренней войной тюркюты оставили его в покое. Около 635 г. Кубрат нанес поражение аварам и одновременно снарядил посольство в Константинополь. Ираклий отправил ему дары и наградил саном патрикия. Восстание кутургуров против аваров отдало Кубрату причерноморские степи, так как в летописи Феофана он выступает как „обладатель Болгарин и котрагов“, т. е. кутургуров.

Несмотря на то что кутургуры деятельно помогали аварам во всех войнах, авары относились к ним как к покоренным, т. е. весьма плохо. В 630 г. кутургуры восстали, но были побеждены. Те, которые находились в Европе, бежали в Баварию, но были там предательски перерезаны по приказу франкского короля Дагобера. Восточным повезло, и они присоединились к единоплеменным утургурам, образовав вместе с ними болгарский народ. Новая Болгария была враж-

дебна на востоке хазарам, продолжавшим держаться за тюркютов, на западе — аварам и на юге — Византии; сил хватало на все. Могущество же аварского каганата начало с этого времени падать, пока сам аварский народ не обрел гибель под мечами латников Карла Великого.

Болгарская держава, основанная Кубратом, просуществовала до 679 г., но дальнейшая ее судьба не имеет никакого отношения к тюркютскому каганату» [22].

Вы, конечно, заметили, что в названиях болгарских племен — утургуров и кутургуров — присутствует корень гур-. Третье племя — унногундуры (его вождь со странным для тюрка именем Кубрат является племянником тюркюта Сибир-хана и, следовательно, — карлуком). Но ведь и веныды-гирканцы, жившие в Гуре, то есть в Восточной Гиркании, тоже назывались гурцами (или гурами), что в переводе с персидского означает «волк» (!), и находились в тесном контакте именно с этими тюркскими племенами — карлуками и халаджами.

Болгары-гурь, как и прочие гирканцы, служили наемниками у хазар, византийцев и аваров.

Болгарско-гурские вожди носили необычные для тюрков имена: Кубрат (где есть составляющая — брат), Сандилх и князь Заберган (где присутствует другая часть -ган, что совсем не однозначно слову «хан»).

И наконец, еще один характерный, но малоприметный штрих. Болгары постоянно входили в военные союзы с антами и склавинами, предками славян, что может говорить о наличии сильной комплиментарности, вызванной этническим родством или культурной близостью.

Потомки волчицы

«Знание родословных и специальное изучение их было издавна характерно для центральноазиатских народов. При этом весьма любопытно, что многие из них называли своим родоначальником того или иного зверя. Так, тибетцы считали своими предками самца обезьяны и самку ракшаса (лесного духа), монголы — серого волка и лань, телесцы — тоже волка и дочь хуннского шаньюя, а тюрки — хуннского царевича и волчицу. Две последние легенды возникли очень давно, по-видимому, еще в период обитания этих народов на

южной окраине великой пустыни Гоби, так как мифология в некоторой степени корректируется фактами политической истории и этногенеза.

Среди племен, побежденных табасцами при покорении ими Северного Китая, находились „пятьсот семейств Ашина“. Эти „пятьсот семейств“ возникли „из смешения разных родов“, обитавших в западной части Шэньси, отвоеванной в VI в. у китайцев хуннами и сяньбийцами. Ашина подчинялись хуннскому князю Муганю, владевшему Хэси (область к западу от Ордоса, между излучиной Хуанхэ и Наньшанем). Когда в 439 г. табасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй, то князь „Ашина с пятьюстами семействами бежал к жужаньцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев“.

Текст повествует не о происхождении всего народа древних тюрков, а только их правящего клана. В этой версии происхождения древних тюрков ничего легендарного нет. По-видимому, Ашина был вождем небольшой дружины, состоящей из удальцов, почему-либо не ужившихся в многочисленных сяньбийских и хуннских княжествах. Такие мелкие военные единицы, которые нельзя назвать государствами, постоянно возникали в мятежную эпоху III—V вв. и исчезали, не оставив следа.

Китайцы называли подданных ханов Ашина — ту-кю. Это слово удачно расшифровано П. Пельо как „тюрк+ют“, т. е. „тюрки“, но с суффиксом множественного числа не тюркским, а монгольским. В древнетюркском языке все политические термины оформляются монгольским множественным числом. Это дает основание думать, что они привнесены в тюркскую языковую среду извне.

Само слово „тюрк“ значит „сильный, крепкий“. Согласно А. Н. Коновалову, это собирательное имя, которое впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения. Каков бы ни был первоначальный язык этого объединения, в V в., когда оно вышло на арену истории, всем его представителям был понятен межплеменной язык того времени — сяньбийский, т. е. древнемонгольский. Это был язык команд, базара, дипломатии. С этим языком Ашина в 439 г. перешли на северную окраину Гоби. Слово „Ашина“ значило „волк“. По-тюркски волк — „бури или „касқыр, а по-монгольски — шоночино. «А» — префикс уважения в китайском языке. Следовательно, „Ашина“ значит „благородный волк“. Не подвергшееся китаиза-

ции слово сохранилось в арабской записи этого имени — Шане.

Вопрос о том, насколько правомерно называть ханов Ашина тотемистами, при современном состоянии наших знаний не может быть разрешен, но ясно, что название „волк“ имело для тюрков VI в. огромное значение. Китайские авторы считают понятия „тюркский хан“ и „волк“ синонимами, видимо опираясь на воззрения самих тюркских ханов. Не случайно сяньбийская царевна говорит про своего мужа, хана Шаболию: „Хан по его свойствам есть волк“; и в инструкции при нападении на тюрков сказано: „Таковую должно употребить меру: гнать кочевых и нападать на волков“. Золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах и, наконец, в двух легендах о происхождении тюрков первое место принадлежит прародительнице-волчице. Для обеих несколько разнящихся легенд характерно то, что в них нет никакого намека на историческое событие — переход орды Ашина из Ганьсу. Поэтому, надо думать, легенды возникли на Алтае и, может быть, были созданы специально для того, чтобы обосновать права пришельцев на исключительное положение.

Первая легенда любопытна тем, что она знает об „отрасли дома Хунну от Западного края на запад“, т. е. о державе Атилы. Эта отрасль была начисто истреблена соседями; уцелел лишь один девятилетний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили, а волчица убежала на Алтай и там родила десять сыновей. Род размножился, и „по прошествии нескольких колен некто Асянь-ше со всем аймаком вышел из пещеры и признал себя вассалом жужаньского хана“. Итак, согласно легенде, алтайские тюрки-тукю (тюркют) происходят от западных гуннов, но не прямо, а мистически, через посредство волчицы, причем, если учесть, что западные гунны были уничтожены около 468 г., а тюрки выступают как народ уже в 545 г., то можно было бы только подивиться быстроте размножения их и смене поколений!

Вторая легенда выводит тюрков от местного рода Со и опять-таки волчицы. Все представители рода Со, по легенде, погибли „из-за собственной глупости“ (в чем она проявилась, не объясняется), только четыре внука волчицы уцелели. Первый превратился в лебедя, второй поселился между реками Абу и Гянь под именем Цигу, а третий и четвер-

тый — на реке Чуси (Чуе) в Южном Алтае. Эта легенда объяснена Н. А. Аристовым, который сопоставил легенды Со с родом Со у куманцев — североалтайского племени на реке Бие, первого внука увязал с племенем лебединцев — кукижи, а второго — с кыргызами, жившими между Абаканом (Абу) и Енисеем (Гянь-Кем). Внук старшего сына — Асяньше первой легенды. Здесь они обе смыкаются.

Предгорья Монгольского Алтая, куда попали беглецы, были населены племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. С этими аборигенами слились дружинники князя Ашина и наделили их именем „тюрк“, или „тюркют“.

Какого бы происхождения ни были те „пятьсот семейств“, которые объединились под именем Ашина, между собой они объяснялись по-монгольски до тех пор, пока перипетии военного успеха не выбросили их из Китая на Алтай. Однако столетнее пребывание в тюркоязычной среде, разумеется, должно было способствовать быстрой перемене разговорной речи, тем более что „пятьсот семейств“ монголов были каплей в тюркском море. Надо полагать, что к середине VI в. и члены рода Ашина, и их спутники были совершенно оторочены и сохранили следы монголоязычия лишь в литературе, которую принесли с собой.

На основании вышеизложенного видно, что происхождение тюркоязычия и возникновение народа, назвавшего себя „тюрк“, „тюркют“, — явления совершенно разные. Языки, ныне называемые тюркскими, сложились в глубокой древности, а народ „тюркютов“ возник в конце V в. вследствие этнического смешения в условиях лесостепного ландшафта, характерного для Алтая и его предгорий. Слияние пришельцев с местным населением оказалось настолько полным, что через сто лет, к 546 г., они представляли ту целостность, которую принято называть древнетюркской народностью, или тюркютами.

А сама тюркоязычная среда в то время уже успела распространиться далеко на запад от Алтая, в страны, где жили гузы, канглы, или печенеги, древние болгары и гунны» [22].

Из текста следует, что и у тюрков, и у гурцев волк был почитаемым животным. Однако «волк» по-тюркски — «бури, каскыр», по-монгольски — «шоночино, ашина». Следовательно, эти тюркские термины не имеют связи ни со словами «гур, гурец», ни со словами «болгар,

булгар, балкарец». Из чего можно заключить, что слова эти ирано-гурканского или, точнее, вандало-венедского происхождения.

Возможно, общая «причастность» к общему «предку» волку и послужила стимулом к объединению тюрок с гурцами.

О бортничестве

«Арабский путешественник Ибн-Руста отмечал в начале X в.: „Страна славян ровна и лесиста, живут ее обитатели в лесах, и нет у них ни виноградников, ни пашни, но в малых бочонках из дерева хранят они пчел и мед...“

„Книга Большому чертежу“, составленная в 1627 году, сообщает: от устья Белой по обеим сторонам вверх и ее притокам до Уральских гор „живут башкиры, а кормит их мед, зверь и рыба, а пашни не имеют...“ [10].

Оба сообщения отделяют друг от друга примерно 700 лет, а изложены они так, как будто рассказывают об одном народе и написаны одним автором.

Что это? Еще одно славяно-булгарское схождение или простое (и очередное) совпадение?

Откуда у башкир эти навыки бортничества? От славян приобретенные или исконно башкирские?

Ибо:

«Промысел требовал знаний и мастерства. Правда, первый член-корреспондент Российской Академии наук Петр Иванович Рычков писал в „Типографии Оренбургской губернии“ в 1762 году, что особых сложностей в работе бортников нет: „Уход за семьями прост — подготовка дупел к заселению весной и отбор меда осенью“. Сын Петра Ивановича, капитан Рычков, в „Журнале и дневных записках путешествия“ деликатно поправил отца, написав о Башкирии: „В числе лучших имуществ сего народа может быть содержание пчел, которыми он изобилует. Сей род прибыточной экономики исправляют они с таким искусством и расчетом, что едва ли сыщется такой народ, который бы мог их превзойти в пчелиных промыслах“.

Какое искусство и какой расчет потребны бортнику?

Сошлемся на „Очерки по истории отечественного пчеловодства“ (1972), автор которых — С. А. Розов — свел воедино наиболее сведущих историков прошлых веков. Дополним их также несколькими справками из других источников.

В прошлом бортник должен был уметь „лазить борти“, пользуясь для этого только одним орудием — веревкой, при этом подниматься на дерево надо было отнюдь не налегке, а с набором инструментов.

Представляющие помеху на пути к цели нижние сучья срубались, а во избежание перелома борта ветром сносили вершину метра в трех от маковки. После этого бортник уже спускался к намеченному для работы месту и укреплял здесь две веревочные петли для ног и третью, побольше — «седло».

В других краях на бортневые деревья поднимались с помощью насечек-ступенек, нарубленных в стволе топором. На ногах у бортника — шерстяные носки грубой вязки, а на шее — плетенный из жесткой кожи ремень, охватывающий также ствол. Поддерживаемый ремнем и опираясь пальцами ног в зарубки, бортник постепенно перебрасывал ремень все выше, пока не достигал цели. Здесь ремень опускали на поясницу, давая возможность обеими руками укреплять надежную подставку для ног. Стоя на ней, бортник принимался за дело, которое всюду сводилось к одному — „надлежаще“ построить искусственное дупло. Давалось оно не легко, не просто и было небезопасным.

В известной „Повести о Петре и Февронии“, записанной не то в XV в., не то в XVI в., героиня, будущая супруга князя Петра, „благочерная и преподобная и достохвальная княгиня Феврония, нареченная во иноческом чину Еуфросиния“, говорила:

„Отец мой и брат древодельцы суть, в лесах бо от древля мед емлют, и ныне иде брат мой на таковое дело, яко лести ему на древо в высоту: через ногу о долу зрети, еще бы не отторгнуться и не лишится живота своего“.

В высоких деревьях на высоте от двух до десяти сажен в стволе иной раз долбили и две, и три борти — метр глубины и полметра вглубь.

Принимаясь долбить ствол, бортник орудовал поначалу кривым топором — должаном. Так выполнялась черновая часть работы. Справившись с ней, бортник пускал в ход копыл и пешню — долота разного устройства, затем кольцеобразный нож — стружок: долотами убиралась древесина с бочков, потолка и дна, стружком заканчивалась отделка стенок, а потолок и дно борти отглаживались рапилом.

Важнее всего было не повредить заболонь — наружные живые ткани дерева с водоносными сосудами.

С внешней средой борть сообщалась обычно с южной стороны ствола продолговатым отверстием — должеей, которая закрывалась двумя деревянными крышками — нижней и верхней. Благодаря им гнездо можно осматривать в два приема, верх и низ отдельно.

Потолок и дно борти нужно было делать с легким наклоном в сторону должеи: дождь не зальет и легче выметать мусор, скопившийся на дне, а кроме того, скошенный в сторону должеи потолок „работал“ зимой: не давал теплomu воздуху уходить наружу. Для тепла и темноты всю борть снаружи прикрывали плотным веником, а поверх него — широким куском коры, привязанным к стволу.

В устройстве летка тоже были свои хитрости: в продолбленный насквозь прямоугольник вводили деревянный конусовидный вкладыш, по бокам которого оставлялись вертикальные щели, служившие для прохода пчел.

Но не только о технической стороне дела заботился бортник. Правила устройства бортей включали и требования, так сказать, экологического порядка.

Борть полагалось сооружать близ источников воды, в которой пчелы остро нуждаются летом, учитывать господствующее направление ветров, условий подлета к гнезду.

Бортник должен был помнить и о защите сооружаемого им искусственного гнезда от куниц и дятлов, от мышей и муравьев. Против каждого из этих врагов пчелиного гнезда применялись соответствующие меры предосторожности. Для защиты гнезд от лакомых до меда медведей на нужной высоте, не слишком высоко и не чересчур низко, пониже летка, подвешивалась на веревке увесистая чурка. Чем сильнее мишка отмахнет чурку лапой, тем дальше она отлетит и тем крепче стукнет по голове непрошеного гостя...

Выдолбленную борть на год-два полагалось оставлять для просушки, после чего с внутренней поверхности соскребали смолу, выметали мусор, оснащали полость полосками сотов, прикрепляемыми к верхнему своду. Правильно устроенная борть могла служить и сто, и полтора-два лет, переходя в наследство от прадеда праправнукам и далее.

Весной бортник в каждой борти с пчелами очищал накопившийся за зиму мусор — мертвую муху, заплесневевшую вошину, паутину и прочее, а порошки вычищал.

Список обязательных для бортника умений можно бы и продолжить, но и перечисленных достаточно, чтобы убедить-

ся: мнение П. И. Рычкова о легкой их жизни не вполне справедливо.

В ноябре и декабре надо было начинать обходить бортные угодья, проверяя, нет ли на снегу подозрительных следов. На стежке ставилась ловушка. Если в нее попадает куница, барсук или колонок, у которых мех с изъяном, усы короткие, мордочка в волдырях, значит пробовали мед.

Многие поколения российских бортников совершенствовались в своем ремесле и во многом обогатили его технику. „Из предпринятых мной разысканий оказалось... что ни в одном из старинных государств не сделано столько важных открытий и изобретений в пчельном деле, сколько их сделано в славянских землях“, — писал в начале XIX в. один из историков пчеловодства.

Быстрое сведение лесов, рост пашни и, следовательно, посевов зерновых, не дающих пчелам взятка, возникшие и расширяющиеся посадки картофеля — все это вытесняло леса и борти. Растущее производство высокосахаристых сортов свеклы, поставляющих сахарным заводам сырье, еще больше сужало пчелиные пастбища.

Жернова истории и каток прогресса меняли структуру рынков. Мед навсегда утратил монополию сладости, а рост промышленного винокурения обеспечил потребителей хмельных напитков гораздо более дешевыми спиртами, водкой и их производными. В 1835 г. историк Н. Витвицкий попытался определить состояние бортного промысла в России и заключил: сохранилась едва ли одна пятисотая доля его. Это сообщение вдвойне важно: им подтверждается подчитанная Витвицким и не раз бравшаяся потом под сомнение „невероятная“ масса ежегодно собиравшегося в стране меда — 10 миллионов тонн.

„Мы потеряли в короткое время один из изобильнейших и прибыточных источников народного богатства, над усовершенствованием которого целые века трудились наши прадеды и деды, — с горестью писал историк, добавляя: — В 1835 году из России отпущено в разные государства примерно столько же меда, сколько в XVI веке отпускалось из одного второстепенного склада“.

Промысел приобретал новый облик» [10].

Итак, в славянских землях России бортничество исчезло, а вот в Башкирии существует до настоящего времени. Так, в 1990-х гг. прошла телепередача, в которой подробнейшим образом был показан весь технологи-

ческий процесс изготовления бортни. Самое интересное заключается в том, что он полностью совпадает с тем, что мы только что читали. Следовательно, технология бортнического промысла и у древних славян, и у современных башкир — единая и отличная от технологии других народов, основанной или на охоте за диким медом, или на разведении пчел в ульях. И это заставляет нас предположить, что технология бортничества зародилась в одном и едином центре. А тот факт, что она сохранилась в Башкирии до сих пор, заставляет предположить, что этот промысел был не заимствованным, а исконным для башкир. Тогда должен возникнуть вопрос: где могло зародиться бортничество? Для этого прочитаем еще одну выдержку:

«Чем привлекает к себе пасака разных людей?

В вождении пчел есть что-то от спорта. Кроме того, каждый пчеловод, конечно, охотник. Охотник за взятком.

Не потому ли некоторые любители сейчас возвращаются к бортничеству?

„Что заставляет современного бортника дорожить этим занятием?“ — размышляет Евгений Михайлович Петров, всю жизнь посвятивший изучению „Башкирской бортовой пчелы“ (так названа его опубликованная в 1980 году книга). И отвечает вполне основательно: „Не только ради добычи проводит он свой досуг в лесу с бортями, так же как, допустим, и любитель-рыболов не корысти ради просиживает выходной день с удочкой на речке. Для бортника бортничество увлекательное, волнующее занятие, тесное общение с лесной природой и здоровое физическое упражнение“. Петров не упускает из виду и экономическую сторону дела. Он напоминает, что в условиях горно-лесной зоны не везде есть возможность так равномерно разместить пасеки, чтоб не оставалось участков вне радиусов пчелиных полетов. „Нередко крутые склоны, каньоны, карстовые провалы, заболоченные впадины и связанное с этим бездорожье лишают возможности поставить пасеку, а между этим вся эта местность покрыта дремучим лесом и изобилует медоносами. Только при помощи бортового пчеловодства возможно хотя бы частичное использование этих недосыгаемых медоносных богатств. Бортнику не требуется ни пасечная усадьба, ни омшаник, ни подъездные пути“ [10].

Из этого явствует, что бортничество наиболее хорошо приспособлено именно к горно-лесистой местно-

сти, а следовательно, и должно было зародиться там. Причем леса эти должны состоять из мощных вековых деревьев, ведь если глубина бортей достигала полметра, то и стволы деревьев на высоте двух-трехэтажного дома должны были иметь, как минимум, метровый диаметр.

Из истории известно, что тюркские предки башкир жили когда-то в лесных районах горного Алтая. Может, там и зародилось бортничество? Однако если бы это было так, то мы обязаны были бы признать, что и предки славян тоже были когда-то жителями Алтайских гор. Однако никаких сведений или хотя бы намеков на что либо подобное в исторической науке нет. Нет никаких сведений о распространении бортничества и у самих алтайцев.

Больше того, Дороти Гальтон, автор книги «1000 лет пчеловодства в России» (вышла в Лондоне в 1971 г.), работает над новым сочинением, которое, возможно, будет озаглавлено «10 000 лет ульевого пчеловодства в Старом Свете». Оказывается, на территории Южной Сибири и в Средней Азии пчелиные ульи были известны еще в VIII тысячелетии до н. э., а особенно широко распространились в III тысячелетии. Однако из этого должно следовать, что, во-первых, ульи, вероятно, появились раньше бортей, а во-вторых, что в Южной Сибири бортничества, по-видимому, не было. Ибо абзацем раньше мы читаем: «Три-две тысячи лет назад, да и позднее „своим“ в лесу для роя становилось дерево с естественным дуплом, причем обязательно дерево живое: летом в нем пчелы меньше страдают от зноя, а зимой холода не так страшны, как в сухом. Но уже тысячу лет назад „своим“ для роя могло оказаться и дерево с искусственно выдолбленным дуплом, которое называлось бортью, устроители его — бортниками, а участок, где расположены борти, — бортным ухожьем» [10]. Из этого следует, что ко времени появления бортничества в Сибири уже четыре тысячи лет существовали ульи.

Следовательно, этот промысел зародился в каком-то ином горно-лесистом месте.

И здесь на ум снова приходит разговор между гурским вождем и вождем тюрков: «Вы тюрки, а мы гурцы. Мы не можем жить вместе». Гурцы были народом аборигенным и оседлым, а тюрки — пришлыми кочевниками. Экономические культуры — совершенно разные.

Отсюда страх за то, что одна из этих культур вытеснит или подавит другую. «Однако в походы ходили вместе», — говорил Гумилев. Так вот экономическая культура башкир гармонично объединяет в себе как раз обе эти системы: культуру степного скотоводства, дающего мясо, шкуры и шерсть, молоко и знаменитый кумыс, и культуру оседлого земледелия — бортничество, дающее мед, причем в громадных количествах.

Все это заставляет нас предположить, что бортничество как уникальная сельскохозяйственная культура могла возникнуть именно в горах Гиркании, там, где на крутых склонах горного хребта Эльбурс растут густые, дремучие и могучие субтропические леса, колыхаются тучные травы и быют прозрачные горные ключи. Там, где тяжело развернуться плугу, но громадное раздолье для пчелы. И там, где, как считает автор, жили венецкие предки как башкир, так и славян.

И еще несколько существенных замечаний.

Во-первых, бортничество является исключительной и уникальной сельскохозяйственной системой, ибо резко отличается от других видов сельского хозяйствования тем, что не насилует, не калечит и не уничтожает природу, а, наоборот, максимально в нее вписываясь, существенно ее улучшает. Действительно, если земледелие и скотоводство приводят к деградации почв, то бортничество всемерно улучшает природу, так как наращивание массы пчел приводит к интенсивному опылению близлежащих растений и, следовательно, к увеличению их продуктивности.

Во-вторых, бортничество при всем этом имеет удивительную продуктивность.

Чтобы не быть голословными, снова обратимся к работе Е. Васильевой и И. Халифмана: «Итальянец Павел Иовий, составивший в первой половине XVI в. описание Московии, сообщал: «Самое важное произведение московской земли есть мед и воск. Вся страна изобилует плодоносными пчелами, которые кладут мед не в искусственных крестьянских ульях, но в древесных дуплах... В дремучих лесах и рощах ветви деревьев часто бывают усыпаны роями пчел... В дуплах нередко находят множество больших сотов старого меду, оставляемые пчелами, и так как поселяне не успевают осмотреть каждое дерево, то весьма часто встречаются соты чрезвычайной толщины».

Другой иностранец в том же XVI в. писал о правобережье Днепра: „Здесь леса медом и пасеками изобильно обогащены, везде чрезвычайно много ульев и выдолбленных пней, в которые пчелы складывают свой мед“» [10].

Так вот, в то время Россия собирала меда в 14 раз больше, чем весь мир в наше время.

Тогда, когда русское пчеловодство перешло на так называемую прогрессивную систему ульевого пчеловодства, производство меда стало ничтожно малым. Достоинством и уникальностью бортничества является то, что при таком методе ведения хозяйства пчеловод не загоняет пчелу в неестественные для нее условия улья, где она подвержена жаре, холоду, сырости, тесноте, электрическим и магнитным полям и так далее, а предлагает ей искусственное дупло, максимально приближенное к естественному жилью дикой пчелы. И вот в этом слове «предлагает» заключено главное. Ибо человек с пчелой выступают в этом случае как партнеры. Пчела имеет выбор: селиться или не селиться и занимает только те борти, которые ей нравятся, то есть те, которые максимально удовлетворяют нужды пчелы, а человек за это забирает у пчелы часть меда. Естественно, что в этом случае пчела живет и работает в максимально комфортных условиях и, как следствие, дает максимально возможное количество меда, которое значительно превышает то, что можно получить в улье. Таким образом, получается, что бортничество — это наиболее рациональный и прогрессивный способ ведения хозяйства.

Это как раз тот редкий случай, когда человек ведет себя как царь природы, как заповедано ему Создателем, а не как тать и грабитель, разоряющий ее.

К глубокому сожалению, русские и другие венецкие народы «продали свое первородство», отказавшись от гениального изобретения своих предков в пользу примитивного, но модного новшества, а вот башкиры проявили здоровый консерватизм, то есть мудрость, сохранив его. И за это им глубокий поклон.

И, видимо, не зря само название «башкир» несет в себе понятие мудрости. Слово состоит из двух корней: башк- и -ир, которые могут быть переведены с тюркского как «голова, головастый» и «человек» (есть такое выражение «башковитый мужик»). Следовательно, башкиры — это мудрецы, мудрые мужи.

Все так, скажет проницательный читатель, но ведь это домыслы, а не доказательства, так как полных и всеобъемлющих данных у автора нет.

И с этим, к сожалению, нельзя не согласиться. У автора нет информации о том, что бортничество было и у других венецианских народов, например у латышей или чехов, тем более, нет никаких сведений об этом явлении у венецианцев или андалузцев. Автора самого терзает, например, такой вопрос: а не является ли бортничество исконно российским изобретением? В том смысле, что не были ли изобретателями бортничества народы, заселившие нашу землю до прихода сюда и славян, и болгар? Не является ли бортничество изобретением наших угро-финских предков? Ведь есть сведения и такого рода.

«Геродот, ссылаясь на свидетельства фракиян, сообщал: «Земля по ту сторону Истра (то есть Дуная) заполнена пчелами, и потому через нее нельзя пройти дальше». Утверждение звучит как гипербола. Но, сообщая о торговле Хазарии с Византией в VII — IX веках нашей эры, профессор Ю. В. Готье ставит в перечне товаров на первое место мед, а сообщая о мордве — «на плесе между устьем Оки и устьем Камы», — пишет, что основными продуктами их экспорта были пушнина, мед и воск» [10].

Вопросы, вопросы, вопросы... И, как говорится, вопрос остается открытым для науки. И все же! Ведь никто еще не изучал истории пчеловодства в горах Эльбурса!

Суда болгар

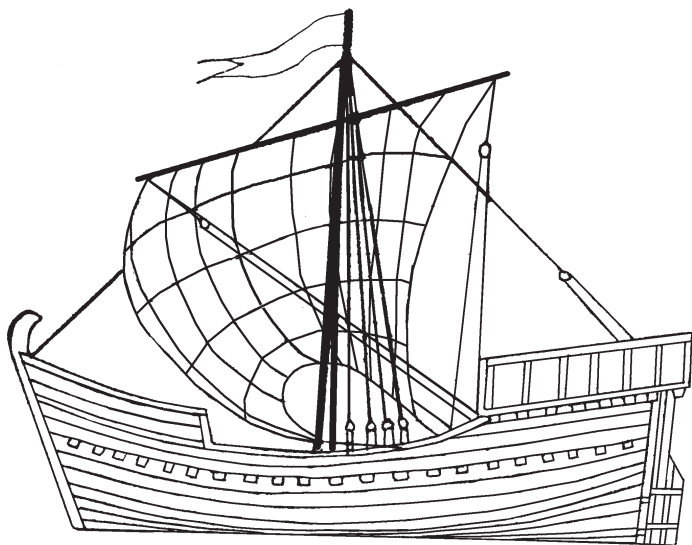
Болгарский торговый корабль

Если о торговле волжских болгар мы знаем из работ арабских и персидских историков, а о татарских купцах известно из русских летописей, то о болгарских судах информации чрезвычайно мало.

Попытку воссоздать древнее болгарское судно сделали болгарские исследователи И. Тодоров и Г. Водничаров в работе «Кораби и корабни модели» [61]. Оно изображено на рис. с. 369

Из рисунка явствует, что архитектурный тип судна аналогичен когу, т. е. близок к венецианским судам и судам Востока—дау.

К аналогичным судам можно отнести и волжско-татарские енотаевки, или асламки.

Болгарский торговый корабль (XIII—XIV вв.)

Асламки (енотаевки, арбузницы)

Асламки (или, как произносят иногда, асланки) — небольшие грузовые суда полуморского типа, распространенные особенно среди татар и плававшие в прежнее время по всему Поволжью, ныне же преимущественно обращающиеся между Саратовом и Астраханью. Размеры асламок: длина от 6 до 12 саж., ширина 2—3 саж., высота бортов (от днища) 13—18 четв. и больше; грузоподъемность от 1000 до 5000 пуд. и выше, на осадке 9—13 четв. Продолжительность службы 5—8 лет.

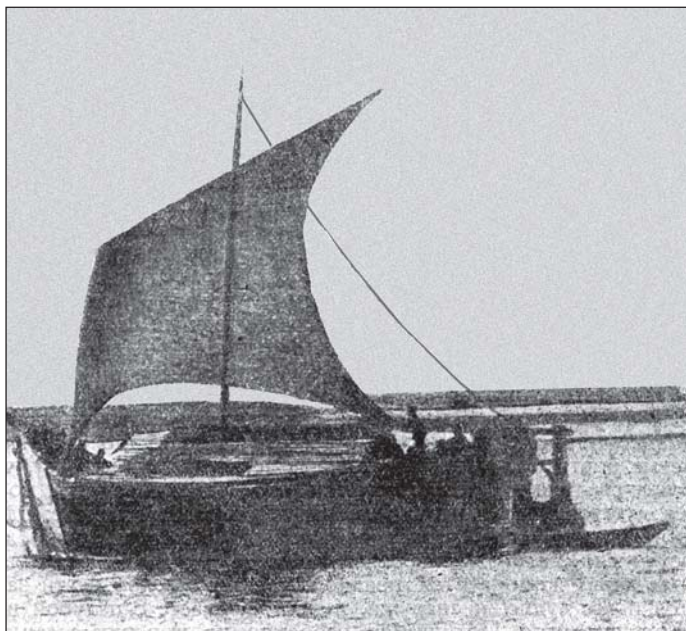
Строятся они, главным образом, в Астрахани, Царицыне, в селе Бор против Нижнего Новгорода и близ села Черноречья Балахинского уезда Нижегородской губернии.

Основные конструктивные черты асламок: немного наклонный наружу форштевень на заостренном носу и отвесный ахтерштевень, несколько приподнятые нос и корма, округленное дно и слегка развалистые борты. Палубный настил делается частью на носу, частью в корме, середина же покрывается только временно, смотря по перевозимому грузу. Мачты на более крупных асламках две: одна посредине судна (однойдеревка) для большого паруса (топа), другая в носу — для

малого (кливера); на мелких судах одна средняя. Наружная ошва конопатится пенькой; лады подводной части залащиваются, и все судно и снаружи, и внутри, вместе с палубой и даже мачтами, смолится. Под днище, особенно на морских асламках каботажного плавания, приделывался иногда киль, проводившийся от середины днища приблизительно до половины высоты форштевня и служивший водорезом. Управляются асламки простым рулем, навешиваемым на петлях и крючьях; водоотлив производится помпами. Состав команды обычно 3—4 человека, почти всегда из татар.

Главный такелаж асламок состоял в прежнее время из двух якорей, весом по 9—10 пудов, и пеньковых канатов, от 30 до 50 саж. длиной и до 5 дюймов толщиной. Позднее большей частью имелись 3 якоря: становой, весом до 7 пудов, и два запасных — до 5 и до 3 пуд., и несколько запасных, тонких, преимущественно белых, снастей, длиной не более 100 саж. каждая.

Стоимость судов была, вообще, небольшая: еще в 30-е гг. XIX в. асламка, вместе с вооружением, стоила всего 200—

Енотаевка (асламка)

230 руб. серебром; в 50-е гг. стоимость возросла до 500—1000 руб.

Происхождение названия асламок утерялось. Богославский говорит, что, по словам судовщиков, оно произошло от какого-то мастера Аслама, который славился искуснейшим строительством этого рода судов. Это же объяснение вошло и в Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Штукенберг называет асламки ослянками, не останавливаясь совершенно на вопросе о значении и происхождении такого названия. Нам лично представляется маловероятным как объяснение Богославского, основанное на рассказах темных астраханских рыбаков, так, равным образом, и транскрипция Штукенберга, не находящая себе никаких документальных подтверждений в письменных памятниках. По нашему мнению, происхождение названия „осламка“ объясняется проще и естественнее, а главное — более соответственно с происхождением вообще судовых названий, в большинстве случаев связанных или с конструктивными особенностями судна, или с выполняемым им основным назначением и характером работы. Татарское слово „аслам“ (чуваш. „ослам“) значит барыш; „асламчи“, — переделанное в русском просторечии в „осламка, ослам“ (или „асламка, аслам“), — мелочной торговец, разносчик товара по домам. Применение такого названия к мелким татарским судам, работавшим в местном сообщении по развозке разных товаров (служба нередко пловучими лавками для прибрежного населения) или по перегрузке крупных морских судов на каспийско-астраханском рейде и самой широтой своего распространения в низовьях Волги свидетельствовавшим об особой выгодности их эксплуатации, являлось вполне понятным и естественным.

Такие же суда русских низовых купцов, преимущественно енотаевских, служившие для перевозки товаров из Астрахани в Енотаевск, так и назывались енотаевками, а шедшие в верховые города с камышинскими арбузами — арбузницами» [75].

Глава XII

Иран древний и современный

Из всех ближневосточных стран Иран для нас является одной из наиболее загадочных или, точнее, наименее известной страной. Даже если он не был родиной славян и булгар, желательно знать нашего ближайшего соседа, имеющего древнюю и замечательную историю.

Иран — это одна из наиболее крупных стран Юго-Западной Азии и мира*.

Если сравнивать Иран со странами Европы, то получается, что его территория равна Англии, Испании, Франции, Италии и Швейцарии, вместе взятым. В Азии он существенно уступает по площади только Китаю и Индии. На севере Иран омывают воды Каспийского моря, на юге — Персидского и Оманского заливов. Из общей протяженности границ около одной трети приходится на морские границы.

Название страны происходит от древнего слова «Ариана» — страна ариев. Этот термин употреблялся для наименования основной части государства Сасанидов (II—VII вв.).

Иранцы не только в древности и в Средние века, но и в новое время называли страну Ираном. Однако в Европе и Америке ее прозвали Персией, по названию центральной области страны Фарс, или Парс (по-гречески), где издавна проживала основная народность Ирана — персы, го-

* Информация об Иране взята из справочника «Страны и народы» (М., 1979).

ворящие на фарси. Желая подчеркнуть бывшее величие государства, правительство в 1935 г. обратилось ко всем государствам мира с просьбой официально называть страну Ираном.

Современная столица страны — Тегеран.

Иранское нагорье с севера и юга замыкается двумя огромными дугами окраинных горных систем. Северная, идущая вдоль южного побережья Каспийского моря, включает мощную горную систему Эльбурс с вершиной Демавенд (5604 м), которая хорошо видна из Тегерана.

Демавенд — символ красоты, могущества и силы: образ его широко используется в качестве эмблемы на разного рода бумагах и даже на денежных банкнотах.

Изменностей в Иране мало. Южно-Каспийская находится у северного подножия Эльбурса. Эта низменность сравнительно небольшая — ширина от 2—6 до 30—40 км (в дельтах рек), — лежит ниже уровня Мирового океана. Южный берег Каспийского моря слабо расчленен, здесь мало удобных для судоходства бухт. На расстоянии 200—400 м от берега тянется полоса труднопроходимых болот, прерывающихся только в устьях рек, где к морю подступает сухая дренированная местность.

От Южно-Каспийской низменности на восток, вдоль Каспийского побережья и русел рек Горган и Атрек, располагается плоская Горганская низменность, на которой преобладают такыры, участки песков и солончаков; наклонные равнины с оазисами вытянуты узкой полосой только вдоль южного края низменности.

Наиболее крупными реками бассейна Каспийского моря являются реки Аракс и Атрек, а также Сефируд и Горган.

Большая часть Ирана покрыта пустынной и сухостойной растительностью, образующей совершенно своеобразную формацию — так называемую фригану. Для нее типичны подушковидные колючие кустарники высотой менее метра, напоминающие ежей, заросли полыни, ковыля, пырея и множество эфемеров.

На большей части Ирана климат субтропический, континентальный. Над территорией страны господствующее направление ветров — северо-западное и северное, а в го-

рах Иранского Азербайджана — западное. Зимой Иран находится в сфере умеренных (из Сибири, Средней Азии и даже Арктики) и тропических масс воздуха, с чем связаны частые смены потеплений и похолоданий. Средняя температура января -2° , $+1^{\circ}$ на севере и $+15^{\circ}$ C на юге. Однако вторжения арктического воздуха (случающиеся не ежегодно) могут вызвать похолодание до -25° . Эти вторжения сопровождаются сильными ветрами, снегопадами и метелями, особенно свирепствующими в горах. В Прикаспийской низменности (Мазендаране) — климат влажных субтропиков ($+26^{\circ}$ летом и $+11^{\circ}$ C в январе).

Влажных мест на иранской территории немного, в основном они сосредоточены на севере, на Каспийском побережье и на обращенных к морю склонах Эльбурса, где за год выпадает около 1000—2000 мм осадков. Большая часть осадков в этих районах приходится на зимне-весенний период.

Максимум осадков (60 % годовых) выпадает осенью.

Леса, на долю которых приходится немногим более 1 % территории страны, расположены на узких полосах внешних склонов окраинных гор (Эльбурса и Загроса). На Каспийском побережье и по склонам Эльбурса до высоты 2500 м растут высокоствольные влажные широколиственные леса, состоящие из ценнейших пород (каштанолистного дуба, бука восточного, железного дерева, клена, граба, ясеня, вяза, грецкого ореха, платана) и богатейшего подлеска. Порой леса Прикаспия представляют собой непроходимые субтропические дебри, перевитые лианами: плющом, хмелем, диким виноградом, ломоносом. В горах Иранского Азербайджана, по долине Аракса, встречаются редкие заросли дуба и арчовое редколесье.

Жилища в разных природно-климатических зонах Ирана имеют различный облик. Наиболее типичны для персидских деревень глинобитные дома с каркасом из деревянных столбов с горизонтальными балками, на которых держится плоская земляная крыша. Окон в этих жилищах нет: свет проникает через двери или небольшие отверстия в крыше и стенах. Другой, также распространенный тип дома, — глинобитное или сырцовое сооружение с куполообразной крышей, состоящее из нескольких комнат,

которые окружают небольшой внутренний дворик. На юге жилища строят из камня или тростника.

Напротив, в сырых и лесистых прикаспийских провинциях севера гилянцы и мазендаранцы строят деревянные дома с остrokонечными, крытыми соломой или черепицей крышами на высоком фундаменте или даже на сваях для предохранения от влаги.

Иран принадлежит к числу самых многонациональных государств Юго-Западной Азии. Здесь проживает свыше 30 народов.

По антропологическому типу населяющие Иран народы принадлежат к европеоидным южным группам, распространенным от Гибралтара до Северной Индии и от Центральной Европы до Сахары. При этом персы, азербайджанцы, курды и большинство малых народов Ирана в основном относятся к индопамирской антропологической группе, армяне и ассирийцы — к арменоидной, арабы — частью к арменоидной, частью к средиземноморской. Все европеоидные южные группы отличаются темной пигментацией волос и глаз.

Подавляющее число народов Ирана принадлежат к иранской группе индоевропейской языковой семьи и к тюркской группе алтайской языковой семьи. К первой относятся персы (13,5 млн), гилянцы (1,6 млн), мазендаранцы (1,2 млн), курды (2,5 млн), луры (0,8 млн), белуджи, таты, хазарейцы, джемширы, афганцы и таджики. Ко второй относятся азербайджанцы (5 млн), туркмены, кашкайцы, каджары, ашфары, шахсевены, карапахи, бахарлу, нафары, хорасани и т. д. Арабы (0,56 млн) и ассирийцы говорят на языках семитской группы семито-хамитской языковой семьи, армяне — на стоящем особняком языке индоевропейской семьи, грузины — на языке картвельской группы кавказской семьи.

Персы сосредоточены, главным образом, в центральных и южных районах страны. К северу от основного ареала расселения персов живут этнически близкие к ним, но сохраняющие ряд диалектных и культурных особенностей гилянцы, мазендаранцы и талыши, к западу — курды, к востоку — таджики, афганцы и т. д.

Единственным государственным языком Ирана является в основном сложившийся к IX в. так называемый новоперсидский язык, или фарси.

Письменность основана на арабском алфавите, но написание отличается некоторым своеобразием. Близкие друг к другу языки персов (фарси) и таджиков (в Афганистане их язык называется фарси-кабули, или дари) обладают древней литературной традицией. То же относится к языку курдов, в котором различают два диалекта — курди и кудоманджи.

В то же время персы не могли не испытывать влияния соседних очагов высокой цивилизации. Так, если основой письменного оформления древнеперсидского языка эпохи Ахеменидов (558—330 гг. до н. э.) была слоговая клинопись, то графическим оформлением сменившего его в последние века до нашей эры среднеперсидского (пехлевийского) языка стал арамейский алфавит.

Объединение в составе единого государства (Арабского халифата) огромных территорий в Азии, Северной Африке и Европе само по себе способствовало развитию экономического, политического и культурного общения между народами трех континентов. В халифате в самом конце VII в. в итоге реформ халифа Абдал-Малика арабский язык стал государственным и языком делопроизводства. До этого в иранских областях употреблялись сирийский и пехлевийский языки, а в покоренных византийских провинциях — греческий. Не случайно первыми носителями культуры в халифате стали именно сирийцы, хорошо знакомые с греческой и иранской культурами. Сирийские переводчики в VIII в. стали переводить на арабский язык и труды античных авторов. С ними соревновались на этом поприще ученые-персы, перелавившие на арабский язык творения индийской и иранской культур. В VIII в. в странах халифата сложилась своеобразная синтетическая культура, в которой главную роль играло греко-римское наследие. Это прежде всего труды математиков и географов, а также работы по медицине и некоторым другим дисциплинам.

Официально считается, что все исповедующие ислам народы страны составляют вместе с персами единую иран-

скую нацию. Как национальные меньшинства рассматриваются только представители других вероисповеданий: христиане — армяне и ассирийцы; зороастрийцы — парсы или гербы; иудаисты — евреи.

Еще в первые века нашей эры в Юго-Западной и Центральной Азии были широко распространены культы, восходящие к древнеиранской религии — маздеизму. Это были зороастризм — государственная религия сасанидского Ирана, митраизм и манихейство в Восточном Средиземноморье и соседних странах, религия бон — в Тибете и др. Эти культы затем почти повсюду были вытеснены или поглощены христианством, исламом и буддизмом. В наши дни их остатки представлены религиями небольших этноконфессиональных групп: курдов-йезидов — в Турции, Иране и Ираке, зороастрийцев-парсов — в Бомбее и Гуджарате, а также огнепоклонников-гербов — в Иране.

Среди многочисленных народных праздников наиболее важный и популярный — Новый год (Науруз), справляемый в течение пяти дней. Он приходится на первое число месяца фарвардина, что соответствует весеннему равноденствию 21 марта, когда наступает весна и устанавливается благодатная погода. К Наурузу начинают готовиться заранее, во всех домах производят уборку, готовят праздничную пищу, люди побогаче приобретают новую одежду. Существует поговорка: «После праздника старая одежда пригодна лишь для того, чтобы висеть на краю минарета». Новому году предшествует всеобщее оживление, ощущаемое особенно на базарах, улицах и в общественных местах. В последнюю среду старого года во дворах, на улицах раскладываются костры, прыгают через них, гадают. В вечер накануне Науруза устраивают фейерверк. В первый день праздника все члены семьи находятся дома, во второй день посещают родителей, живущих отдельно, в последующие дни ходят в гости к знакомым и принимают гостей у себя. По всей стране проводятся народные гулянья, устраиваются загородные прогулки и пикники на лоне природы; малосостоятельные жители организуют пикники на улицах и в скверах городов. Каждая семья отмечает Новый год особым праздничным столом, носящим название «хафт син» («семь С»). На столе должны обяза-

тельно находиться семь предметов, персидские названия которых начинаются на букву С (яблоки, чеснок, уксус, проросшее на тарелке зерно и др.). Принято готовить плов с овощами.

Из описания природно-климатических условий видно, насколько они резко отличаются от того, к чему привыкли европейцы. Иран горист. Причем горы Ирана в большинстве представляют нагромождения бесплодных скал. Европа в основном равнинна (сказалась работа древнего ледника), а горы покрыты густыми (там, где они не вырублены) лесами. Иран засушлив, поэтому основным пейзажем здесь является пустыня или степь. В Европе много влаги и, значит, множество лесов и полноводных рек.

Естественно предположить, насколько неуютно будут чувствовать себя европейцы, неожиданно перемещенные куда-нибудь в центральные районы Ирана. Также неуютно должны себя чувствовать и иранцы где-нибудь в европейской глухомани: в лесах под Краковом, а тем более под Эльцом. Особенно глубокой осенью, когда небо затянуто свинцовыми тучами, а в лицо летит мокрый и колющий снег. Следовательно, для переселений иранцев на европейские просторы, нужда в которых часто появлялась в бурной истории Ирана — из-за войн, переворотов, засух, недородов и прочего, — имелись большие препятствия психологического характера. Хотя переселения из Ирана в другие районы мира происходили: например, переселение зороастрийцев-огнепоклонников в Индию после установления арабского господства в Иране.

Любопытно, что провинции Ирана Гилян и Мазендран также находятся в совершенно иных от остального Ирана природно-климатических условиях. И насколько Иран не похож на Европу, настолько его прикаспийские провинции похожи. Особенно на Балканы и Карпаты. Но самое интересное заключается в истории этих мест.

Иран имеет древнюю и богатую событиями историю. Может быть, не менее богатую, чем история Древнего Египта, Древней Греции или Древнего Рима, с которыми Иран имел постоянные культурные и этнические контакты. И несомненно, что современная цивилизация выросла из культур всех этих государств. Европа также вобра-

ла в себя культуру древнего Вавилона и Ирана, как она впитала культуры древних классических цивилизаций Средиземноморья.

Очень красочно и сжато история Ирана интересующего нас периода дана в работе Л. Н. Гумилева «Тысячелетие вокруг Каспия»:

«Древние персы, покорив на западе Вавилон, Малую Азию, Сирию и Египет, а на востоке Согдиану и часть Индии, рассматривали себя как мировую империю — Иран, противопоставлявший себя Турану. Иран и Туран населяли близкородственные племена арийцев. Разделяла их не раса или язык, а религия.

Инициатива разделения древнеарийской культурной целостности приписывается пророку Заратустре, жившему в VI в. до н. э. и проповедовавшему монотеизм, почитание Ахурамазды («Мудрого владыки») вместо пантеона арийских богов — дэвов, тех самых, которых эллины помещали на Олимпе, а германцы — в Валгалле. Помощники Ахурамазды — ахуры эквивалентны эллинским гигантам и индийским асурам — врагам дэвов. Мифология и космогония в новом исповедании оказалась повернутой на 180 градусов (*Гафуров Б. Г.* Таджики. М., 1972).

Новую веру приняли далеко не все. Даже в Иране она возобладала не сразу. Но все арийцы, которые сохранили верность древним богам, стали туранцами, а сторонники Заратустры — иранцами. Так совершилось разделение на Иран и Туран. Персидские цари покровительствовали учению Заратустры. В Туране, под которым понималась Средняя Азия и современный Афганистан, почитали не Ормузда, а дэвов.

Победа Александра Македонского над персами оказалась неожиданно легкой, а его царство, казалось, имело блистательное будущее, но...

В III в. до н. э. кочевники-сарматы вторглись в Скифию и убивали там всех, кого могли настичь... И тогда же родственные сарматам туранцы-парфяне под предводительством сака (скифа) Аршака выгнали из Ирана македонян и основали на месте разрушенной Александром мидийско-персидской монархии собственное царство.

Во II в. до н. э. парфяне захватили Вавилонию (141 г. до н. э.), в I в. до н. э. нанесли поражение римлянам (53 г. до н. э.) и затем удерживали западную границу до самого падения династии.

Парфия была страной феодальной и либеральной. Во главе стояли четыре царских фамилии Пахлавов, ниже — семь княжеских родов, 240 дворянских семей и дехканы — бедное дворянство, обязанное служить в войске. Еще ниже — купцы, городские ремесленники и крестьяне, а еще ниже — рабы. Кроме этого, в городах были колонии христиан и иудеев, а в горах и степях — разнообразные племена, каждое со своей верой, обычаями и порядками. И все ведь уживались, не мешая друг другу.

Туранцы-парфяне, отбив Иран у Селевкидов (греческая династия), не могли не рассеять свой генофонд по популяции. Они пропитали своими пассионарными генами Иран (что очень легко при полигамии), тем самым втянув персов в свой туранский суперэтнос, не по культурным традициям, которые сами парфяне заимствовали у персов, а по фазе этногенеза и исторической судьбе.

Но коль скоро так, то приходится подвергнуть сомнению персидскую традиционную версию истории Ирана, по которой парфянский период почти игнорировался, а Ахемениды рассматривались как предки Сасанидов. Эта версия весьма патриотична, но ведь Кир и Камбиз были царями города Аншана в Эламе, а Дарий и его потомки правили огромной страной с вялым, усталым, но многочисленным населением, в котором персы буквально тонули. Этим и объясняется успех похода Александра и гибель Персидской державы в 330 г. до н. э.

Период с 50 г. до н. э. характеризовался разнообразием культурных влияний, династическими войнами и отказом от эллинизма ради зороастризма. Но эта смена вех не спасла династию Аршакидов. Для персов они оставались туранцами, чужаками и захватчиками, и ослабление их дало успех аборигенам, среди которых пассионарные парфяне рассеяли свой генофонд.

В 224 г. один из семи князей, Арташир из Парса, потомок Ахеменидов, при поддержке мобедов зороастрийского духовенства и местных дехкан разбил войско парфянс-

кого царя Артабана V и в 226 г. короновался шахиншахом Ирана. Он основал династию Сасанидов и новую империю, включавшую в себя собственно Иран, Афганистан, Белуджистан (покоренный как будто несколько позже), Мерв, может быть, Хорезм и Ирак (*Christen A. L'Iran sous les Sassanides. Kopenhagen, 1936*).

С этого времени ведет начало «союз трона и алтаря». Чистая религия была объявлена государственной, и „идолопоклонство“ (то есть племенные культы) подвергнуто гонению (*Богданов Л. Ф. Персия. СПб., 1909*).

Проповедь гностика Мани (манихейство), дозволенная при Шапуре I, в 241—242 гг., закончилась казнью мыслителя в 276 г. Только иудейство не подвергалось гонению, потому что евреи были искренними врагами Рима, с которым Иран вел постоянные войны. Инерционная фаза, связанная с Сасанидами, продолжалась до 491 г.

Шах Кавад унаследовал сложную этносоциальную систему, которую его предки старательно поддерживали. Три знатных парфянских рода, уцелевших после восстания Арташира: Карены — в Армении, Сурены — в Хорасане и Михраны — в Кавказской Албании, были опорой престола. Мобеды (жрецы) и дабиры (писцы) составляли интеллектуальную прослойку. Азады („свободные“), служили в коннице. Четвертое сословие платило налоги, обрабатывая землю и разводя скот.

Но, чтобы поддерживать эту систему, осложненную наличием малых этносов: дейлемитов, арабов, саков, албан, иберов, армян, христианских общин, митраистов и гностиков, требовалась постоянная трата пассионарности, однажды ее перестало хватать. Стихийные бедствия вызвали в 491 г. беспорядки и возникновение движения маздакидов.

В 529 г. царевич Хосрой произвел переворот, казнил Маздака, лишил престола своего отца Кавада и перевешал за ноги маздакидов.

Последние 120 лет протекали трагично. Регулярная армия одерживала победы, но она же оказалась соблазном, повлекшим губительные последствия. Двенадцать конных полков были единственной реальной силой в Иране, и сын Хосроя, Хормизд (479 — 590 гг.), опираясь на армию, довершил дело Маздака: за десять лет он казнил

13 000 вельмож и мобедов. Отпали арабы Двуречья, дейлемиты отказали в покорности, а вельможи Биндай и Бизам, чтобы избежать смерти, убили Хормизда (*Гумилев Л. Н. Бахрам Чубин//Проблемы востоковедения, 1960, № 3*).

Спахбед (воевода) Бахрам Чубин (интересная фамилия — *С. Д.*) стал шахом, но византийская интервенция вернула престол Хосрою II, оплатившему грекам истребительной войной (640—648 г.). Но коллизия повторилась.

Шах пожелал убить победоносного полководца Шахрвараза, но был убит сам своими приближенными. А после этого началась чехарда шахов, пока на престоле не оказался Йезигерд III. Этот быстро проиграл войну мусульманам (651 г.), бежал в Мерв, где был зарезан мельником, у которого вздумал переночевать. Иранского государства не стало. Иран вошел в состав Арабского халифата.

Халиф Омар, завоевав Персию, стремился не обращать персов в ислам, а собирать харадж и ажизы — налог на иноверцев. Он запретил мусульманам владеть землей на завоеванной территории. Поэтому богатые землевладельцы сохраняли и землю, и религию, платя высокие налоги. Зато бедняки и дехкане, не дорожившие своими клочками земли, охотно переходили в ислам и получали высокооплачиваемые должности, например сборщиков податей. Поэтому большая часть персов добровольно стала мусульманами, а богатые интеллигенты эмигрировали в Индию (*Богданов А. Ф. Персия. СПб., 1909*). Так Иран стал мусульманским, притом искренне» [24].

Южное, юго-западное и юго-восточное побережье Каспия исторически связаны с основным Ираном. «Жители этих мест были крайне воинственны. Но они не исповедовали ислам, и только это мешало им покорить соседей мусульман — те отчаянно сопротивлялись «неверным». Тогда правитель Дейлема со своим народом принял мусульманство. Он считал себя наследником древних персидских царей и даже присвоил себе титул шахиншаха — царя царей» [23].

«В X в. дейлемиты воспользовались разложением халифата. Их войска вышли из своей негостеприимной страны и овладели Западной Персией, Азербайджаном и в 945 г.

даже Багдадом, превратив халифов в своих марионеток. Соперниками дейлемитов были только тюрки, выходцы из степей Средней Азии. Тюрки-сельджуки победили (вытеснили) дейлемитских пассионариев, а дейлемитские субпассионарии утратили древние традиции, и Дейлем превратился в персидскую область — Гилян» [24].

Это произошло при следующей обстоятельстве: «Середина любого этногенеза характеризуется спадом пассионарности ведущего этноса.

В Багдадском халифате она наступила в X—XI вв. и проявилась в расколе мира ислама на суннитов и карматов. Появление карматов и исмаилиитской антисистемы резко изменило политическую обстановку в халифате и Багдаде — прежде всего, из арабского города он превратился в зону активных этнических контактов и средоточие химер.

Исмаил Самани в 900 г. разбил разбойничьи отряды сеистанского правителя, захватившего в конце IX в. весь Иран, Амра ибн-Ляйса Саффарида. Его эмират стал опорой суннитского правоверия и традиций Персии и включал помимо Восточного Ирана современные Афганистан и Среднюю Азию.

Саманиды были последними древними иранцами, но арабская пассионарность преобразила их в новый этнос таджиков.

Вслед за Саманидами воспользовались развалом халифата горцы дейлема (буиды).

...Совсем иная обстановка сложилась в Хорезме. Хорезмские гулямы из рода Кутб ад-Динов—Атсыз, его сын Текеш и сын Текеша Мухаммед после долгих и напряженных войн завоевали Дженд, Мангышлак, весь Иран, Азербайджан, Гур и Мавераннахр. Маленький оазис стал центром огромной державы, и, уж разумеется, не за счет своей мощи, которой у него не было. Государство хорезмшахов было просто огромной химерой.

...Теперь пора перейти к первому, предварительному обобщению. В начале XI в. всей оседлой земледельческой, цивилизованной частью мусульманского суперэтноса овладели химеры. В Ираке и Западном Иране — дейлемитско-арабо-персидская — халифат; в Восточном Ира-

не — тюрко-иранская — Газневийский султанат; в Мавераннахре и Кашгарии — тюрко-таджикская — государство Илекханов (Караханидов); в низовьях Амударьи — тюрко-хорезмийская...

Химера — система неустойчивая. Возникает она только тогда, когда пассионарное напряжение спадает и приближается к нормальному уровню — гомеостазу. Тогда исходные этносы не сливаются в новый этнос, а аннигилируют, то есть попросту говоря, исчезают. Это равно относится к побежденным и победителям» [24].

Интересно, что все перипетии, связанные с Гирканией (Дейлемом и Гурганом), происходили в период большой активности русов как на Черном море, так и на Каспии, и хазар на севере и в тесном с ними контакте.

В работе «От Руси до России» Л. Н. Гумилев писал, что северный сосед на Каспии — Хазарский каганат, который интенсивно торговал с Китаем, попал в сложную экономическую ситуацию из-за восстания 674 г. в Китае.

«На долгое время Китай выбыл из мировой торговли. Катастрофа, постигшая Великий караванный путь из Китая в Испанию — „шелковую дорогу“, конечно же, отразилась и на Хазарии. Но энергичные купцы во главе с правителем, титул которого был „бек“ или „малик“, нашли выход. Их отряды двинулись на север. Поднявшись по Волге, воины Хазарии разгромили и подчинили Камскую Булгарию. Еще севернее находились бескрайние земли, которые русские летописцы называли Великая Пермь. Вот тут-то купцы-рахдониты (перс. «знающие путь») и организовали поселения-фактории.

Эта торговля компенсировала сокращение торгового оборота, последовавшего из-за разорения Китая. Но произошла очередная неприятность. В IX в. стал разваливаться Багдадский халифат, первой откололась Испания, затем Марокко и т. д. Наконец откололась область Дейлем (861—870 гг.). Таким образом, удобный и легкий путь с Волги в Багдад по берегу Каспия оказался пересечен: дейлемиты не пропускали никого.

Новое правительство Хазарии, свергшее тюркскую военную знать, содержало в качестве военной силы войска из Гургана. Мы уже говорили, что гурганцы были воин-

ственны и очень храбры. Но и сражались они в интересах Хазарии за очень высокую плату. Отслужив, а точнее, отвоевав срок, оставшиеся в живых возвращались домой богатыми. Хазарские правители были истыми купцами. Они покупали победы и только победы. Если воины терпели поражение, что всегда может случиться, их казнили. Бесстрашные гурганцы одержали для хазарских евреев победы над гузами на реке Яик (Урал), над болгарями на Каме, над буртасами на реке Сакмаре, над савирами (сабирами) на Донце. Но те же победоносные гурганцы отказались воевать против единоверцев, мусульман — дейлемитов. И тогда хазарские евреи, народ находчивый и умный, пригласили для войны против мусульман древних русов.

Русов наняли на тех же условиях, что и гурганцев: высокая плата и обязательство одерживать победы. Русы освоили корабельное дело еще на Балтике. Хазары пропускали войско русов по Волге до Каспия. Русы морем совершали набеги на территорию Персии. В первом походе (901—910 гг.) они совершенно разграбили остров Абескун. С дейлемитами русы столкнулись в свой второй поход в 913 г. Дейлемиты отбили русов, и те, чтобы не возвращаться с пустыми руками, напали на мусульманский город Гянджу в южном Азербайджане. Тогда хазарский царь разрешил своей гвардии, гурганцам (которые приняли мусульманство только в XI в. (?) — *С. Д.*), отомстить за единоверцев. Несколько дней сопротивлялось усталое войско русов, но было разбито мусульманами. Немногие спасшиеся бегством были истреблены на Волге кочевниками — буртасами.

Так, гибельно закончился для русской дружины поход 913 г. Два последующих десятилетия были для хазар наполнены мелкими конфликтами со славянами и уже возникшим (в 882 г.) Киевским княжеством. Опорой хазар на западе была построенная еще в 834 г. на берегу Волги крепость Саркел (Белая Вежа).

В 939 г. произошло событие чрезвычайной важности. Русский вождь Хельги (Олег) захватил принадлежавший Хазарии город Самкерц (ныне Тамань), расположенный на берегу Керченского пролива. Хазарский царь ответил

на удар ударом. На русов двинулась мусульманская рать (гирканцев? — С. Д.) под командованием „достопочтенного Песаха“. Песах освободил Самкерц, переправился через Керченский пролив и прошел маршем по южному берегу Крыма (940 г.), истребляя христианское население (спаслись лишь укрывшиеся в неприступном Херсонесе). Перейдя Перекоп, Песах дошел до Киева и обложил русское княжество данью. Тогда же русы выдали хазарам мечи, о чем рассказывается в „Повести временных лет“.

В 943 г. хазары вновь послали войско русов — уже своих данников — на Каспий, для войны с мусульманами и дейлемитами. Русы захватили в низовьях Куры крепость Бердаа. Страшнее сабель и стрел дейлемитов оказалась вспыхнувшая в лагере русов дизентерия. Они пробились к ладьям и отплыли от берега. В русских летописях нет ни слова об этом походе. Очевидно на Русь не вернулся никто» [23].

Но именно в это время, после исчезновения дружины русов, дейлемский князь вдруг объявляет себя шахиншахом и начинает завоевывать Западную Персию и Багдад (?).

Глава XIII

Знаем ли мы историю России и Европы?

*«Сколь много может наколобродить
в российских древностях забредшая
туда иностранная скотина!»*

Сетования выпускника Марбургского университета М. В. Ломоносова о работах по русской истории немецких ученых на русской службе

Для того чтобы уверенно смотреть в будущее, необходимо очень хорошо знать прошлое. Незнание истории, а тем более мифотворчество в ней, чреваты бедами. Опасностью совершить ошибки в будущем.

Вот типичный пример, когда забвение истории приводит к катастрофе. В отечественной исторической литературе во времена Екатерины Великой, тогда, когда Россия, успешно воюя с Турцией, закрепились на берегах Черного моря, сформировалась теория о пути «из варяг в греки», в соответствии с которой торговля Древней Руси и России с внешним миром в основном велась по днепровско-невскому маршруту. (Кстати это представление господствует и в современной исторической науке.) На этом строилась и вся последующая экономическая стратегия правительства по отношению к внешней торговле Российского государства. Чрезмерное стимулирование, хотя и очень рентабельной, но одной черноморской торговли, в ущерб балтийской, полное равнодушие к торговле через Архангельск и другие порты севера России, практическое

прекращение торговли с Персией и через Персию привело к тому, что почти вся внешняя торговля России (больше 80 %) в начале XX в. стала осуществляться только через порты Черного моря. Как только в 1914 г. началась «заварушка» на Балканах, Россия оказалась перед выбором: либо лишиться практически всей своей внешней торговли, либо защищать свободу прохода через черноморские проливы силой оружия. Так Россия была вынуждена вступить в войну с Австро-Венгрией и Турцией, которая неожиданно переросла в мировую катастрофу. Подчеркиваю, была вынуждена. Никакой иной необходимости воевать у России не было. И если бы проводилась более дальновидная стратегия развития торговых потоков, то катастрофа могла и не произойти. Тем более, что это все равно пришлось делать, но уже в условиях войны, когда срочно организовывали грузоперевозки через Мурманск и Архангельск.

О торговом пути через Иран вспомнили только во время Великой Отечественной, когда также в условиях войны занимались налаживанием грузоперевозок товаров и оружия, предоставляемых союзниками по ленд-лизу. Так заблуждение привело к роковым последствиям.

При этом историками игнорировались то, что важнейшие торгово-экономические центры страны, такие как Нижний Новгород, Казань, Самара да и сама матушка Москва, сформировались и находятся в основном на Волге и в Волжском бассейне (а Волга, как известно, впадает в Каспийское море); что главные товаропотоки Древней Руси и Руси-Московии проходили через Волгу и Каспий; что Волжский и Днепровский водные торговые пути были в лучшем случае равноценны между собой.

К сожалению, представления о Древней Руси, рассеянной в лесах; о Руси, созданной норманнами-варягами; о Руси, через которую шел путь «из варяг в греки» почему-то используемый именно норманнами, а никем иным, продолжают существовать и поныне.

А. С. Пушкин сказал, что уважение к памяти предков показывает степень цивилизованности народа.

То, как интерпретируется история России некоторыми историками, создает представление о наших предках как

о воинственно-агрессивных и недалеких людях, значительно отставших в социально-экономическом и культурном отношении от своих западных соседей. Отсюда: все что ни есть на Западе — это хорошо, а все наше — это примитивно и плохо.

На волне таких представлений, например, на рубеже XVIII—XIX вв. мы потеряли одно из величайших достижений человечества, изобретенное в нашей стране, а именно — бортное пчеловодство.

Да, арабский историк писал о славянах: «Живут ее обитатели в лесах, и нет у них ни виноградников, ни пашни...». На этом основании некоторые историки стали делать скоропалительные выводы о примитивности славян и дремучей жизни в Древней Руси. Отсюда и заключение: бортничество — это каменный век. Например, глава в одной работе по пчеловодству так и называется «От борта к улью».

А ведь наши предки вели интенсивную торговлю с соседними «цивилизованными государствами», их корабли бороздили воды от Готланда до Персии, их фактории существовали в Византии. В «дремучей» России бортники добывали 10 миллионов тонн меда ежегодно, то есть в 14 раз больше, чем весь мир в 1980 г.

От скоропалительного утверждения не уберется даже Л. Н. Гумилев, сказав, что за какие-нибудь полтора столетия эти агрессивно-дикие славяне так размножились, что из малого народа превратились в одну из самых многочисленных наций и поэтому заполнили пол-Европы.

Знаем ли мы собственную историю, не перепеваем ли с голоса немецких ученых на русской службе времен Екатерины Великой? Знаем ли мы действительно историю Европы?

Фактов, на которые не обращают внимание историки — великое множество. Например, игнорируется факт поразительного сходства балтийских когов и восточных судов — дау, и с удивительным упорством внедряется мысль, что коги якобы являются развитием скандинавских судов. При этом остается без внимания, что скандинавские суда относятся к совершенно иному архитектурному типу. (Именно этот момент и послужил автору толчком для проведения исследований в этой области.)

Обобщив некоторые исторические сведения и проанализировав их, автор получил поразительную картину, резко отличающуюся от того, что написано в книгах по истории Европы.

Получилось, что венеды (венды, вандалы, ваны, анты, анды), к которым относились славяне и, по-видимому, булгары, жили когда-то на территории Ирана, а точнее, в лесах горного хребта Эльбурс на южном берегу Каспия под потухшим вулканом Демавенд. Само название этой горы-вулкана говорит за себя, ибо Демавенд, а по-ирански Дамаванд, означает Мать вандов. А отсюда следует, что культура славян-венедов, не более «дикая» чем культура венецианцев, андалузцев, или парижан — тоже потомков вендов.

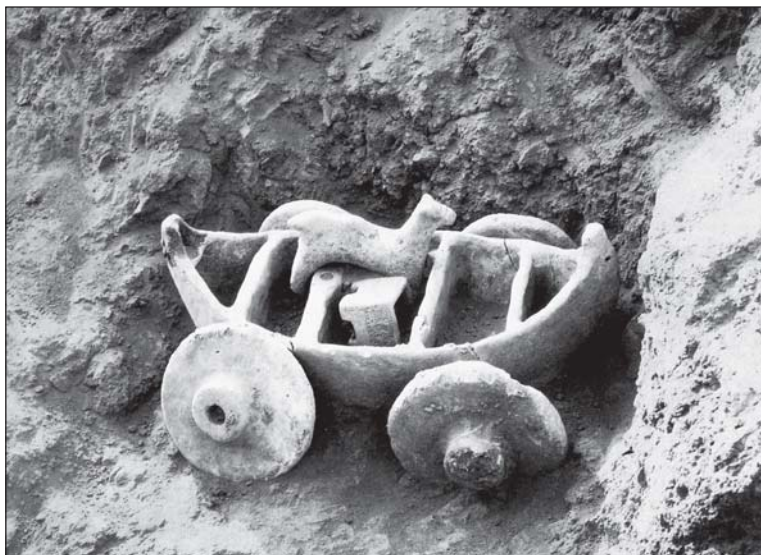
Более того, именно венеды, обладавшие высокоразвитой древней культурой Востока: шумеров и других народов Персидской империи, — были учителями европейцев (или по крайней мере, внесли громадный вклад в европейскую культуру).

Примерно в III тысячелетии до н. э. племена шумеров (возможно, те кадусии, о которых упоминал Л. Н. Гумилев) первыми поселились на южном берегу Каспия. По-видимому, это и были предки венедов, потому что Л. Н. Гумилев утверждал, что гирканцы хранили еще доперсидскую доблесть.

Здесь, в густых лесах горного хребта Эльбурс у них сложилась своеобразная культура, резко отличавшаяся от культуры остального Ирана. Это обуславливалось тем, что и сами природно-климатические условия их проживания также резко отличались от тех, в которых жили иранцы. Если древний Иран, под которым мы понимаем территории современного Ирана и Афганистана, был засушлив и покрыт степями, то южный берег Каспия, наоборот, — влажен и лесист.

Жили венеды, наверное, в деревянных рубленых домах с остроконечными крышами, в каких и поныне живут мазендаранцы, или современные гилянцы, и в мазанках наподобие украинских хат.

Образ хозяйствования их также был другой. Крутые склоны гор, покрытые девственными лесами, не способ-

Детская игрушка из Месопотамии.

Обращают на себя внимание балки (бимсы), скрепляющие борта ладьи так, как это было на судне из Калмара и на персидских судах. Может быть, такими же игрушками развлекались и наши предки венецы-гирканцы?

становали развитию земледелия, но были идеальны для разведения пчел. Возможно, именно здесь и зародилось бортное пчеловодство. Сочные луга позволяли пасти скот на горных пастбищах.

Земледелие, вероятно подсечное, было развито слабо.

Близость моря, которое до нашей эры было значительно больше нынешнего Каспия, способствовало морским промыслам. Поэтому венецы занимались, кроме прочего, рыболовством и охотой на каспийского тюленя. К тому же море позволяло им сбывать излишки добываемого меда, рыбы и тюленьих шкур в обмен на другие необходимые продукты питания (пшеницу, соль и т. д.) и предметы обихода. Это, в свою очередь, побуждало их к судостроению, мореходству и торговле, чем они и овладели в совершенстве.

Строя свои суда по типу общераспространенных на Востоке (дау) и ведя интенсивную торговлю с соседями

по Каспию, они стали непревзойденными мастерами в этих делах. Так, уже в начале бронзового века они строили пятнадцатиметровые морские парусные суда, на которых совершали дальние морские плавания.

Благодаря тесным и постоянным контактам с соседними иранскими народами, а также благодаря межэтническим бракам, древние шумеры, если можно так сказать, «оперсились», то есть превратились в венедев. Сохраняя свои обычаи и верования, они включили в свою культуру многие иранские элементы, например, стали говорить на языке, в основе которого был санскрит. Так, возможно, появился венедевский язык, сохранявший однако отличия от персидского за счет большого количества слов, которые относились к языку древних шумеров.

По верованиям венедеды были язычниками и поклонялись как своим, шумерским, так и иранским богам. По-видимому, волк у них был почитаемым животным, как символ одного из богов, которого можно идентифицировать как Перуна. Особенно он был почитаем в восточных районах, поэтому не случайно жители этих мест со временем стали называться гурами или гурцами — от иранского слова «гур» («волк»).

Кроме того, они почитали потухший вулкан Демавенд, называя его Святой горой или своей Матерью. Похоже, венедеды когда-то пережили катастрофу извержения этого вулкана. По этой причине у некоторых из венедевских племен появился миф о борьбе витязя-героя с огнедышащим чудовищем-драконом или многоголовым змеем, сжигающим все живое на своем пути. А у других венедевских племен, живших несколько в стороне от потоков лавы, появился культ поклонения огнедышащему дракону.

В процессе межэтнического общения с иранцами некоторая часть венедедов стала исповедовать государственную религию Древнего Ирана — зороастризм, одной из характерных черт которого является почитание огня, отсюда его другое название — огнепоклонство.

С образованием Персидской империи, простиравшейся от Средиземного моря до реки Инд, земли венедедов вошли в ее состав как автономные образования. Вхождение это было добровольным, ибо оно было выгодно и необ-

ходимо венедам, так как позволяло беспошлинно торговать на всем гигантском пространстве империи. Со временем из городов венедов Горган стал одним из крупных торговых центров империи. По-видимому, этот город первоначально располагался вблизи побережья, и в него свозились товары со всего Каспийского моря.

Во времена греко-македонского владычества греческие правители страны стали именовать по названию города земли венедов Гирканией, венедов — гирканцами, а море, омывающее их земли, — Гирканским. Из чего должно следовать, что венеды настолько хорошо знали и освоили эти воды, настолько доминировали на них и пользовались таким авторитетом, что греки вынуждены были назвать море по имени этого народа. Названия прочно закрепились за этими землями, народом и морем. Арабы, описывая их, продолжали применять греческие названия: венедские земли они именовали Джурджанией, а Каспий — морем Джурджанским. Это же название прочно закрепилось и в современной исторической литературе. Однако сами жители этих мест называли себя венедами.

По отношению к центру империи земли венедов были глухой и далекой окраиной, мало влиявшей на судьбу великих держав, в которые входила Гиркания. Однако во время опасности о ней вспоминали в столице, и венеды, как и воины других сатрапий или провинций, вставали на защиту страны.

Возможно, венеды участвовали в большинстве войн, которые вело Персидское государство: в битвах при Фермопилах (480 г. до н. э.) и Марафоне (490 г. до н. э.), терпели поражения при Платеях (479 г. до н. э.) и Гевгамелах. Не случайно Л. Н. Гумилев называл их самыми смелыми воинами, которые удерживали арабский натиск до 717 г.

Хотя они и были смелыми воинами, умевшими постоять за себя, в общем-то это были миролюбивые люди, умевшие ладить с другими народами. Они не доставляли особых хлопот центральному правительству и оно не особо интересовалось делами этой далекой окраины. Сами венеды тоже не очень сильно интересовались проблемами центральных властей.

Их взоры и интересы были устремлены на север и запад: туда, где «за морями, за долами» текли «медовые реки в кисельных берегах»; на бескрайние леса и поля Русской равнины, где дремучие леса были полны медом; на Средиземноморье, кишевшее купеческими кораблями с товарами со всего света; на берега Балтики, где заставшая, окаменевшая драгоценная смола — янтарь, была густо рассыпана по песчаным морским пляжам. Их дети мечтали о дальних странах. Их юноши уходили в дальние морские походы, возвращаясь из них уже настоящими мужчинами. А вели их седые капитаны — просоленные «морские волки».

Такие походы начались очень давно. В начале бронзового века венеды дошли до янтарной Балтики. Материальными следами этих походов являются захоронения на мысе Токмак на Каспии и на побережье Рижского залива. В V—VI вв. до н. э. (в начале латена) они появляются на побережье Атлантики.

Именно на последнем рубеже этого периода римляне столкнулись в стране андов с венедскими Армориками. Латенский период характерен появлением таких украшений, как гривна (торквес).

Другим направлением венедских походов было Средиземноморье.

До IV в. до н. э. уровень Каспия был значительно выше нынешнего, о чем свидетельствует высота берегового обрыва на мысе Токмак, и Каспий был соединен с Азовским и Черным морями. Уходя на запад, венеды проникали в Средиземное море, вели торговлю с тамошними народами. Возможно, в то время они обосновались в Малой Азии, на побережье Анталии. И уже оттуда пришли на Апеннины в первые века нашей эры. Несколько позже и венеды обосновываются в Андалузии и Марокко.

Походы были долгими. Так, только поход в одну сторону до Балтики занимал все летние месяцы. Времени на то, чтобы вернуться в тот же год, не оставалось: начиналась зима и вода сковывалась льдом. Приходилось зимовать. Поэтому для обеспечения торговли с дальними странами, венеды устраивали фактории в дальних землях, где они зимовали и одновременно скупали товары у местных

жителей. Некоторые из них для этого обосновывались насовсем. Так появились словы.

Фактории со временем разрастались, превращались в города, обрастали деревнями и сельскими угодьями. Некоторые новые города имели странные названия, напомиавшие главный город вenedов — Горган. Так, возможно, возникли Гамбург, Ганновер и другие более мелкие города и поселения прибалтийской Пруссии. Распространялись межэтнические браки.

Местное население приобщалось к вenedской культуре, а язык вenedов внедрялся в обиход племен. В результате длительного процесса на побережье Балтики образовались новые народы: латыши, литовцы и пруссы.

В иных местах, основав факторию, которая перерастала в торговый город, вenedы постепенно утрачивали родной язык, смешиваясь с преобладающим коренным населением и принимая местную культуру. Но и в этом случае они оставляли свои характерные «следы» в названиях мест или некоторые элементы вenedской культуры и образа жизни. Так, например, поселившись в предгорьях Альп на Дунае, на янтарной дороге из Балтики в Средиземноморье, они растворились в массе аборигенного населения, утратили свой язык, но оставили «на память» город Вену. Так случилось и в Италии, где от вenedов осталось название города Венеция, его герб, в виде крылатого, льва, явно относящегося к элементам восточной культуры.

И везде, где бы они ни обосновывались, вenedы развивают бурную торговлю товарами. Постепенно благодаря их торговой активности в Европе образуется несколько водных трансконтинентальных торговых путей.

Появляется Волжский трансконтинентальный торговый путь, связывающий Каспий с Балтикой, по которому, постепенно возрастая, начинает осуществляться интенсивный товарообмен между арабо-индоиранским миром и северогерманским.

Возникает Днепровский трансконтинентальный торговый путь, больше известный как путь «из варяг в греки», связывающий страны Причерноморья и Средиземноморья со Скандинавией, по которому происходит товарообмен между странами Средиземноморья и Балтики.

Укрепляется Дунайский трансконтинентальный торговый путь, называемый иногда «янтарным путем», соединяющий Средиземноморье с кельтским миром и Балтикой.

Возникает взаимосвязанная система мирового хозяйствования. Не случайно, что именно вокруг этих торговых магистралей и формируются зачатки современных государств. И несомненно, что некоторые венедские поселения стали катализатором данных процессов. Так, например, вокруг Волжского и Днепровского торговых путей формируются такие государства, как Хазарский каганат, Киевская Русь и Волжская Булгария, ставшие основой, фундаментом современной России, а вокруг венедского поселения на Дунае образуется государство Австрия.

Происходит процесс незаметной колонизации Европы, растянувшийся на тысячелетия. Однако жизнь и история новых образований в Европе продолжительное время остается связанной с событиями, происходящими в самой метрополии, то есть в Гиркании.

Примерно на рубеже III—V вв. (когда точно — автору не известно) в Гуре появляются тюрки. Гурцы их встречают настороженно и даже враждебно. Но объединение все же произошло. И на рубеже V—VI вв. в Восточной Европе между Доном и Дунаем появляются племена гуров: утургуры, кутургуры и унногундуры, которые, объединившись, образуют болгарский народ. Дальнейший ход исторических событий хорошо известен. Болгары образуют два мощных средневековых государства: Болгарию, что на Балканах, и Волжскую Булгарию.

Интересно, что болгарские племена часто действуют рука об руку со склавинами и антами, которых историки скупают предками славян.

Анты и склавины появляются в Европе на рубеже I—III вв. как-то неожиданно, ибо до этого времени о них ничего не было известно.

«Их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране», — писал об антах историк Маврикий. В одном из разделов «Стратегикона» Маврикий отмечал, что анты могли умело переправляться через реки, «превосходя в этом отношении всех людей». Но не только реки, речные дороги были освоены антами. Продвигаясь вдоль

побережья Черного моря на запад, в пределы Византийской империи, они не могли не воспользоваться морским путем как одним из средств преодоления укреплений, возведенных византийцами вдоль Дуная. О наличии мореходных традиций у антов свидетельствует также и тот факт, что Византия, располагавшая достаточным количеством искусных флотоводцев, тем не менее приглашает к себе на службу антов, которые получали высокие должности. Так, например, ант Доброгаст был командующим византийской Черноморской эскадрой. «Безусловно, такой пост был по плечу только сведущему и опытному моряку, представителю народа, которым морские плавания были вполне освоены» [18].

В. И. Паранин считает, что слово «ант» является однокоренным с термином «аванти», что значит вперед, первый. И действительно, анты были первопроходцами, основывавшими поселения-крепости, которые впоследствии заселили славяне.

Как известно, в VI в. началось грандиозное движение славянских племен к Дунаю и на Балканы, изменившее всю этническую карту Европы. (Западные историки даже называют этот процесс «нашествием».) Как считал Б. А. Рыбаков, подготавливалось оно не менее столетия на протяжении V и начала VI в.

Этот процесс почти совпадает по времени с драматическими событиями, происходившими в Иране. При шахе Каваде I (448—531 гг.) визирь Маздак во время очередного голода в стране предложил казнить тех, у кого было много имущества, а их добро раздать бедным. Поднялись все недовольные маздакидами. Сын Кавада, Хосров, мобилизовал степняков — саков, произвел государственный переворот, взял власть в свои руки, повесил Маздака и в 529 г. расправился с его сторонниками. После этого сын Хосрова, Хормузд, опираясь на профессиональную армию, довершил дело Маздака: за десять лет он казнил 13 тысяч вельмож и мобедов. В результате отпали арабы Двуречья, дейлемиты отказали в покорности, оскорбленный спахмед (воевода) Бахрам Чубин восстал.

Именно во время этой драмы в Иране и происходит движение славянских племен. Очевидно, что эти два события взаимосвязаны.

По-видимому, к этому же времени относится и появление на севере России ильменских словен и каких-то поселений, на месте которых впоследствии возник Господин Великий Новгород. Интересно, что становление самого города также совпадает по времени с другими драматическими событиями в Гиркании. А случилось следующее: в 661 г. арабы покоряют Иран, но в горах Эльбурса война продолжается еще почти сто лет. А на Ильмене после этих событий началась распря: «...встал град на град». Это означает, что три бывших рядом поселения — мери, кривичей и словен стали воевать друг с другом. То есть в то время разворачиваются некие события, приведшие к нарушению демографического баланса между этническими группами населения в Приильменье.

«Изгнали варяг за море», — говорится в летописи. По-видимому, в тот период происходило увеличение численности славян. Возможно, за счет населения покоренной арабами Гиркании.

Далее воюющие новгородцы принимают уникальное и удивительно мудрое решение: мол, в этой распре никто не может победить, поэтому для того чтобы и дальше не выяснять — кто главнее, надо пригласить вождя со стороны. Так появился варяжский князь из пруссов и началась новая «славянская» история Руси. Но история самих венецов в Гиркании еще продолжалась.

В X в. дейлемиты выходят из своей естественной крепости, завоевывают Западную Персию, Азербайджан, Багдад и исчезают, растворившись среди местного населения. Станным образом во время похода дейлемитов-буидов «исчезает» дружина русов, ушедшая во второй каспийский поход.

В XII в. снимаются со своих мест и уходят в походы жители восточных областей Гиркании — гурцы. Они, так же как дейлемиты, завоевывают обширные области от Хорасана до Дели и так же исчезают.

История Гиркании заканчивается. Завершается и история самих гирканцев. Но продолжается история других народов, которые от них произошли и которым они передали свои гены, язык и культуру.

Н. М. Карамзин об истории славян

«Готфский историк VI века Иорнанд пишет, что Эрманарих в числе многих иных народов победил и венедов, которые, обитая в соседстве с эстами и герулами, жителями берегов балтийских, славились более своею многочисленностию, нежели искусством воинским. Сие известие для нас любопытно и важно, ибо венеды, по сказанию Иорнанда, были единоплеменники славян, предков народа российского. Еще в самой глубокой древности, лет за 450 до Рождества Христова, было известно в Греции, что янтарь находится в отдаленных странах Европы, где река Эридан впадает в Северный океан и где живут венеды. Вероятно, что финикияне, смелые мореходцы, которые открыли Европу для образованных народов древности, не имевших о ней сведения, доплывали до самых берегов нынешней Пруссии, богатых янтарем, и там покупали его у венедов. Во время Плиния и Тацита, или в первом столетии, венеды жили близ Вислы и граничили к югу с Дакиєю. Птолемей, астроном и географ второго столетия, полагает их на восточных берегах моря Балтийского, сказывая, что оно издревле называлось Венедским. Следственно, ежели славяне и венеды составляли один народ, то предки наши были известны и грекам, и римлянам, обитая на юге от моря Балтийского. Из Азии ли они пришли туда и в какое время, не знаем. Мнение, что сию часть мира должно признавать колыбелию всех народов, кажется вероятным, ибо, согласно с преданиями священными, и все языки европейские, несмотря на их разные изменения, сохраняют в себе некоторое сходство с древними азиатскими; однако ж мы не можем утвердить сей вероятности никакими действительно историческими свидетельствами и считаем венедов европейцами, когда история находит их в Европе. Сверх того, они самыми обыкновениями и нравами отличались от азиатских народов, которые, приходя в нашу часть мира, не знали домов, жили в шатрах или колесницах и только на конях сражались; Тацитовы же венеды имели дома, любили ратоборствовать пешие и славились быстротою своего бега.

Конец четвертого века ознаменовался важными происшествиями. Гунны, народ кочующий, от полунощных областей Китая доходят чрез неизмеримые степи до юго-восточной России, нападают — около 377 года — на алан, готфов, владения римские, истребляя все огнем и мечом. Восточные готфы дол-

жны были покориться, а западные искали убежища во Фракии, где римляне, к несчастью своему, дозволили им поселиться: ибо готфы, соединясь с другими мужественными германцами, скоро овладели большею частию империи.

История сего времени упоминает об антах, которые, по известию Иорнана и византийских летописцев, принадлежали вместе с венедами к народу славянскому. Винитар, наследник Эрманариха, царя готфского, был уже данником гуннов, но хотел еще повелевать другими народами: завоевал страну антов, которые обитали на север от Черного моря (следственно, в России), и жестоким образом умертвил их князя, именем Бокса, с семьюдесятью знатнейшими боярами. Царь гуннский, Баламбер, вступился за утесненных и, победив Винитара, освободил их от ига готфов.

Нет сомнения, что анты и венеды признавали над собою власть гуннов: ибо сии завоеватели во время Аттилы, грозного царя их, повелевали всеми странами от Волги до Рейна, от Македонии до островов Балтийского моря. С жизнью сего варвара, но великого человека, умершего в 454 году, прекратилось и владычество гуннов. Народы, поработанные Аттилою, свергнули с себя иго несогласных сыновей его. Изгнанные немцами-гепидами из Паннонии, или Венгрии, гунны держались еще несколько времени между Днестром и Дунаем, где страна их называлась Гунниваром; другие рассеялись по дунайским областям империи — и скоро изгладись следы ужасного бытия гуннов. Таким образом, сии варвары отдаленной Азии явились в Европе, свирепствовали и, как грозное привидение, исчезли!

В то время южная Россия могла представлять обширную пустыню, где скитались одни бедные остатки народов. Восточные готфы большею частию удалились в Паннонию; о роксоланах не находим уже ни слова в летописях: вероятно, что они смешались с гуннами или, под общим названием сарматов, вместе с язигами были расселены императором Маркианом в Иллирике и в других римских провинциях, где, составив один народ с готфами, утратили имя свое, ибо в конце V века история уже молчит о сарматах. Множество алан, соединясь с немецкими вандалами и свевами, перешло за Рейн, за горы Пиренейские, в Испанию и Португалию.

Но скоро угры и болгары, по сказанию греков, единоплеменные с гуннами и до того времени неизвестные, оставив древние свои жилища близ Волги и гор Уральских, завладели берегами Азовского, Черного моря и Тавридою (где еще

обитали некоторые готфы, принявшие веру христианскую) и в 474 году начали опустошать Мизию, Фракию, даже предместия константинопольские.

С другой стороны, выходят на театр истории славяне, под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от славы, — и народ, коего бытие мы едва знали, с VI века занимает великую часть Европы, от моря Балтийского до реки Эльбы, Тисы и Черного моря. Вероятно, что некоторые из славян, подвластных Эрманариху и Аттиле, служили в их войске; вероятно, что они, испытав под начальством сих завоевателей храбрость свою и приятность добычи в богатых областях империи, возбудили в соотечественниках желание приблизиться к Греции и вообще распространить их владение. Обстоятельства времени им благоприятствовали. Германия опустела, ее народы воинственные удалились к югу и западу искать счастья. На берегах черноморских, между устьями Днепра и Дуная, кочевали, может быть, одни дикие малолюдные орды, которые сопутствовали гуннам в Европу и рассеялись после их гибели. От Дуная и Алуты до реки Моравы жили немцы лонгобарды и гепиды; от Днепра к морю Каспийскому угры и болгары; за ними, к северу от Понта Эвксинского и Дуная, явились анты и славяне; другие же племена их вступили в Моравию, Богемию, Саконию, а некоторые остались на берегах моря Балтийского. Тогда начинают говорить об них историки византийские, описывая свойства, образ жизни и войны, обыкновения и нравы славян, отличные от характера немецких и сарматских племен: доказательство, что сей народ был прежде мало известен грекам, обитая во глубине России, Польши, Литвы, Пруссии, в странах отдаленных и как бы непроницаемых для их любопытства.

Уже в конце пятого века летописи византийские упоминают о славянах, которые в 495 году дружелюбно пропустили чрез свои земли немцев-герулов, разбитых лонгобардами в нынешней Венгрии и бежавших к морю Балтийскому; но только со времен Юстиниановых, с 527 года, утвердись в Северной Дакии, начинают они действовать против империи, вместе с горскими племенами и братьями своими антами, которые в окрестностях Черного моря граничили с болгарями. Ни сарматы, ни готфы, ни самые гунны не были для империи ужаснее славян. Иллирия, Фракия, Греция, Херсонес — все страны от залива Ионического до Константинополя были их жертвою; только Хильвуд, смелый вождь Юсти-

нианов, мог еще с успехом им противоборствовать; но славяне, убив его в сражении за Дунаем, возобновили свои лютые нападения на греческие области, и всякое из оных стоило жизни или свободы бесчисленному множеству людей, так что южные берега дунайские, облитые кровию несчастных жителей, осыпанные пеплом городов и сел, совершенно опустели. Ни легионы римские, почти всегда обращаемые в бегство, ни великая стена Анастасиева*, сооруженная для защиты Царяграда от варваров, не могли удерживать славян, храбрых и жестоких. Империя с трепетом и стыдом видела знамя Константиново в руках их. Сам Юстиниан, совет верховный и знатнейшие вельможи должны были с оружием стоять на последней ограде столицы, стене Феодосиевой, с ужасом ожидая приступа славян и болгар ко вратам ее. Один Велисарий, посевший в доблести, осмелился выйти к ним навстречу, но более казною императорскою, нежели победою, отвратил сию грозную тучу от Константинополя. Они спокойно жительствовавали в империи, как бы в собственной земле своей, уверенные в безопасной переправе чрез Дунай: ибо гепиды, владевшие большею частию северных берегов его, всегда имели для них суда в готовности. Между тем Юстиниан с гордостью величал себя Антическим, или Славянским, хотя сие имя напоминало более стыд, нежели славу его оружия против наших диких предков, которые беспрестанно опустошали империю или, заключая иногда дружественные с нею союзы, нанимались служить в ее войсках и способствовали их победам. Так во второе лето славной войны Готфской (в 536 году) Валериан привел в Италию 1600 конных славян, и римский полководец Туллиан вверил антам защиту Лукании, где они в 547 году разбили готфского короля Тотилу.

Уже лет 30 славяне свирепствовали в Европе, когда новый азиатский народ победами и завоеваниями открыл себе путь к Черному морю. Весь известный мир был тогда театром чудесного волнения народов и непостоянства в их величии. Авары славились могуществом в степях Татарии, но в VI веке, побежденные турками, ушли из земли своей. Сии турки, по свидетельству историков китайских, были остатками гуннов, древних полунощных соседей Китайской империи; в течение времени соединились с другими родами

* Великая стена Анастасиева — построенная при императоре Анастасии I тянулась от г. Селивпии (Доростола) до Черного моря.

единоплеменными и завоевали всю южную Сибирь. Хан их, называемый в византийских летописях Дизавулом, как новый Аттила покорив многие народы, жил среди гор Алтайских в шатре, украшенном коврами шелковыми и многими золотыми сосудами; сидя на богатом троне, принимал византийских послов и дары от Юстиниана; заключал с ним союзы и счастливо воевал с персами. Известно, что россияне, овладев в новейшие времена полуденную часть Сибири, находили в тамошних могилах великое количество вещей драгоценных: вероятно, что они принадлежали сим алтайским туркам, уже не дикому, но отчасти образованному народу, торговавшему с Китаем, Персией и греками.

Вместе с другими ордами зависели от Дизавула киргизы и гунны-огоры*. Быв прежде данниками аваров и тогда угнетаемые турками, огоры перешли на западные берега Волги, назвали славным именем аваров, некогда могущественных, и предложили союз императору византийскому. Народ греческий с любопытством и с ужасом смотрел на их послов: одежда сих людей напоминала ему страшных гуннов Аттилы, от коих мнимые авары отличались единственно тем, что не брили головы и заплетали волосы в длинные косы, украшенные лентами. Главный посол сказал Юстиниану, что авары, мужественные и непобедимые, хотят его дружбы, требуя даров, жалованья и выгодных мест для поселения. Император не дерзнул ни в чем отказать сему народу, который, бежав из Азии, со вступлением в Европу приобрел силу и храбрость. Угры, болгары признали власть его. Анты не могли ему противиться. Хан аварский, свирепый Баян, разбил их войско, умертвил посла, знаменитого князя Мезамира; ограбил землю, пленил жителей; скоро завоевал Моравию, Богемию, где обитали чехи и другие славяне; победил Сигеберта, короля франков, и возвратился на Дунай, где лонгобарды вели кровопролитную войну с гепидами. Баян соединился с первыми, разрушил державу гепидов, овладел большею частью Дакии, а скоро и Паннонию, или Венгрию, которую лонгобарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваний в Италии. Область аваров в 568 году простиралась от Волги до Эльбы. В начале VII века завладели они и Далмациею, кроме приморских городов ее. Хотя турки, господствуя на берегах Иртыша, Урала, тревожа на-

* Огоры — племена, родственные уграм. На Руси огоров называли еще обрами.

бегами Китай и Персию, около 580 года распространили было свои завоевания до самой Тавриды — взяли Боспор, осадили Херсон; но скоро исчезли в Европе, оставив земли черноморские в подданстве аваров.

Уже анты, богемские чеши, моравы служили хану; но собственно так называемые дунайские славяне хранили свою независимость, и еще в 581 году многочисленное войско их снова опустошило Фракию и другие владения имперские до самой Эллады, или Греции. Тиверий царствовал в Константинополе: озабоченный войною Персидскою, он не мог отразить славян и склонил хана отомстить им впадением в страну их. Баян назывался другом Тиверия и хотел даже быть римским патрицием: он исполнил желание императора тем охотнее, что давно уже ненавидел славян за их гордость. Сию причину злобы его описывают византийские историки следующим образом. Смирив антов, хан требовал от славян подданства; но Лавритас и другие вожди их ответствовали: „Кто может лишить нас вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагам. Так будет и впредь, доколе есть война и мечи в свете“⁴. Посол ханский раздражил их своими надменными речами и заплатил за то жизнью. Баян помнил сие жестокое оскорбление и надеялся собрать великое богатство в земле славян, которые, более пятидесяти лет громив империю, не были еще никем тревожимы в стране своей. Он вступил в нее с шестьюдесятью тысячами отборных конных латников, начал грабить селения, жечь поля, истреблять жителей, которые только в бегстве и в густоте лесов искали спасения.

С того времени ослабело могущество славян, и хотя Константинополь еще долго ужасался их набегов, но скоро хан аварский совершенно овладел Дакиєю. Обязанные давать ему войско, они лили кровь свою и чуждую для пользы их тирана; должны были первые гибнуть в битвах, и когда хан, нарушив мир с Грециєю, в 626 году осадил Константинополь, славяне были жертвою сего дерзкого предприятия. Они взяли бы столицу империи, если бы измена не открыла их тайного намерения грекам: окруженные неприятелем, бились отчаянно; немногие спаслись и в знак благодарности были казнены ханом.

Между тем не все народы славянские повиновались сему хану: обитавшие за Вислою и далее к северу спаслись от рабства. Так, в исходе VI века на берегах моря Балтийского жили мирные и счастливые славяне, коих он напрасно хотел

вооружить против греков и которые отказались помогать ему войском. Сей случай, описанный византийскими историками, достоин любопытства и примечания. „Греки (повествуют они) взяли в плен трех чужеземцев, имевших вместо оружия кифары, или гусли. Император спросил, кто они. „Мы — славяне, — ответствовали чужеземцы, — и живем на отдаленнейшем конце Западного океана (моря Балтийского). Хан аварский, прислав дары к нашим старейшинам, требовал войска, чтобы действовать против греков. Старейшины взяли дары, но отправили нас к хану с извинением, что не могут за великою отдаленностью дать ему помощи. Мы сами были 15 месяцев в дороге. Хан, невзирая на святость посольского звания, не отпуская нас в отечество. Слыша о богатстве и дружелюбии греков, мы воспользовались случаем уйти во Фракию. С оружием обходиться не умеем и только играем на гусях. Нет железа в стране нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведем жизнь мирную и спокойную“. Император дивился тихому нраву сих людей, великому росту и крепости их: угостил послов и доставил им способ возвратиться в отечество“. Такое миролюбивое свойство балтийских славян, во времена ужасов варварства, представляет мыслям картину счастья, которого мы обыкли искать единственно в воображении. Согласие византийских историков в описании сего происшествия доказывает, кажется, его истину, утверждаемую и самыми тогдашними обстоятельствами севера, где славяне могли наслаждаться тишиною, когда германские народы удалились к югу и когда разрушилось владычество гуннов.

Наконец, богемские славяне, возбужденные отчаянием, дерзнули обнажить меч, смирили гордость аваров и возвратили древнюю свою независимость. Летописцы повествуют, что некто, именем Само, был тогда смелым вождем их: благодарные и вольные славяне избрали его в цари. Он сражался с Дагобертом, королем франков, и разбил его многочисленное войско. Скоро владения славян умножились новыми приобретениями: еще в VI веке, как вероятно, многие из них поселились в Венгрии; другие в начале VII столетия, заключив союз с Константинополем, вошли в Иллирию*, изгнали оттуда аваров и основали новые области под именем Кроацции, Славонии, Сербии, Боснии и Далмации. Императоры

* Иллирия — в древности местность на северо-западе Балканского полуострова и юго-западе Италии.

охотно позволяли им селиться в греческих владениях, надеясь, что они, по известной храбрости своей, могли быть лучшей их защитой от нападения других варваров, — и в VII веке находим славян на реке Стримоне во Фракии, в окрестностях Фессалоники* и в Мизии, или в нынешней Болгарии. Даже весь Пелопоннес был несколько времени в их власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирепствовала в Греции, и завоевали древнее отечество наук и славы. Многие из них поселились в Вифинии, Фригии, Дардапии, Сирии.

Но между тем, когда чехи и другие славяне пользовались уже совершенною вольностью отчасти в прежних, отчасти в новых своих владениях, дунайские находились еще, кажется, под игом аваров, хотя могущество сего достопамятного азиатского народа ослабело в VII веке. Куврат, князь болгарский, данник хана, в 635 году свергнул с себя иго аваров. Разделив силы свои на девять обширных укрепленных станов, они еще долгое время властвовали в Дакии и в Паннонии, вели жестокие войны с баварцами и славянами в Каринтии, в Богемии; наконец утратили в летописях имя свое. Куврат, союзник и друг римлян, господствовал в окрестностях Азовского моря; но сыновья его, в противность мудрому совету умирающего отца, разделились: старший, именем Ватвай, остался на берегах Дона; второй сын, Котраг, перешел на другую сторону сей реки; четвертый в Паннонию, или Венгрию, к аварам; пятый в Италию; а третий, Аспарух, утвердился сперва между Днестром и Дунаем, но в 679 году, завоевав и всю Мизию, где жили многие славяне, основал там сильное государство Болгарское.

Представив читателю расселение народов славянских от моря Балтийского до Адриатического, от Эльбы до Морей** и Азии, скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою, но, слабые от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием. Другие, сохранив бытие свое в Германии, в древней Иллирии, в Мизии, повинуются властителям чужеземным, а некоторые забыли и самый язык отечественный.

* Фессалоники — ныне г. Салоники в Греции.

** Морей — здесь: Греция.

О славянах и других народах, составивших государство Российское

Нестор пишет, что славяне издревле обитали в странах Дунайских и, вытесненные из Мизии болгарами, а из Паннонии волохами (донные живущими в Венгрии)*, перешли в Россию, в Польшу и другие земли. Сие известие о первобытном жилище наших предков взято, кажется, из византийских летописцев, которые в VI веке узнали их на берегах Дуная; однако ж Нестор в другом месте говорит, что св. Апостол Андрей, проповедуя в Скифии имя Спасителя, поставив крест на горах киевских, еще ненаселенных, и предсказав будущую славу нашей древней столицы, доходил до Ильменя и нашел там славян: следственно, они, по собственному Несторову сказанию, жили в России уже в первом столетии и гораздо прежде, нежели болгары, утвердились в Мизии. Но вероятно, что славяне, угнетенные ими, отчасти действительно возвратились из Мизии к своим северным единоземцам; вероятно и то, что волохи, потомки древних гетов и римских всельников Траянова времени в Дакии, уступив сию землю готфам, гуннам и другим народам, искали убежища в горах и, видя, наконец, слабость аваров, овладели Трансильваниею и частью Венгрии, где славяне должныствовали им покориться.

Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем венедов известные на восточных берегах моря Балтийского славяне в то же время обитали и внутри России; может быть андрофаги, меланхлены, невры Геродотовы принадлежали к их племенам многочисленным. Самые древние жители Дакии, геты, покоренные Траяном, могли быть нашими предками: сие мнение тем вероятнее, что в русских сказках XII столетия упоминается о счастливых войнах Траяновых в Дакии и что славяне российские начинали, кажется, свое летосчисление от времен сего мужественного императора. Заметим еще какое-то древнее предание народов славянских, что праотцы их имели дело с Александром Великим, победителем гетов. Но историк не должен предлагать вероятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников. Итак, оставляя без утвердительного решения вопрос: „Откуда и когда славяне пришли в Россию?“, — опишем, как они жили

* Волохи (плахи) — предки румын (прим. Н. М. Карамзина).

в ней задолго до того времени, в которое образовалось наше государство.

Многие славяне, единоплеменные с ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской губернии и назвались полянами от чистых полей своих. Имя сие исчезло в древней России, но сделалось общим именем ляхов, основателей государства польского. От сего же племени славян были два брата, Радим и Вятко, главами радимичей и вятичей: первый избрал себе жилище на берегах Сожа, в Могилевской губернии, а второй на Оке, в Калужской, Тульской или Орловской. Древляне, названные так от лесной земли своей, обитали в Волынской губернии; дулебы и бужане по реке Бугу, впадающему в Вислу; лутичи и тивирцы по Днестру до самого моря и Дуная, уже имея города в земле своей; белые хорваты в окрестностях гор Карпатских; северяне, соседи полян, на берегах Десны, Семи и Сулы, в Черниговской и Полтавской губернии; в Минской и Витебской, между Припятью и Двиною Западною, дреговичи; в Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, в верховьях Двины, Днепра и Волги, кривичи; а на Двине, где впадает в нее река Полота, единоплеменные с ними полочане; на берегах же озера Ильменя собственно так называемые славяне, которые после Рождества Христова основали Новгород.

К тому же времени летописец относит и начало Киева, рассказывая следующие обстоятельства: „Братья Кий, Щек и Хорив, с сестрой Лыбедью, жили между полянами на трех горах, из коих две слыгут по имени двух меньших братьев, Щековицею и Хоривицею; а старший жил там, где ныне (в Нестерово время) Зборичев взвоз. Они были мужи знающие и разумные; ловили зверей в тогдашних густых лесах днепровских, построили город и назвали оный именем старшего брата, т. е. Киевом. Некоторые считают Кия перевозчиком, ибо в старину был на сем месте перевоз и назывался Киевым; но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как сказывают, в Константинополь и приял великую честь от царя греческого; на возвратном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем; но жители дунайские не дали ему там утвердиться и доньне именуют сие место городищем Киевцом. Он скончался в Киеве, вместе с двумя братьями и сестрою,„ Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях: отдаленный многими веками от случаев, здесь описанных, мог ли он ручаться за истину предания, всегда обманчивого, всегда не-

верного в подробностях? Может быть, что Кий и братья его никогда в самом деле не существовали, и что вымысел народный обратил названия мест, неизвестно от чего происшедшие, в названия людей. Имя Киева, горы Щековицы — ныне Скавицы — Хоривицы, уже забытой, и речки Лыбеди, впадающей в Днепр недалеко от новой киевской крепости, могли подать мысль к сочинению басни о трех братьях и сестре их: чему находим многие примеры в греческих и северных повествователях, которые, желая питать народное любопытство, во времена невежества и легковерия, из географических названий составляли целые истории и биографии. Но два обстоятельства в сем Несторовом известии достойны особенного замечания: первое, что славяне киевские издревле имели сообщение с Царемградом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов россиян в Грецию. Дулебы, поляне днепровские, лутичи и тивирцы могли участвовать в описанных нами войнах славян дунайских, столь ужасных для империи, и заимствовать там разные благодетельные изобретения для жизни гражданской.

Летописец не объявляет времени, когда построены другие славянские, также весьма древние города в России: Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов; знаем только, что первые три основаны кривичами и были уже в IX веке, а последние в самом начале X; но они могли существовать и гораздо прежде. Чернигов и Любеч принадлежали к области северян.

Кроме народов славянских, по сказанию Нестора, жили тогда в России и многие иноплеменные: меря вокруг Ростова и на озере Клещине, или Переславском; мурома на Оке, где сия река впадает в Волгу; черемиса, мещера, мордва на юго-восток от мери; ливь в Ливонии; чудь в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; нарва там, где Нарва; ямь, или емь, в Финляндии; весь на Белоозере; пермь в губернии сего имени; югра, или нынешние березовские остяки, на Оби и Со-све; печора на реке Печоре. Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена или смешались с россиянами, но другие существуют и говорят языками столь между собой сходственными, что можем несомнительно признать их, равно как и лапландцев, зырян, остяков обских, чувашей, вотяков, народами единоплеменными и назвать вообще финскими. Уже Тацит в первом столетии говорит о соседственных с венедами финнах, которые жили издревле в полунощной

Европе. Лейбниц и новейшие шведские историки согласно думают, что Норвегия и Швеция были некогда населены ими, — даже самая Дания, по мнению Гроция. От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины европейского севера на восток до Сибири, до Урала и Волги рассеялись многочисленные племена финнов. Не знаем, когда они в России поселились, но не знаем также и никого старобытнее их в северных и восточных ее климатах. Сей народ, древний и многочисленный, занимавший и занимающий такое великое пространство в Европе и в Азии, не имел историка, ибо никогда не славился победами, не отнимал чуждых земель, но всегда уступал свои: в Швеции и Норвегии готфам, а в России, может быть, славянам, и в одной нищете искал для себя безопасности, „не имея (по словам Тацита) ни домов, ни коней, ни оружия, питаюсь травами, одеваясь кожами звериными, укрываясь от непогод под сплетенными ветвями“. В Тацитовом описании древних финнов мы узнаем отчасти и нынешних, особенно же лапландцев, которые от предков своих наследовали и бедность, и грубые нравы, и мирную беспечность невежества. „Не боясь ни хищности людей, ни гнева богов (пишет сей красноречивый историк), они приобрели самое редкое в мире благо: счастливую от судьбы независимость!“

Но финны российские, по сказанию нашего летописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описывает их римский историк, имели не только постоянные жилища, но и города: весь — Белоозеро, меря — Ростов, мурома — Муром. Летописец, упоминая о сих городах в известиях IX века, не знал, когда они построены.

Древняя история скандинавов (датчан, норвежцев, шведов) часто говорит о двух особенных странах финских, вольных и независимых: Кириландии и Биармии. Первая от Финского залива простиралась до самого Белого моря, вмещала в себе нынешнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской губернии; граничила на восток с Биармиею, а на северо-запад — с Квенландиею, или Каяниєю*. Жители ее беспокоили набегами земли соседственные и славились мнимым волшебством еще более, нежели храбростию. Биармиею называли скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры, за которой они воображали Иотунгейм, отчизну ужасов природы и злого чаро-

* Квенландия, или Каяния, — в древности пограничные области, с нынешней Карелией.

действия. Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губернии. Исландские повести наполнены сказаниями о сей великой финской области, но баснословие их может быть любопытно для одних легковерных. Первое действительно историческое свидетельство о Биармии находим в путешествии норвежского мореходца Отера, который в девятом веке окружил Норд-Кап, доплывал до самого устья Северной Двины, слышал от жителей многое о стране их и землях соседственных, но сказывает единственно то, что народ биармский многочислен и говорит почти одним языком с финнами.

Между сими иноплеменными народами, жителями или соседями древней России, Нестор именует еще летголу (ливонских латышей), зимголу (в Семигалии), корсь (в Курляндии) и литву, которые не принадлежат к финнам, но вместе с древними пруссами* составляют народ латышский. В языке его находится множество славянских, довольно готфских и финских слов, из чего основательно заключают историки, что латыши происходят от сих народов. С великою вероятностью можно определить даже и начало бытия их. Когда готфы удалились к пределам империи, тогда веныды и финны заняли юго-восточные берега моря Балтийского; смешались там с остатками первобытных жителей, т. е. с готфами; начали истрелять леса для хлебопашества и прозвались латышами, или обитателями земель расчищенных; ибо лата знаменует на языке литовском расчищение. Их, кажется, называют Иорнанд видвариями, которые в половине шестого века жили около Данцига и состояли из разных народов, с чем согласно и древнее предание латышей, уверяющих, что их первый государь, именем Видвут, царствовал на берегах Вислы и там образовал народ свой, который населил Литву, Пруссию, Курляндию и Летландию, где он и донныне находится и где, до самого введения христианской веры, управлял им северный далай-лама, главный судия-священник, криве, живший в прусском местечке Ромове.

Многие из сих финских и латышских народов, по словам Нестора, были данниками россиян: должно разуметь, что летописец говорит уже о своем времени, то есть о XI веке, когда предки наши овладели почти всею нынешнею Россиею европейскою. До времен Рюрика и Олега они не могли быть

* Пруссы — балтийское племя.

великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам; не думали соединять народных сил в общем правлении и даже изнуряли их войнами междоусобными. Так, Нестор упоминает о нападении древлян, лесных обитателей, и прочих окрестных славян на тихих полян киевских, которые более их наслаждались выгодами состояния гражданского и могли быть предметом зависти. Люди грубые, полудикие не знают духа народного и хотят лучше вдруг отнять, нежели медленно присвоить себе такие выгоды мирным трудолюбием. Сие междоусобие предавало славян российских в жертву внешним неприятелям. Обры, или авары, в VI и VII веке господствуя в Дакии, повелевали и дулебами, обитавшими на Буге; нагло оскорбляли целомудрие жен славянских и впрягали их, вместо волов и коней, в свои колесницы; но сии варвары, великие телом и гордые умом (пишет Нестор), исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их долго была половицею в земле Русской.

Скоро явились другие завоеватели: на юге — козары, варяги — на севере.

Козары, или хазары, единоплеменные с турками, издревле обитали на западной стороне Каспийского моря, называемого Хазарским в географиях восточных. Еще с третьего столетия они известны по армянским летописям: Европа же узнала их в IV веке вместе с гуннами, между Каспийским и Черным морем, на степях астраханских. Атилла властвовал над ними: болгары также, в исходе V века; но козары, все еще сильные, опустошали между тем южную Азию, и Хозрой, царь персидский, должен был заградить от них свои области огромною стеною, славною в летописях под именем Кавказской и донныне еще удивительною в своих развалинах. В VII веке они являются в истории византийской с великим блеском и могуществом, дают многочисленное войско в помощь императору (который из благодарности надел диадему царскую на их кагана, или хакана, именуя его сыном своим); два раза входят с ним в Персию, нападают на угров, болгар, ослабленных разделом сыновей Кувратовых, и покоряют всю землю от устья Волги до морей Азовского и Черного, Фанагорию, Боспор и большую часть Тавриды, называемой потом несколько веков Козариею. Слабая Греция не смела отражать новых завоевателей: ее цари искали убежища в их станах, дружбы и родства с каганами; в знак своего к ним почтения украшались в некоторые торжества одеждою козарскою и стражу свою составили из сих храбрых азиат-

цев. Империя в самом деле могла хвалиться их дружбою, но, оставляя в покое Константинополь, они свирепствовали в Армении, Иверии, Мидии; вели кровопролитные войны с аравитянами, тогда уже могущественными, и несколько раз побеждали их знаменитых калифов.

Рассеянные племена славянские не могли противиться такому неприятелю, когда он силу оружия своего в исходе VII века, или уже в VIII, обратил к берегам Днепра и самой Оки. Жители киевские, северяне, радимичи и вятичи признали над собой власть каганову. „Киевляне, — пишет Нестор, — дали своим завоевателям по мечу с дыма, и мудрые старцы козарские в горестном предчувствии сказали: „Мы будем данниками сих людей: ибо мечи их остры с обеих сторон, а наши сабли имеют одно лезвие“...“ Басня, изобретенная уже в счастливые времена оружия российского, в X или XI веке! По крайней мере, завоеватели не удовольствовались мечами, но обложили славян иною данью и брали, как говорит сам летописец, „по белке с дома“: налог весьма естественный в землях северных, где теплая одежда бывает одною из главных потребностей человека и где промышленность людей ограничивалась только необходимым для жизни. Славяне, долго грабив за Дунаем владения греческие, знали цену золота и серебра; но сии металлы еще не были в народном употреблении между ними. Козары искали золота в Азии и получали его в дар от императоров; в России же, богатой единственно дикими произведениями природы, довольствовались подданством жителей и добычею их звериной ловли. Иго сих завоевателей, кажется, не угнетало славян: по крайней мере летописец наш, изобразив бедствия, претерпленные народом его от жестокости обрвов, не говорит ничего подобного о козарах. Все доказывает, что они имели уже обычаи гражданские. Хань их жили издавна в Балангиаре, или Ателе* (богатой и многолюдной столице, основанной близ волжского устья Хосроем, царем персидским), а после в знаменитой купечеством Тавриде. Гунны и другие азиатские варвары любили только разрушать города, но козары требовали искусных зодчих от греческого императора Феофила и построили на берегу Дона, в нынешней земле козаков, крепость Саркел для защиты владений своих от набега кочующих народов; вероятно, что Каганово горо-

* Балангиар, Атель — древние названия столицы Хазарского каганата — Итиля.

дище близ Харькова и другие, называемые козарскими, близ Воронежа, суть также памятники их древних, хотя и неизвестных нам городов. Быв сперва идолопоклонники, они в осьмом столетии приняли веру иудейскую, а в 858 [году] христианскую... Ужасая монархов персидских, самых грозных калифов, и покровительствуя императоров греческих, козары не могли предвидеть, что славяне, поработанные ими без всякого кровопролития, ниспровергнут их сильную державу.

Но могущество наших предков на юге долженствовало быть следствием подданства их на севере. Козары не властвовали в России далее Оки: новгородцы, кривичи были свободны до 850 года. Тогда — заметим сие первое хронологическое показание в Несторе — какие-то смелые и храбрые завоеватели, именуемые в наших летописях варягами, пришли из-за Балтийского моря и наложили дань на чудь, славян ильменских, кривичей, мерю, и хотя были чрез два года изгнаны ими, но славяне, утомленные внутренними раздорами, в 862 году снова призвали к себе трех братьев варяжских, от племени русского, которые сделались первыми властителями в нашем древнем отечестве и по которым оно стало именоваться Русью» [108].

Послесловие

Как вы заметили, уважаемый читатель, в книге часто встречаются слова: по-видимому, возможно, наверное, вероятно и т. д. У вас могут возникнуть вопросы: ругая мифотворчество, не новые ли мифы создает автор; насколько можно ему верить; насколько автор сведущ в теме, о которой рассуждает?

Автор ни в коем случае не претендует на истину в последней инстанции, ибо в Писании сказано, что все наши мудрости и все наши пророчества отчасти. Целого в нас нет. Целое только в Боге.

Прямых и очевидных доказательств у автора нет и быть не может, так как современная историческая наука проблемой происхождения венедов особо и не занималась. Отрывочные сведения, касающиеся венедской проблемы, пришлось собирать из различных источников из разных отраслей науки. А быть профессионалом во всем еще никому не удавалось. По этой причине обвинения в адрес автора в непрофессионализме будут им полностью приняты, а все дельные советы, возражения и замечания профессионалов будут им обязательно учтены в дальнейшем.

Автор и не задавался целью полностью осветить тему. Свою задачу он видел только в постановке вопроса: может, история развивалась таким вот образом? И только. Как говорится, один факт — это случайность, два — статистика, а три — закономерность. В нашем случае мы имеем достаточно большое количество фактов, говорящих нам об одном и том же, а именно: прародина венедов находилась в Иране, под горой Демавенд.

Чтобы полностью решить проблему (подтвердить правильность представленных выводов или установить их ложность), необходимо провести исследования по широкому кругу вопросов, затрагивающих многие разделы научных знаний:

из истории древнего судостроения;

из области лингвистики и сравнительного языкознания;

из истории сельского хозяйства (а это бортничество, и сведения о происхождении культурных злаков в различных регионах Европы, и др.);

из истории развития торговых отношений в разных регионах Европы и т. д.

А для этого нужны усилия многих специалистов. Однако окончательно проблему можно разрешить только на месте. То есть там, где, как и предполагается, должна была быть прародина венедов. Для этого необходимо провести археологические исследования в Иране, а точнее, в иранских провинциях Мазендаран и Гилян, где, как уверен автор, нас ждут большие открытия.

Источники и литература

1. *Александров В. А.* Русское наследие Сибири XVII—XVIII вв. М.: Наука, 1964.
2. *Алешковский М. Х., Воробьев А. В.* Новгородский кремль. Л.: Лениздат, 1972.
3. *Амельченко В. В.* Дружины Древней Руси. М.: Воениздат, 1992.
4. *Ахуджа А., Гусева Н.* Тайные истоки видимых рек//Техника молодежи, 1982, № 8.
5. *Бадигин К.* По студеным морям. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1956.
6. *Бартольд В. А.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.
7. *Белов М. И., Овсянников О. В., Стариков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. Л.: Гидрометеоздат, 1980.
8. *Бехар.* Стихотворения/Пер. с персид. Л. Н. Гумилева. Л., 1959.
9. *Борисов В. М.* Парус на лодке. Л.: Судостроение, 1985.
10. *Васильева Е., Халифман И.* Сквозь толщу лет: Повести и очерки. М.: Советский писатель, 1982.
11. *Винклер П.* Оружие: Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М., 1992.
12. *Виташевская М. Н.* Афанасий Никитин. М.: Географгиз, 1950.
13. *Галкин Л. П.* Откуда „приплыли“ каменные ладьи?//Наука и жизнь, 1991, № 9.
14. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
15. *Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И.* Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука (Сиб. отд-ние), 1989.
16. *Генриот Э.* Краткая иллюстрированная история судостроения. Л.: Судостроение, 1974.
17. *Глушко Е., Медведев Ю.* Словарь славянской мифологии: Русский купец и братья славяне. Н. Новгород, 1995.
18. *Городничев В. С., Попов Г. П.* Краткий очерк развития кораблестроения. Вып. 1. Л.: изд. ВВМИОЛУ им. Дзержинского, 1954.
19. *Гуляев В. И.* Доколумбовы плавания в Америку: Мифы и реальность. М.: Международные отношения, 1991.
20. *Гумилев Л. Н.* Бахрам Чубин//Проблемы востоковедения, 1960, № 3.
21. *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. Л.: Наука (Лен. отд-ние), 1990.
22. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: ТОО «Клышников—Комаров и К°», 1993.
23. *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. СПб.: ЮНА, 1992.
24. *Гумилев Л. Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. М.: ТОО «Мишель и К°», 1993.
25. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1982.

26. *Денисова Г. А.* Удивительный мир растений. М.: Просвещение, 1972.
27. *Дитмар А. Б.* Рубежи ойкумены. М.: Мысль, 1973.
28. *Дыгало В., Аверьянов М.* История корабля. М.: Изобразительное иск-во, 1991.
29. *Емельянов Ю. В., Крысов Н. А.* Справочник по маломерным судам. М.: Судпромгиз, 1950.
30. *Загоскин Н. П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси. Казань, 1910.
31. *Залстертс А.* Рижский корабль//Катера и яхты, 1986, № 4.
32. *Казаков Б. И.* Осколки луны. М.: Знание, 1991.
33. *Катцер С.* Флот на ладони. Л.: Судостроение, 1985.
34. *Кирпичников А., Юрасовский А., Семенов В.* Русские доспехи X—XII веков: Сборник открыток. М.: Изобразительное иск-во, 1991.
35. *Кондратов А. М.* Атлантиды моря Тетис. Л.: Гидрометеоздат, 1986.
36. *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. М.: Наука, 1982.
37. *Кулаков В. С.* Милого севера в сторону южную//Наука и жизнь, 1991, № 9.
38. *Кундышева Э.* На ладье по Балтике//Аргументы и факты, 1995, 10 марта.
39. *Лихачев Л. С. и др.* Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.
40. *Малкин В.* Почему реку назвали Гусем?//Наука и жизнь, 1991, № 9.
41. *Марквардт К. Х.* Рангоут, такелаж и паруса судов XVIII века. Л.: Судостроение, 1991.
42. *Мурзаев Э.* Непроторенными путями. Записки географа. Изд. 2-е. М.: Гос. изд-во географической лит-ры, 1950.
43. *Никитин А.* Ошибка древнего географа//Вокруг света, 1986, № 12.
44. *Новиков Ю. Ф.* Человек, машина, земля. М.: Машиностроение, 1976.
45. *Нойкирхен Г.* Мореплавание вчера и сегодня. Л.: Судостроение, 1977.
46. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию//Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев/Под. ред. Ю. А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1986.
47. *Откупщиков Ю. В.* К истокам слова. М.: Просвещение, 1986.
48. *Паранин В. И.* Историческая география летописной Руси. Петрозаводск: Карелия, 1990.
49. *Пигулевская Н. В.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958.
50. *Платонов А.* Священные камни земли Вантит//Аномалия. Научно-информ. вестник ИТАР-ТАСС, 1992, № 2.
51. *Разумов Г. А., Хасин Н. Ф.* тонущие города. М.: Стройиздат, 1991.
52. *Ромодин В. А.* История Афганистана. Т. 1. М., 1964.
53. *Русецкий И.* Восьмое путешествие Синбада//Катера и яхты, 1983, № 1.
54. *Рыбаков Б.* «...Кто в Киеве нача перве княжити...»//Наука и Жизнь, 1982, № 4.
55. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948.

56. *Семенов Л. С.* Путешествие Афанасия Никитина. М.: Наука, 1980.
57. *Сергеев В. В., Тарасов Л. К.* Горьковский музей ремесленного флота//Судостроение, 1987, № 9.
58. *Снисаренко А. Б.* Рыцари удачи. СПб.: Судостроение, 1991.
59. *Татищев В. Н.* История Российская с древнейших времен в 7 томах. Т. 1..
60. *Татищев В. Н.* Лексикон Российской исторической, политической и гражданской//Избранные произведения. Л., 1979.
61. *Тодоров И., Водничаров Г.* Кораби и корабни модели. София: Техника, 1975.
62. *Успенский Л. В.* Имя дома твоего. Л.: Лениздат, 1974.
63. *Федоров М.* Онего (фотографии). Петрозаводск: Карелия, 1988.
64. *Фер Г.* Плавания Баренца. Л., 1936.
65. *Фиркс И.* Суда викингов. Л.: Судостроение, 1982.
66. *Формозов А. А.* Археологические путешествия. М.: Наука, 1974.
67. *Халилов С.* Откуда Таруса//Наука и жизнь, 1989, № 5.
68. *Халилов С.* Суздаль: Гипотезы, предположения, догадки//Наука и жизнь, 1983, № 9.
69. *Ханке Х.* Люди, корабли, океаны. М.: Прогресс, 1984.
70. *Хейердал Т.* Мальдивская загадка. М.: Прогресс, 1988.
71. *Хейердал Т.* Тайна тысячи островов//Вокруг света, 1987, № 11.
72. *Цезарь Ю.* Записки о галльской войне. СПб.: Азбука, 1998.
73. *Чекмаров В. К.* Астраханская бударка//Катера и яхты, 1967, № 12.
74. *Шершов А. П.* К истории военного кораблестроения. М.: Военмориздат, 1952.
75. *Шубин И. А.* Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927.
76. *Яковлев И. И.* Корабли и верфи. Л.: Судостроение, 1970.
77. Архангельский областной архив, ф. 1025, свиток, л. 43.
78. Большая советская энциклопедия. Т. 20, 1953.
79. Всемирная история. Т. 2. 1956.
80. Из истории мореплавания (набор открыток). Вып. 1. М.: Планета, 1988.
81. Ислам//Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991.
82. История Европы. С древнейших времен до наших дней. Т. 1, 2. М.: Наука, 1988.
83. ЛОИИ, ф. Рукописи Археологической комиссии, кн. 108, л. 108.
84. Морской энциклопедический справочник. Л.: Судостроение, 1986.
85. Страны и народы: Справочник. М., 1979.
86. Судно, которому пятьсот лет//Катера и яхты, 1991, № 4.
87. ЦГАДА, ф. 214, кн. 84, л. 3.
88. ЦГАДА, ф. 214, стб. 635, л. 113.
89. *Akerlund H.* Fartygsfynden i den forna hammen i Kalmar. Uppsala, 1951.
90. *Crumlin-Petersen O.* Cog — Kogg — Kaag. Kopenhagen, 1965.
91. *Dudszus A., Henriot E., Krumrey F.* Das grosse Buch der Schiffstypen. Transpress VEB Verlag für Verkehrswesen. Berlin, 1987.
92. *Flindner S.* Die Bremer Kogg. (2 Aufl.) Bremen, 1968.
93. *Heinsius P.* Das Schiff der hansischen Frühzeit. Weimar. 1956.

94. *Hinek V., Klucina P.* Valecne lode. Praha: Naze voisko. 1985.
95. *Humbla P.* Galtabackbaten och tidigt bathyggeri i Norden. Gцteborg, 1937.
96. *Rudolph W.* Bateaux-Radeaux-Navires. Alterburg, 1975.
97. *Timmerman G.* Zeichnerische Festlegung der Schiffsform in Vergangenheit. H. 1. Schiffund. Hafen, 1961.
98. *Пришвин М.* Избранное/В краю непуганных птиц: Очерки Выгодского края. М.: Правда, 1977.
99. Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа. СПб., 1994.
100. Священник Александр Захаров. К кому нам идти. СПб., 2001.
101. *Петухов Ю. Д.* Тайны земли Русской. Тайны древних русов. М.: Вече, 2001.
102. *Платонов А. В.* Руническая магия. М., 1994.
103. *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989.
104. *Троцкий Т.* Берега реки Непрядвы. Тула, 1987.
105. Чуканов Ю. Огненное сердце Севера//Новый Петербург, 2002, № 46 (570), 14 ноября.
106. *Щербаков В. И.* Асгард и ваны. Дорогами тысячелетий. М., 1989.
107. *Bord Y.* The secret countri. London, 1978.
108. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М.: ЭКСМО, 2002.

Оглавление

От автора	3
Глава I. Ганза, коги, Горган	6
Глава II. Загадки поморских судов	25
Глава III. Великий трансконтинентальный Волжский путь	73
Глава IV. Восток есть Восток, а Запад есть Запад, и вместе им не бывать никогда?	105
Глава V. Флот царя Дария	135
Глава VI. Лодки из Усть-Ижоры	167
Глава VII. Откуда пошла Русская земля	185
Глава VIII. Воспоминания о прародине	221
Глава IX. Вандалы, веныды и прочие вандалята — «брызги» единого народа?!	266
Глава X. Взгляд с другого берега	329
Глава XI. Откуда булгары?	340
Глава XII. Иран древний и современный	367
Глава XIII. Знаем ли мы историю России и Европы?	382
Послесловие	410
Источники и литература	411

Научно-популярное издание

Сергей Георгиевич Дмитренко

МОРСКИЕ ТАЙНЫ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Главный редактор *Н. Л. Волковский*. Редактор *И. В. Петрова*.
Технический редактор *И. В. Буздалева*. Корректор *И. А. Шабранская*.
Компьютерная верстка *Н. С. Сидельниковой*.
Компьютерная графика *А. В. Аракчеева*

ЛР ИД № 03073 от 23.10.2000 г.
Подписано в печать 3.11.2003. Формат 84×108 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура TimeRoman. Физ. печ. л. 13,0.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 5000 экз. Зак. № .
ООО «Издательство «Полигон»,
194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40.
Тел./факс: 542-91-12. E-mail: polygon@rol.ru